

С. П. БЕЛИЦ-ГЕЙМАН,
заслуженный тренер СССР,
кандидат педагогических наук

ИСКУССТВО ТЕННИСА

Издательство
«Физкультура и спорт»
Москва 1971

7А84
Б-44

Книга кандидата педагогических наук, заслуженного тренера СССР С. П. Белиц-Геймана освещает основные особенности современной техники и тактики тенниса и методики тренировки в этом виде спорта.

Ярко, в занимательной форме описываются поучительные матчи советских теннисистов с сильнейшими зарубежными игроками, даются характеристики выдающихся теннисистов мира. Особое внимание автор обращает на психологическую сторону соревнований.

Книга богато и оригинально иллюстрирована.

Предназначается тренерам, спортсменам и всем тем, кто интересуется теннисом.

6-9-2
Темплан
1970 г. № 179

ОТ ФЕДЕРАЦИИ ТЕННИСА СССР

Первый среди других видов спорта по темпам развития, первый по масштабам международных связей, второй после плавания по «географии» распространения — в этих официальных данных ЮНЕСКО лучшая характеристика тенниса, свидетельствующая о его непререкаемом авторитете в мировом спорте.

Все большую и большую популярность завоевывает теннис в нашей стране. Он неуклонно проникает в те ее далекие уголки, где о нем не знали даже понаслышке. Им увлекаются многие тысячи советских людей — рабочие и служащие, студенты и колхозники, академики и школьники. Он доступен всем и каждому, от мала до велика.

Лучшие представители советского тенниса вышли на широкую международную арену. Им не покорились еще, правда, вершины теннисного Олимпа, но они упорно штурмуют их. Особое место в истории отечественного тенниса занимают 1958—1969 годы, когда советские спортсмены стали регулярно участвовать в крупнейших международных соревнованиях. Но, к сожалению, освещался этот период в нашей периодической печати, да и в вышедших книгах довольно скупо. Между тем выступления наших теннисистов в официальных международных турнирах и подробный анализ этих соревнований представляют большой интерес для любителей тенниса.

Автор книги «Искусство тенниса» — главный тренер Федерации тенниса СССР, заслуженный тренер СССР, кандидат педагогических наук С. П. Белиц-Гейман — чаще других наших специалистов был свидетелем памятных теннисных встреч. Много и плодотворно потрудился он и над улучшением системы подготовки советских игроков. На его вооружении богатый личный соревновательный опыт. Ему, «главному методологу» нашего тенниса, как его нередко называют, и карты в руки.

Рассказывая о минувших соревнованиях, раскрывая игровые «характеры» ведущих советских и зарубежных теннисистов, Белиц-Гейман в своей книге ни на минуту не забывает и о новейших веяниях мирового тенниса. Каждый факт, к какому бы времени он ни относился, Белиц-Гейман пытается осветить под углом зрения сегодняшнего, а подчас и завтрашнего дня.

Пожалуй, самым сложным и пока еще наименее разработанным разделом «науки побеждать» является психологическая подготовка теннисистов. Значение психологических факторов для успехов в сражениях на большой международной арене нельзя недооценивать. И то обстоятельство, что автор книги разбор всех матчей проводит не только со стороны их технического и тактического «содержания», но и с анализом психологии теннисистов, бесспорно, принесет большую пользу тренерам и спортсменам, поможет им глубже вникнуть в тайны игры.

Период участия наших теннисистов в крупных международных соревнованиях ознаменовался активными творческими исканиями советских спортивных специалистов, совершенствованием системы тренировки, развертыванием научной работы. Теория и практика советского тенниса значительно обогатились. Опираясь на накопленный опыт, автор посвятил значительную часть книги главным положениям отечественной школы тактики и основным установкам в технической, физической и психологической подготовке, создающим необходимые предпосылки для активной атлетической игры. Эти вопросы — наиболее существенны для дальнейшего улучшения игры и методики тренировки наших спортсменов. Они не сходят с повестки дня деятельности Федерации тенниса СССР.

С. П. Белиц-Гейман был известен ранее как автор лишь учебно-методических пособий. Поэтому от него и сейчас многие ждали академически строгого трактата с научно-методической направленностью. Я рад констатировать: «Искусство тенниса» — не только содержательная и интересная книга. Она написана живым языком и доступна для самого широкого круга читателей.

И. А. Кулев, председатель
Федерации тенниса СССР

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Есть минуты, которые надолго врезаются в память. А некоторые становятся даже «вечными спутниками» жизни. Особенно если переживаемое выходило за рамки личного.

Мне довелось пройти длинный, трудный, но очень интересный путь спортсмена. Начав этот путь восьмилетним мальчуганом, не умеющим держать ракету в руках, я окончил его мастером спорта, чемпионом СССР. Да и окончил ли? Хотя я вот уже почти пятнадцать лет не выступаю в соревнованиях, я и по сей день, что греха таить, все еще часто вспоминаю «дела минувших дней».

И до сих пор иногда ругаю себя: «Ведь надо было в тот злополучный момент сыграть как-то по-иному, глядишь, и выиграл бы встречу!».

Но разве все эти воспоминания идут в сравнение с теми, что отложились в памяти после рубежного в моей жизни 1957 года, когда я перестал быть действующим игроком.

Теннисистам моего поколения не суждено было выйти на дорогу крупных международных соревнований. Другое дело теперь! Где только ни сражались посланцы нашего тенниса! Им аплодировали любители спорта Венгрии и Польши, Румынии и Чехословакии, Югославии и ГДР, Англии и Франции, Италии и Испании, ФРГ и Швеции, Дании и Финляндии, США и Мексики, Алжира и ОАР, Индии и Японии, Пакистана и Индонезии и многих других стран.

Конец моих спортивных выступлений как раз и совпал с выходом советских теннисистов на широкую международную арену. Закончив играть, я целиком отдался преподавательской, тренерской и научно-методической работе. И мне посчастливилось стать свидетелем многих теннисных турниров, в том числе и первых схваток наших игроков с властелинами зарубежных кортов. В копилку моей памяти вложено, и, я уверен, на всю жизнь, немало событий, о которых можно сказать, что это — незабываемая история советского тенниса.

...В середине июля 1966 года центр мирового тенниса переместился в Бостад. В этом небольшом городке на юге Швеции сильнейшие мастера мирового тенниса боролись за звание победителя открытого первенства Скандинавских стран.

И вот закончился финальный матч. Это была сенсация! На верхнюю ступеньку пьедестала почета поднялся советский теннисист А. Метревели. В финальном поединке он победил испанца М. Сантану — первую ракетку мира того года.

Десять тысяч зрителей стоя приветствовали виновника торжества. Началась церемония награждения победителей.

«Я приветствую рождение новой великой теннисной державы — Советского Союза и ее первенца — победителя турнира Метревели» — так начал свою речь президент Федерации тенниса Швеции.

Эти слова очень взволновали меня. Того, что происходило во время торжественной церемонии в дальнейшем, я почти не замечал. Мыслями я перенесся в 1958 год.

Первые робкие шаги наших теннисистов на непривычных травяных кортах родины тенниса Англии, первые матчи с грозными и тогда еще недоступными зарубежными мастерами, жаркие споры о путях развития нашего тенниса, тяжелые «болезни роста» и, наконец, первые, а потому и особенно радостные, победы — все это неудержимо плыло и плыло в моем сознании.

Турнир в Швеции от того памятного 1958 года отделяло около десяти лет. Но каких лет! Сколько интересных, захватывающих событий принесли они нашему теннису! И в приятные минуты его триумфа у меня возникла мысль: о наших пионерах на международной арене обязательно надо написать. Но многое смущало. Книги о былых спортивных событиях обычно принято писать в тех случаях, когда уже достигнуты выдающиеся результаты, скажем, завоевано первенство мира. А чем могут похвастаться наши теннисисты? Так стоит ли «ворошить» историю? Не лучше ли обождать?

Были сомнения и чисто личного характера. Ведь мне как главному тренеру Федерации тенниса СССР довелось быть не только свидетелем, но и непосредственным участником большинства событий знаменательного для нашего тенниса периода. А это неизбежно должно было придать отдельным фрагментам книги мемуарный характер. И имею ли я в этом случае моральное право быть ее автором? Тем более что за отдельными победами потоком лились обидные поражения.

Что же все-таки воодушевило меня взяться за перо? Прежде всего то, что теннис в нашей стране завоевывал все большую и большую популярность, передовой техникой и тактикой постепенно овладевало все большее число теннисистов, их игра приобретала явно выраженный атлетический характер. Лучшие представители нашего тенниса начали теснить иностранных мастеров на международных турнирах. Зарубежные теннисные авторитеты, особенно те, кто побывал на соревнованиях у нас в стране, в один голос заявляли: советский теннис по среднему уровню подготовки широкого круга спортсменов начинает приближаться к ведущим теннисным державам мира — Австралии, США, Англии, Франции, Италии.

Так в сомнениях, спорах с самим собой я шел к написанию этой книги.

Все довершил, казалось бы, незначительный случай. Как-то после обидного поражения нашей команды в матче Кубка Дэвиса собрались мы, представители Всесоюзного совета тренеров, у председателя Федерации тенниса СССР И. А. Кулева. Мнение присутствующих было единым: наша команда могла победить, но вновь (в который уж раз!) главной причиной поражения стали злополучные психологические факторы.

— А почему бы вам не написать книгу о сражениях советских теннисистов на международной арене, не раскрыть тайны поучительных поражений и первых побед, да и вообще не поведать широкому кругу любителей тенниса о событиях последнего теннисного десятилетия? — с такими словами обратился ко мне И. А. Кулев.

Признаться, это предложение отвечало моим тайным замыслам. Но я обратился с встречным вопросом, который не раз задавал самому себе:

— Стоит ли писать обо всем этом, если наш теннис двинулся вперед еще не так уж далеко?

— Так это и есть лучшее доказательство полезности такой книги. Ведь для более быстрого продвижения вперед необходимо глубоко осмыслить пройденный путь, а все поучительное собрать и возможно быстрее передать

широкому кругу теннисистов, тренеров, многочисленным любителям тенниса.

Эти слова И. А. Кулева прозвучали для меня заключительным аккордом. Я решил окончательно: буду писать. И ничего, что поражений пока больше, чем побед. Ведь как нет басни без морали, так и нет поражений без поучительных выводов.

Писал я, откровенно говоря, запоем. Меня увлек сам характер труда. Он превратился для меня не только в изложение событий, но и в процесс подробнейшего анализа фактов, познания характеров людей, стал своеобразной школой повышения собственной квалификации. Я пытался оценивать факты теннисной истории, смотря на них не только через призму прошлого, но и через призму настоящего и будущего. Все это помогло мне осмыслить и оценить события, глубже проникнуть в сокровенные тайны психологии теннисных сражений и, как мне кажется, заглянуть в будущее.

Настоящая книга — это не последовательная историческая хроника. В ней — наиболее поучительные, на мой взгляд, события, факты, крупицы опыта, методические рекомендации.

В книге переплетаются две линии повествования: обзорно-историческая и методическая. Так что получаются фрагменты истории как бы под методическим углом зрения. Последняя глава «Секреты активной игры» занимает в книге особое место. Она несколько отличается от своих предшественниц и характером изложения, так как целиком посвящена методическим проблемам. Эти проблемы — активизация игры и развитие атлетизма — были главными на методическом фронте нашего тенниса в последние годы и продолжают оставаться не менее актуальными и сейчас.

Фактический материал книги относится к минувшим дням. Однако это не значит, что она обращена к прошлому. Наоборот, по замыслу автора книга нацелена в завтрашний день, в будущее, которое должно использовать все полезное из истории, знать допущенные ошибки, чтобы не повторять их.

И последнее. Автор немало выступал в роли создателя «сухой литературы» — учебников, учебных пособий, инструктивных писем. Жанр живого рассказа, в котором сделана попытка написать настоящую книгу, для меня совершенно новый. А ведь во всяком новом деле многое удается не сразу...

ИСКУССТВО ТЕННИСА

Настоящая книга названа несколько необычно — «Искусство тенниса». Предвижу, что у читателя может возникнуть вопрос: а законно ли вообще рядом со словом «теннис» ставить слово «искусство»? Чтобы ответить на него, отправимся на соревнования и посмотрим поединки больших мастеров этого замечательного вида спорта.

...Судья занял свое место на вышке, объявил фамилии спортсменов, и грянул жаркий бой. На площадке стройные, хорошо атлетически подготовленные теннисисты. Их движения мягки, как-то по-особому пластичны, а когда необходимо, очень быстры и мощны. Один из игроков произвел атакующую подачу. Мяч стремительно врезался в площадку и отскочил вне досягаемости соперника. Искушенные в тонкостях тенниса зрители бурными аплодисментами наградили подающего. А собственно говоря, за что? Ведь игры как таковой еще не было. Один удар — и очко выиграно.

Подача — это главное разрушительное оружие современного тенниса, требующее очень высокого мастерства. За таким ударом стоят многие годы упорной работы, тончайшей шлифовки техники, атлетической подготовки. Попробуйте-ка выполнить атакующую подачу без солидной физической подготовки, сложного искусства сплавлять воедино усилия всех частей тела, умения производить движения свободно, как бы играючи, и одновременно с максимальной быстротой, мощью и с математической точностью. И при всем том подача принесет успех только при условии, если она будет напоминать безошибочный выстрел снайпера. А точность — это не только филигранная техника как бы в чистом виде, но и результат многотысячных упорных повторений.

Но вот подающий не сумел сразу «поразить» соперника мощным ударом, и на площадке завязывается интереснейшая комбинационная игра. Один за другим следуют разнообразные удары — точные, неповторимые по замыслу и тонкости исполнения. Маленький мячик, послушный мастерству и воле спортсменов, то убыстряя, то, наоборот, замедляя свой полет, беспрестанно меняя характер вращения, приземляется в разных точках площадки. Кажется, уже наступила развязка: соперник «выбит» с площадки и последовал сильный косой удар. Однако и на этот раз мяч покоряется воле мастера. Сделав стремительный рывок, который можно сравнить по скорости только с финишным броском легкоатлета-спринтера, теннисист в самую последнюю секунду настигает мяч и возвращает его на сторону соперника. И вот что на первый взгляд кажется странным. Тяжелейший рывок и завершающий его удар в сложнейших условиях выполнены как-то по-особому легко, свободно, естественно, казалось бы, без заметных усилий. Как тут не вспомнить старое спортивное изречение: искусство движений — в умении тяжелое, трудное делать легко и свободно.

Теннисист уверенно устремляется к сетке. Теперь его цель — ударом с лёта выиграть очко. Однако соперник настроен по-боевому. Следует, казалось бы, неотразимый острый обводящий удар. И все же в невероятном акробатическом прыжке игрок у сетки достает мяч и косым ударом выигрывает очко. На трибунах — овации. Удар вызвал восхищение. В нем, словно в фокусе мощных лучей, сконцентрировались на мгновенье смелость и решительность, высокое техническое мастерство и атлетические качества — быстрота, сила, ловкость.

А сколько в игре и других не менее красивых моментов, доставляющих зрителю подлинное наслаждение.

Так, наблюдая за игрой больших мастеров, вы получите истинно эстетическое удовольствие, будете любоваться искусством движений, по достоинству оцените атлетизм современной игры.

Но не только этим привлекателен теннис. Попробуем «вчитаться» в игру, раскрыть ее внутренний, интеллектуальный смысл. Теннисный матч — это не просто сумма ударов, даже самых совершенных по исполнению. Присмотритесь внимательно к соревнующимся, и вам покажется, что на площадке шахматисты, а в их руках особого рода фигуры — удары, которыми они реализуют оригинальные замыслы, словно каждый раз делая умный и тонкий шахматный ход. Не случайно, видимо, у теннисистов есть поговорка: «Матч играют ракетой, а выигрывают головой».

Теннисные соревнования — это борьба мысли, творческих замыслов, оригинальных тактических решений.

«Счастливые часов не наблюдают». Так и нас игра мастеров настолько увлекла, что мы забыли о времени. Взглянем на часы. Оказывается, прошло уже около трех часов, а конца матча еще не видно.

Он поистине всепоглощающ этот накал красивого, захватывающего теннисного единоборства с его суровым испытанием физических и духовных сил спортсменов, борьбой человеческих характеров, воли. Какой оборот примет игра, как будет действовать соперник? Ведь предвидеть это точно практически невозможно.

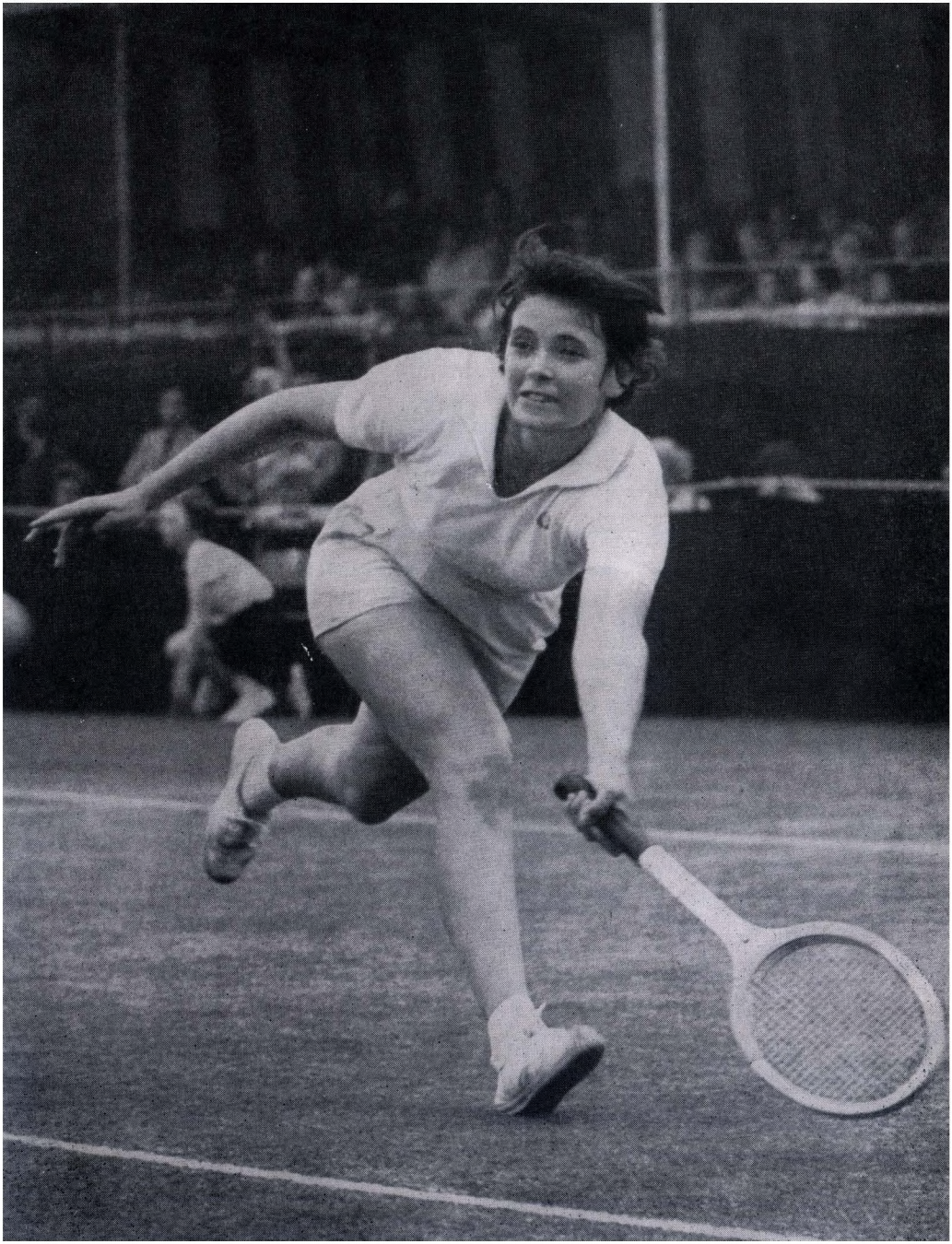
«Постоянная непостоянность» — так, пожалуй, можно охарактеризовать современную игру высокого класса.

Вернемся, однако, снова на корт. Всего только один удар отделяет лидирующего в счете теннисиста от долгожданной победы. Но соперник и не думает сдаваться. Всем своим невозмутимым видом, уверенной походкой он словно хочет сказать: не торжествуй раньше времени победу, ты набрал уже очень много очков, но последнее тебе никогда не достанется!

И как бы в подтверждение этих слов он смело выходит к сетке и кра-

---

Остановись, мгновенье! Позволь «вчитаться» в удар с лёта у сетки в исполнении многократной чемпионки СССР А. Дмитриевой. В этом одном ударе соединились словно в фокусе многие составляющие искусства тенниса. Удар в стремительном броске — это не «чистая техника». Это и яркое проявление атлетизма — квинтэссенции современного тенниса. Попробуйте-ка отразить мяч, если быстрота, ловкость и сила не стали вашими «родными» качествами. Не случайно только те женщины играют в остронаступательном стиле, кто сумел значительно улучшить свою физическую подготовку в соответствии с требованиями передовой тактики. Мы уверены, что вы по достоинству оцените также динамизм, подкупающую свободу и пластичность движений спортсменки. Всмотритесь внимательно в лицо Дмитриевой. Оно явно демаскирует ее внутреннюю напряженность, немалые волевые усилия. Совершенство, говорят, в простоте и естественности. И чтобы удары теннисиста стали такими «простыми» и естественными, необходимы многие годы напряженного творческого труда

сиво выигрывает именно то очко, которое могло быть для него роковым. С этого момента в игре наступает неожиданный перелом. Тот, кто был совсем близок к победе, начинает постепенно терять свое преимущество, а его соперник, бывший на грани поражения, наоборот, все решительнее набирает очки и, наконец, выигрывает матч. Как тут ни отдать дань уважения несгибаемой воле, непоколебимой вере в свои силы, искусству вести тонкую психологическую борьбу, искусству властвовать собой в самые критические минуты.

Мы возвращаемся со стадиона домой. Но мыслями мы все еще на площадке. Разве можно сразу забыть захватывающий матч, доставивший нам такое большое удовольствие.

Но мы еще не ответили на вопрос: можно ли слово «искусство» ставить рядом со словом «теннис»?

Можно! Современная игра подлинных мастеров, воплотившая в себе их яркий талант и колоссальное трудолюбие, поднимается до уровня своеобразного искусства — искусства мыслить, творить, властвовать собой, целесообразно и красиво действовать на площадке. Этому искусству и посвящена книга.

СОПЕРНИКОВ НЕОБХОДИМО ХОРОШО ЗНАТЬ

ВПЕРВЫЕ В МЕККЕ ЗАРУБЕЖНОГО ТЕННИСА

Задайте любому спортсмену, любому страстному поклоннику спорта вопрос: какое из соревнований ему больше всего хотелось бы посмотреть?

«Бесспорно, первенство мира»,— последует уверенный ответ.

И действительно, посмотреть встречи сильнейших игроков — мечта каждого тренера, преподавателя, спортсмена и, конечно, рядового болельщика. Что уж тут говорить о непосредственном участии в таком авторитетном соревновании.

Советские теннисисты долгое время не принимали участия в официальных международных соревнованиях. По классу игры наши спортсмены довольно значительно уступали представителям ведущих «теннисных» стран, и Федерация тенниса СССР не сразу решилась на участие в крупнейших мировых турнирах. И вот наконец лед тронулся.

1956 год. Все той же традиционной была жизнь общепризнанной зарубежной «Мекки» тенниса — Уимблдонского стадиона — самого крупного и старейшего теннисного стадиона Англии. Там, как всегда, собрались со всего света сильнейшие спортсмены — 128 мужчин и 96 женщин. И так же как последние 20 лет, судейскую коллегию возглавлял полковник в отставке Д. Лег. Как и всегда, все сидячие билеты на стадион были проданы уже в декабре предшествующего года.

Однако в тот год порог Уимблдонского стадиона впервые переступила группа советских теннисных наблюдателей, в которую входили тренеры и игроки. «Красные разведчики в Уимблдоне», «Таинственные наблюдатели», «Советы начали подготовку к штурму мирового тенниса» — чего только не писали жадные на сенсации бойкие зарубежные репортеры в то лето 1956 года. «Разведчики», правда, были вооружены скромно. Кино- и фотоаппараты, записные книжки, таблички для специальных записей игр — вот, пожалуй, и все, что у них было.

Неутомимая Н. С. Теплякова, словно заправский бухгалтер, ведет подсчет ударов, которыми австралиец К. Розуол и американец В. Сейксас набирают очки в драматическом полуфинальном матче (Сейксас вел в пятой партии 5 : 2 на своей подаче и проиграл встречу).

У любознательного Э. Я. Крее другая забота: он фотоаппаратом «ловит» наиболее примечательные положения сильнейших теннисистов при различных ударах.

Досадная «осечка» у Н. К. Каракаша — опытного тренера и не менее опытного кинооператора. Как на зло, именно в тот момент, когда ему удалось с колоссальным трудом протиснуться к площадке, где сражается прославленный австралиец Л. Хоад, вдруг «заедает» аппарат и пленка превращается в «салат».

Всем нам хотелось самым тщательным образом «вчитаться» в игру обще-

признанных фаворитов. Но одно дело хотеть, а другое осуществить желаемое. Только два билета на сидячие места на центральном корте, где проходили главные матчи,— таким был «голодный паек» всей нашей группы, состоящей из 18 человек. Поэтому смотреть игры удавалось только в порядке живой очереди.

Организаторы соревнований беспомощно разводили руками и произносили клятвенные заверения: «У нас нет никакой возможности улучшить ваше положение как зрителей, билеты все уже давным давно распроданы, а пропусков нет». Тогда мы наивно верили в искренность этих заверений. Однако потом, когда наши теннисисты стали выступать в Уимблдоне, мы поняли, что у организаторов соревнований было немало путей помочь нам. Видимо, наше положение новичков в мировом теннисе рождало и определенное к нам отношение.

Был и другой путь: покупать входные билеты на стоячие места. Такие места имеются и на центральном корте. Но там уже с раннего утра, задолго до начала соревнований зрители набиваются как сельди в бочке и, стоя почти все время на цыпочках, наблюдают за «отрывками» захватывающих матчей. И чтобы попасть на эти места в дни больших матчей, нужно пройти тяжелые предварительные испытания.

...Вечереет. Баталии на кортах подходят к концу. Первые зрители, «насытившись» интересными играми, покидают стадион. До ближайшей станции метро — путь около полутора километров. Вы вступили на этот путь, и перед вами — несколько тысяч каких-то странных «кочевников». Вот старушка вяжет, сидя на раскладном стульчике. Средних лет мужчина читает газету лежа на надувном матрасе. Рядом с ним под огромным зонтом, напоминающим гигантский гриб, мальчик неуверенно выводит буквы на маленькой грифельной доске. И все это людское сборище как бы вытянуто в длинную-длинную цепочку. Только на утро следующего дня, проведя ночь под открытым небом, «кочевники» получают право приобрести входной билет и первыми за 5 часов до начала игр броситься на стоячие места, которые будут им уже принадлежать по праву «завоевателей» весь день.

Правда, у обладателей входных билетов есть одна «лазейка». Работая локтями, они могут пробиваться на стоячие места у кортов без трибун. Однако там проводятся не самые интересные игры.

Используя всю свою изобретательность (коллективную и индивидуальную), мы тоже стараемся всеми возможными путями сделать все, чтобы собственными глазами посмотреть ключевые матчи. На центральном корте для нас словно показывался кинофильм с вырезанными кусками. Одна пара посмотрит 15 минут начало матча, а когда снова наступает ее очередь занять место на трибуне, встреча, как правило, уже подходит к концу. Так, передавая эстафету впечатлений от пары к паре, мы в конце концов формировали коллективное заключение о встрече в целом.

И все-таки перед нашими глазами предстал весь цвет мирового тенниса. Сколько ярких индивидуальностей, различных характеров! И каждый хорош чем-то именно своим. Как тут ни вспомнить выражение, что сила выдающегося спортсмена — в его индивидуальности.

А вот тактика словно едина. Теннисисты придерживаются ультраактивной игры: все решается двумя-тремя ударами, подающий сразу же выходит к сетке и старается выиграть очко ударом с лёта, а принимающий подачу при первой возможности контратакует, не-

редко осуществляя и встречный выход к сетке.

Вообразите, что вы смотрите интересный кинофильм, и вдруг из-за какой-то неисправности аппарата кадры начинают «бежать». Движения артистов становятся необычайно быстрыми. Нечто подобное ощущали и мы, когда впервые увидели игру сильнейших теннисистов на травяных площадках. Игра на траве по сравнению с привычной для нас игрой на грунте напоминала очень быстрый бег кинокадров.

Игра как будто подчинена закону: каждый из соперников выигрывает гейм на своей подаче. И стоит одному из соревнующихся проиграть такой гейм, как партия завершается в пользу соперника. Девиз теннисиста в каждой партии предельно ясен: «держать» свою подачу и вырвать хотя бы один гейм у подающего соперника.

Розыгрыш очка, как правило, быстротечен: два-три удара — и наступает развязка. Но вот парадокс: розыгрыш очка короткий, а матчи проходят в длительной многочасовой борьбе. Весь секрет в том, что теннисистам обычно долго не удается выиграть подачу соперника и счет неизменно растет и растет.

Сильнейшие спортсменки подражают в игре мужчинам. Они хорошо физически развиты, обладают сильной подачей, часто выходят к сетке. В парных соревнованиях женщины действуют также совсем по-мужски. Подающая сразу выходит вперед и вместе с партнершей занимает выгодную позицию у сетки. У принимающих подачу стремления те же: при первой возможности выдвинуться к сетке. Особенно нам понравилась быстрая, темпераментная американка Д. Харт, прозванная любителями тенниса «мальчишкой в юбке».

Здесь мне просто не терпится забежать вперед и поведать читателю, что и самые выдающиеся теннисистки последующих лет — А. Гибсон (США), М. Буэно (Бразилия), М. Смит-Корт (Австралия), Б. Моффит-Кинг (США) — были яркими представительницами остроатакующего стиля.

В чем же секрет травяного покрова? Овладеть этим секретом было просто необходимо. Ведь когда-то нашим теннисистам обязательно придется выступать на траве, а три из шести крупнейших мировых турнира — открытые первенства Англии, Австралии и США — всегда проводятся на травяных площадках.

«Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». И вот наконец мы «травяную игру» увидели собственными глазами. Но и этого оказалось явно недостаточно. Мало было услышать и увидеть, надо было еще и самим попробовать играть на траве, самим ее тонко прочувствовать.

Вспоминаю свой первый удар на траве. Вернее, это был не удар, а неудачная попытка его выполнить. Мяч настолько быстро отскочил от площадки, что я просто-напросто промахнулся по нему. Прошло немало времени пока наконец удалось чуть-чуть приспособиться к стремительному отскоку мяча. И все же когда мой соперник Корбут несколько раз сильно и косо подал, единственно что я успел сделать, так это беспомощно проводить мяч глазами. Тут-то и стали особенно ощутимы секреты «травяной игры».

Быстрый и низкий отскок мяча, значительно повышающий эффективность сильных плассированных ударов и создающий в игре стремительный темп,— вот, пожалуй, главная особенность травяных площадок. На таких площадках спортсмены действуют в условиях постоянного цейтнота, особенно при приеме сильной подачи.

На первый взгляд обоснован лишь такой совет для новичков «травяной

игры»: хочешь побеждать на траве, научись в два раза быстрее бегать. Однако необходима не только быстрота бега. «Сцепление» подошв теннисных туфель с травяным покровом очень сильное. Поэтому подбегать к мячу со своеобразным скольжением, которое характерно для передвижения по грунту, практически невозможно. Попытки скольжения приводят к стопориванию, жесткой остановке. В результате игрок словно «натыкается» на мяч. Поэтому на траве требуется не только очень быстрая, но и очень мягкая, пружинистая, «ступающая» «работа» ног.

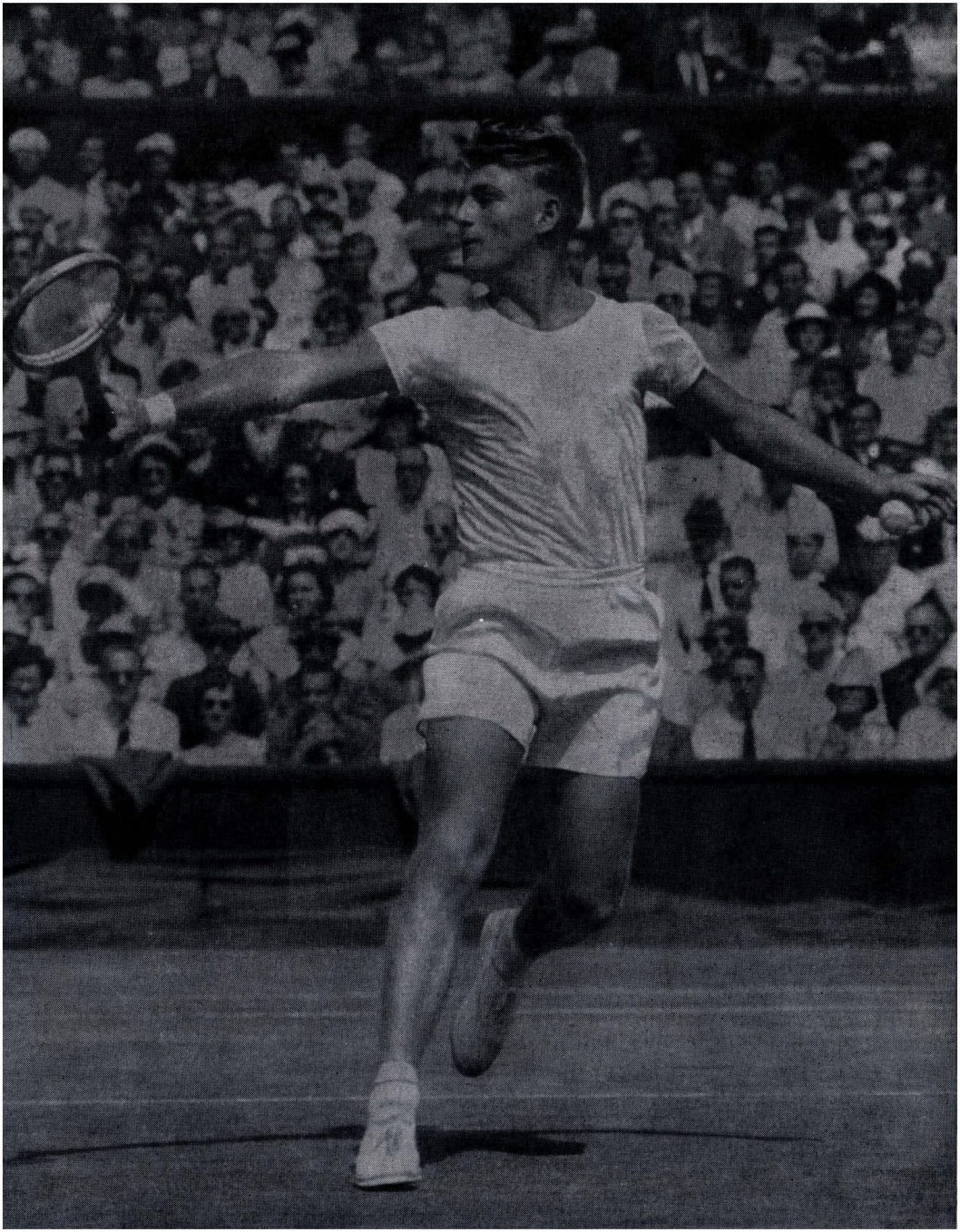
Наступательный, темповый характер игры накладывает определенный отпечаток и на предсоревновательную разминку. Особенно показательна была в этом отношении подготовка к матчу чемпиона Уимблдона Л. Хоада. За час до полуфинального матча прославленный австралиец появился на разминочном корте в сопровождении двух спарринг-партнеров и стал играть один против двоих. Начав с настроечных мягких ударов с лёта у сетки, австралиец уже примерно через пять минут попросил партнеров отвечать ему острыми, неожиданными по направлению обводящими ударами. И тогда разминка превратилась в быструю непрерывную перестрелку, в которой Хоад стал напоминать вратаря, стремящегося не пропустить ни одного мяча, даже если для его отражения требовалось сделать акробатический бросок или прыжок вдоль сетки. Через некоторое время к низким обводящим ударам добавилась свеча. Завершилась разминка подачами с выходами к сетке и приемом мяча.

Если попытаться охарактеризовать эту сорокаминутную разминку только одним словом, то, мне кажется, лучшего слова чем «темп» не подберешь. Пожалуй, это была скорее не разминка, а короткая с довольно большой нагрузкой настроечная интенсивная тренировка, которая хорошо увязывалась с одной из главных соревновательных установок выдающегося теннисиста.

«Первое, чего я стремлюсь добиться в каждом матче,— отметил Хоад в одном из своих интервью,— это выиграть первый гейм на подаче соперника и не проиграть первый гейм на своей подаче. А для этого я специально готовлю себя к максимально интенсивным действиям с первых ударов».

Как я уже говорил, приезд посланцев советского тенниса в Уимблдон был настоящей сенсацией для прессы. Жажда бесед с нами не покидала журналистов. Заключительным аккордом прозвучала состоявшаяся накануне нашего отъезда пресс-конференция, посвященная первому визиту представителей советского тенниса в Англию. В ней участвовали также и официальные представители Австралии и США. Что представляет собой советский теннис — вот главная тема обращенных к нам вопросов. И когда мы наконец «выговорились», наступила очередь австралийца и американца. Председательствующий попросил их ответить только на один вопрос: какие мероприятия, по их мнению, необходимо провести Федерации тенниса СССР в

Среди ведущих зарубежных теннисистов видное место занимает австралиец Л. Хоад. И не только потому, что он дважды становился первой ракеткой мира. Хоад считается классиком техники и явно выделяется мощью своей игры. Его пушечные подачи и удары над головой составляют золотой фонд техники мирового тенниса. «Отбить мяч как можно раньше, в возможно более высокой точке» — таков девиз спортсмена в игре с лёта. Особенно хорош у Хоада удар слева. Стоит сопернику сыграть «чуть повыше», как Хоад острым ударом, как бы наотмашь посылает мяч вне его досягаемости. На фотоснимке австралиец запечатлен в момент завершения одного из таких ударов

первую очередь, чтобы советские спортсмены заняли достойное место в мировом теннисе?

«Нужно пригласить в Советский Союз 25—30 австралийских и американских тренеров, и тогда примерно через 10 лет советские юноши смогут начать бороться с юношами других стран. А для победы над игроком первой австралийской десятки вам понадобится не менее 20 лет. Что касается места вашей страны в мировом теннисе, то я считаю, что в далеком будущем она будет одной из великих теннисных держав» — таков был ответ капитана прославленной австралийской команды В. Чейва.

Американец поддержал мнение австралийца. Тогда взоры присутствующих вновь были обращены к нам, и ничего не оставалось делать, как высказать наше отношение к мнению зарубежных авторитетов.

«Мы ценим большой опыт австралийских и американских тренеров. Методы зарубежных коллег самым тщательным образом будем изучать и, в свою очередь, с ними охотно будем делиться своим опытом, однако в непосредственной спортивно-педагогической работе будем полагаться на свои силы, используя достижения передовой советской школы спорта» — таков был наш ответ.

Ну, а о будущем нашего тенниса мы ответили двумя поговорками: «Плох тот солдат, который не хочет стать генералом» и «Надежды юношей питают».

Председательствующий, закрывая пресс-конференцию, с улыбкой развел руками и резюмировал: «Теннисная история вас рассудит!».

Путь от Уимблдонского стадиона до гостиницы прошел в жарких спорах. Казалось, наступило самое подходящее время для импровизированного подведения итогов поездки. Но итоги итогами, а главное, что всех волновало,— это будущее нашего тенниса. В воображении уже рисовались грядущие схватки советских теннисистов с уимблдонскими премьерами.

Впечатлений от Уимблдона было множество. Шутка ли сказать, впервые мы увидели игру около двухсот сильнейших спортсменов мира и немало узнали об их тренировке. От впечатлений и «перспективных мыслей» буквально разламывалась голова.

Все в жизни познается в сравнении. Так и мы мысленно сравнивали наших игроков с сильнейшими зарубежными мастерами. Что греха таить, сравнение было не в нашу пользу. Мы сильно отставали.

Мнения всех советских специалистов сходились в одном. Нам необходимо самым решительным образом развивать наши лучшие традиции — атлетизм и стремление к активной нападающей смелой игре, ибо будущее за активно играющими атлетами.

Немало нового для нас было и в технике, тактике, методике тренировки. И все это новое надо было незамедлительно осваивать.

Как играть? На какую тактику ориентироваться? Какое оружие, какую технику в первую очередь оттачивать? Как готовиться к играм на травяных кортах? Все эти вопросы тогда особенно остро встали перед нами. И от того, как быстро мы сможем найти на них правильные ответы, зависели перспективы роста мастерства наших теннисистов.

В нашей памяти были свежи игры сильнейших на траве. А как эти же спортсмены действуют на привычных для нас «медленных», грунтовых, площадках? Может быть, остронаступательный характер игры — это только удел травяных кортов с их необычно стремительным отскоком мяча?

Беседы с ведущими зарубежными

специалистами, сильнейшими игроками, просмотры хроникальных фильмов о важнейших зарубежных соревнованиях вели, словно реки, впадающие в одно море, к единственному выводу: активная, наступательная игра — это не удел каких-то одних площадок или отдельных игроков, а генеральная линия развития современного тенниса.

И все же многое еще оставалось неясным и даже спорным. Ведь не только «травяной вариант» активной наступательной тактики использовался корифеями зарубежного тенниса. Права гражданства имели и другие варианты. А каков их удельный вес в сражениях на различных площадках? Как спортсмены варьируют в деталях свою тактику в зависимости от изменений игровых условий? Эти, как, впрочем, и многие другие, «сравнительные» вопросы требовали ясных, глубоко обоснованных ответов. Но нельзя же было сказать «да» или «нет» заочно, не видя сражений теннисной элиты на грунтовых кортах. Совершенно необходимо было стать очевидцами мировых турниров не только на травяных площадках Уимблдона.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Предвижу, что название этого раздела книги вызовет у читателя недоумение. Почему это вдруг автор перескочил сразу через целое десятилетие? Неужели за это время не было захватывающих и поучительных теннисных битв и на мировом теннисном небосклоне не появлялись новые звезды невиданной до этого яркости?

Были и грандиозные битвы и ярчайшие звезды. На международной арене сменилось даже несколько поколений сильнейших игроков и со многими из них скрещивали оружие наши спортсмены. Но только в 1965 году советские специалисты стали свидетелями «грунтового турнира» подлинно мирового масштаба.

Странны законы мирового тенниса, принятые, кстати сказать, Международной теннисной федерацией (ИЛТФ) еще в первые годы XX века. В этих законах по сравнению с теми, что существуют в других видах спорта, все шиворот навыворот.

Действительно, почему бы не проводить официальных личных и командных первенств Европы и мира. Не придать системе международных соревнований строго официальный характер? Куда там! Мой дом — моя крепость. Таков незримый девиз ИЛТФ. При этом дань отдается в первую очередь принципу силы. Ежегодно Федерация дарит многомиллионной армии теннисистов планеты шесть мировых турниров. Однако привилегия их проведения всегда остается у одних и тех же стран — Австралии, США, Англии, Франции, Италии и ФРГ.

Но не подумайте, что турниры во всех этих странах похожи друг на друга как близнецы-братья. Принцип «Мой дом — моя крепость» заложен не только в общих соревновательных законах, но и в особенностях каждого из этих турниров. В первых трех странах сражения развертываются на «быстрых», травяных, кортах, в трех других — на «медленных», грунтовых. И хотя в этих шести турнирах выступает обычно весь цвет мирового тенниса, все же два из них горделиво возвышаются над остальными. Это Уимблдонский турнир — неофициальное, но общепризнанное «травяное первенство» мира и открытый чемпионат Франции, по сути дела, первенство мира на грунтовых площадках.

В 1965 году на крупнейший во Франции парижский стадион «Роллан Гарро» впервые вступила довольно большая группа наших тренеров. При-

няли их там не только с уважением, но и с известным почетом. К 1965 году советский теннис на мировой арене стал котироваться уже достаточно высоко. И теперь все наши двадцать первооткрывателей зарубежных тайн «грунтовой тактики» тенниса восседали на самых хороших местах. Корреспонденты же нередко обращались к ним с просьбой рассказать о причинах столь быстрого успеха наших теннисистов на международной арене.

Когда я наблюдал за игрой, мои мысли как бы раздваивались. Одна их часть «перерабатывала» видимое, другая — воспроизводила в памяти картины «травяных» сражений. Так, в почти беспрерывном сравнении проходили часы моих наблюдений. В воображении возникало вновь и вновь, как в свое время в Уимблдоне, сравнение с просмотром киноотрывков, отснятых с различной скоростью. Быстрый бег кадров напоминал игру на траве, более медленный — развертывание игровых событий на грунте.

Может быть, на грунте теннисисты использовали совершенно другую манеру игры с применением только средних по силе ударов? Нет, виной всему был более медленный отскок мяча.

Корты Парижа отличаются мягкой, бархатистой поверхностью. Они всегда немного влажные, хотя их и не поливают по нескольку раз в день, как это принято обычно. Секрет прост: грунт кортов хорошо впитывает и удерживает влагу, так как пропитан специальным составом.

А стоит ли вообще говорить о таинствах парижских кортов, о каких-то там особенностях, казалось бы, обычного отскока мяча? Ведь наш теннис, как, впрочем, и теннис во всех европейских странах, кроме Англии, если можно так выразиться, с головы до ног грунтовой. Стоит! Ибо каждый корт имеет свой характер, и, если его не знаешь, не надейся на расположение. Попробуйте, например, после мягких грунтовых ленинградских площадок сразу сыграть на кортах Тбилиси. Вы не сразу приспособитесь к довольно быстрому отскоку мяча.

Когда я играл с А. Дмитриевой на парижских кортах, у меня было такое ощущение, что они специально подготовлены для тренировок с заданием как можно дольше держать мяч в игре. Кажется, что уже не осталось никаких надежд отбить мяч. Ан нет! Площадка отберет у мяча часть его скорости, и он опять становится досягаемым.

Теперь мне хочется позволить себе одно отступление. Я осознаю, что оно прерывает течение повествования и в какой-то мере даже разрушает общую смысловую канву данного раздела. Однако то, о чем я хочу рассказать, имеет самое непосредственное отношение к соревнованиям на парижских кортах и, кроме того, на мой взгляд, касается также очень важных вопросов развития современного тенниса.

...На Центральном корте австралиец Р. Эмерсон. Первый игрок мира сражается с восходящей звездой зеленого континента Т. Рочем за выход в финал. Но что это? Публика вдруг покидает свои насиженные места и куда-то спешит. Оказывается, на соседние площадки вышла сама «матушка история» — участники турнира ветеранов. Былое величие — таков единственный и почетный пропуск на эти традиционные соревнования. В них могут скрестить оружие только самые яркие звезды мирового тенниса в прошлом. Для определенной категории зрителей блеск этих звезд не погас и поныне, поэтому они нередко прошлое предпочитают настоящему.

Громом аплодисментов встречают темпераментные парижане четырех прославленных теннисных «мушкете-

ров» Франции — Р. Лакоста, Ж. Баротра, А. Коше и Ж. Брюньона. Так прозвали в свое время этих выдающихся игроков. Своими блистательными победами они возвели Францию в конце 20-х — начале 30-х годов на вершину мирового теннисного Олимпа. Шесть лет подряд команда «мушкетеров» завоевывала высший трофей мирового тенниса — Кубок Дэвиса. «Мушкетеры» пять лет подряд покоряли вершину Уимблдона. О них во Франции написано немало книг и каждому присвоены имена литературных героев Александра Дюма — Д'Артаньяна, Атоса, Портоса и Арамиса.

В 1965 году «мушкетерам» перевалило за шестьдесят. Но они, как и многие их выдающиеся сверстники из других стран, продолжают выступать в соревнованиях ветеранов. Да, теннису, как и любви, все возрасты покорны.

Конечно, игра ветеранов поблекла, далеко не теми стали их игровые качества. Но рисунок движений время почти не тронуло. Так, во всяком случае, утверждают те, кто видел «мушкетеров» в дни их молодости. И все же, глядя на ветеранов, думаешь, как далеко вперед ушел современный теннис.

Как-то в одну из следующих поездок во Францию нам с Э. Я. Крее, в свое время ведущим игроком страны, довелось быть соперниками «мушкетеров».

Признаться, лучше бы мы никогда не «скрещивали» с ними ракеты. Тогда «мушкетеры» так и остались бы в нашем воображении, по рассказам очевидцев и материалам прессы, как теннисисты с каким-то таинственным ореолом непобедимости, как «кудесники белого мячика», «рыцари теннисной легенды», «величайшие тактики с игрой, подобной самым тонким и дорогим французским кружевам», как их величали в печати. Наши именитые соперники казались в игре какими-то далекими провинциалами. Как будто они прибыли с затерянного в океане острова, которого не коснулись достижения современной теннисной цивилизации.

После игры мы разговорились. Счет был далеко не в пользу «мушкетеров». Поэтому, как нам казалось, они чувствовали себя немного смущенными и, видимо, угадывали наши мысли. Разговор пошел о теннисе прошлого, настоящего и будущего.

— На площадке я чувствую себя теперь,— рассказывал Брюньон-Портос,— как-то неловко. Мне кажется, что зрители, показывая на меня пальцем, предостерегающе говорят друг другу: не вздумайте так играть! Но я не унываю! Ведь каждый умный человек знает строгий закон спорта: мастерство всегда в движении, устаревшее сдает свои позиции и его место занимает новое, передовое. Мы же стали музейными экспонатами, и по нас судят о былом теннисе. Правда, не все даже сильные спортсмены ощущают стремительный бег теннисного времени и поэтому нередко упорно цепляются за безнадежно устаревшее...

Как было при этих словах Брюньона не вспомнить горячих споров с некоторыми нашими тренерами и спортсменами, недооценивавшими необходимость решительного перевода советского тенниса на дорогу атлетизма и активной игры. Всей своей работой по старинке они оценивали современный теннис словами из популярной песенки: «Каким ты был, таким ты и остался...».

Я поведал о наших трудностях роста французским «мушкетерам».

— У французов есть хорошая поговорка,— заключил наш разговор один из «мушкетеров»,— молодость не знает, а старость не может!

Действительно, как это важно в теннисе, чтобы именно молодость «зна-

ла», чтобы молодой теннисист шел в ногу с жизнью, впитывал в себя словно губка все новое и передовое, всегда был бы, как говорят, в пути.

Однако пора вернуться к полуфинальному матчу Эмерсона и Роча, который покинули многие зрители, чтобы посмотреть на «мушкетеров». Цифры — вещь упрямая. Давайте для оценки этого матча обратимся именно к ним. Всего соперники разыграли 205 очков. Из них с выходом к сетке — 138, а в процессе обмена ударами с задней линии — 35, «пушечными подачами» выиграли 22 очка и на двойных ошибках при подачах потеряли 10. Вот вам убедительный пример активной, наступательной игры.

На площадке два других полуфиналиста — Ф. Столле и Д. Ньюкомб. И заметьте, снова представители зеленого континента и вновь приверженцы самой активной наступательной игры.

В спортивной печати обычно принято делать традиционные подсчеты и устанавливать своего рода «табель о рангах» по странам: располагать страны в определенной последовательности в зависимости от занятых их представителями первых мест во всех разрядах соревнований. На этот раз подсчеты даже не потребовались. Все без исключения первые места достались теннисистам Австралии.

Особенно знаменательным был успех австралийки М. Смит-Корт. Ей скорее под стать было играть с мужчинами. По-мужски сильные подачи и удары над головой, мощные удары с задней линии, стремительные выходы к сетке и отличная игра с лёта — вот главное оружие этой выдающейся спортсменки — трехкратной победительницы Уимблдона.

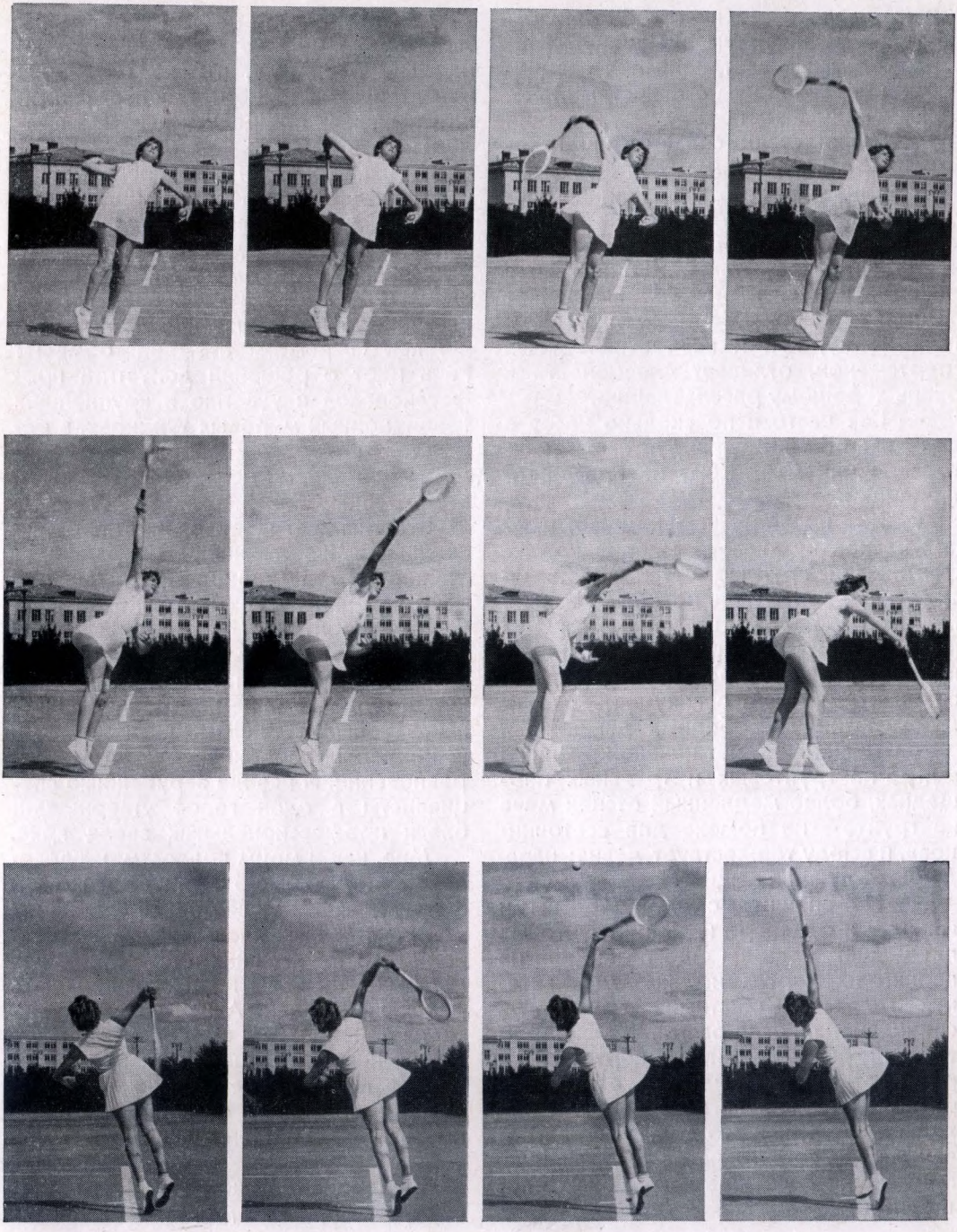
О своих игровых установках теннисистка открыто заявила в печати: «Атака — моя стихия, мой девиз подготовки удара — отбивать мяч с лёта и после отскока как можно раньше в точке перед собой, еще до того, как мяч начнет снижаться. Моя тактическая доктрина — решительный захват инициативы, постоянное давление на соперницу, использование малейшей возможности для выходов к сетке и создание в игре быстрого темпа».

В течение нескольких лет к Смит-Корт неустанно обращались специалисты для выяснения вопроса: как надо тренироваться женщине, чтобы стать стопроцентным атлетом. На полках магазинов многих стран видное место заняла ее книга «История М. Смит». В этом труде довольно убедительно показан спортивный путь «стопроцентного атлета в юбке», как она сама себя называет.

«Четырнадцатилетней девочкой я впервые перешагнула порог атлетического зала,— пишет спортсменка.— Его я посещала пять раз в неделю после полудня и проводила там около двух часов. Я занималась с гантелями, поднимала укрепленные на блоках тяжести и вообще различными упражнениями словно выворачивала себя наизнанку. Однако С. Никольс подбирал такие уп-

---

Австралийка М. Смит-Корт не раз завоевывала титул первой ракетки мира в одиночном и в парных разрядах. Из всех зарубежных теннисисток она отличается наиболее мощной нападающей игрой. Особенно славится подача Смит-Корт. Кинограммы, изготовленные по материалам киносъемки с двух точек, демонстрируют положения теннисистки в момент проведения ударного движения — выноса ракеты навстречу мячу. Мощь и быстрота движений сочетаются у Смит-Корт с мягкостью, своеобразной грациозностью, изяществом. Одно из важных условий этого — способность к хорошему расслаблению, высокая подвижность в суставах руки и плечевого пояса. Ударное движение австралийка проводит как бы в приподнятом вверх положении и выносит ракету на мяч издалека по широкой дуге. Удар по мячу она производит в тот момент, когда все ее тело, наподобие струны, вытянуто вверх и немного наклонено вперед

ражнения, которые не превратили бы меня в «мускулистую женщину» (Никольс — видный австралийский специалист по упражнениям с тяжестями.)

И, видимо, поэтому движения спортсменки стали сплавом из, казалось бы, несовместимых составных частей: мощь и быстрота движений сочетаются у нее с удивительной легкостью и свободой, своеобразной грациозностью и изяществом. Даже самые сильные удары Смит-Корт выполняет легко, без каких-либо видимых усилий. Теннисистку, как и всех выдающихся спортсменок, отличает способность к очень хорошему расслаблению.

— Как часто и по сколько часов в день вы обычно тренируетесь? — както спросили Смит-Корт на пресс-конференции.

— Как правило, всю неделю, и не по нескольку часов ежедневно, а... фактически круглые сутки. Даже во время сна я стараюсь не терять время: приучаю себя спать на спине, раскинув немного в стороны расслабленные руки, чтобы лучше восстановить силы и сохранить прямую осанку — необходимую спутницу свободных движений...

— Так, значит, нет никакой разницы в игре на грунтовых и травяных площадках, более медленный отскок мяча на грунте — не помеха для «сеточников», и всюду торжествует девиз: нападение — лучшая защита?

— Не спешите с окончательными выводами о манере игры на грунтовых площадках, ведь вы еще не видели на парижских кортах испанца М. Сантану,— говорили опытные зарубежные специалисты, когда разговор заходил о тайнах игры на различных кортах.— Играя против этого выдающегося мастера контратак, не легко совершать выходы к сетке, как это делают во встречах между собой многие австралийцы, привыкшие с детства к травяным площадкам.

Давайте и мы немного повременим. Пока еще рановато ставить все точки над «и» и считать, что в тенденциях развития зарубежного тенниса, в игре на различных площадках все уже предельно ясно.

Не изменился ли «травяной» теннис за десятилетний период? Ведь пока наш рассказ основывался только на впечатлениях уже довольно далекого 1956 года. Да, к тому же не повлияло ли на игру последнее решение ИЛТФ, названное в прессе ни больше ни меньше как «взрывом атомной бомбы»? Речь идет о решении допустить профессионалов к участию в крупнейших традиционных мировых турнирах, в результате которого возникла необходимость учитывать особенности игры и этой группы теннисистов.

Кто сильнее: любители или профессионалы? Чья техника совершеннее? Можно ли о тенденциях развития мирового тенниса судить только по мастерству любителей?

Решить в открытой борьбе спор между этими двумя категориями игроков долгое время не позволяли теннисные законы. Устав ИЛТФ категорически запрещал проведение совместных соревнований. И все же зарубежные специалисты в один голос утверждали: блеск профессиональных звезд ярче.

Мне, как и моим коллегам, не довелось видеть раньше официальных профессиональных турниров. Правда, с игрой на травяных площадках значительной части теперешних профессионалов мы были знакомы по их сражениям в рядах любителей. А как те же теннисисты действуют на «медленных», грунтовых, кортах? В чем изменилось их мастерство после нескольких лет опыта профессиональных сражений? Эти вопросы представляли значительный интерес.

Федерация тенниса СССР всегда выступала против профессионализма в

теннисе с его всепоглощающим культом бизнеса, чуждого высоким идеалам истинного спорта. Не было исключением в этом отношении и наше мнение относительно открытых турниров. И все же такие турниры стали с 1968 года свершившимся фактом. Так решила большинством голосов под угрозой раскола Международная федерация лаун-тенниса. Она пошла на поводу у ряда национальных федераций, заинтересованных в значительном повышении доходов от соревнований и сохранении за профессионалами права представлять свою страну в международных турнирах.

И теперь уже хочешь не хочешь, а профессионалы стали соперниками наших спортсменов в крупнейших международных соревнованиях. Соперников же, как известно, надо хорошо знать. Тем более что игра многих из профессионалов соответствует уровню лучших мировых стандартов, и они нередко выступают в роли законодателей зарубежных «игровых мод».

Если бы сейчас, спустя четырнадцать лет после первого посещения нашими спортсменами и тренерами Уимблдона, меня спросили, какое из мировых теннисных соревнований было для меня самым впечатляющим и поучительным, я без колебаний назвал бы Уимблдонский турнир 1956 года и открытое первенство Франции 1968 года.

Именно в Уимблдоне в 1956 году впервые перед глазами наших специалистов предстали сильнейшие зарубежные игроки. Что же касается первенства Франции 1968 года, то оно стало первым мировым турниром, где сошлись в открытом бою любители и профессионалы.

На парижских кортах тогда собрался почти весь цвет профессионального тенниса, и в первую очередь его фавориты — Р. Лейвер, К. Розуол, Р. Эмерсон (все Австралия), Р. Гонзалес (США) и А. Гимено (Испания).

Борьбу в каждом отдельном матче, да и развитие игры в целом, принято рассматривать как соревнование двух противоположностей — нападения и защиты или, выражаясь образно, как спор между снарядом и бронею. Главных вариантов такого спора не так уж много — всего три.

Первые два отличаются явным неравенством в «игровой вооруженности» теннисистов. Допустим, что выясняют отношения игрок с мощным нападением, высокой бронебойной способностью ударов и защитник со слабой, легко пробиваемой броней. Нападающий в этом случае становится господином положения. Он может позволить себе беспрерывно атаковать у сетки, иногда даже без тщательной подготовки. Ведь все равно общий баланс очков будет в его пользу, несмотря на единичные потери.

Второй вариант прямо противоположен первому. Спор уже ведут игрок с оружием нападения среднего или малого калибра и защитник с крепчайшей броней. Теперь нападающий не получит преимущества. Бронебойной способности его нападения не хватит, чтобы сокрушить такую защиту.

И наконец, третий вариант единоборства, когда оба соперника обладают мощнейшим оружием нападения и самой крепкой защитной броней. При таком соотношении сил открытой лобовой атакой дело не решишь. Борьба нападения и защиты приобретает теперь искусный, тонкий, острокомбинационный характер. Здесь уже победа будет коваться тщательно подготовленным нападением, правильным выбором направления и момента главного и наводящих ударов. Нападающему понадобится «подойти к сопернику» совсем близко и атаковать в нуж-

ный момент, когда даже мощная броня окажется уязвимой.

Теперь давайте посмотрим на сражения участников открытого первенства Франции 1968 года с позиций проблемы снаряда и брони. При оценке первых ракеток профессионального тенниса сомнений нет: матчи между ними — классический третий вариант, жесточайшая борьба мощнейших бронебойных снарядов и крепчайшей брони, которые находятся в руках того или другого соперника.

Когда я наблюдал за полуфинальными матчами Розуол-Гимено и Лейвер-Гонзалес и особенно за финальной схваткой между Розуолом и Лейвером, мне казалось, что на площадке какие-то безошибочно играющие роботы со снайперски точными, мощными и острыми по плассировке мяча ударами. Любая даже малейшая игровая неточность наказывалась незамедлительно и со всей решительностью. Стоило, например, во время перестрелки длинными ударами на заднюю линию одному из теннисистов сыграть на 2—3 метра короче, как другой сразу выигрывал очко неотразимым ударом или уверенно выходил к сетке, оставляя обороняющемуся очень мало шансов на успех. В воображении невольно всплывало сравнение с действиями снайпера в позиционной войне: стоит кому-то неосторожно «высунуть нос» из-за укрытия, как его сразу настигает снайперский выстрел, поразительный по своей точности и быстроте.

Каждый из названных выше теннисистов очень точно и, как правило, мощно играл у задней линии. Поэтому выходить против них к сетке без тщательной комбинационной подготовки или не имея в своем арсенале ударов, обладающих всеми достоинствами тяжелого бронебойного снаряда, было равносильно игровому самоубийству.

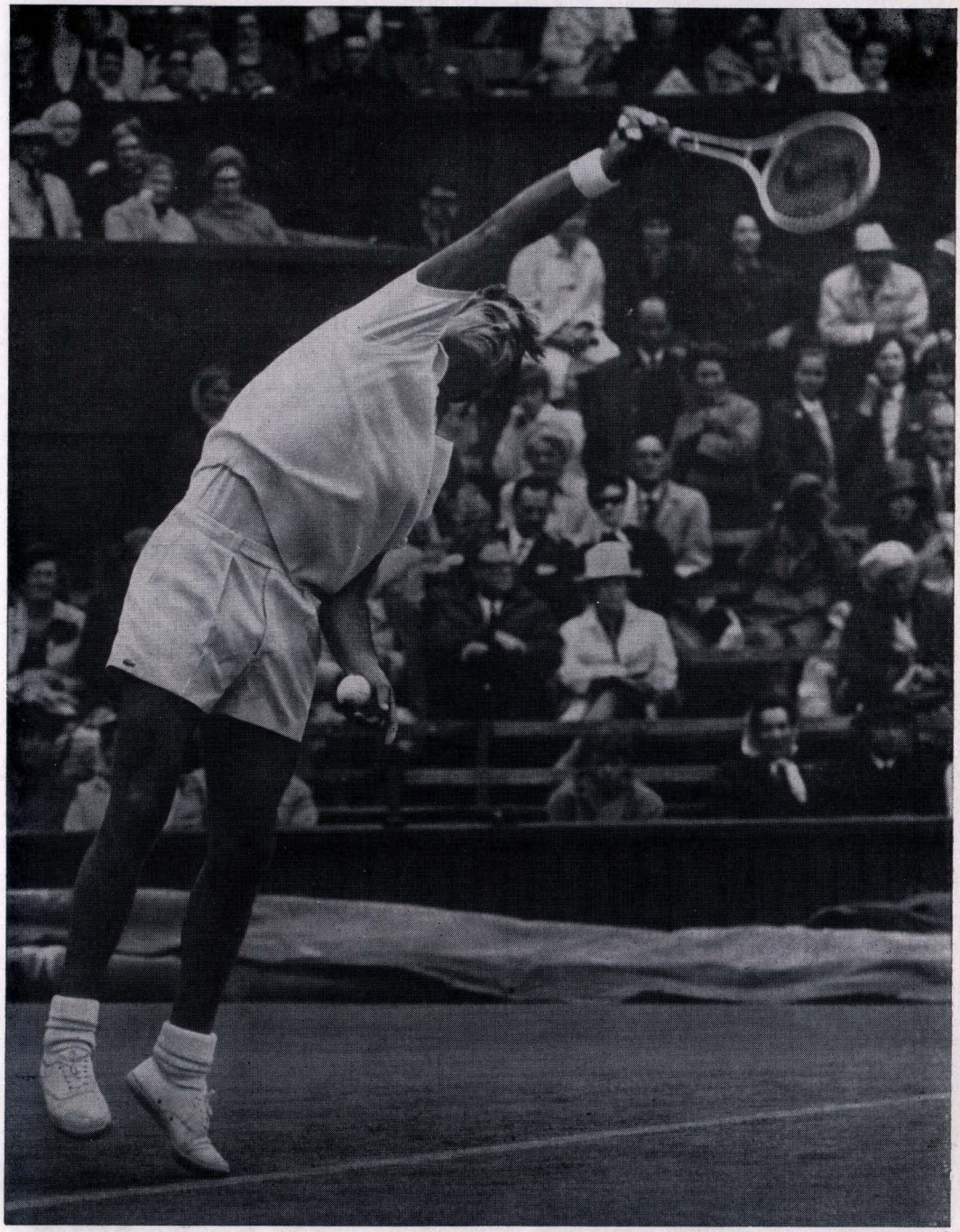
Однако не подумайте, что эти теннисисты — приверженцы игры у задней линии. Они по духу своему — «сеточники», особенно Лейвер и Гонзалес. Однако в игре на грунте — это «сеточники» высшей формации. Они не станут очертя голову бросаться вперед на любой мяч. Они — сторонники фундаментальной, хорошо подготовленной, своевременной атаки у сетки.

Мастерство профессионалов у сетки ничуть не ниже, чем в действиях у задней линии. Подлинной виртуозностью отличаются их удары с лёта в сложных игровых условиях. И это понятно. Нельзя же рассчитывать на легкие ответы при обводке в схватках с такими же, как они сами, сильными соперниками. Поэтому удары с лёта в стремительных и далеких бросках и прыжках у сетки, искусные удары с лёта в очень низкой точке, удары над головой в высоких прыжках и составляли их привычное, остро отточенное оружие.

Нередко в действиях нападающего у сетки и обороняющегося у задней линии наступало своеобразное равновесие. Игрок у сетки несколько раз подряд перехватывал «мертвые» мячи, а соперник никак не мог обвести его, хотя каждый из его ударов был эталоном точной и острой контратаки. Нанося удар даже из самого трудного положения, обороняющийся играл очень остро и низко над сеткой. По-

---

Долгое время лучшим «сеточником мира и обладателем самой сильной подачи считался Р. Гонзалес. Его подача напоминает мощнейший удар кнутом. Начиная прием очень мягко и экономно, он затем в мощном ударном движении сплавляет воедино все усилия тела и с очень резким ускорением выносит ракету на мяч. Создается впечатление, что к моменту непосредственного удара он всем своим телом как бы обрушивается на мяч. Окончание подачи, которое вы видите на фотоснимке, свидетельствует о том, что спортсмен использовал буквально каждый сантиметр своего роста для нанесения сильнейшего удара в высокой точке

этому-то игроку у сетки и было так нелегко «убить» мяч.

Казалось, например, совсем критическим для Гонзалеса был конец третьей партии в матче 1/8 финала с американцем Ричи. Каждый взял по сету, а в третьем — игровое преимущество склонилось на сторону соперника Гонзалеса. И вот наконец долгожданный для него сетбол!

Но стоило разыграть его, как на стадионе разразилась буря аплодисментов. Как только «летающий Панчо» ни пытался успокоить зрителей — и кланялся, и поднимал в трогательной позе руки вверх, словно благодарил всевышнего,— ничего не помогало. Темпераментные французы не могли прервать бурного потока одобрения.

А что же, собственно говоря, произошло в этот, казалось бы, роковой для Гонзалеса момент?

Быстрой, но очень мягкой кошачьей походкой устремился Гонзалес к сетке. Вот он на какое-то мгновенье застыл в позе наивысшей боевой готовности и острым орлиным взором буквально впился в мяч, когда тот сближался с ракетой соперника. Разве мог спортсмен без такой готовности сделать в следующее мгновение молниеносный бросок и перехватить труднейший мяч, посланный на редкость сильным и точным обводящим ударом. Трижды Ричи пытался ударами в разные стороны поразить Гонзалеса, и каждый раз путь мячу преграждал удар с лёта в невероятном акробатическом броске. А ведь после каждой обводки казалось: уж на этот-то раз достать мяч просто невозможно!

Виртуозные удары с лёта Гонзалеса — «чудесный сплав» совершенной техники и атлетизма и были причиной «взрыва» на трибунах и стали затем «началом конца» Ричи.

Свечу и укороченный удар нередко называют, и не без некоторого пренебрежения, второстепенными ударами. И как ни странно на первый взгляд, именно они доведены у профессионалов до особенно высокого уровня совершенства и используются неожиданно, по принципу «редко, да метко».

Неужели теннисисты плохо владеют ударом над головой, если большой эффект в игре дает свеча? Тысячу раз нет! Игровой тыл у сильнейших защищен мощными ударами над головой. И все же...

Уверенно устремился к сетке Гонзалес. Кажется, и на этот раз его соперник в полуфинале Лейвер попытает счастья мощной низкой обводкой. Ведь его подкрученный удар справа признан специалистами непревзойденным. Но в самый последний момент, когда ракету отделяли от мяча всего несколько сантиметров, австралиец неожиданно «подменил» низкий удар сильно крученой свечой. Для Гонзалеса это было громом среди ясного неба. Мяч пролетел по высокой дугообразной траектории и, врезавшись в площадку у самой задней линии, стремительно отскочил к заднему фону. И в дальнейшем Лейверу удавалось не раз выигрывать очки такой же коварной, виртуозной свечой, тонко замаскированной под обычный низкий удар. И хотя Гонзалес иногда доставал в высоком прыжке мяч, «убить» его не удавалось, так как мяч пролетал очень высоко и опускался точно над самой задней линией.

В финальном матче Лейвер, в свою очередь, несколько раз становился жертвой такой же виртуозной свечи Розуола.

После финального матча мы с Крее довольно долго делились своими впечатлениями. И когда разговор зашел о том, какой же из ударов профессионалов произвел на каждого из нас наибольшее впечатление, мы одновременно произнесли слово «свеча». Не удивляйтесь. Этот удар покорил нас своей поразительной точностью, совершенно

неожиданным применением по выбору момента и очень тонкими, искусными движениями, замаскированными под привычный для каждого теннисиста удар справа или слева.

Этими же качествами отличаются и укороченные удары профессионалов. Выполняются они способом быстрой подсечки. Мяч приземляется не дальше метра от сетки и почти не отскакивает вперед, благодаря сильному обратному вращению.

Наш рассказ об игровом почерке профессионалов пока не затрагивал подачи и ее приема — начальных ударов, задающих тон всей тактике матча. Мне хотелось сначала раскрыть общую тактическую картину игры, а потом уже добавить две самые яркие краски, которыми ее «начинают писать».

Разрушительная сила подачи зависит не только от ее собственных достоинств. Дело решает и крепость защитной брони — прием подачи, а также «гашение» скорости мяча довольно мягким грунтом. Именно эта броня и отличается у профессионалов большой прочностью. И чтобы ее пробить, мало для подачи только одной силы. Нужна очень острая и неожиданная плассировка мяча. Подачи Гонзалеса, Лейвера, Эмерсона по бронебойным способностям, пожалуй, самые эффективные. Однако и они не так уж часто сразу ставят соперников на колени. Настолько хорошо у профессионалов отработан прием сильной подачи и развита быстрая реакция на мяч.

Стремительное нападение с выходом к сетке сразу после подачи или приема подачи профессионалы применяют в одиночных играх на грунте не так уж часто. Уж очень велика опасность точной конратакующей обводки. Их главная ставка — комбинационное нападение с помощью серии ударов по отскочившему мячу, завершающееся выходом к сетке.

В единоборстве с профессионалами значительно повышается, если можно так выразиться, коэффициент игровой трудности. Рассчитывать на простую ошибку с их стороны просто не приходится. Завоевывать каждое очко нужно «с кровью». Такая игровая неуязвимость — результат и очень быстрого, техничного передвижения по площадке.

Итак, секрет игры профессионалов на грунте ясен: профессионалы хорошо владеют всем арсеналом современной техники, не имеют явно выраженных слабых мест, играют активно, мощно, с хорошо подготовленными выходами к сетке и в то же время комбинационно, иногда с несколько затянутым розыгрышем очка, объясняемым «равновесием» между нападением и защитой.

А теперь вновь перенесемся на травяные корты Англии. Посмотрим, как там играют те же профессионалы уже через несколько дней после открытого первенства Франции. Да, кстати, нам еще необходимо посмотреть и на новое поколение любителей — ведь и они могут сказать свое веское слово в формировании «теннисных мод».

Мы в Лондонском королевском теннисном клубе — старейшем теннисном клубе Англии, основанном еще в прошлом веке. Поднимаемся на балкон старинного павильона. Перед нами открывается панорама многочисленных кортов. На площадках уже в самом разгаре жаркие сражения — «не на жизнь, а на смерть» — объединенной гвардии любителей и профессионалов.

Вообразим, что каждый розыгрыш очка начинается на всех площадках одновременно, и забудем на время о существовании игроков, принимающих подачу.

Вот подающие спокойно подошли к задней линии, бросили испытывающий взгляд на соперников, на мгно-

венье замерли в прицельной позе. Еще секунда — и воздух разрывает выстрел — пушечная подача, вслед за которой все «гвардейцы» бросаются к сетке, словно по военной команде, не допускающей даже малейших ослушаний. «Сеточная» атака подающего, в ответ контратака соперника, всего 2—4 удара,— и соперники откатываются на исходные позиции. Очко уже разыграно! А ведь не прошло еще одной минуты.

Но и здесь нет правил без исключения. Даже среди «гвардейцев» нашлись и такие, что, выражаясь языком стрелков, послали мяч «в молоко». Однако у подающих по сравнению со стрелками еще не все потеряно. Правилами игры разрешается воспользоваться и второй попыткой.

Внимание! Вторая подача! И опять теннисисты устремляются к сетке. Неужели и дальше действия подающих каждый раз будут определяться этой «военной командой», нарушить которую не посмеет ни один теннисист?

Давайте еще и еще раз присмотримся к сражающимся. Среди них мы узнаем австралийцев Лейвера и Розуола, Роча и Ньюкомба, американцев Гонзалеса, Эйша и Гребнера, испанцев Сантану и Гимено, словом, весь цвет зарубежного тенниса. Каждый игрок — пример яркой, неповторимой индивидуальности. И, несмотря на это, каждый из них, как только становится подающим, неумолимо нацеливает на соперников шквал атак у сетки. Такая игра чем-то напоминает стремительный бег волн морского прилива, когда они неудержимо одна за другой обрушиваются на берег всей своей мощью.

Да, здесь на травяных площадках и теперь все решается очень быстро. Стремительный отскок мяча настолько повысил бронебойную способность подачи, что не воспользоваться возможностью быстрого нападения — простонапросто игровой грех. Поэтому не удивляйтесь: манера игры на травяных кортах осталась в принципе той же.

Так что же, в мире сосуществуют два разных по особенностям игры тенниса — «травяной» и «грунтовой»? Да, факт такого сосуществования налицо. Но оно далеко не мирное. Каждый вид площадок имеет своих приверженцев и словно говорит новым поколениям теннисистов: а я все же лучше!

Теннисные звезды Австралии, США и Англии «рождаются» обычно на травяных кортах и уже с молоком матери как бы получают особые витамины, рождающие любовь к ультраактивной «травяной» игре. Поэтому и не удивляйтесь, что большинство из этих звезд относится к грунтовым кортам с нескрываемым пренебрежением и называет их «черепашьими» или «площадками для престарелых». У большинства европейцев, наоборот, не в почете травяные корты. «Что хорошего в силовом «травяном» теннисе, где редко плетутся тонкие игровые кружева и все решается двумя-тремя острыми ударами»,— говорят поклонники «медленных», грунтовых, кортов.

Делались даже попытки своеобразным способом узаконить приверженность теннисистов к определенным площадкам. Составлялись две различные мировые классификации лучших игроков. Одна — по результатам соревнований на грунте, другая — по результатам соревнований на траве.

Не будем становиться в этом вечном споре на чью-либо сторону. Отдадим дань уважения прелестям и тех и других площадок. Я уверен, что они хорошо дополняют друг друга и игра на различных покрытиях способствует росту мастерства в целом. К тому же «закон есть закон». Календарь международных соревнований строго предписывает играть на различных площадках. Так что один из главных принци-

пов передовой подготовки теннисиста можно выразить одним словом — универсализм. Хочешь получить международное признание, будь добр одерживай большие победы и на грунтовых и травяных площадках.

Предвижу, что читателю, особенно если он представляет прекрасный пол рода человеческого, уже не терпится бросить упрек автору: почему разбор игровых мод идет главным образом на примерах сражений теннисистов-мужчин, разве женщинам все эти десять лет была уготовлена лишь роль безропотных подражательниц в игре? К сожалению, в теннисе женщины вынуждены, как это, может быть, им и ни обидно, довольствоваться именно этой ролью. Сильнейшие теннисистки по рисунку игры на грунтовых и травяных площадках все ближе и ближе приближаются к своим «рыцарям-покровителям». Из года в год происходит нечто вроде нескончаемых неофициальных соревнований между самыми достойными представителями слабого и сильного полов. Женщины стараются действовать по-мужски, играют все активнее и активнее, словно хотят догнать мужчин и, поравнявшись с ними, гордо сказать: а мы чем хуже, разве атлетизм чужд прекрасному полу?

Но, увы! Это соревнование всегда с непреодолимой форой. Победа неизменно на стороне мужчин. К ним приближаются, но догнать не могут. Ведь по своим физическим возможностям они куда сильнее. И все же участие женщин в этих, словно велосипедных, гонках за лидером двигает вперед женский теннис самым решительным образом.

Теперь, я думаю, у читателя сложилось правильное представление об игре наших зарубежных соперников. И все же я хочу напомнить: мы чуть-чуть не допустили ошибку в оценке игры на грунтовых площадках. Не познакомившись с манерой действий на грунте сильнейших игроков мира между собой, мы чуть было не сделали поспешных выводов. Нельзя никогда забывать золотое правило оценки развития игры: судить о ней следует в первую очередь по поединкам самых сильных соперников, когда «коса находит на камень», когда сталкиваются наступательное оружие самого большого калибра и крепчайшая оборонительная броня. А то посмотришь иногда на игру мастера у сетки, и начинает казаться, что ему все дозволено. Только нападай — и победа обеспечена. Но так бывает обычно только при явном неравенстве сил.

Победителей не судят! Такое утверждение мне не раз приходилось слышать, когда разгорались жаркие споры о преимуществах различных вариантов игры, которые находятся на вооружении сильнейших мастеров. Нередко чемпионов превращают даже в своеобразных кумиров и во всем подражают им. И в этом подражании видят главный путь движения вперед.

Может быть, и нам двигаться путем подражания, неотступной ориентации на то, что уже достигнуто сильнейшими зарубежными соперниками? Ведь они, откровенно скажем, пока еще сильнее наших теннисистов. Уверен, что нет. Хотя бы потому, что всякая копия — всегда хуже оригинала. Главное — это всегда смотреть вперед, самим, не покладая рук, разрабатывать и неуклонно совершенствовать передовую отечественную школу игры и тренировки, опираясь на спортивную науку, изучение и обобщение передового отечественного и зарубежного опыта.

А что касается спортивных соперников, то их надо очень хорошо знать, причем знать как бы в динамике: какими они были раньше, какими стали теперь и какими могут оказаться в дальнейшем.

ОКНО В ЕВРОПУ ПРОРУБЛЕНО!

РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

Вот наконец и принято решение: первая советская теннисная команда в июне 1958 года отправляется в Англию. Завтра вылет! В руках у наших ребят паспорта в красных обложках. Так и тянет в них скорее заглянуть. Ведь это те самые «молоткастые, серпастые» советские паспорта, которым Владимир Маяковский посвятил свое знаменитое стихотворение.

— Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза,— вспоминает Аня Дмитриева слова великого поэта.

Кандидатура Ани Дмитриевой на поездку в Уимблдон оказалась бесспорной. Она была сильнейшей среди сверстниц и делала заметные успехи в освоении передового наступательного стиля игры.

У юношей лучшие результаты имел Андрей Потанин. И все же его кандидатура вызывала сомнения. Ленинградец мощно и точно играл у задней линии, но подача и удары с лёта были его «ахиллесовой пятой». А ведь в Англии выступать предстояло на травяных площадках, где именно эти удары должны были задавать тон всей игре.

Может быть, стоило взять на соревнования сверстников Потанина Лейуса или Лихачева. Они играли разнообразнее. Удары с лёта были их стихией, привычная для них игра была довольно близка к «травяной». После жарких и продолжительных споров выбор пал на ленинградца: решили во главу угла поставить спортивный принцип. Большинство надеялось, что Потанин сумеет перестроиться. Посмотреть же игры сильнейших теннисистов мира, встретиться с ними на корте — разве это не лучшая школа для дальнейшего совершенствования.

А не слишком ли бедно — ограничиться только двумя посланцами? Здесь все зависело от законов мирового тенниса, которые гласили, что к Уимблдонским турнирам девушек и юношей допускаются только по одному представителю от каждой страны.

Проводы были и официальные и, если можно так выразиться, многосемейные.

«Ну, смотрите, не подкачайте!» — таким был заключительный аккорд официального напутствия.

Легко сказать — не подкачать! Ведь нашим теннисистам предстояло впервые скрестить оружие с лучшими юношескими ракетками «великих теннисных держав». Так что даже самые заядлые оптимисты не удивились, если бы первый блин оказался комом.

Приготовления к отъезду прошли в бесчисленных хлопотах. Из Ленинграда даже срочно вызвали мать Потанина. Ему не так уж легко оказалось решить некоторые личные проблемы. Хотя бы такую, как обзавестись для официальных приемов черным строгим костюмом, белой сорочкой и галстуком.

У Ани хлопот по принадлежностям туалета было еще больше. Разве можно было предстать перед английскими модницами «белой вороной»?

Вот наконец все готово к отъезду. Натянуты ракеты. Собраны все вещи. Утром вылет.

Но спать никак не тянет. Возбуждение как рукой сняло усталость и сон.

А что если пройтись по ночной Москве?

Вот мы с женой и в центре. Знакомые еще с детства места. Много связано с ними и в зрелые годы. Особенно в военное время.

Выходим на Красную площадь.

Мимо нас с пением пробегают школьники. В нашем классе когда-то была традиция: провожать каждый учебный год походом на Красную площадь. Ходили туда и тайком парочками.

У ГУМа оживленно разговаривает группа военных. По обрывкам фраз похоже, что это одна из традиционных встреч однополчан.

У Спасских ворот показался караульный наряд. Бойцы-кремлевцы приближаются к Мавзолею. Вдруг тишину ночи разрывает бой курантов. Каким-то тревожным чувством отдавались в груди звуки знакомой мелодии. Сами собой оживали события военных лет.

Вот здесь, по этим самым камням, проходил я в военном строю в незабываемый день военного парада 7 ноября 1941 года, когда враг рвался к Москве и столице угрожала смертельная опасность.

Это был парад величия духа, непоколебимой уверенности в грядущей победе!

Вспомнились слова популярной в то время песни о Москве. Ее по нескольку раз передавали по радио, и мы ее часто пели.

«Мы не дрогнем в бою за столицу свою...» Эти слова песни звучали во мне, как и в тот день военного парада. И как-то совершенно незаметно, по какой-то внутренней неподвластной логике воспоминания тех далеких лет начали ассоциироваться с предстоящей поездкой. Казалось бы, что общего между историческим военным парадом и предстоящими соревнованиями на зарубежных кортах. Абсолютно ничего! Более того, сравнение может показаться даже надуманным. Но, поверьте, в ту ночь перед выездом какая-то сила все тянула и тянула из глубины памяти тяжелые, острые и одновременно мобилизующие воспоминания. Видимо, в этом есть психологическая закономерность: мысли о грядущем обладают чудодейственной способностью оживлять в память переживания прошлого.

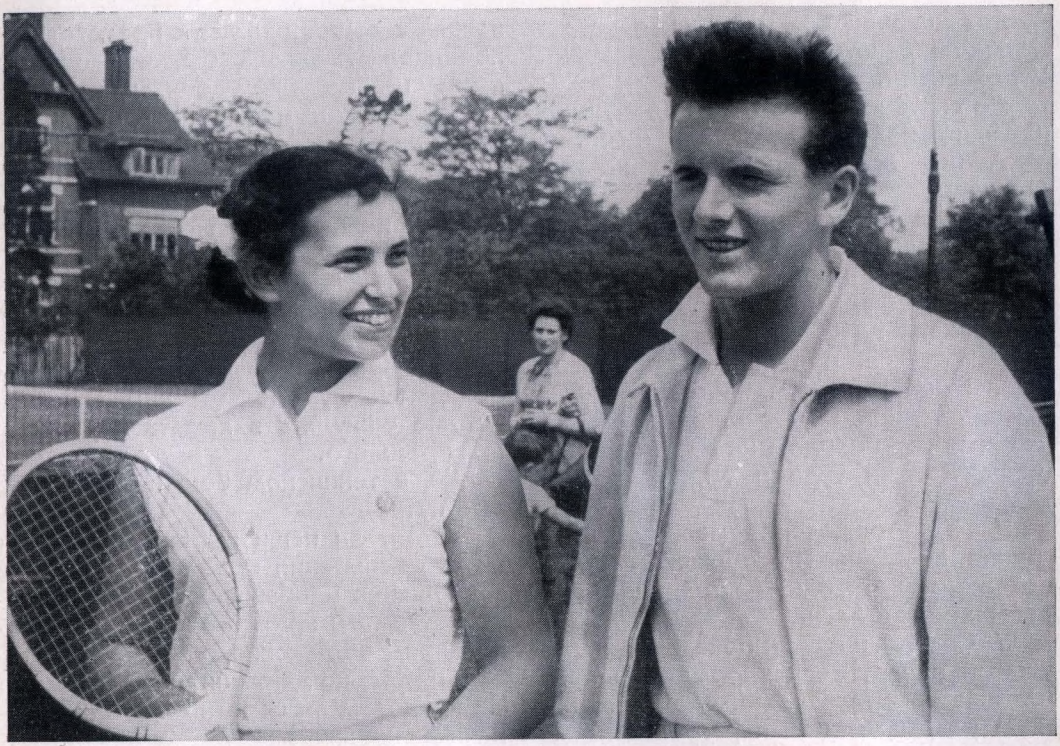
Да, в теннисном бою нельзя было дрогнуть!

Устоят ли наши ребята? Выдержат ли все испытания спортивным боем в совершенно необычной для них обстановке самого крупного в мире соревнования, обстановке, способной сковать не только движения, но и психику? Не привезем ли обратно мы одни «синяки да шишки»?

«БЕЛЫЕ МЕДВЕДИ В АФРИКЕ»

Самолет проплывает над окраинами Лондона. То там, то здесь мелькают буро-красные или зеленые прямоугольники теннисных кортов. «Я люблю теннис, не забывайте, что я его мать-прародительница»,— словно говорит Англия смотрящему на нее сверху пассажиру воздушного лайнера.

Созерцание нами панорамы английской столицы прерывает стройная со служебной улыбкой стюардесса. Советских теннисистов просят не выходить из самолета — таков, по ее словам, приказ, полученный командиром корабля по радио. В ответ на наш вопрос, чем это вызвано, она только пожимает плечами и загадочно улыбается.

Это фото обошло в 1958 году многие газеты и журналы мира. Оно запечатлело первых наших посланцев в Уимблдон А. Дмитриеву и А. Потанина. Когда одному из сильнейших в свое время теннисистов и видному спортивному журналисту Ф. Перри задали вопрос, какое, по его мнению, самое примечательное событие 1958 года в мировом теннисе, он ответил: «Конечно, появление на английских кортах «красных теннисистов»

Самолет приземлился, все пассажиры уже вышли, а мы все еще ждем, что с нами будет. Однако по тому, как держится экипаж самолета, можно сделать вывод: нам ничего не грозит. Наконец получено разрешение опуститься на английскую землю. Уже у самого выхода на самолетный трап «секрет» раскрывается. Со всех сторон на нас нацелены фото-, кино- и телевизионные камеры. А вот и первый встречающий нас англичанин — президент Бекнемского теннисного клуба, где должен состояться дебют советских спортсменов. Тотчас же начавшаяся импровизированная пресс-конференция транслируется на всю Англию.

«Исторический день мирового спорта. Советские игроки впервые на родине тенниса!» — восклицает Мак Каллам, вручая Дмитриевой красные розы.

У англичан признаком хорошего тона считается задать иностранному гостю вопрос: что мы могли бы для вас сделать, чтобы удовлетворить ваше первое желание? Обратились с таким вопросом и к нам. Естественно, нам хотелось поскорее потренироваться на травяных кортах. До соревнований оставалось только три дня, и поэтому каждый час игры на непривычных площадках ценился в нашем понимании на

вес золота. Играть ведь предстояло с теннисистами, многие из которых «родились» на травяных кортах.

И вот Дмитриева и Потанин «от зари до зари» на площадках. Час потренируются, немного отдохнут и снова с удвоенной энергией берутся за ракеты. «Русские ночуют на площадках», «Красные теннисные звезды ненасытны» — такие заголовки красовались над газетными статьями, описывающими наши первые тренировки.

Тренировки превратились в своеобразные смотрины. Вокруг площадок — фотокорреспонденты, журналисты, видные специалисты тенниса, да и просто любопытные болельщики. У каждого на лице словно написано: ну-ка, посмотрим, как играют русские теннисисты, близка ли их игра к лучшим мировым стандартам?

Пожалуй, впервые мы тогда почувствовали, насколько важно, чтобы наш теннис был представлен за рубежом спортсменами с передовым стилем игры и техникой, изготовленной по современным рецептам. Стоило, например, Потанину начать тренировать подачу и удар над головой — свои, мягко скажем, не лучшие приемы техники,— как тут же посыпались критические замечания. Выдающийся теннисист, трехкратный победитель Уимблдона англичанин Ф. Перри заметил с некоторой укоризной: «Учтите, весь ваш теннис — в двух посланцах, и по их игре судят о советском теннисе в целом». Что греха таить, Потанин действительно не производил впечатления игрока передового стиля, хотя зрителям и нравились его острые мощные удары с задней линии.

Естественно, и мы смотрели во все глаза на тренировки сильнейших игроков мира. Они очень много работали над техникой. И это в период, когда почти каждый день приходилось выступать в нескольких матчах.

До матча — тренировка «настроечная», после — «корректировочная», чтобы устранить по свежим следам недостатки, выявленные в соревновании. А как же быть с казавшимся вечным рецептом: до встречи отдыхайте, накапливайте энергию, отвлекайтесь от мыслей о предстоящем соревновании? Рецепт этот, как и многие другие, безнадежно устарел. Его место занял новый: не теряйте в работе над техникой ни одного дня, и перед матчем еще и еще раз шлифуйте ее, как бы настраивая на соревновательную волну.

В первую очередь наше внимание привлекали теннисисты Австралии. И не только потому, что они представляли первую теннисную державу мира. Их сразу можно было отличить от подавляющего большинства других участников по особенностям тренировки.

Австралийцы часто играли втроем. Один спортсмен располагался у сетки, а двое — у задней линии или, наоборот, двое у сетки, а один — у задней линии. Теннисиста у сетки «обстреливали» острыми обводящими ударами. Он старался не пропустить ни одного мяча, даже если ему и приходилось делать самые невероятные броски или прыжки у сетки.

Если же у задней линии располагался один теннисист, то он превращался в своеобразного «бегунка». «Сеточники» все время направляли мячи в разные стороны, и «бегунок» метался из угла в угол, совершая предельно быстрые рывки, которым мог бы позавидовать заправский спринтер.

«В австралийской школе тенниса нет секретов, ее особенности просты и широко известны: атлетизм, хорошая начальная постановка техники и интенсивная темповая игровая тренировка с ударами главным образом в сложных условиях». Такую характеристику теннисной школе Австралии дал ее ведущий специалист Г. Хопман.

Тренировки австралийских игроков были наглядной иллюстрацией всех этих трех принципов. Было ли в них что-либо для нас новое? Казалось бы, нет. Ведь все они звучали словно прописные истины. Однако дело в том, что многие из этих истин были у нас тогда, да и остаются нередко и сейчас, только достоянием теории. В практику же глубокими корнями вросла тренировка, не нацеленная на освоение современного стиля игры. Так, например, до сих пор живучи старые традиции облегченной, как бы размеренной игровой тренировки, когда все сводится к длительному обмену легкими для приема ударами, направляемыми партнерами друг на друга.

Два игрока неторопливо выходят на площадку, в их распоряжении три мяча. Нужно потренировать удары с лёта? Что может быть проще. Теннисисты располагаются у сетки и любезно перебрасывают мячи друг другу, стараясь это сделать поточнее, чтобы не затруднять партнера.

А теперь нужно потренировать удар над головой? И это можно сделать очень легко. Игрок становится у линии подачи и, почти не двигаясь, отбивает мячи, направляемые партнером, просто вверх. При этом теннисисты совсем не думают о том, что данный прием техники в игровой обстановке выполняется совершенно в других условиях.

Такая тепличная тренировка была резким контрастом всему тому, что мы увидели у австралийских спортсменов. И тут невольно напрашивался вывод, что мы много знаем, но отнюдь не все делаем. Для современной же активной игры необходима темповая, очень интенсивная, планомерная игровая тренировка.

Быстро пробежали несколько дней перед первым боевым крещением. Нашим теннисистам удалось немного привыкнуть к необычным площадкам и особенностям «травяной» игры.

Каждый вечер мы спешили к экрану телевизора. Разве можно было удержаться от искушения посмотреть на самих себя. Вездесущие английские операторы следовали за нами по пятам, и от «взора» их кинокамер не ускользало буквально ничего. Вечером материалы их «кинодобычи» становились достоянием миллионов телезрителей.

На третий день нашего пребывания за рубежом мы получили по почте огромный пакет. В нем оказались маленькое письмецо и пачки газет. Письмо начиналось словами: «Здравствуйте, дорогие белые медведи (почему я вас так называю, вы узнаете из статьи в первой газете)...». Так писал нам хороший знакомый из Лондона — сотрудник советского посольства, страстный поклонник тенниса.

И вот газета у нас в руках. Быстро, с любопытством ее листаем. Вдруг перед нашими глазами в ширину всей страницы — огромный загадочный фотомонтаж с белыми медведями и вмонтированными в каждого из них фотографиями одного из членов нашей делегации. Ниже набран большими буквами интригующий заголовок статьи во всю газетную полосу: «Белые медведи в Африке».

Вот короткое изложение таинственного начала этой статьи.

Один английский лорд, проснувшись, как обычно, с большим запозданием, лениво взял свежую газету, которую он всегда прочитывал в постели за чашкой утреннего кофе. И конечно, первое, что привлекло внимание лорда, были новости и происшествия. И вдруг среди новостей — нечто необыкновенное. В Африке, в его собственных родовых владениях, появились белые медведи. Правда, автор тут же успокаивает читателей: это, мол, шутка, но по смыслу ее можно срав-

нить с последним сенсационным событием — появлением на английских кортах «красных теннисистов». И дальше довольно подробно рассказывалось о теннисе в СССР, о наших первых теннисных посланцах в Англии (статья была написана по материалам беседы с нами в день нашего приезда).

Когда мы стали просматривать вторую газету, на развороте нашему взору открылось множество странных фоторепортерских творений. На 24 фотоснимках были запечатлены в самых различных положениях... женские ноги. Сначала я подумал, что это — своеобразная викторина и читателя приглашают определить, кому из знаменитостей киноэкрана они принадлежат. Название статьи зафиксировало мою ошибку. «Первые красные ноги на травяных кортах Великобритании» — так именовалась статья, посвященная Анне Дмитриевой — «белой медведице с теннисным стилем модерн», как ее назвал автор.

Когда на следующий день мы пришли на площадки, с нами тепло поздоровался президент клуба, протянул уже знакомые нам газеты и, расплывшись в улыбке, спросил: «Как себя чувствуют «белые медведи»?». «Медведи», если говорить откровенно, были в немалом волнении, ожидая «боевого крещения» в Бекнемском турнире — Международном первенстве графства Кент.

Не в традиции англичан устраивать пышные торжественные церемонии во время соревнований. На этот раз традиции были нарушены. Приветствовать советских теннисистов прибыли мэр города Бекнема, представители Федерации тенниса Англии и другие официальные лица. И, как писала одна английская газета, «на центральном корте началась первая в истории церемония официального приветствия впервые приехавшей в Англию советской теннисной команды».

В этот момент мы с особой силой ощутили огромный международный авторитет нашей страны. Теннисисты многих государств в разные годы дебютировали в этих соревнованиях. Но, оказывается, никто не был удостоен таких приветственных пышных церемоний, которые, как объяснили организаторы соревнований, явились «данью уважения к великой стране».

И вот новички в мировом теннисе начали от матча к матчу выступать в роли «нарушителей спокойствия». Они переступали со ступеньки на ступеньку все выше и выше и, наконец, достигли верхнего «этажа» — финалов.

На пути Дмитриевой сначала стояли две англичанки, затем — две шведки.

Уверенная победа Ани над восьмой ракеткой среди английских девушек была воспринята как должное. А вот выигрыш Дмитриевой у чемпионки Лондона и второй ракетки Англии В. Хегард уже задел англичан за живое. Шутка ли сказать, первая ракетка столицы родины тенниса проигрывает спортсменке, имеющей всего лишь четырехдневный опыт игры на травяных площадках.

Не смогли одолеть Дмитриеву и обе шведки, в том числе и первая ракетка Швеции Н. Франделиус. В итоге — первый в жизни международный турнир за рубежом и первая победа!

Игра Дмитриевой получила высокую оценку теннисных специалистов, многочисленных представителей прессы. «У советской теннисистки вполне современный стиль игры, и она может пойти далеко»,— этими словами заканчивалась посвященная выступлениям Дмитриевой статья в одной из центральных газет Англии «Таймс».

Однако в спорте судят и победителей. Не явилась исключением и Дмит-

риева. Соревнования девушек и юношей — это своего рода испытание на перспективность. Их матчи оценивают в первую очередь с точки зрения будущих успешных выступлений в соревнованиях со взрослыми. Поэтому и не удивительно, что Дмитриеву «перемывали по косточкам», придирчиво анализировали все ее плюсы и минусы.

А минусы стали особенно ощутимы, как только Аня попробовала свои силы в соревнованиях со взрослыми (турнир взрослых проходил одновременно с турниром девушек, и в нем участвовало большинство звезд мирового тенниса). В первом матче жребий свел Дмитриеву с одной из лучших теннисисток Англии К. Леви. Матч прошел в крайне напряженной и захватывающей борьбе. В первой партии остро нападающей Дмитриевой удается повести — 5 : 4. Но здесь у нее неожиданно «сбивается дыхание», и начинает казаться, что выносливость спортсменки на исходе. Несколько простых ошибок у сетки, и важнейший гейм упущен. Дмитриева теряет быстроту, так необходимую для наступательной и точной игры. Сет за англичанкой — 7 : 5.

Однако затем наша спортсменка словно преображается. Беспрерывно нападая и снова обретя былую уверенность и, казалось бы, утраченную быстроту, Дмитриева свободно «расправляется» с соперницей и выигрывает вторую партию со счетом 6 : 0. В решающей партии она тоже быстро выходит вперед — 2 : 0. И здесь, так же как в конце первой партии, следуют сбивы дыхания, появляется еле заметная потеря уверенности, а за ними и элементарные ошибки. Англичанка ведет — 5 : 3. В этот момент Дмитриева берет себя в руки. Счет выравнивается — 5 : 5. Более того, Дмитриева подает и имеет 40 : 0 в следующем гейме. Но мысль «Как бы не проиграть!» словно давит нашу спортсменку. И Дмитриева матч проигрывает. И хотя ее поздравляют с хорошей игрой, все ее минусы оказываются обнародованными.

Игра Дмитриевой напоминала своеобразные взлеты и падения. Взлеты наступали обычно в ситуациях, когда терять уже было нечего, падения — в периоды самых решающих моментов матча. А энергия для борьбы то пополнялась как будто неизвестно откуда бравшимися новыми запасами, то, наоборот, неожиданно иссякала. Казалось, все так и толкало к самому простому выводу: главная причина поражения кроется в недостаточной выносливости. Но были и сомнения. Ведь спортсменка тщательно готовилась к соревнованиям в Англии, много тренировалась, регулярно занималась физической подготовкой. Так неужели выносливость могла иссякнуть уже в конце первой партии? Не объяснялись ли все «беды» Ани психологическими факторами? Установить истину сразу по одному-двум первым матчам в напряженной обстановке международных соревнований было трудно. Пришлось ждать последующих испытаний.

Потанин чувствовал себя на травяных кортах Англии менее уверенно, чем Дмитриева. И по вполне понятным причинам. Основные компоненты «травяной» тактики — нападающая подача и острая игра с лёта — были слабым местом этого спортсмена. Свои слабости он стремился компенсировать мощной игрой с задней линии. И, надо сказать, в ряде матчей ему удавалось буквально «забивать» соперников ударами с отскока.

В Бекнемском турнире среди юношей перед ленинградцем сложили оружие чемпион Финляндии М. Линкольн, француз К. Лези, первая ракетка английского графства Кент М. Макдермонд. В финале Потанин встретился с

очень сильным американцем Е. Бухгольцем, который, несмотря на свои восемнадцать лет, был одним из сильнейших и среди взрослых теннисистов США.

Первую партию выиграл беспрерывно и мощно нападающий американец со счетом 6 : 0. Андрей сам не свой. Его движения скованны, «чувство мяча» потеряно. Но началась вторая партия, и Потанина словно «взорвало»: «пошли» сильные удары из самых трудных положений. Ленинградец повел 5 : 3 и имел три сетбола. Выиграть их он так и не сумел, хотя игровые ситуации складывались в его пользу. Бухгольц понял, что тактика «ударом на удар» — это стихия Потанина. И тогда американец начал «сбивать» игру соперника резаными мячами, вынуждая его отражать их в трудной для сильных ударов низкой точке. В результате Потанин вынужден был довольствоваться в турнире вторым местом.

Уже первое соревнование за рубежом явилось суровым испытанием характера и подготовленности наших теннисистов. Дмитриева держалась на корте довольно свободно и действовала активно. Ее техника и тактика в принципе отвечали передовым требованиям. И хотя в игре спортсменки имелись досадные колебания, в целом ее выступление производило хорошее впечатление.

Матчи Потанина носили контрастный характер. Сумеет спортсмен «завести» себя, преодолеть внутреннюю связанность, и тогда он действует смело, активно, хотя и ведет игру главным образом у задней линии площадки. Не сумеет — тогда на корте совершенно другой человек, скованный, находящийся в каком-то оцепенении.

Необычная соревновательная обстановка, различные так называемые сбивающие факторы действовали на Андрея резко отрицательно. Аня, наоборот, значительно меньше подвергалась влиянию этих факторов.

Дмитриева довольно легко «подправляла» свои движения, вносила в них новое. Ее технику отличала своеобразная пластичность. Аня привыкла глубоко анализировать свою технику, систематически шлифовать ее элементы. Удары Дмитриевой с пластичными вариативными движениями были чем-то вроде фигурок из мягкого воска, которым всегда можно придать новые, более совершенные, формы. В результате у москвички выработалась способность «двигательного самосовершенствования». А эта способность — великое дело в спорте, и особенно в теннисе, с его очень разнообразными и сложными движениями.

У Потанина же техника как будто закостенела. Самым трудным было для него что-либо изменить в ней. И это не случайно. Потанин долгое время рос «дичком». Много и азартно играл со счетом, о технике думал мало и в детали своих движений вникать не привык. Технику спортсмена можно было сравнить с изделием из глины, которое в момент обработки было мягким, а затем застыло и приобрело постоянную форму.

Десять дней в Бекнеме пробежали незаметно. Интерес к нашей делегации со стороны многочисленных представителей прессы возрастал все больше и больше по мере того, как Аня и Андрей победно продвигались к финалам. От вездесущих корреспондентов просто не было отбоя ни в теннисном клубе, ни в гостинице, ни на улице, когда мы урывали время для прогулок по городу.

Особенно доставалось Ане. Даже в раздевалке она чувствовала себя не безопасно. Того и гляди, что из-за занавески, в окно или даже через замочную скважину тебя попытаются

взять на прицел фотоаппаратом, чтобы запечатлеть на пленку принадлежности туалета «красной леди». Со слезами на глазах смущенная Аня выскакивала из раздевалки, ища у нас защиты. Корреспонденты извинялись, клялись в самых благожелательных намерениях, заверяли, что все это было в первый и последний раз, а на следующий день все опять началось сначала.

Как из рога изобилия сыпались вопросы. И не только чисто теннисные. Многих искренне интересовала жизнь нашей страны, ибо правдивого о ней они знали не так уж много.

К сожалению, среди собеседников были и такие...

— Перед вами — один из старейших теннисных репортеров,— представился нам холеный, стройный джентльмен с сединой в висках. Беседу с нами он начал издалека. Наши ответы на его первые «дежурные» вопросы, видимо, не вызывали у него интереса. Об этом можно было судить по небрежным записям в объемистом блокноте.

Но вот журналист явно оживился. В его глазах блеснул невидимый до этого огонек. Теперь вопросы, один нелепее другого, касались... Советской Сибири.

— Правда ли, что в Сибири насильственными методами внедряют теннис, приучая играть на открытом воздухе даже в мороз? Кто из советских ученых расстался с жизнью после такой игры?..

Слушая эти бредовые вопросы, я невольно подумал об энтузиастах московского и ленинградского Домов ученых, которые действительно играют в теннис на воздухе в слабый мороз.

— Попробуйте побегать с ракетой в руках, когда морозец пощипывает ваши щеки. Это неповторимое удовольствие! — такими словами как-то пригласил меня опробовать «зимний теннис» профессор В. Смирнов, в то время председатель теннисной секции московского Дома ученых.

Обо всем этом я подробно рассказал журналисту. Но мой рассказ, как я сразу почувствовал, его не разубедил. Наоборот, он все более беззастенчиво, перевертывая факты с ног на голову, старался «подкрепить» свои вымыслы данными оригинального опыта наших замечательных энтузиастов тенниса.

Наконец, последовал «главный» вопрос:

— А не боитесь ли вы, что всю вашу команду сошлют в Сибирь, если завтра Дмитриева и Потанин проиграют в финале?

Мы окончательно поняли, с кем имеем дело. От такого только и жди каких-либо гадостей. Уже на следующий день одна из газет поместила аляповатый рисунок (автор, видимо, считал, что это карикатура) теннисистов с серпом и молотом на майках во время игры. Рядом на каждой из трибун стояли, словно изваяния, ни больше, ни меньше как «комиссары» с маузерами, в меховых шапках со звездами, в стеганках и валенках. И под этим «творением» большими буквами красовалась подпись: «Если Аня и Андрей сегодня проиграют, их ждет Сибирь!». Далее следовала «грязная» статья, где все, что мы рассказали, было до неузнаваемости и самым недобросовестным образом искажено и сопровождалось явно враждебными комментариями.

На пресс-конференции вечером мы сочли своим долгом ответить газете. Председательствующий, президент Бекнемского теннисного клуба, извинился за грубую, как он выразился, бестактность к гостям со стороны представителя «бульварной прессы».

Делясь впечатлениями о турнире, председательствующий не раз величал нас «возмутителями спокойствия». Приезд советских спортсменов, действительно, всполошил местных любителей тенниса. Очень многие из них пытались поближе познакомиться с представителями Советской страны.

Нарушилась даже привычная жизнь хозяина маленькой гостиницы, где обычно останавливаются участники турнира. Он с нескрываемым возбуждением и радостью позировал вместе с нами перед объективами фотоаппаратов. И наши «домашние фотографии» обошли страницы многих газет.

— Я теперь известный человек! — говорил с гордостью старый англичанин.— Разве я мог бы так прославиться, если бы нас с вами не свела судьба!

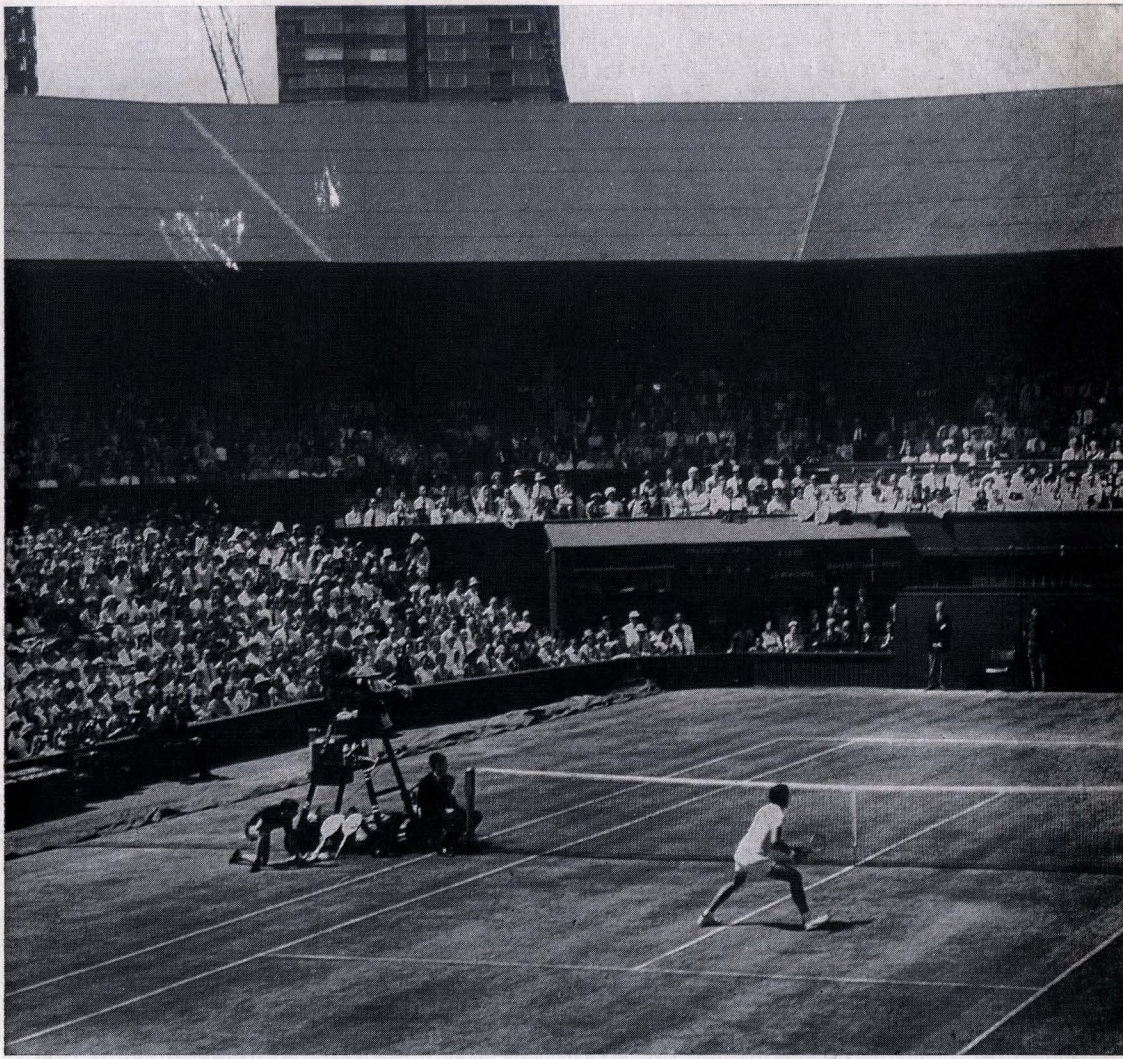
В дальнейшем мы стали ежегодными гостями Бекнема. И каждый раз, когда нам доводилось туда приезжать, мне казалось, что время там словно стоит на месте. Все тот же главный судья с неизменными помощниками. Тот же хлопотливый казначей клуба, который ровно в час дня садится на свой допотопный велосипед и уезжает домой обедать. Тот же совсем ветхий клубный павильон, до которого не дотрагиваются, так как ждут его естественной «смерти». Та же самая проклинаемая всеми, кроме одного человека, дорога к клубу.

Не могу не удержаться, чтобы об этой злополучной дороге не рассказать подробнее. Превратимся на несколько минут в спешащих к началу игр зрителей. Вот уже показался длинный старинный забор теннисного стадиона. Заворачиваем за угол и ступаем на эту самую «историческую» широкую дорогу, которую никак нельзя миновать, если вы хотите стать свидетелями теннисных поединков. Мимо вас медленно-медленно, чтобы как можно меньше поднять пыли, движутся, словно черепахи, автомашины со спешащими на турнир зрителями. Вы ступаете по рыхлому толстому слою песка и мелкого камня. Десяток шагов — и вы с ног до головы окутаны пылью.

Вот из машины вышла молодая дама. И тут же ее подхватывает на руки с иголочки одетый кавалер и бережно несет ко входу. Видимо, она не рискует поцарапать свои блестящие туфли на высоких каблуках. Многие бранятся, но... беспомощно разводят руками. А кругом — утопающие в зелени домики и асфальтированные, аккуратные дороги.

— Не удивляйтесь! Эта дорога — наша страна в миниатюре,— так начал о ней рассказ один из судей турнира, увидев, что мы очищаем обувь от пыли после необычного путешествия к воротам стадиона.— Принадлежит она одному престарелому лорду — любителю верховой езды. По ней он совершает утреннюю прогулку верхом на лошади, точно так же, как когда-то это делали его предки. Уже многие годы ему предлагают за счет клуба асфальтировать часть дороги, оставив нетронутой достаточно широкую «полосу», чтобы примирить интересы личности и общества. Но лорд неумолим. На «дипломатических переговорах» у мэра города он заявил безапелляционно: дорогу я получил такой в наследство от своих предков, точно такой же я должен передать ее и своим детям! Так мы ничего и не можем изменить,— сокрушенно закончил свой рассказ судья.

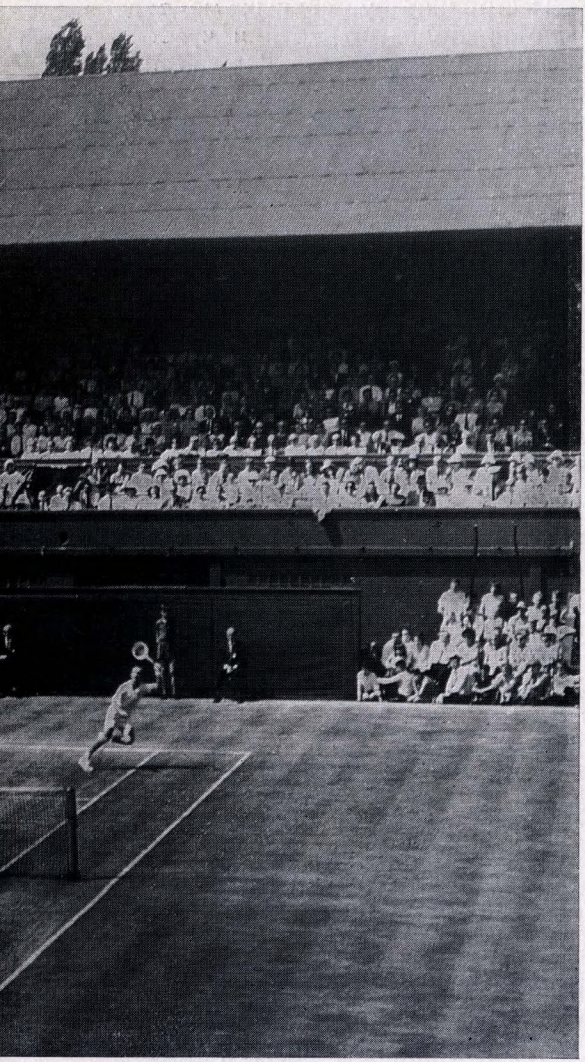
Бекнемские поклонники тенниса наперебой приглашали нас к себе в гости. Мы вынуждены были отказываться от предложений, так как освобождались только вечером и совсем усталые от игр, тренировок и обилия самых различных впечатлений еле доби-

рались до гостиницы. Но в субботу нас, как говорится, приперли к стенке, ибо турнир заканчивался и приближалось воскресенье — день долгожданного отдыха (воскресенье у англичан — традиционный день отдыха в кругу семьи, и поэтому даже международные соревнования не проводятся).

Предложений много, а свободный вечер только один. Желающих же поближе познакомиться с «белыми медведями» хоть отбавляй. К кому же пойти и чем обосновать выбор, чтобы никого не обидеть?

Одна семья нас особенно заинтересовала. Как ее только ни называли: и

Центральный корт Уимблдонского стадиона. Здесь развертываются главные баталии неофициального, но общепризнанного личного первенства мира. За этим кортом слава самого «быстрого» в мире. От его бархатистого, идеально ровного, упругого травянистого газона мяч отскакивает на редкость стремительно. Корт словно говорит спортсменам: я дарю победы только тем, кто умеет играть в высоком темпе, кто ценит достоинство сильных ударов, отличается очень быстрым бегом, сполна использует преимущества наступательной игры

семьей «помешанных на теннисе», и семьей «хранителей музейных редкостей». Бабушка с дедушкой, отец с матерью и дети — все страстно увлекались теннисом. Последнее поколение семьи — старшие брат и сестра участвовали в Бекнемском турнире и в первых матчах были неудачливыми соперниками наших Ани и Андрея. И только совсем маленькая трехлетняя Катрин свою преданность теннису могла подтвердить очень скромно: она с трудом таскала ракеты старших сестры и брата. Но как ни странно, именно самая маленькая представительница семьи теннисных фанатиков положила конец нашим сомнениям...

— Мы обязательно надеемся видеть вас нашими гостями,— обратился к нам отец юных теннисистов.— Мы живем совсем рядом с клубом, и, я уверен, наша уникальная коллекция будет для вас очень интересна. Перед нами в ожидании стояло все семейство от мала до велика. Чувствуя нашу нерешительность, англичанин, явно в надежде завлечь нас, начал расписывать в самых заманчивых красках семейные сокровища.

— Вы увидите ракету майора Уингфилда — создателя в прошлом веке первых теннисных правил; ракету прославленной француженки Сюзанны Ленглен, рекорд которой по числу завоеванных первых мест в Уимблдоне не побит до сих пор; теннисные туфли самого Фреда Перри — гордости английского тенниса; коллекцию галстуков всех крупнейших теннисных клубов...

А в это время маленькая озабоченная Катрин ходила вокруг Ани и время от времени робко, с каким-то особым любопытством дотрагивалась до нее

пальцем, словно хотела проверить, такая же она, как все остальные. Но вот, наконец, в заманчивом рассказе наступила пауза. На лице главы семейства застыл вопрос: ну как, придете? И в этот самый момент Катрин, подойдя к отцу, смущенно спросила: «А правда, что у русской девочки папа... белый медведь?». Разве можно было после такого вопроса не пойти в гости именно к ним!

В теннисном клубе нас провожали как хороших старых друзей. Мэр Бекнема и президент клуба пожелали успехов нам в грядущих уимблдонских баталиях и отпустили только после того, как мы дали слово приехать и в следующем году.

— Напоминать о вашем первом пребывании в Бекнеме, а также об обязательстве сдержать свое слово будет вымпел, который вы нам любезно подарили,— заключил нашу прощальную беседу президент клуба, повесив на самое видное место красный вымпел с гербом Советского Союза.

Затем мы оказались в плотном окружении старейших членов клуба. Их можно было отличить по особым почетным значкам. Они подняли бокалы в честь наших первых успехов, хотя и были несколько разочарованы, когда узнали, что мы придерживаемся «сухого закона».

Покидали мы стадион в окружении целой армии мальчишек. Они нас сразу «обезоружили» — отобрали ракеты и сумки с вещами и под «конвоем» доставили прямо к домику, куда нас пригласили в гости. Те из ребят, которые раньше не успели обзавестись нашими автографами, наверстывали упущенное. Наутро нам предстояло покинуть гостеприимный Бекнем — город первого боевого крещения наших теннисистов в крупных соревнованиях за рубежом.

Настроение у «белых медведей» было приподнятое, хотя и чувствовалась большая усталость. Результаты соревнований приободрили, вселяли определенную уверенность, обнадеживали. Впереди предстояло главное испытание — Уимблдонский турнир.

В УИМБЛДОНСКОМ ФИНАЛЕ «КРАСНАЯ ТЕННИСИСТКА»

Уимблдон! Для теннисистов это место на окраине Лондона все равно, что гора Олимп у древних греков. Если вы хоть раз участвовали в Уимблдонском турнире, считайте, что ваше имя вписано в историю мирового тенниса.

Кого там только не увидишь. И саму историю — шестидесятилетних знаменитостей, блиставших на кортах многих стран более тридцати лет назад, и «настоящее» — ныне ведущих теннисистов «всех стран и народов» и, наконец, «будущее» — весь цвет юношеского мирового тенниса. И для каждого участника своя возрастная табель о рангах, свой турнир со своими особыми традициями.

Ветераны соревнуются только в парах. Отбор в их турнир — строжайший. Тому, кто хоть однажды был увенчан лаврами победителя Уимблдона, предоставляется пожизненное право участвовать в сражениях ветеранов. Так что бывшие короли Уимблдона играют до тех пор, пока сами не решат: теперь уж хватит! Вместе с ними играют только те, кто когда-то были их достойными соперниками.

В турнир нынешних звезд отбор тоже сугубо персональный. Не такой, какой принят в других видах спорта, где стране предоставляется определенное число мест и ее полномочные представители сами решают, на ком остановить выбор. Пропуск в Уимблдон

вручают только игрокам, получившим мировое признание. И даже таких претендентов хоть отбавляй. Ведь теннис — один из самых распространенных, популярных и авторитетных в мире видов спорта. Чтобы хоть как-то удовлетворить многочисленные претензии, организаторы соревнований все же шестнадцать участников — восемь мужчин и восемь женщин — определяют по результатам предварительных отборочных турниров. Но и в эти турниры отбор только персональный.

Чего только ни рассказывают об отборочных турнирах. У них особая летопись, свои оригинальные «черты характера», свои неповторимые трагедии...

Один канадец двенадцать лет подряд испытывал свое счастье. И каждый раз безуспешно. Тогда Канадская федерация тенниса, окончательно потеряв веру в уимблдонские возможности неудачника, сказала ему: выделять средства на дорогое путешествие в Англию больше не будем — все, хватит! Но и это жестокое решение не убило мечты фанатика. Он не упал духом. Хорошо, что его родственники оказались поклонниками тенниса. Они, как утверждают уимблдонские старожилы, весь год копили ему деньги на поездку. И только поэтому в тринадцатый раз спортсмен оказался на травяных кортах Англии.

И что же вы думаете? Число тринадцать оказалось для него счастливым: традиционный неудачник прошел через все испытания отборочного турнира и вписал свое имя в уимблдонскую историю.

Этот канадец не исключение. Немало теннисистов только после многократных «заходов» наконец «пробивались в историю». Но большинство кандидатов пополняло другую многочисленную армию — армию неудачников.

Традиции в Уимблдоне превыше всего. «Все сохранить по-прежнему» — словно таким девизом руководствуются организаторы турнира. Даже ритуал проведения жеребьевки и тот — одно из живых воплощений этого девиза.

Много повидала на своем веку старинная лондонская крепость Тауэр (теперь в ней музей). Видела королевские церемонии, казни преступников, тайные убийства тех, кто стоял на пути к власти или мешал ей укрепить свое могущество. Обо всем этом расскажет вам в самых ярких красках престарелый экскурсовод.

До недавнего времени был в крепости и один живой свидетель королевских тайн. Ему было более двухсот лет. О его птичьей жизни, «месте в истории» экскурсовод мог говорить часами. Но мало кто из многочисленных посетителей музея знал, что именно этот самый ворон вершил судьбами сильнейших теннисистов мира.

Каждую среду, за пять дней до начала очередного уимблдонского сражения, ворон снимал с себя обязанности охранника крепости и хранителя ее истории. В торжественной обстановке его везли туда, где он должен был «казнить» или «миловать» теннисистов. Как только главный судья турнира называл очередной порядковый номер в игровой сетке, ворон тотчас вытаскивал острым клювом одну из маленьких бирочек с фамилией игрока. И участь спортсмена была решена: он узнавал, с кем он встретится в первом круге и кто его соседи в игровой сетке.

Сорок один год ворон безукоризненно, как утверждают старожилы, справлялся со своими «жеребьевочными» обязанностями, но в конце концов не выдержал мирских забот.

В 1964 году ворона с почестями похоронили. Вместе с ним прекратила существование и церемония «вороньей жеребьевки». Теперь жеребьевка до-

веряется людям. Но злые языки утверждают, что во времена ворона объективности было больше.

Создается впечатление, что сохранить традиционность в Уимблдоне пытаются в любой мелочи и изменить раз и навсегда заведенное могут лишь чрезвычайные обстоятельства. Так же как и в Бекнеме, здесь десятки лет один и тот же главный судья со своими, как может показаться, незаменимыми помощниками. И те же судьи на вышках и линиях. И те же самые полицейские с видом королевских гвардейцев, охраняющие вход в мужскую раздевалку, в которой тоже свои старожилы. Вы захотели выпить стаканчик фруктового сока — извольте. Его вам подаст всегда улыбающийся старичок. Протягивая стаканчик, он обязательно, как вчера, сегодня и завтра, скажет вам: «Спасибо, сэр!». Если же вам понадобится воспользоваться помощью врача или массажиста, то и в этом случае вы встретите старых знакомых. Обслуживая вас, они с гордостью расскажут, кого из великих теннисистов и как они исцелили.

И что интересно: почти каждый из должностных старожилов Уимблдона питает страсть к собиранию различных сувениров. Например, если теннисист не подарит своей фотокарточки с автографом врачу, полицейскому или старичку — утолителю жажды, то это тоже будет нарушением традиции. Поэтому не удивляйтесь, что у всех у них хранятся огромные коллекции фотоснимков теннисных звезд мировой величины.

«Должники» покупают дарственные фотокарточки обычно там же, на стадионе, где в специальном киоске имеется набор фотоснимков «уимблдонщиков».

Свои традиции и в награждении победителей. Смотришь на торжественную церемонию и кажется: все в ней уже давно рассчитано буквально по секундам и каждый из ее участников давным-давно прочно заучил свою роль.

Много таинственного расскажут вам о травяном грунте Уимблдона. По тому, как его лелеют, видно — это святыня. Общепризнано, что лучшего травяного покрова на белом свете нет. Участники только двух соревнований в году появляются на бархатистом зеленом газоне. Остальное время площадки любовно готовят к грядущим сражениям: удобряют почву, выращивают молодые побеги, стригут, укатывают, «подкармливают».

У клуба свое большое подсобное хозяйство с участками зеленого газона, точь-в-точь такого же, как и на самом теннисном Олимпе. Если на площадке вытрется или пожелтеет хотя бы совсем небольшой кусочек, сразу же производится «хирургическая операция», напоминающая пересадку кожи. Пораженную часть удаляют, а на ее место «приживляют» новый кусок дерна, взятый в подсобном хозяйстве. Но «послеоперационный период» продолжителен. И здесь встает проблема «несовместимости тканей». Как утверждают специалисты, должно пройти по меньшей мере шесть месяцев, прежде чем наступит полное «выздоровление» газона и на корте можно будет играть.

Теперь давайте взглянем на Уимблдонский стадион сверху в самый разгар соревнований. Прежде всего нам бросится в глаза огромная чаша центрального корта, увенчанная по краям довольно широким «козырьком». Восемнадцать тысяч зрителей могут любоваться здесь сражениями теннисных премьеров. Правда, большую часть зрителей мы сверху не увидим, так как «козырек» скроет их от нашего взора, так же как и от солнца и дождя.

На открытой для обозрения сверху части трибун море шляп самой причуд-

ливой формы. Но в одном углу, у самого заднего фона площадки,— нечто необычное. Присмотримся внимательнее. Что это? Неужто уголок какого-то английского госпиталя? Там те, кто меньше всего хочет, чтобы их видели. Они лежат на напоминающих операционные столы тележках или сидят в специальных креслах, опустив безжизненные ноги. Для этих людей, потерявших способность передвигаться собственными силами, жизнь тоже немыслима без тенниса.

Теперь бросим наш взор на другие «воздушные цели». Рядом с центральным кортом — огромный прямоугольник корта № 1 с различными по высоте трибунами. Одна из них — примерно с десятиэтажный дом.

Вблизи двух «великанов» еще четырнадцать зеленых прямоугольников, аккуратно расчерченных белыми линиями. Два из них окаймлены трибунами.

Между кортами хорошо различимы большие и малые «каналы». По одним медленно движется людской поток, в других, напротив площадок, где развернулись сражения, движение замерло. Если бы мы попытались сосчитать присутствующих на соревнованиях, то получилась бы внушительная цифра — около тридцати пяти тысяч.

Весь этот огромный стадион — собственность Уимблдонского теннисного клуба — одного из самых старых и богатых клубов Англии. Простому смертному доступ туда закрыт наглухо. Каждый член клуба — это «персона», титулованная личность, с хорошим, как принято говорить у англичан, положением в обществе. Члены клуба восседают на центральном корте на самых лучших местах рядом с королевской ложей. Их вы можете отличить по лиловым с серыми полосами галстукам, которые они с гордостью носят. Галстуки эти не продаются. Их вручение возведено в ранг особой церемонии, напоминающей средневековое посвящение в рыцари.

Порог этого уникального «царства тенниса» и переступили в 1958 году Дмитриева и Потанин. И, как всегда, первое желание новичков после беглого осмотра «достопримечательностей» — быстрее потренироваться на новых площадках.

— Тренироваться в Уимблдоне в дни турнира кому бы то ни было — упаси бог! Даже предварительно разминаться перед матчами мы разрешаем только тем, кому предстоит выступать на центральном и первом кортах,— такими были предостерегающие слова главного судьи в день нашего первого визита на стадион.

Так неужели в период самого главного соревнования сильнейшие теннисисты мира изменяют своей хорошей традиции: утром проводить «настроечную» тренировку? Не будем спешить с выводами. Отправимся пораньше в Лондонский королевский клуб, где множество самых различных площадок.

Вот мы миновали «контрольно-пропускной пункт» — будочку со старым служителем и большие ворота. Ответим на его дежурный вопрос: кто мы и откуда? Ведь он еще не знает нас в лицо. Вот перед нами панорама травяных и грунтовых площадок. Присмотримся к играющим. Что-то не видно среди них никого из теннисных звезд. А ведь ведущие игроки в один голос утверждали, что именно здесь они всегда проводят утро перед боями.

Двинемся дальше. Ведь в клубе еще и пять крытых деревянных кортов. А стоит ли вообще туда ходить? Разгар лета, жара... Разве отдать только дань любопытству?

Заходим в один зал, другой, третий... Там раздаются удары мячей. И тогда тайна раскрывается. Именно

здесь вовсю бьет ключом жизнь участников Уимблдонского турнира. Работа, работа и еще раз работа. Тяжелая, целеустремленная и самозабвенная. Каждый ушел в себя. Выражения лиц сосредоточенные, словно спортсмены пытаются что-то найти недавно потерянное. Ведь через каких-нибудь несколько часов будет решаться их судьба уже на кортах Уимблдона. А сейчас надо успеть подшлифовать технику, настроить ее на игру с ближайшим соперником, еще и еще раз опробовать тактические задумки. Неправда, что «перед смертью не надышишься»! И за несколько часов до самого ответственного соревнования можно сделать многое!

Однако почему же именно деревянным кортам отдается такое предпочтение? Предстоит-то сражаться на траве. Разве не лучше тренироваться на травяных площадках?

Секрет здесь — в очень стремительном отскоке мяча. Идеально ровный, как биллиардный стол, деревянный корт «отталкивает» мяч еще быстрее, чем даже самые быстрые корты Уимблдона. И теннисисты рассуждают так: приспособимся к самому быстрому игровому темпу деревянных площадок, тогда значительно легче будет действовать на траве.

Вышли на непривычные деревянные площадки и Аня с Андреем. Однако приспособились они к ним не сразу. У себя дома они играли в те годы только на грунте. Однако «тонизирующие свойства» даже нескольких дней тренировок на деревянных площадках спортсмены ощутили сразу, как только включились в жаркие уимблдонские поединки.

А теперь представьте себе, сколько волнений было при томительном ожидании жеребьевки турнира девушек и юношей. Разве можно остаться равнодушным, когда «верховные жрецы» судейской коллегии вот-вот назовут сильнейших для «рассеивания» в игровой сетке. Наконец все стало известно. Признаны сильнейшими и «рассеяны» у девушек четверо — С. Моор (США), Е. Харди (Австралия), Я. Трюби (Англия) и А. Дмитриева (СССР), а у юношей — «восьмерка» — Е. Бухгольц (США), Д. Лешли (Дания), А. Потанин (СССР), Р. Барнес (Бразилия), Д. Арилья (Испания), Т. Холмберг (Швеция), Р. Лал (Индия) и Д. Татерселл (Англия).

Турнир начался. Аня уверенно побеждает голландку Х. Раинен и шотландку Е. О'Нейлл. Но затем на ее пути к финалу становится первая ракетка Англии Я. Трюби. Англичане не сомневались в победе своей спортсменки. За ее плечами уже был большой опыт выступлений в соревнованиях взрослых. Кроме того, она четыре месяца тренировалась в Австралии на международном сборе под руководством ведущих специалистов этой страны.

Начало матча подтверждает прогнозы. Англичанка ведет — 3 : 0 и 40 : 15. Но Дмитриева не собирается уступать. Уверенными выходами к сетке после подачи она набирает очко за очком.

Стоит сопернице подать чуть короче, и Аня сразу контратакует. И счет уже 6 : 6. В этот момент англичанка играет несколько точнее. И сет за ней — 8 : 6.

Не прошло и 20 минут, как Дмитриева во второй партии впереди — 5 : 2. Куда девались обидные ошибки, ей удается буквально все. Однако в следующие 20 минут инициатива у точно и остро играющей соперницы. Счет в ее пользу — 6 : 5. Вот она обидная угроза поражения! Ситуация такова, что терять уже нечего. Надо дерзать! И Аня дерзает. Три очка подряд бле-

стяще выиграны ударами у сетки.

Решающий сет Аня играет словно под лозунгом: «Так держать!». С общим счетом 6 : 8, 8 : 6, 6 : 2 она побеждает.

Теперь впереди оставался только один финальный матч. Пусть расскажет о нем читателю сама «виновница торжества».

«...Нескончаемо долго тянутся минуты перед выходом на встречу. Ведь я впервые в финале Уимблдона. Предстоит играть на первом корте на глазах многих тысяч зрителей, да к тому же еще против американки С. Моор. От одних только этих мыслей становится как-то не по себе.

Непривычно сильно стучит и стучит сердце, как будто в груди стало тесно, и оно спешит вырваться наружу. Скорее бы начался матч! Там в азарте борьбы должно быть легче. А собственно говоря, почему я так сильно волнуюсь? Конечно, как никогда хочется выиграть. Ну, а если уступлю сильной сопернице? Я ведь новичок в большом теннисе, а она там — «свой человек». Несмотря на то что ей всего восемнадцать лет, за ее плечами уже несколько сезонов выступлений во многих странах мира. К тому же она не только первая ракетка США среди девушек, но и восьмая среди взрослых. Так что не стыдно будет, если и проиграю.

Вот, наконец, и выход на площадку. Старинная надпись на длинной дощечке, прибитой к стене еще в начале века, гласит: «Проиграешь — не отчаивайся, не ты первый, не ты последний!». И как бы в ответ прочитанному стараюсь успокоить и подбодрить себя: «А я вовсе не боюсь! Буду играть смело, остро, а там что будет, то будет».

Первые разминочные удары на площадке словно в каком-то тумане. Со всех сторон колышется море зрителей... Кажется, что каждый впился в тебя глазами и за любой удар ставит строжайшую оценку, как школьнице.

Но вот появляется и первое радостное чувство: от удара к удару как бы спадает напряжение, начинаю чувствовать мяч, теперь он уже не кажется необычно тяжелым.

С первых ударов иду в атаку. Но слишком спешу, подготовительные удары для выхода к сетке получаются недостаточно длинными. К тому же и мяч отскакивает довольно высоко. А это только на руку сопернице. Ведь ее коронное оружие — сильные плоские удары в высокой точке. Так что нужно обязательно добиться низкого отскока мяча. Тогда можно будет успешнее действовать у сетки.

Но и американка, несмотря на закалку в многочисленных международных сражениях, человек не каменный и ей не чуждо волнение. Чувствую, что мои выходы вперед действуют на нее угнетающе, и она нередко ошибается при ответных ударах.

Все больше и больше ощущение хода матча как бы раздваивается. С одной стороны, понимаю, что с соперницей можно играть на равных и решительными, но без спешки, выходами к сетке уверенно набирать очки; с другой — начальные и «средние» очки в геймах набираю довольно свободно, но как только начинается розыгрыш «ключевого», решающего, очка, так что-то очень тонкое, еле-еле уловимое в движениях нарушается и приводит к простым ошибкам.

Вот и получается, что почти в каждом гейме веду в счете, а завершить его в свою пользу не удается. Ведь во всех шести играх было у меня по нескольку геймболов. Но партию все же выиграла американка — 6 : 3. И что самое обидное: большинство решающих очков Моор набрала не своими неот-

разимыми ударами, а за счет моих довольно простых ошибок.

Вторая партия. В движениях появилась долгожданная свобода. Соперница начинает играть острее. Стремительно ношусь из стороны в сторону, но не всегда успеваю к мячу.

Тактика американки понятна и проста. Она старается выбить меня с площадки косыми ударами, затруднить выход к сетке и при первой возможности завершает розыгрыш очка острым ударом. Стоит мне ударить коротко, как американка отвечает сильно и уверенно устремляется к сетке.

И все же игра выровнялась, каждая из нас выигрывает свою подачу, и вот счет уже — 4 : 4. Веду на своей подаче 40 : 0.

«Только бы не ошибиться»,— такая «греховная» мысль вдруг неожиданно мелькает в сознании. И тут же, словно в ответ на нее, двойная ошибка. Почему-то начинаю подавать чуть-чуть осторожнее. И это «чуть-чуть» делает подачу короче и менее активной.

Начинаю злиться. Так все было хорошо, стала играть свободно, психологически раскрепостилась и вдруг снова в решающий момент такие простые, обидные ошибки. К тому же опять сбивы дыхания. Хочу себя перебороть и никак не могу. Как будто моими движениями управляет какая-то злая, неподвластная мне сила.

Проигрываю два гейма, а с ними и матч. И хотя меня все поздравляют с почетным вторым местом, настоящей удовлетворенности нет. Могла бы сыграть гораздо лучше!»

Что можно добавить к этому рассказу Ани? Да, пожалуй, ничего. Он и так достаточно красноречив и в полной мере объясняет все достоинства и просчеты ее игры.

— Андрей Потанин «попал» на первого юношу Франции А. Брессона,— с сочувствием объявил нам, разводя руками, главный судья юношеских соревнований. В его словах звучала твердая уверенность в победе француза. К тому времени он уже имел солидный международный опыт и считался общепризнанной третьей юношеской ракеткой мира.

Но на ленинградца это не подействовало. Он и не думал склоняться перед авторитетом соперника. Мощной игрой с задней линии и сильным контратакующим приемом подачи Потанин ошеломил француза и выиграл со счетом 6 : 3, 8 : 6.

Во втором матче Потанин разгромил (6 : 1, 6 : 0) чемпиона Португалии А. Абреу и вышел в $^1/_4$ финала. Теперь его соперник — бразилец Р. Барнес — главный, после американца Е. Бухгольца, претендент на первое место.

Матчи Потанин — Барнес и Бухгольц — Барнес были названы в английской прессе двумя трагедиями. Наш теннисист уступил победу, имея один сетбол в первой партии и пять — во второй. В свою очередь, Барнес в полуфинале потерпел поражение от американца после трех матчболов в свою пользу.

Малоактивной подачей Андрей давал сопернику своеобразную фору. Этим ударом он фактически только вводил мяч в игру. Не хватало Потанину и «концовки» — завершающих ударов с лёта у сетки.

Остроплассированными ударами с отскока Потанин создавал, казалось, начисто выигрышные ситуации, но использовать их не мог.

Потанин проиграл с марафонским счетом 7 : 9, 12 : 14. С досадой покидал он площадку.

— Улучшишь подачу и игру с лёта, тогда в следующем году победишь таких теннисистов, как Барнес,— справедливо заметил, обращаясь к нашему спортсмену, один из присутствующих на матче журналистов.

Но Андрей, как мне показалось, не оценил должным образом этого напутственного совета.

— Да я и так мог свободно выиграть! — бросил он с некоторым оттенком раздраженности.

Никто и не сомневался в возможности его победы в матче с бразильцем. Но если говорить о будущих результатах спортсмена, то они зависели в первую очередь от успешного освоения им современного игрового оружия.

В реплике же ленинградца звучали тревожные нотки. Слова «я и так» не подтвердили убежденность спортсмена в необходимости модернизации игры. А от этой убежденности, как мы увидим дальше, и зависела спортивная судьба Потанина.

Выступление советских теннисистов на английских кортах закончилось. Приобретенный соревновательный опыт стал не только достоянием наших «пионеров», но и был хорошим вкладом в советскую школу тенниса в целом. К тому же открылась возможность достаточно глубоко проанализировать технику и тактику сильнейших игроков мира, познакомиться с их тренировками.

Мы скрупулезно вели специальные записи матчей, в которых встречались главные претенденты на призовые места. Неумолимые цифры записей отчетливо вскрывали важнейшие тактические особенности их игры. Большинство очков сильнейшие теннисисты набирали активными ударами и лишь незначительное количество — за счет ошибок соперников. И все это на фоне малого числа собственных ошибок. Таким образом не ошибки, а выигрышные удары (с лёта и подача) задавали тон всей игре.

У сильнейших игроков попадание при подаче первым мячом составляло 75—85%. И это в условиях, когда подача была мощным нападающим ударом и почти все время использовалась для выходов к сетке. Во многих матчах 20—30 очков теннисисты набирали фактически без игры: мощная подача немедленно приводила к выигрышу очка.

Матчи между фаворитами соревнований с особой силой подчеркивали огромное значение психологических факторов.

Один из финалистов мужского одиночного разряда австралиец А. Купер в 1958 году делал вторую попытку овладеть короной Уимблдона. Его выступление в финальном матче предыдущего года и было отличной иллюстрацией влияния на спортсменов психологических факторов.

Турнирный путь в финал у Купера в 1957 году был, как говорят, усеян розами: спортсмен не проиграл ни одного сета до заключительного поединка. Путь же к финалу его соперника Л. Хоада был усеян скорее шипами от них: побеждал он с большим трудом, как правило, в напряженных пяти партиях. И накануне матча большинство специалистов отдавало предпочтение новой восходящей звезде австралийского тенниса Куперу.

Каково же было удивление всех, когда Хоаду понадобилось лишь 35 минут для того, чтобы в пух и прах разгромить своего соотечественника. Победитель играл безукоризненно, на редкость уверенно, остро и смело. Казалось, спортсмен с первого удара ничуть не сомневался в своей легкой победе. Не только игра, но и весь его внешний вид выражал непоколебимую уверенность.

Побежденный же находился в состоянии оцепенения, скованности. Его движения совсем утратили слаженность и точность. Он напоминал механизм, в котором нарушилось главное — тонкая система управления. А ведь всего за

два дня до этого рокового матча он играл просто блестяще.

В беседе с журналистами Купер так объяснил причины своего провала.

— Сначала в каждом матче я дерзал и не думал о конечных результатах турнира. Но чем дальше, тем все больше и больше начинала ощущаться реальная возможность выиграть первое место. Окружающие подливали масло в огонь. Многие прямо говорили: у тебя теперь нет соперников, ты побьешь самого Хоада! Довершил все такой, казалось бы, непримечательный эпизод. В раздевалке перед самым выходом на матч ко мне подошел товарищ и, похлопав меня по плечу, воскликнул: — Эшли! Победа у тебя в кармане!

— И в результате всего этого прежнее психологическое состояние «Мне терять нечего, и я дерзаю» совершенно неожиданно уступило место состоянию «Как бы не проиграть». А такое состояние, как известно каждому спортсмену, лучший союзник... твоего соперника.

Поучительный матч между Хоадом и Купером еще раз с очень большой силой подтвердил, что главное оружие спортивной победы — это сила духа, устойчивость нервной системы, хорошее состояние психики теннисиста.

Невольно напрашивается вопрос: неужели подобная психологическая ситуация должна была обязательно привести именно к такому обидному концу, когда спортсмен не мог фактически показать то, на что был потенциально способен? Во всем этом самое удивительное, что все факты, предшествующие матчу, в том числе и реплика приятеля Купера, казалось, должны были внушить уверенность спортсмену. А на деле оказалось иначе. Причина здесь, безусловно, в характере самого спортсмена, его индивидуальных особенностях, и в первую очередь особенностях психологических. Ведь на другого игрока эти же самые психологические факторы могли повлиять самым благоприятным образом.

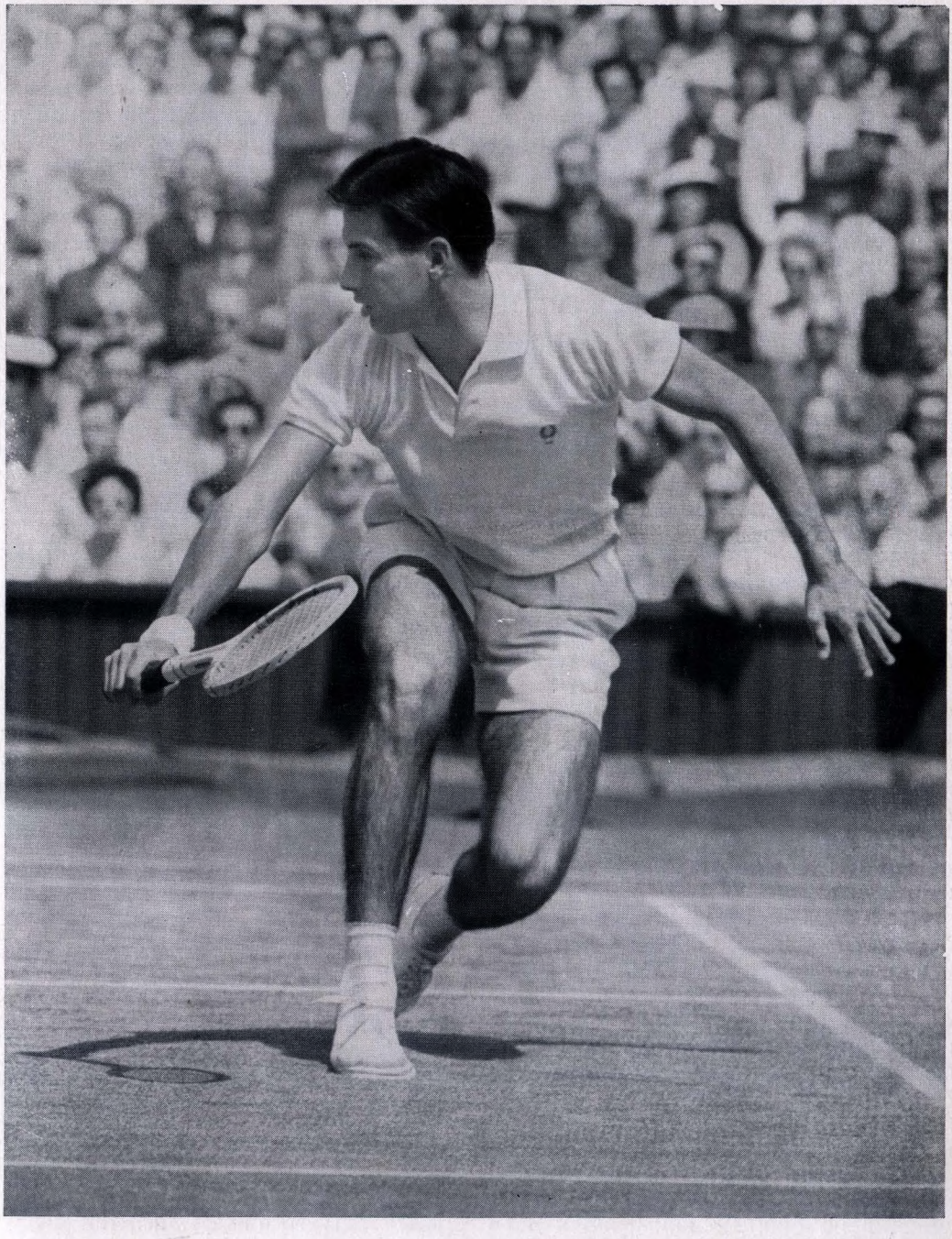
А есть ли вообще спортсмены, не подверженные разрушающим влияниям психологических факторов? Да, теннисная история таких знает. За примерами далеко ходить не надо. Многократные чемпионы СССР, заслуженные мастера спорта Н. Теплякова и Н. Белоненко, Б. Новиков и Н. Озеров всегда были сильны в первую очередь своим спортивным духом, непреклонной волей к победе.

Интересно, что и Купер в 1958 году был совершенно другим, чем годом раньше. Казалось, что предыдущий победитель передал ему в наследство все бойцовские качества. И Купер обыграл своего очень сильного соотечественника Н. Фрезера.

Вспоминая о многих финальных матчах Уимблдона последующих лет, я обнаруживаю в них ту же примечательную особенность. Теннисисты хорошо действовали в решающих схватках и становились победителями не с первого, а как бы со второго захода. Причем в первых финальных матчах им редко удавалось играть даже в свою среднюю силу. Ход соревновательных событий опять определялся все теми же злополучными психологическими факторами.

Психологические факторы наложили отпечаток и на женский финал

«Бить по восходящему мячу!» Данный девиз — своего рода солидная заявка на высокие результаты. Примечательной в этом отношении была игра австралийца Л. Купера. Удары Купера, как правило, несколько уступали по силе ударам его главных конкурентов. Успех же Куперу приносила быстрота ответного удара за счет отражения мяча в восходящей части его полета после отскока от площадки. На фотоснимке вы видите австралийца в игре у сетки

1958 года А. Гибсон (США) — А. Мортимер (Англия). Рослая, стройная негритянка, играющая сугубо по-мужски, была на голову сильнее своей английской соперницы. Но начало матча предвещало Гибсон недоброе. Потеря чувства мяча и скованность в движениях уравняли ее шансы на победу с шансами более слабой соперницы. Создавалось впечатление, что какие-то невидимые нити сдерживают движения выдающейся спортсменки. Лишь в самом конце затянувшейся первой партии произошел психологический перелом, и сдерживающие нити как бы сразу оборвались. И тогда спортсменка предстала перед зрителями в совершенно ином качестве. Смелыми и уверенными выходами к сетке после мощной подачи и контратакующего ее приема, снайперски точными ударами с лёта она быстро набирала очко за очком. Не прошло и получаса, как негритянка выиграла обе партии и во второй раз стала победительницей Уимблдона.

Гибсон, как единодушно признавали самые авторитетные знатоки мирового тенниса, была по тем временам непревзойденной теннисисткой. Ей надолго прочили корону первой ракетки мира. Но уже в следующем году в полном расцвете своего яркого таланта она неожиданно покинула спортивную арену.

Почему? Интервью с Гибсон быстро обошло мировую печать. Оказалось, что она решила вступить на путь бизнеса. Гибсон была уверена, что, когда ее слава померкнет, ей, негритянке, выходцу из бедной семьи, с колоссальным трудом пробившейся в большой спорт, не удастся в дальнейшем обеспечить себе материальное благополучие в жизни.

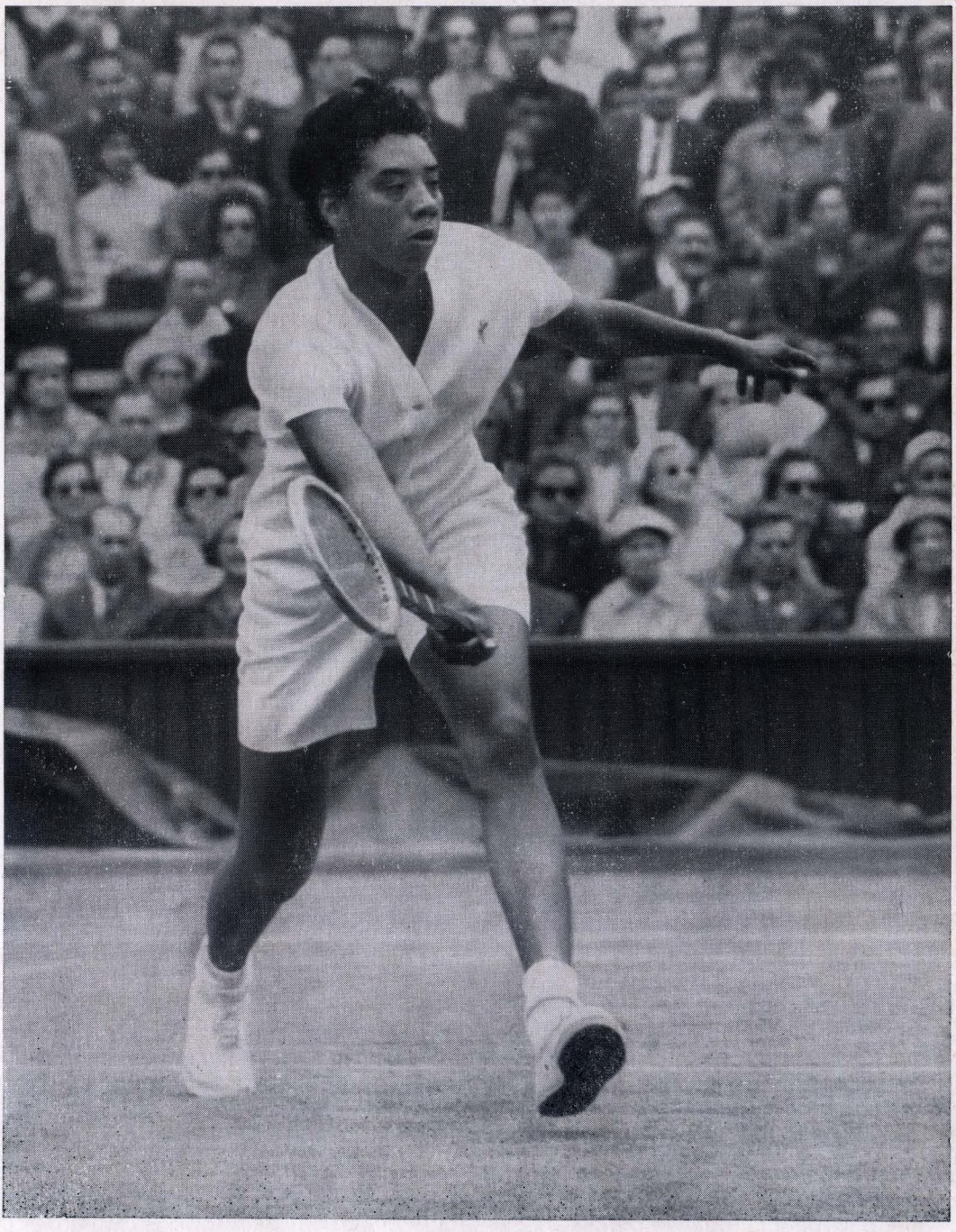
«Хотя мне устраивали в Америке пышные встречи после побед в Уимблдоне, я не ожидаю внимания к себе после того, как покину большой спорт»,— так с горечью писала спортсменка.

Все просмотренные нами финальные матчи Уимблдона были яркой демонстрацией преимущества наступательного стиля игры. Только он вел к победам на травяных кортах с их стремительным отскоком мяча. Первый опыт игры с сильными зарубежными соперниками еще раз подтвердил настоятельную необходимость активизировать игру наших теннисистов, придать ей четко выраженный атлетический характер, овладеть передовой техникой.

В последние дни того памятного турнира 1958 года я не раз задумывался над одной уимблдонской традицией. Она среди своих «родственниц» занимает особое место, и игроки называют ее «безжалостной». Выиграют, например, соперницы по одной партии, и у них появляется привычное желание уйти перед решающим сетом на десятиминутный отдых, полагающийся во всех других соревнованиях. Но нет! Уимблдонскими законами строго-настрого запрещены любые перерывы для отдыха во всех без исключения матчах. Так что будьте добры бороться незамедлительно до победного конца!

Особенно в тяжелом положении

Двукратная победительница Уимблдона негритянская спортсменка А. Гибсон своей острой нападающей игрой вписала яркие страницы в историю мирового тенниса. Она одной из первых убедительно доказала, что представительницы слабого пола уверенно могут взять на вооружение мужскую технику и тактику и могут успешно действовать в сложных условиях игры у сетки. Удары Гибсон с лёта отличались высокой точностью и разнообразной плассировкой мяча. Американка обычно выполняла их «жесткой» кистью, в момент выпада в направлении сетки с подачей вперед туловища. Эти особенности движений Гибсон отчетливо видны и на фотоснимке

оказываются участники нескольких финальных матчей. Мне вспоминается последний день Уимблдона 1960 года. Шутка ли сказать, бразильянке М. Буэно пришлось в тот день выступать в трех финалах, провести в жестокой борьбе на центральном корте в общей сложности около семи часов, и единственное, что успевала она делать между матчами, так это менять пропитавшуюся потом одежду. И все же в одиночном и женском парном финалах Буэно вышла победительницей.

Организаторы соревнований словно хотят сказать участникам: доведите свою физическую подготовленность до высочайшего уровня, и тогда у вас не будет потребности отдыхать.

Последний день Уимблдона — это не только день финалов, но и самая горячая пора для многочисленных собирателей теннисных сувениров. То здесь, то там видны плотные «кружки» страстных любителей автографов. А внутри этих «кружков» спортсмены, которые, выражаясь военным языком, попали в окружение и теперь вынуждены ставить свои подписи в специально выпущенных для автографов книжечках. Целая армия детей, молодежи и даже взрослых коллекционирует автографы. У многих это семейная традиция. В некоторых семьях хранятся как ценнейшие реликвии автографы первых победителей Уимблдона, блиставших еще в конце прошлого века. Эти автографы собирали бабушки и дедушки тех, кто в июле 1958 года горел желанием получить автографы первых советских участников Уимблдонского турнира.

Нас знакомят со средних лет стройным мужчиной, его симпатичной супругой и двенадцатилетним сыном — страстными любителями тенниса и обладателями одной из уникальных в Англии коллекций теннисных автографов. Кто бы вы думали глава этой семьи? Не удивляйтесь — король английского футбола, капитан национальной сборной, знаменитый нападающий Стенли Мэтьюз. Футбол и теннис. Что между ними общего с точки зрения семейных увлечений? Оказывается, родители этого выдающегося спортсмена, да и сам он с женой, свою увлеченность спортом как бы делят на две части: теннисную и футбольную.

Ну а сын Стенли Мэтьюза, неужели он не пошел по футбольной дороге отца? Нет! Он поглощен только теннисом. И доказательством тому служит огромный старинный портфель, доверху набитый книжечками с автографами многих поколений выдающихся теннисистов.

Но оказалось, что младший представитель известной спортивной семьи не только собирал автографы. Каково было наше удивление, когда через пять лет он стал победителем юношеского турнира Уимблдона. И как потом говорил нам Мэтьюз-старший, он был очень доволен, что его сын поддержал спортивную честь семьи, и пусть не в футболе, а в теннисе. Разве теннис меньше ценят в Англии, чем футбол?

И не только автографы служат сувенирами. Есть еще и сувениры совершенно иные, которые составляют неотъемлемую принадлежность самой игры. Это теннисные мячи, которыми проводили полуфинальные и финальные матчи. На эти мячи ставится особое клеймо с обозначением года и фамилии участников встречи. И такие сувениры продаются по цене значительно большей, чем самые хорошие новые мячи. Успеть купить сувенирные мячи — заветная мечта каждого коллекционера. Смена мячей производится через каждые семь геймов. Поэтому судьба коллекционеров целиком зависит от продолжительности матча. Короткий матч — значит мячи доста-

нутся совсем малому числу счастливчиков, продолжительный — обладателями сувениров станут многие, ибо каждый коллекционер имеет право купить только один мяч.

Среди коллекционеров есть и свои рекордсмены. Самая уникальная коллекция содержит полный комплект мячей за все годы проведения Уимблдонского турнира начиная с 1877 года. Когда я взглянул на эту коллекцию, мне показалось, что я рассматриваю исторические экспонаты, демонстрирующие постепенное улучшение качества продукции.

Мгновенно были раскуплены и мячи финального матча с участием Анны Дмитриевой.

Последний день Уимблдона завершается традиционным торжественным вечером. На нем присутствуют участники соревнований, руководители международной и английской теннисных федераций, судьи, почетные гости. Как и на каждом приеме, здесь произносят приветственные речи, один за другим следуют вопросы представителей прессы, происходит оживленный обмен мнениями. А в заключение — танцы.

По традиции танцы открывают победители турнира. Вот на середину зала вышли радостные Гибсон и Купер. Грянул оркестр. Спортсмены под ритмичные хлопки присутствующих исполняют сольный танец.

Тут-то и захотелось помечтать, заглянуть в будущее. Представилось, что танцуют не американка и австралиец, а наши теннисисты. И в последующие годы, когда доводилось бывать на этих торжественных вечерах, я каждый раз рисовал в своем воображении вместо победителей из других стран наших теннисистов.

Кто они — будущие советские покорители Уимблдона? Это пока загадка. Но ясно одно: ими будут те, кто сумеет природный талант «сплавить» с колоссальным трудолюбием, чьи тренировки станут подлинным творческим поиском, озаряемым ярким спортивным интеллектом, кто всегда будет силен своим спортивным духом, неумолимым наступательным порывом в игре, несгибаемой волей, кто станет настоящим атлетом и доведет до совершенства свою технику и тактику.

С этой мыслью я покидал Уимблдон, в котором впервые попробовали свои силы молодые представители нашего тенниса.

ПОРАЖЕНИЯ УЧАТ

ГОРЬКИЙ ОПЫТ

В данной главе только самое горькое для спортсмена — поражения. Но именно этот горький опыт может при соответствующих условиях чудесно превращаться в ступеньки лестницы, ведущей к большим успехам.

Что же надо понимать под «соответствующими условиями»? Их суть — в способности спортсмена быть самому себе самым строгим и безжалостным судьей, постигать истинные причины поражений, выявлять их первоисточники. Старая истина гласит, что на ошибках учатся. Но, к сожалению, не каждый спортсмен это умеет делать в нужной мере. Для этого требуется своеобразная «будничная» смелость, бескомпромиссное отношение к самому себе. Разве не нужны эти качества, например, для того, чтобы признаваться себе в собственных слабостях, не говоря уже об их упорном ниспровержении. Ведь не так уж мало теннисистов, которые вместо того, чтобы после матча себе сказать: «Во всем виноват только я сам!», стараются всеми силами отыскать «объективные» оправдания поражению.

Поражения, как правило, многопричинны. Неравенство сил, слабости характера, собственные ошибки, оригинальные тактические находки соперника, недостатки в подготовке к соревнованию — вот далеко не полный перечень общих причин собственных «падений» и «взлетов» соперников. При этом заметьте: второстепенные причины поражений нередко как бы плавают на поверхности, а главные — спрятаны в глубине. Так что никогда не спешите с выводами. Старайтесь всегда опускаться поглубже и вытаскивать на поверхность самые тяжелые обломки затонувшего корабля, в которых довольно часто заложены сокровенные тайны.

Я специально одну из глав книги сделал своеобразной летописью поражений наших теннисистов на международной арене. Поражений жестоких, обидных, но весьма поучительных. Однако это не только дань поучительной истории. Выборочный анализ отдельных поражений поможет определить исходные позиции для оценки мастерства в теннисе, выявить то, что тормозит дальнейшее продвижение вперед.

Даже самые выдающиеся спортсмены идут к большим победам длинной дорогой самых различных, разнопричинных поражений. И те продвигаются все дальше и дальше, кто одерживает победы над самим собой, безжалостно устраняет собственные недостатки, «выставленные на показ» «жестокими» соперниками. И чем сильнее соперник, тем собственные недостатки становятся все более ощутимы, словно опытный соперник умеет смотреть на них через огромное увеличительное стекло.

Так было и с нашими теннисистами. Они терпели жестокие поражения, тренировались и... снова терпели поражения, но уже в более напряженной, длительной борьбе. Поражения мно-

гому научили. Они подготовили почву для первых побед.

Но поражения бывают разные. Одни из них носят «личный» характер. Другие, выражаясь языком литературного критика, поднимаются до уровня обобщенного образа. В таких поражениях, словно в зеркале, отражаются типичные недостатки подготовки широкого круга спортсменов.

Взять, к примеру, выступления в Москве в 1965 году первой в то время ракетки мира австралийки М. Смит-Корт — представительницы атлетического наступательного тенниса. При помощи мощной нападающей игры Смит-Корт довольно легко победила нескольких наших спортсменок, которые могли противопоставить ей только «ровную» игру с задней линии, средней силы подачу и очень редкие выходы к сетке.

А вот в финальном матче турнира «коса нашла на камень». Г. Бакшеева тоже играла смело и в остронападающем стиле. И сразу завязалась интересная, изобилующая захватывающими моментами борьба. И хотя Бакшеева потерпела поражение со счетом 2 : 6, 4 : 6, она продемонстрировала передовую активную игру, доставившую удовлетворение многочисленным зрителям. И если после поражения предшественниц Бакшеевой у зрителей оставался тяжелый осадок, финальный же матч не только порадовал, но и обнадежил их.

Но много ли наших женщин и девушек могут играть в современном наступательном стиле? Пока, скажем откровенно, их ряды еще не многочисленны. Тут-то и напрашивается тревожный вывод: поражения наших теннисисток как бы выходят за рамки их личного дела и приобретают широкий, обобщенный характер.

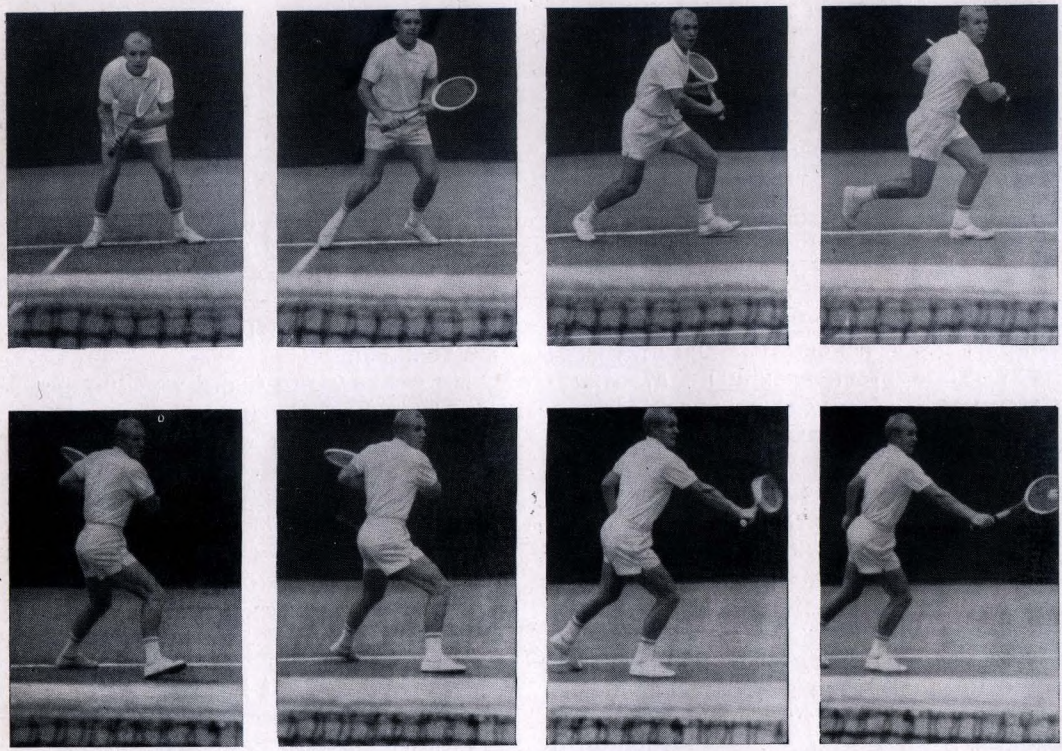
Такой вывод настоятельно требует рецепта для лечения болезни «пассивной игры». Рецепт же прост и ясен: активная, разнообразная нападающая игра должна стать основополагающей линией развития нашего женского тенниса, и на освоение такой игры необходимо решительно нацеливать теннисисток с раннего возраста. До тех пор, пока мы не будем располагать многочисленной группой спортсменок с передовым игровым стилем, нельзя рассчитывать на подлинно высокие и стабильные результаты в женском мировом теннисе.

Но разве мало было у наших игроков поражений таких же поучительных, как и во встречах с первой ракеткой мира Смит-Корт? Поэтому из большой «коллекции» поражений выберем наиболее примечательные по своему характеру, больше всего приближающиеся к «обобщенному литературному образу», и проанализируем их.

ГДЕ ТОНКО — ТАМ И РВЕТСЯ

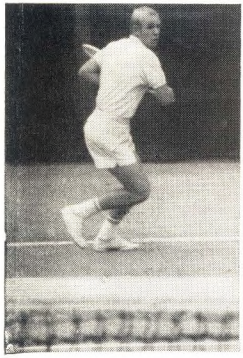
Открытое первенство Лондона 1964 года собрало весь цвет мирового тенниса. И вдруг сенсация. В финал впервые вышел советский теннисист Т. Лейус. На его пути к решающему поединку стояли такие звезды зарубежного тенниса, как первая ракетка Новой Зеландии Н. Крукендер, один из главных претендентов на мировую теннисную корону мексиканец Р. Осуна (в мировой классификации он стоял на втором месте), и, наконец, один из лидеров австралийского тенниса К. Флетчер. Всю зиму Лейус упорно отшлифовывал технику подачи и приема подачи — ударов, которые являются ключом к успеху. И вот в награду за упорный труд пришли убедительные и почетные победы.

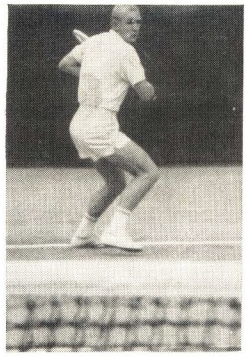
Соперник Лейуса в финале первый игрок мира Р. Эмерсон (Австралия) сильно подает и умело выбегает к сет-

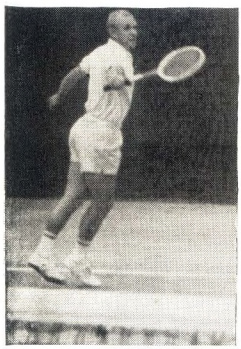

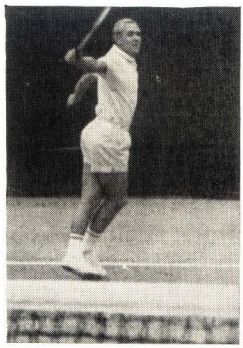
ке. Однако с каждым разом австралиец все с большим трудом выигрывает свою подачу. И вот, наконец, несколькими контратакующими ударами по поднимающемуся мячу наш теннисист берет гейм на подаче грозного австралийца. Лейус повел 8 : 7, и теперь, кажется, должен прозвучать заключительный победный аккорд: серия сильных подач. Два уверенных выхода вперед после таких подач — и Лейус уже ведет 30 : 0. В этой ситуации Эмерсон пускается на тактическую хитрость, вместо сильного контратакующего удара, которым австралиец обычно отражал подачу, он ударил мягко с подрезкой. Мяч отскочил совсем низко в ноги приближающемуся к сетке Лейусу. В ответном коротком ударе Лейуса с полулёта не было главного — нападающей направленности. Довольно высоко отскочивший мяч словно повис в воздухе, и Эмерсон «убил» его без особого труда. То же самое повторилось при следующем розыгрыше очка. На демонстрационном табло счет 30 : 0 уступил место цифрам игрового равновесия — 30 : 30. Стоило теперь Лейусу чуть-чуть ослабить для верности попадания свою подачу, как австралиец дважды ответил недосягаемым контратакующим ударом, и этот важнейший гейм безвозвратно ускользнул из рук нашего спортсмена. Партия досталась автралийцу со счетом 10 : 8.

Во второй партии борьба разгорелась с еще большей силой. Только Эмерсон вырывается на один гейм впе-

В каждом большом деле исключительно важно хорошее начало. Таким началом в теннисе являются подача и ее прием. От эффективности этих ударов зависит розыгрыш каждого очка. Первые успехи Т. Лейуса на международной арене во многом объясняются систематической тренировкой по совершенствованию приема подачи. Сильная, с разнообразной плассировкой мяча подача ставит принимающего в условия острой нехватки времени для выполнения ответного удара, и здесь очень важны быстрая реакция, умение стремительно перемещаться к месту удара и без малейшей задержки, четко и экономно производить подготовительные и ударные движения. Кинограмма демонстрирует контратакующий прием подачи Лейусом. На первых кадрах показан своеобразный старт. Из исходного положения спортсмен сразу «подает» себя в сторону передвижения и, двигаясь на мяч, незамедлительно начинает движение замаха. Как можно судить по следующим кадрам, непосредственный удар выполняется при переносе вперед веса тела с шагом в направлении сетки. Ударное движение производится мощно при активном участии туловища

ред, как Лейус выравнивает положение сильными остроплассированными подачами. Так продолжалось до счета 5 : 5 и «ровно» на подаче нашего теннисиста. И тут австралиец снова неожиданно применил мягкие низкие резаные удары, а Лейус, как и в первой партии, ответил на них короткими и довольно высокими ударами с полулёта. И не удивительно, что они стали легкой добычей Эмерсона. Выиграв следующий гейм, австралиец вырвал победу со счетом 7 : 5.

После матча поздравляли не только победителя, но и побежденного. Однако знатоки тенниса в то же время разводили руками, напоминая тем самым о четырех роковых ударах с полулёта, которые так обидно повернули ход игровых событий.

Чем же поучительно это поражение? Да и стоило ли вообще привлекать внимание читателей к этим четырем неудачным ударам, которые в одиночной игре используются не так уж часто и именуются нередко второстепенными.

Стоит! Чем сильнее соперники, чем солиднее их соревновательный опыт, тем обычно все большее и большее значение приобретают нюансы игры, все ощутимее становятся, казалось бы, еле заметные недостатки и тем чаще исход упорной и продолжительной борьбы зависит от буквально нескольких или даже одного ударов.

Удары с полулёта — слабое место подготовки Лейуса, и подвели они его не случайно. Как применял эти же удары Эмерсон? Он энергично шел на

низко отскакивающий мяч и, словно сопровождая его вперед, очень четким движением направлял длинно и совсем низко над сеткой. Или же, наоборот, отвечал совсем коротко и косо в расчете на то, что Лейус не успеет отразить мяч. Вот и получилось, что в руках Эмерсона удар с полулёта был орудием нападения, а у Лейуса — лишь средством пассивной защиты.

Тут и напрашивается важный поучительный вывод. Спортсмен с явно выраженным техническим недостатком, пусть даже в каком-то одном приеме техники,— это все равно, что огромный корабль с пробоиной, пусть даже небольшой. Если пробоину вовремя не ликвидировать, самый мощный корабль в конце концов пойдет ко дну. Так и спортсмен с подобными недостатками рано или поздно «потонет» в борьбе с сильными соперниками. И естественно, чем сильнее соперник, тем выше будет скорость погружения.

В современном теннисе нет ударов основных и второстепенных. Есть только удары, применяемые чаще других, и удары, используемые реже. И приемы техники, используемые редко, могут оказывать такое же решающее влияние на исход соревнований, как и удары, применяемые очень часто.

«Где тонко, там и рвется». Эта пословица вполне применима и для соревнований. Чтобы избежать «разрывов», надо быть во всеоружии, овладеть в совершенстве полным арсеналом современных ударов и систематически их отшлифовывать.

ВСЕГДА ЖДИ СЮРПРИЗОВ ОТ СОПЕРНИКА

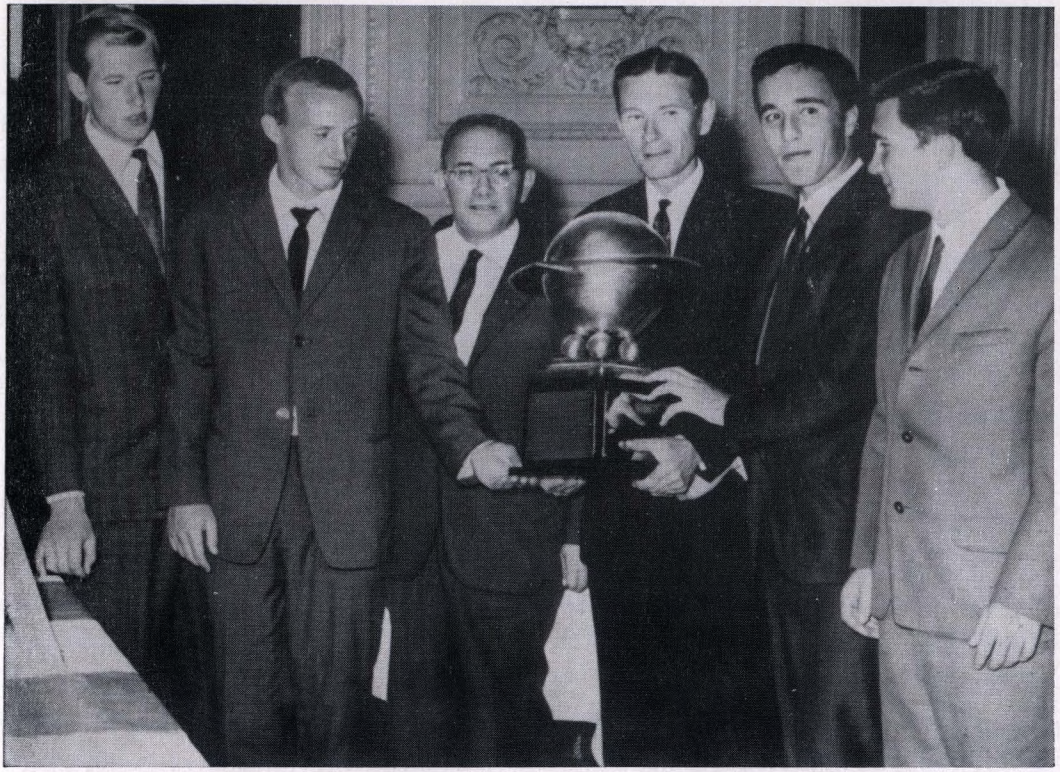
Кубок Дэвиса — фактическое первенство мира среди мужских команд — имеет младшего брата. Ежегодно сильнейшие юниоры оспаривают Кубок Галеа, который задуман как генеральная репетиция «надежд» перед их вступлением в команды взрослых.

Советские теннисисты выступают в этих соревнованиях с 1958 года. За это время наши команды были победителями соревнований, занимали второе-четвертое места. И только четырежды не выходили в финальный круг.

В 1961 году жребий свел в одну зону команды Бельгии, Нидерландов и Советского Союза. Наша команда считалась общепризнанным фаворитом. Ее возглавляли Т. Лейус и А. Чугунов. Первый был увенчан короной победителя юношеского турнира Уимблдона, второй находился в хорошей спортивной форме и только что завоевал звание чемпиона Москвы среди взрослых.

Соревнования начались. Одержана в хорошем стиле убедительная победа над командой Нидерландов. Начало матча Чугунова с бельгийцем К. де Гронкелем тоже не вызывает опасений. Первый сет выигран 6 : 2, во втором наш спортсмен ведет 3 : 0. Здоровяк Чугунов подавляет соперника сильными остроплассированными ударами с задней линии, решительно выходит к сетке и начисто расправляется со средними по силе обводящими ударами бельгийца. Попытки соперника овладеть сеткой Чугунов пресекает темповой обводкой.

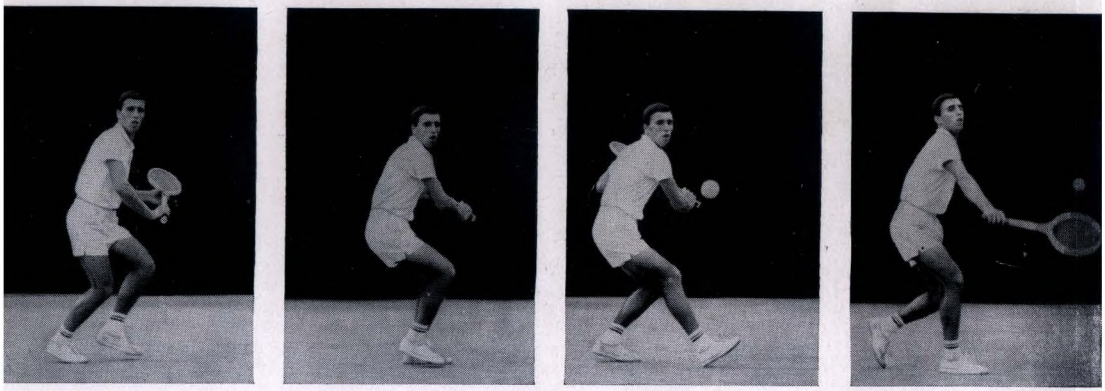
И вдруг де Гронкель резко изменяет тактику. Сбить темп, пустить ход игровых событий по спокойному и однообразному руслу, лишить темпераментного, горячего соперника наступательного порыва — вот чего хочет добиться бельгиец. И он этого медленно, но верно добивается. Исключены полностью попытки вести тонкую комбинационную игру. Мяч медленными, полувысокими длинными ударами направляется только под левую руку нашего спортсмена. Кроме этих уда-

Более десяти лет прошло с тех пор, как на кортах французского города Виши, где традиционно проводится заключительный этап розыгрыша Кубка Галеа — неофициального командного первенства Европы среди юношей,— появились советские теннисисты. Не раз они выходили в полуфинал и финал соревнований. А в 1966 году стали обладателями почетного приза. Перед вами «золотая» команда — П. Ламп, А. Иванов, В. Коллегорский (руководитель делегации), Э. Крее (тренер), А. Метревели, В. Коротков

ров, кажется, больше ничего не существует. Мощный удар Чугунова справа «выключен» из игры. Наш спортсмен пытается обострить игру, по высокому мячу сыграть сильно или, когда предоставляется малейшая возможность, забежать в свой левый угол для коронного сильного удара справа. Пробует он и выходить к сетке. Однако и здесь неожиданность. Вместо острых и достаточно сильных обводящих ударов следуют совсем мягкие резаные или подкрученные, после которых мяч вяло опускается за самой сеткой. И тут-то наступило самое страшное. После нескольких допущенных ошибок Чугунов оказался на поводу у соперника и тоже стал играть мягко. Правда, временами он применяет «пушечные» удары. Но эти редкие быстрогаснущие вспышки чаще всего не приносили успеха. Так, переведя Чугунова на мягкую игру, бельгиец нашел путь к победе.

Теперь вся надежда на Лейуса. Уж он-то должен победить Э. Дроссара, игрока сильного, но не настолько, чтобы конкурировать с первой юношеской ракеткой мира.

Первую партию Лейус уверенно выигрывает — 6 : 3. Он играет активно, довольно часто выходит к сетке. Во всех его действиях чувствуется тонкий расчет, особая экономность. Со стороны кажется, что игровые ситуации позволяют ему вести партию еще острее, в более стремительном темпе. Однако Лейус выбирает именно тот темп, который дает ему преимущество в счете. И счет медленно, но верно растет. Во второй партии Лейус впереди — 3 : 1.

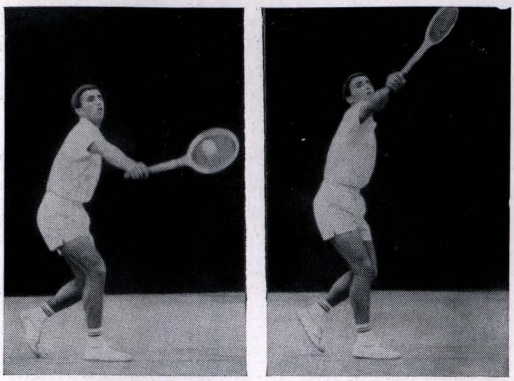
И здесь, как и в матче Чугунова с де Гронкелем, совершенно неожиданно происходит поворот игровых событий. Бельгиец после всех своих подач как одержимый бросается к сетке и стремительно атакует. Отчаянные попытки продвинуться вперед он делает и при подаче Лейуса. Все помыслы бельгийца — быстрее и быстрее к сетке! Как знать, может быть, такая психическая атака и подействует на соперника?

Сначала Лейус воспринял эту перемену в действиях Дроссара невозмутимо. Видели, мол, таких прытких. Но бельгиец все больше и больше наращивал темп. А преимущество Лейуса, особенно в скорости, все ощутимее стало таять. И на пути Лейуса к победе постепенно возникла еще одна преграда: едва заметная неуверенность в ударах.

Прервем на этом разбор матча. Скажем только, что Лейусу так и не удалось «себя преодолеть». Он не смог ответить на стремительное наступление соперника еще более острым и, главное, уверенным контрнаступлением, используя для этого скрытые игровые резервы. А такие резервы у нашего спортсмена были.

Эти два жестоких и неожиданных, но безусловно поучительных для всех нас поражения очень обидны. Именно из-за них советская команда не попала в финал.

Как видим, соперник Лейуса переломил ход игры, предложив стремительный темп, а соперник Чугунова, наоборот, добился успеха, использовав темп совсем медленный. Но в обоих случаях решающее преимущество достигалось резким и неожиданным изменением тактики. Тут-то и напрашивается вывод: хочешь одерживать большие победы, умей противостоять самым различным вариантам тактики соперника, учись использовать его оружие в своих целях, будь всегда бдителен к возможным тактическим сюрпризам соперника и стойко, с непоколебимой волей реагируй на них.

Крученая свеча слева — один из сложнейших ударов. По пальцам можно перечислить теннисистов, которые взяли на вооружение этот удар. Среди них и чемпион СССР А. Метревели, которого вы видите на кинограмме. Его свеча замаскирована под обычный удар слева. Всмотритесь в движения теннисиста на третьем кадре, когда он завершает замах. Вы не обнаружите каких-либо признаков готовящейся свечи. Такая техника удара открывает перед Метревели возможность применять его неожиданно для соперников

КОМПРОМИССЫ С НЕДОСТАТКАМИ К ДОБРУ НЕ ВЕДУТ

В 1959 году на всесоюзных зимних соревнованиях юношеских команд в Москве впервые выступил худенький, стройный, темпераментный мальчик из Грузии. В нем поражала легкость в движениях и очень тонкое чувство мяча. После каждого проигранного очка он вопрошающе и как-то беспомощно смотрел на своего убеленного сединой тренера А. Хангуляна. А проиграв матч, мальчик неожиданно горько расплакался. Так мы впервые познакомились с будущим чемпионом СССР Александром Метревели.

Вскоре Метревели стал первой юношеской ракеткой страны, победил в нескольких международных юношеских и молодежных соревнованиях в Англии, занял почетное второе место в юношеском турнире Уимблдона, одержал ряд побед над ведущими молодыми игроками США и, наконец, был поставлен на вторую ступеньку в десятке сильнейших теннисистов СССР. И здесь наступил момент, когда спортивный рост Метревели затормозился. Сказывались недостатки в технике. Тяжелым грузом тянули они теннисиста вниз, не давая подняться туда, где блистали яркие звезды мирового тенниса.

В 1965 году Метревели впервые вышел на парижские площадки стадиона «Роллан Гарро» в соревнованиях открытого первенства Франции. Во втором круге он встретился с чемпионом Франции П. Дармоном. До этого наш теннисист уверенно победил первую ракетку Дании Т. Ульриха. В тонкой комбинационной игре, которую предложил датчанин, Метревели чувствовал себя как рыба в воде. Он легко преодолевал редкие атаки соперника, ему все удавалось, и он был полным хозяином положения.

Но француз оказался игроком другого склада. Он применил против Метревели тактику, которая на языке баскетболистов называется прессингом. Стоило советскому теннисисту подать чуть-чуть мягче, как француз после удара по поднимающемуся мячу быстро занимал позицию у сетки. Выходил он к сетке и при обмене ударами с задней линии. В качестве подготовительных ударов для выходов вперед Дармон чаще всего использовал низкие резаные удары под левую руку Метревели.

«Ну-ка, попробуй обведи меня у сетки, если я вынуждаю тебя все время принимать мяч в низкой точке!» —

казалось, с такими словами обращался француз к Метревели, когда тот готовился к обводящему удару. И Метревели довольно часто поднимал мяч высоко над сеткой, давая тем самым сопернику возможность «убить» мяч с лёта. А иногда Дармон набирал очки просто за счет ошибок Метревели при обводке.

Нащупав в игре нашего теннисиста два слабых места — довольно короткую с высоким отскоком мяча вторую подачу и удар слева (особенно в низкой точке),— француз захватил инициативу. Он все чаще и чаще стал выходить к сетке и со своей подачи направлял мяч под удар слева.

Поражение Метревели вызвало тревожное чувство. Волновал не просто факт проигрыша. Невольно думалось: а как сложится судьба этого талантливого теннисиста в дальнейшем? Сумеет ли он побороть свои недостатки, которые в то время он еще недооценивал и нередко пытался объяснить совершенно другими причинами?

Почему-то вспомнился финальный матч международного юношеского турнира в Ленинграде в 1960 году. Тогда встретились Н. Мдзинаришвили и А. Метревели. Победил первый. Он был старше и опытнее.

Но как по-разному сложилась затем спортивная судьба этих двух теннисистов. А ведь они росли вместе, были воспитанниками одного и того же тренера, и их слабыми местами в технике были одни и те же удары — вторая подача, удар слева и удары с лёта в низкой точке.

Мдзинаришвили тренировался много. Однако он как огня боялся какой-либо перестройки своей техники. Ему казалось, что все дело в «набитости» ударов, в многократном повторении уже однажды освоенного. Правда, иногда он предпринимал попытки изменить свои далекие от совершенства движения. Однако эти попытки носили характер отдельных вспышек, порой ярких, но быстро гаснущих. Требовался же длительный, упорный и не сразу дающий результаты труд.

В игре Мдзинаришвили было много хорошего. Он занял прочное место в десятке сильнейших и даже играл в финале всесоюзных зимних соревнований. Однако специалисты понимали: если грузинский спортсмен не сумеет улучшить своей техники, он не достигнет вершин мастерства. Так и случилось. Несмотря на большие возможности, Мдзинаришвили так и не стал теннисистом международного класса.

Неужели спортивная судьба Метревели окажется похожей на судьбу его товарища? Метревели пошел по правильному пути. Он стал буквально не покладая рук совершенствовать свою технику. Чем дальше, тем больше он чувствовал вкус к тяжелой, но многообещающей тренировке. И спортсмен преобразился. Первая победа над собственными недостатками была одержана. Разве мог он с грузом прежних недостатков одержать в дальнейшем победы над такими признанными теннисистами, как М. Сантана, Р. Гонзалес, Д. Ралстон, П. Пьетранжели, К. Ричи, П. Дармон, М. Меллиган?

Никогда не ищите компромиссов с существенными недостатками в технике. Эти недостатки надо без боязни «выжигать каленым железом», идя при этом даже на временные неудачи. Этому учит опыт Метревели и ряда других теннисистов, которые вовремя повели непримиримую и в итоге успешную борьбу с недостатками.

НЕЛЬЗЯ УСТУПАТЬ СОПЕРНИКУ В ГЛАВНОМ

С юношеского возраста выступают вместе в паре испанцы М. Сантана и А. Арилья. В их активе много блиста-

тельных побед. В середине 60-х годов в мире не было такой пары, которая в тех или иных соревнованиях не складывала бы оружие перед быстрыми, темпераментными испанцами. Для наших теннисистов эта пара долгое время была камнем преткновения. Дважды С. Лихачев с Т. Лейусом «замахивались» на сыгранных испанцев и оба раза проигрывали.

И вот снова наши теннисисты, правда уже в другом сочетании — Лихачев и Метревели, сошлись с испанцами в финале открытого первенства Швеции 1966 года. Опять грянул жаркий бой! И вновь победа оказалась на стороне испанских спортсменов. Матч явился роковым повторением предшествующих. В каждой партии наши ребята проигрывали всего один гейм на своей подаче, и в итоге все партии и матч в целом были записаны в актив испанцев.

В чем же крылась главная причина поражения?

Подачи у противоборствующих пар были примерно одинаковыми. Больше того, подача Арильи была, пожалуй, даже слабее, чем у наших игроков. Секрет успеха испанцев заключался прежде всего в особенностях приема подачи. Им удавалось быстро занимать выгодную позицию у сетки и использовать слабости подачи наших спортсменов. Сантана и Арилья располагались внутри площадки и при малейшей возможности отбивали подачу ударами с хода по поднимающемуся мячу и выбегали вперед, направляя мяч низко в ноги продвигающемуся к сетке подающему. В то же время испанцы шли на проигрыш ряда геймов на чужой подаче, когда контратака им не удавалась, хотя они и делали беспрерывные, упорные попытки ее осуществить. В конце же концов им удавалось отобрать у наших подающих один гейм, и этим они решали судьбу каждой партии в свою пользу.

Лихачев и Метревели тоже старались контратаковать при приеме подачи. Но их вариант контратаки был совершенно иным. Они полагались, главным образом, на силу удара издалека и довольно резко пытались с ударом продвинуться вперед и «овладеть» сеткой. Испанцы же, заняв ближнюю позицию у сетки, успешно отражали сильные удары наших спортсменов. Вот и получалось, что испанские теннисисты вели бой на выгодных ближних позициях, а наши — на дальних. И если один из сильных дальних ударов сокрушал соперников, то в общем балансе очков он не давал нашим игрокам решающего преимущества.

Через год спортивная судьба снова свела советскую и испанскую пары, но уже не в личном турнире, а в финальном матче европейской зоны розыгрыша Кубка Дэвиса. На этот раз в действиях Лихачева и Метревели было много нового. И это новое постепенно склоняло чашу весов в их сторону.

Вот Арилья подал мяч и устремился к сетке. Он, видимо, уже заранее, основываясь на опыте прежних матчей, готовится отразить сильный, но выполненный издалека удар Метревели. Однако последний не собирается повторять свои прежние ошибки. Испанец замахнулся, перевел взгляд на подброшенный вверх мяч, а Метревели уже начал продвигаться вперед. Мяч приземляется, отскакивает, и вдруг принимающий подачу советский спортсмен бросается на него и мощным ударом сверху вниз направляет на сторону соперников. При этом удар Метревели как бы слился со свободным продвижением вперед, и уже через мгновенье теннисист оказался довольно близко у сетки. На лице испанца застыло недоумение, словно он сам себе задает вопрос: «Что это? Случайность или принципиально новое в действиях противников?».

Вторая подача испанца — в сторону Лихачева. И в его ответе элемент нового: мяч отбит сравнительно мягко, низким стелющимся ударом, но опять-таки в момент стремительного продвижения спортсмена к сетке. Подающий соперник, принимая мяч с лёта в низкой точке, вновь направляет его на Лихачева. Но тот уже недалеко от сетки и встречает его в выгодном положении. Ударом с лёта в довольно высокой точке Лихачев посылает мяч между соперниками и уверенно выигрывает очко. И в дальнейшем при приеме подачи наши теннисисты пользовались разнообразными динамичными ударами. Однако теперь во всех этих ударах был заложен главный элемент передовой тактики парных соревнований — стремление контратаковать с продвижением к сетке.

В итоге наши спортсмены одержали долгожданную победу. Особенно примечательно, что на этот раз их главным оружием победы стал прием подачи.

Возникает вопрос: могли ли наши спортсмены устранить свои недостатки раньше? Безусловно, могли, если бы над ними не довлели старые отжившие традиции. Они совершенствовали прием подачи главным образом как бы в чистом виде, без учета особенностей тактики парных соревнований. Спортсмены надеялись, что улучшение техники этого игрового оружия в одиночной игре позволит им автоматически лучше использовать его и в парных соревнованиях. Отчасти эти надежды оправдывались. Но не настолько, чтобы иметь решающее значение в ходе парной игры. А как только совершенствование техники было прочно увязано с определенными тактическими задачами в парной игре, результаты не заставили себя долго ждать.

Как тут ни вспомнить старое, но всегда злободневное правило: одиночная и парная игры имеют очень много общего, но далеко не близнецы, и тот, кто хочет добиться успеха во всех видах теннисных соревнований, должен с величайшим прилежанием раздельно осваивать все тонкости и той и другой игры. Никогда нельзя забывать, что целеустремленные регулярные тренировки в одиночной и в парной играх помогают друг другу, но заменить друг друга не могут.

И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ ВЕДЕТ К ПОБЕДЕ

Каких только не бывает оригинальных теннисистов! И все же пальму первенства среди них надо отдать, пожалуй, «двуручникам». Техника ударов двумя руками родилась в Австралии и некоторое время была на вооружении ряда выдающихся игроков. Один из знаменитых австралийских «двуручников» Д. Крауфорд был в 1933 году победителем Уимблдона в одиночном разряде.

Однако эта мода довольно быстро прошла. У европейцев же она не получила признания. Но и здесь не было правил без исключения: француз

Они были первыми! Первыми советскими участниками розыгрыша Кубка Дэвиса. Все они — чемпионы СССР различных лет: и Р. Сивохин (на фото — слева), и стоящие рядом с ним Т. Лейус, С. Лихачев, М. Мозер. У каждого из них свое коронное оружие, свой индивидуальный игровой почерк. Кто из любителей тенниса не помнит неудержимого напора и мощных ударов по восходящему мячу по-спортивному горячего Мозера, стремительных сеточных атак и пушечных смешей темпераментного Лихачева, хитрой, до предела расчетливой изобретательной игры невозмутимого Лейуса, ювелирно тонких ударов у сетки хладнокровного Сивохина. А объединяет всех их необходимое для передовой тактики стремление действовать активно, смело, решительно

Ж. Барклай все же последовал примеру австралийцев. У себя на родине Барклай несколько раз был вторым в национальной классификации, а в паре с П. Дармоном играл в финале Уимблдонского турнира 1963 года.

Барклай завоевал признание и московских зрителей, причем не только своеобразием техники, а и всей своей исключительно острой, смелой, «ураганной» игрой. Его сильные удары похожи на выстрелы катапульты. Только мяч начинает подниматься при отскоке, француз уже тут как тут. Ударом с быстрым замахом и хлестким выносом ракеты вперед он пытается словно смести мяч с площадки.

В 1969 году Барклай в третий раз выступал в традиционном московском турнире на закрытых площадках. В матче за выход в четвертьфинал француз встретился с ленинградцем Александром Ивановым.

За несколько дней до этого матча Иванов впервые стал победителем всесоюзных соревнований на закрытых площадках. В решающей марафонской схватке в пяти партиях он взял верх над Владимиром Коротковым. Ленинградец регулярно занимает высокие места в десятке сильнейших игроков страны. В его активе победы почти над всеми нашими корифеями. А разве не почетен его выигрыш у австралийской звезды В. Боурея на открытом первенстве Франции 1967 года?

Иванов техничен. Его тактика разнообразна. Хорошая атлетическая подготовка открывает ему заманчивые перспективы. Но...

— Эх, Алик, Алик! — этими восклицаниями не раз провожали спортсмена его поклонники, когда он с опущенной головой уходил с площадки.

Сумеет ли ленинградец показать себя в единоборстве с Барклаем настоящим бойцом, каким он предстал на недавно закончившихся всесоюзных соревнованиях? Или, как это нередко бывало раньше, за взлетом последует обидное падение? Этот вопрос задавали себе многие из тех, кто хорошо знал спортивную биографию теннисиста.

...Мяч стремительно врезается от сильной подачи француза в пластиковое покрытие корта. Но Иванов блокированным ударом слева с коротким замахом спокойно отражает мяч в ноги выбежавшему вперед Барклаю, и тому не удается ответный удар с полулёта. Первое очко матча записывается в актив ленинградца.

Внимание! Вторая подача! На этот раз мяч отскакивает уже выше — сильное вращение подняло его вверх. Иванов быстро выходит на мяч и сильным контратакующим ударом направляет его вне досягаемости соперника. Барклай явно обозлен. Он с подчеркнутой решительностью возвращается к задней линии, чтобы начать розыгрыш третьего очка. По всему видно: сейчас вся его сила будет вложена в пушечную подачу. И действительно, мяч стремительно и очень косо врезается в площадку. Француз явно решил выиграть очко без борьбы. Но Иванов все же успевает в последний момент отразить его мягким низким ударом. Кажется, французу этого только и надо. Однако не спешите с выводами. Ведь Барклай держит ракету так называемой закрытой хваткой, и поэтому нет для него страшнее зверя, чем удар справа с лёта в низкой точке по «мягкому» мячу. А ленинградец как раз и направил коварный мяч под этот удар француза. Барклай мяч отразил, но, как и рассчитывал Алик, «поднял» его высоко над сеткой. Повторным ударом ленинградец легко обвел своего соперника.

Однако не будем и дальше так же подробно разбирать ход матча. Заострим лишь внимание на психологических его моментах.

Весь первый сет Иванов играл очень тонко, продуманно, почти без технических ошибок. Ему удалось отвоевать первые два гейма у подающего соперника и выиграть партию.

Барклай же после потери двух геймов на своей подаче казался вялым, инертным, будто кто-то лишил его игровой энергии, которая всегда была у него в достатке. Во второй партии француз снова проиграл первый гейм на своей подаче. Положение его еще больше осложнилось. Попробуй-ка теперь выиграть два гейма на подаче отлично действующего соперника, причем играя на «быстрых» пластиковых площадках! К тому же встреча разыгрывается только из трех партий.

Посмотрели бы вы в этот момент на Иванова. Он воплощал собой олимпийское спокойствие и уверенность. Ведь никому из советских теннисистов не удавалось так успешно начинать игру против француза.

Иванов спокойно пошел за мячом к заднему фону. Поднял его и медленно направился на подачу. И как раз в этот момент, когда, казалось, небо было совершенно безоблачным, мой сосед по трибуне Э. Крее предостерегающе бросил: «Быть грозе — сейчас Алик проиграет свою подачу!».

Что же случилось? На первый взгляд ничего особенного: спортсмен возвращался к задней линии и наблюдал за игрой на соседней площадке. А Барклай? Тот все так же вяло стоял и ждал, когда же наконец Иванов введет мяч в игру.

Иванов приготовился к подаче, перевел взгляд с соперника на подброшенный мяч. И тотчас же француз мгновенно преобразился: из обреченного ягненка он превратился в тигра, готового молниеносно броситься на свою жертву. Он отбил мяч с такой силой, будто хотел изничтожить его. Для Иванова такой удар был полной неожиданностью. Он даже на него не среагировал и, видимо, расценил лишь как вспышку отчаяния. Сосредоточиться же на игре после кратковременного отвлечения внимания он еще явно не успел.

И в дальнейшем каждый раз, когда Иванов бросал перед подачей взор на соперника, тот виделся ему поникшим и смирившимся с поражением. Но как только Иванов переводил взгляд на мяч, Барклай молниеносно перевоплощался. Однако Иванов этого не замечал.

Да, прав был Крее, когда в интересе Иванова к игре на соседней площадке усмотрел тревожный сигнал о нарушении сосредоточенности.

Француз выиграл не только этот гейм, но и следующий. Только теперь, принимая подачу, он всем своим видом внушал сопернику: я вырву победу, ты поддался на мою хитрость, потерял игровую бдительность и будь добр расплачивайся!

Иванов же никак не мог собраться и кроме обреченности в игре ничем уже не отличался.

— На моем счету несколько подобных матчей, когда тактическими уловками мне удавалось вводить соперника в заблуждение, притуплять его игровую бдительность и вырывать победу,— рассказывал журналистам радостный Барклай после игры. Завершая разговор «по горячим следам», он приложил большой палец ко лбу и улыбнулся, словно желая в назидание напомнить, что «матч играют ракетой, а выигрывают головой».

Когда соперники разошлись, мы долго беседовали с Крее об игре Иванова, о психологии теннисных поединков.

— Мне и руководителю делегации советских теннисистов в Кубке Галеа Виктору Владимировичу Коллегорскому казалось, что у нас вот-вот будет

разрыв сердца во время трагедии Иванова на площадках французского города Виши,— вспоминал Крее.— А ведь каких-нибудь пять-десять минут до этого мы были нескончаемо рады: наконец-то после многолетних неудачных попыток команда завоевывает Кубок Галеа. Оставалось выиграть последнее, третье очко во встрече с очень сильной командой Чехословакии. Оно почти было уже у нас в кармане. Ведь в четвертой партии Иванов имел четыре матчбола — два при счете 5:1 и два при счете 5:3. Но увы! Каждый раз, как только борьба доходила до этой роковой черты, смелость покидала спортсмена. Своей игрой он словно говорил сопернику: я уже нападал, с меня хватит, могу же я рассчитывать на твою ошибку в такой критический момент! Но Я. Кодеш — боец до мозга костей — ошибок не «дарил» и с величайшим упорством отыгрывал очки у Иванова, так легко отдававшего ему инициативу.

Когда последний матчбол был потерян, Иванов совсем опустил крылья. Теперь уже, как и в конце матча с Барклаем, во всем его внешнем виде читалось самое страшное для спортсмена: отсутствие моральных сил, воли для борьбы.

Хорошо, что Метревели выиграл последнюю встречу матча и советская команда овладела Кубком Галеа,— продолжал Крее,— а то спортсмен сгорел бы со стыда, глядя в лицо товарищам по команде.

Но я напомнил собеседнику и другой примечательный матч Иванова. Уже на следующий год после злополучной встречи судьба вновь свела Иванова с тем же Кодешом, и опять в финале розыгрыша Кубка Галеа. На этот раз ленинградец с величайшим упорством сражался до победного конца все пять сетов и показал себя настоящим бойцом. Так что, как видите, в соревнованиях могут выступать два Ивановых. И какой из них выйдет на площадку, предугадать трудно. Все зависит от психологического состояния спортсмена.

Каких только матчей-трагедий ни занесено на страницы истории мирового тенниса. Часть из них носит даже курьезный характер. О том, что в них произошло, некоторые с нескрываемым пренебрежением говорят: «Это простая случайность». А не стоят ли за многими «случайностями» психологические закономерности?

В финале Уимблдонского турнира 1948 года сошлись американец Р. Фалькенбург и австралиец Д. Броумвич. Победа почти уже была в руках австралийца: он имел три матчбола при счете 40:0 на своей подаче. Вот он спокойно направился к задней линии... И вдруг американец поднял руку, показывая судье, что он не готов к приему подачи. Оказывается у него развязался шнурок. Медленно, с невозмутимым выражением лица Фалькенбург подошел к судейской вышке, сел на стул, снял туфель и, расправив носок, принялся продергивать шнурок. С тем же олимпийским спокойствием американец возвратился к месту приема подачи. Спортсмен держался так, словно матчболы были в его пользу, а не в пользу соперника. «Я и не собираюсь проигрывать!» — как будто говорил он всем.

Надо было видеть, что творилось в этот момент с австралийцем. Минуты, когда американец, сидя на стуле, шнуровал туфли, видимо, показались ему вечностью. Он весь кипел.

Еще минута, и на лице Фалькенбурга проглянула улыбка: австралиец при подаче дважды послал мяч в сетку. Следующее очко американец выиграл красивым контратакующим ударом. А дальше? Читатель уже наверное до-

гадывается: Броумвич упустил преимущество и проиграл.

А вот еще один пример психологического воздействия на соперника.

Трехкратный победитель Уимблдона В. Тилден (США) за каких-нибудь сорок пять минут мощными ударами буквально разгромил француза А. Коше. Оставалось только поставить победную точку: выиграть один из трех матчболов на своей подаче при счете 5 : 1 в третьей партии. Зрители были просто ошеломлены таким стремительным ходом игровых событий. Ведь великий французский «сеточник», дважды выигравший Уимблдонский турнир, если и уступал раньше «Большому Биллу», как называли Тилдена, то только в напряженной длительной борьбе.

При розыгрыше последнего очка Коше отлично принял пушечную подачу американца, вынудил его сыграть с лёта в трудной низкой точке и поднять мяч довольно высоко над сеткой. «Беззащитный мяч» становился легкой добычей француза. Но трибуны «ахнули» — Коше угодил мячом в верхнюю кромку сетки. Француз с укоризной посмотрел на свою ракету, несколько раз зло похлопал по ней, показывая тем самым, что она виновница ошибки и ее надо наказать.

А что если сменить ракету? И Коше быстро направился к судейской вышке, где лежало его запасное оружие. Медленно выбирал француз другую ракету, которой он хотел доверить свою судьбу.

«Все дело было в ракете, теперь я взял новую, и она меня не подведет!» — как бы уверял всех француз. Но новшеством была не только ракета. Коше расположился для приема подачи не как обычно у задней линии площадки, а у самого поля подачи. Как писала затем о матче одна из английских газет, в этот момент на трибунах, пожалуй, нельзя было найти человека, который бы не улыбался, расценивая все происходящее как шутку обреченного на поражение парижанина.

Однако Коше и не собирался шутить. Неотразимым ударом с полулёта он отбил подачу американца. Второе очко Тилден отдал без борьбы, нервы его не выдержали, и он допустил двойную ошибку. Затем его постигла судьба австралийца Броумвича.

«Самый дерзкий и невероятный по выполнению удар, который когда-либо видел Уимблдон» — такая подпись красовалась под фотоснимком, запечатлевшим Коше в момент приема подачи при первом матчболе. (На этом снимке, как утверждают уимблдонские старожилы, фоторепортер сделал чуть ли не целое состояние.)

Мы рассказали о трех матчах, в которых перелом прежде всего достигался при помощи психологического оружия. Не говорит ли это о том, что тактика не ограничивается чисто игровыми действиями и права гражданства имеют особые действия соревновательного поведения? Безусловно! И приведенные случаи не эталоны таких действий, а лишь яркие примеры большого значения в игре психологических факторов. Поведенческие тактические действия очень разнообразны, тонки и нередко требуют своеобразного артистического искусства. Тактико-психологические моменты во встречах сильных соперников играют решающую роль. И это совершенно естественно, ведь соревнования теннисистов — это сложная, очень напряженная психологическая борьба, в которой участники противостоят друг другу широким фронтом самых различных психологических качеств, обусловленных их характерами, волей, мышлением, темпераментом, вниманием.

Выдающийся мастер — это отличный тактик, а отличный тактик — это всегда отличный психолог.

Психологическим оружием может стать даже внешний вид игрока, его быстрая или медленная походка, еле заметные детали соревновательного поведения. Соперник собран, предельно внимателен, невозмутим, на его лице написана решимость бороться до победного конца. Разве это не будет на вас давить психологически? А если соперник сник и в его внешнем виде вы читаете обреченность или его разбушевавшиеся эмоции бьют через край и он напоминает пороховую бочку, к которой стоит лишь поднести фитиль и она взорвется,— разве вы не ощутите прилива уверенности в победе? Вы, может быть, даже подумаете, что́ лучше всего использовать в качестве фитиля и как его поднести к бочке, чтобы «взорвать» соперника и не пострадать самому от взрыва?

Я убежден, что многие теннисисты изменили бы свое поведение на площадке, если бы по достоинству оценили его как важное средство психологического воздействия на соперника. Вспомните хотя бы Иванова, который в решающий момент матча с Барклаем всем своим видом «сказал» французу: «Я уже не боец!».

А как знать: не психологическое ли оружие было одной из главных причин перелома в матче Лейуса с Коротковым в том же самом международном турнире, где так обидно сложил оружие Иванов?

— Посмотрите, что творится с Лейусом,— заметил мой сосед в конце четвертой партии матча. В это время я делал записи в блокноте, и у меня даже мелькнула тревожная мысль: а не случилось ли что-нибудь со спортсменом недоброе? Ведь он за каких-нибудь несколько дней пребывания в Москве после долгих выступлений в далекой Австралии, где был самый разгар жаркого лета, не успел еще привыкнуть к сильным морозам. Да и игровой момент был для него, прямо скажу, трагическим: счет по партиям был 2 : 1 в пользу Короткова, и москвичу удалось при счете 5 : 5 в четвертой партии взять гейм на подаче таллинца. Теперь Короткову оставалось до победы только выиграть свою подачу.

А с Тоомасом Лейусом действительно происходило что-то необычное. По его телу разливалась какая-то дрожь, словно он хотел стряхнуть с себя нечто ему мешающее. Взгляд обострился, глаза горели. По лицу разлился яркий румянец.

Вот Лейус на секунду замер, как бегун, ожидающий выстрела стартера. «Остановись, мгновенье!» — говорил внешний вид Лейуса. Готовность к молниеносным действиям и решимость выражало его сосредоточенное лицо.

Я поймал в этот момент взгляд Короткова на сопернике. Москвич начал подавать словно загипнотизированный.

— Теперь Лейус матч выиграет! — воскликнул мой сосед, когда Коротков проиграл подачу. Кому-кому, а Н. В. Семашко, одному из наших ведущих специалистов в области баскетбола, хорошо было знакомо огромное значение в спорте психологических факторов. В перевоплощении Лейуса он правильно усмотрел тревожный сигнал для москвича.

Как-то еще в ранние юношеские годы я услышал такие слова: «Этот спортсмен далеко не пойдет, он не может на площадке быть артистом, ведь у него снаружи все то же, что и внутри». Эти слова принадлежали выдающемуся теннисисту и известному профессиональному артисту В. Вербицкому. Смысл данных слов я оценил по достоинству позже, когда сам встречался в различных соревнованиях с «двойником» В. Вербицкого Н. Озеровым — самым выдающимся теннисистом моего поколения и тоже профессиональным артистом.

Четыре раза судьба сводила нас в финалах всесоюзных личных соревнований. И хотя мы с детства играли вместе и очень хорошо знали друг друга, мой соперник каждый раз играл совершенно иначе, чем прежде. Что он придумает на этот раз, какая психологическая новинка, да, именно психологическая, будет пущена им в ход — такой вопрос всегда терзал меня в преддверии встречи с Озеровым.

В одном матче его девизом был ураганный темп. Озеров буквально не давал мне опомниться, любыми средствами старался затянуть меня в водоворот спешки. Когда я только занимал позицию для приема подачи, Озеров уже стоял у задней линии и быстро вводил мячи в игру, не давая мне сосредоточиться. Приходилось даже использовать особое противоядие против этого его хода. Сначала я отходил дальше к заградительному фону и приближался к позиции для приема подачи издалека, чтобы успеть сосредоточиться. До момента занятия нужной позиции показывал также своим видом, что к приему мяча я еще не готов (иначе бывало так, что стоило мне только повернуться к сетке, как соперник уже вводил мяч в игру).

Ходил Озеров на площадке быстро и, меняясь сторонами, не задерживался у судейской вышки. Стоило мне начать обтираться полотенцем во время смены сторон, как я сразу ловил на себе его многозначительный взгляд: я уже готов продолжать игру, а ты?

Когда ко мне переходила подача, Озеров всегда первым был готов к розыгрышу очка. Он быстро занимал нужную позицию и как бы удивлялся, почему я медлю.

После матча один из теннисистов спросил меня, почему я поддался на хитрость соперника и стал спешить? Мне же казалось, что я, наоборот, все делаю медленнее обычного.

Как будет играть Озеров в следующем матче? Скорее всего так же, как и в первом. Ведь ураганная тактика уже однажды принесла ему успех. Представляете мое удивление, когда я увидел на площадке совершенно другого Озерова — флегматичного, всеми возможными способами замедляющего ход игры, сдерживающего мой напор не чем иным, как медлительностью.

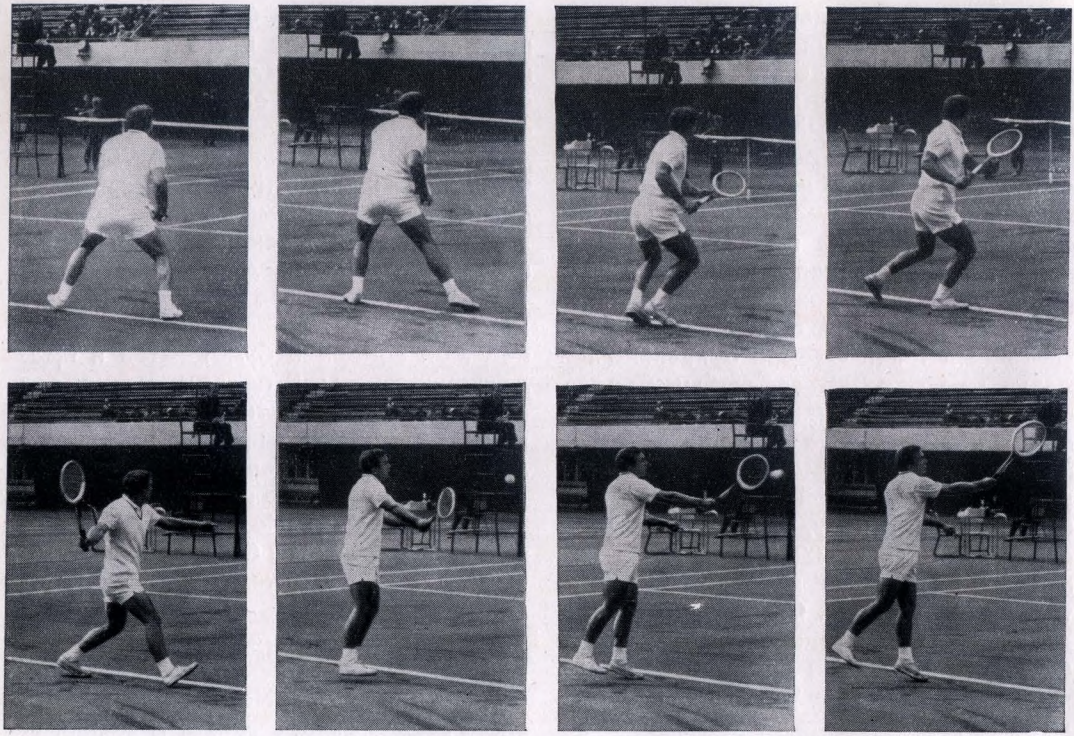
Готовясь к подаче и приему подачи, я томительно ожидал, когда же наконец мой соперник будет готов к продолжению игры. В первом матче его атаки катились и катились, словно вал за валом морского прибоя, во втором матче они были вспышками молнии, за которыми наступало затишье.

«Время, вперед!» «Время, остановись!» Как различны были девизы этого выдающегося спортсмена в двух матчах!

Я привел примеры двух различных вариантов общей психологической линии игры Озерова. Но у теннисиста-артиста всегда были в запасе и «психические атаки» местного значения.

Не удивляйтесь, если я скажу, что у многих теннисистов есть не просто недостатки в технике, а психологически уязвимые удары. С такими ударами обычно все бывает хорошо до поры до времени — до наступления решающего момента. У одних в такой момент отказывает подача, другие как огня начинают бояться очень высокой «свечи», третьи пасуют при обводящем ударе слева, когда соперник смело атакует. Озеров очень хорошо знал как раз такие психологически уязвимые места своих соперников и очень тонко их использовал. Мне это пришлось испытать на себе...

В отдельных матчах моя подача напоминала по своим «колебаниям» столбик термометра с меняющейся температурой внешней среды. Все за-

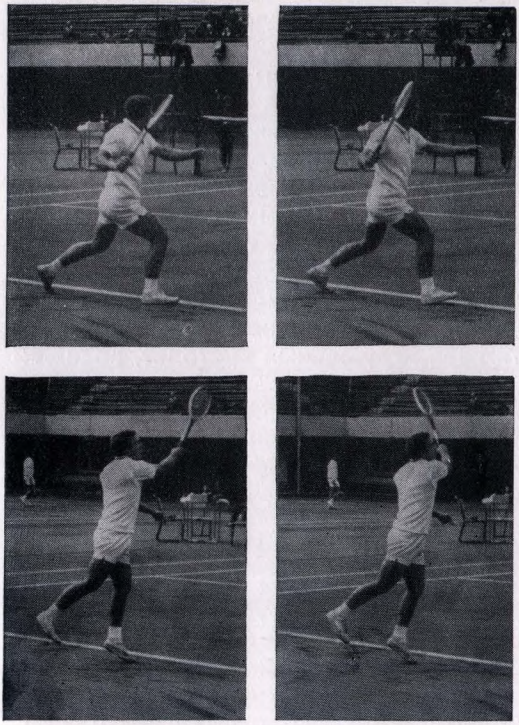
висело от «игровых температур» — остроты сложившейся психологической обстановки.

В одном матче своеобразную психическую атаку против моей подачи Озеров начал еще на разминке. Я делал пробные попытки подавать, а он буквально с разбега бросался на мяч и сильнейшим ударом посылал его то в один, то в другой угол площадки. И заметьте: все это происходило еще до начала игры, когда принято играть удобно друг для друга, чтобы дать «прибиться» к мячам.

Матч начался с моей подачи. И каждый раз, когда я только готовился ввести мяч в игру, Озеров был уже в движении, перемещался из стороны в сторону и всем своим видом предостерегал: «Если ты подашь чуть-чуть короче и слабее, я сейчас же «убью» мяч!». В этот момент у Озерова на боевом взводе была «Катюша» — мощнейший удар справа (такого сильного удара я не встречал ни у одного из советских и зарубежных теннисистов). Озеров демонстративно показывал различными движениями, что собирается забежать именно под этот удар. При первой возможности он его и использовал.

Да, это была своеобразная психическая атака! Атака, рассчитанная на то, что соперник, почувствовав угрозу немедленного проигрыша очка при малейшей неточности, начнет действовать менее уверенно. И надо отдать Озерову должное: ему удалось повлиять на мою подачу.

Когда же подача переходила к Озерову, он преображался. Куда только пропадала его экспансивность, боевое возбуждение и «взрываемость» при

Подачу в теннисе нередко сравнивают со снарядом, а прием подачи с бронею. И беда тем теннисистам, у кого броня не отличается крепостью. Игроки с пушечной подачей буквально подавляют их. Москвич В. Коротков в последнее время заметно улучшил прием подачи. Он стал у него мощным контратакующим ударом. Именно такой прием подачи демонстрирует кинограмма. Соперник сильно послал мяч почти прямо в спортсмена. Коротков успел быстро развернуться и затем в момент ударного движения как бы бросил вперед вес своего тела. Форма его замаха для удара наиболее экономная: ракета отводится назад по прямой восходящей линии, а при окончании замаха сразу же из высокого положения выносится вперед для удара. Таким переходом от замаха к выносу теннисист избегает довольно широко распространенного, но явно невыгодного в данной ситуации кругообразного движения ракетой сзади, которое отнимает у теннисиста драгоценные доли секунды и тем самым лишает его возможности успешно отразить быстро летящий мяч

ударах. Он становился флегматичным, из тигра превращался в старого домашнего кота-лежебоку, который уже давно забыл, когда он ловил мышей. Как видите, в этом матче у Озерова было сразу два девиза: и «Время, вперед!» и «Время, остановись!».

В следующем, четвертом по счету матче Озеров использовал психологическое оружие против моей подачи не сразу, а в самый напряженный момент.

На площадке Озеров всегда был артистом. В самые критические минуты он держался так, будто в счете ведет он, а не соперник. Непроницаемым видом спортсмен умел артистически скрывать «свои слезы», Озеров способен был и «зажигать» себя, вызывать небывалый прилив энергии. Я не помню случая, чтобы он бросил хотя бы один-единственный взгляд в сторону, на соседнюю площадку, на зрителей. Он играл в состоянии полной отрешенности от окружающей обстановки. Подумать только: в коллекции Озерова 24 золотые медали за победы в одиночных и парных разрядах первенства СССР. Такого успеха не достигал ни один из наших теннисистов! И я уверен, что в победах этого выдающегося спортсмена исключительно важную роль сыграло психологическое оружие.

Опыт выступлений наших теннисистов на международной арене настоятельно требует еще большего внимания психологической стороне соревнований. Необходимо научиться придавать всему тому, что делает игрок на площадке, определенный тактико-психологический смысл и иметь в виду, что тактика — это не только система чисто игровых действий, но и глубоко проду-

манная система соревновательного поведения, умелого управления собой, вплоть до самых тонких перевоплощений, система психологического воздействия на соперника.

Пусть для каждого теннисиста будут звучать девизом слова о том, что игрок на площадке — это словно артист на сцене, выступающий со сложной ролью, наделенной самыми разнообразными психологическими оттенками. Чтобы стать таким артистом, надо специально готовить себя к определенной роли и быстро входить в нее, как только игра начинается.

САМОЕ СТРАШНОЕ — СЛАБОСТЬ ХАРАКТЕРА

Один древний философ сказал: «Из всех болезней на свете самые страшные — это болезни человеческого характера». Так и в теннисе самое страшное не отдельные недостатки техники, тактики и физической подготовленности спортсмена, а те слабости, а иногда и тяжелые недуги его характера, порождающие эти недостатки или мешающие от них избавиться.

Один теннисист плохо играет слева, другой боится играть у сетки, третий переходит на пассивную игру в решающие моменты матча, четвертый недостаточно вынослив. За всеми этими недугами стоят обычно те или иные слабости характера, отсутствие воли.

Обращусь еще к двум примерам из спортивной практики. Их я специально приберег для конца главы. Как мне кажется, они должны окончательно рассеять всякие сомнения по поводу справедливости сделанных выводов и высказанных предложений.

Шел последний день Уимблдонского турнира 1967 года — турнира неожиданностей и падения авторитетов, как его единодушно назвали представители прессы. И как всегда, среди журналистов и тренеров много разговоров о делах «текущих» и «перспективных». Итоги соревнований обычно рождают новые планы и надежды. Поэтому, прощаясь, многие щедро одаривают друг друга самыми различными советами, пожеланиями. Главным действующим лицом одного из таких оживленных разговоров оказался корреспондент английской газеты «Таймс». Он подошел к нам, загадочно улыбаясь, и, протягивая игрушечный пистолет, воскликнул: «Передайте этот пистолет Метревели, пусть он застрелится!».

Затем англичанин вытащил из кармана карандаш, чтобы быстро записать наш рассказ о том, как пережил Метревели трагедию своих турнирных боев.

Да, поводов для самых острых переживаний и «самоубийства» у нашего спортсмена было хоть отбавляй. Представьте себе, проиграть с матчболов все три матча в трех разрядах — в одиночном, мужском и смешанном парных! «Такого не было за всю историю мирового тенниса»,— утверждали убеленные сединой местные старожилы — очевидцы уимблдонских сражений еще в начале века.

Особенно трагичным оказался четвертьфинальный матч в смешанном разряде, когда Метревели и Дмитриева как никогда ранее были близки к выходу в полуфинал. Казалось, победа над многократной победительницей Уимблдона бразильянкой М. Буэно и всемирно признанным мастером парных игр австралийцем К. Флетчером уже в руках советской пары. Девять матчболов, причем три на подаче Метревели при счете 10 : 9 и 40 : 0 в решающем сете,— разве это не веские доказательства того, что победа была так близка и так возможна.

Нечто подобное произошло и в мужском парном разряде. Правда,

матчболов было не десять, а всего три. Но разве от этого легче пережить горечь поражения? Два дня подряд около пяти часов бороться с лучшей парой Дании К. Лешли и Т. Ульрихом, чтобы, в конце концов, проиграть в марафонском матче? И опять с роковых матчболов после 70 сыгранных геймов — своеобразного рекорда для всего турнира (общий счет матча 9 : 11, 6 : 4, 7 : 9, 12 : 10, 6 : 4 в пользу датских теннисистов).

Но эти два матча были не началом, а печальным концом спортивной трагедии Метревели на английских кортах. Начало обидным поражениям положила встреча в одиночном разряде. Кто мог подумать, что теннисист, признанный одним из основных претендентов на призовое место, неожиданно потерпит поражение от новозеландца Б. Фейрли. Правда, надо отдать должное новозеландцу. Как это нередко бывает в подобных ситуациях, когда играешь с заведомо более сильным соперником, Фейрли действовал с большим подъемом, «без нервов». Терять ему, как говорится, было нечего. «Дерзание» — вот наиболее подходящее слово для характеристики его игры.

Однако матчбол есть матчбол, и как бы соперник ни дерзал, от поражения его всегда отделяет только одно очко. И вот оно-то, это очко, обидно ускользнуло в четвертой партии от нашего теннисиста, который буквально горел надеждой быть в числе первых и подкреплял страстное желание победить мастерством и немалым опытом выступлений в международных соревнованиях.

Три марафонских матча в острейшей борьбе, во всех трех победитель выявился только в решающих партиях, и во всех матчах — роковые матчболы, число которых увеличивалось от матча к матчу. Теперь, я надеюсь, вы понимаете, почему английский журналист так интересовался переживаниями Метревели по поводу своих неудач.

Уимблдонский турнир 1967 года закончился. Через шесть дней предстоял матч в Барселоне с очень сильной испанской командой, которая за год до этого заняла второе место в розыгрыше Кубка Дэвиса. Мы покидали Англию с надеждой, что после полосы роковых неудач счастье наконец улыбнется нам.

Матч против испанца А.-Х. Гисберта Метревели начал блестяще. Ему удавалось все. Он был полным хозяином положения. Зрители восхищались острой, тактически тонкой, смелой, изобретательной игрой нашего спортсмена. Его движения были свободны и уверенны. Внешний вид спортсмена воплощал спокойствие и чувство собственного достоинства.

Но это только казалось. А в действительности...

Уже легко выиграны две партии, и в третьей Метревели ведет 3 : 0 и счет «больше» на его подаче. Соперник «катится» по наклонной плоскости и вот-вот «упадет» в пропасть. И вдруг судья на вышке, отлично проведший матч, после переговоров с судьей на линии совершенно справедливо меняет свое первое решение и присуждает очко в пользу испанского теннисиста. Счет становится ровным.

Что тут особенного? Стоит ли сожалеть об одном мяче, который в данной ситуации почти ничего не решает и не может нарушить неумолимое движение нашего теннисиста к победе? Тем более что соперник, судя по его внешнему виду, уже сломлен и смирился с неизбежностью поражения.

Но у Метревели свое, совершенно особое, мнение о происходящем. Он не согласен с судьей, и в ответ на его действия следует эмоциональный взрыв невероятной силы. Буквально в одну минуту соревновательная обста-

новка меняется. Кажется, что за время, пока судья принимал решение, Метревели незаметно подменили и на площадку вышел совершенно другой спортсмен — раздраженный, с нестойким, колеблющимся вниманием, не властный над своими разбушевавшимися эмоциями. А раз эмоции вышли из подчинения воли, ум оказался не в ладу с сердцем, хорошей игры не бывать. И ее не стало. Фактически без борьбы Метревели отдал третий сет недоумевающему, но приободрившемуся сопернику.

Очевидно, спокойствие Метревели было только внешним. Ему просто удавалось держать себя в руках, властвовать над своими эмоциями. А на самом деле его душевное состояние напоминало пороховую бочку. Стоило поднести к ней спичку, и последовал взрыв, а за ним буря огня. Такой спичкой и явилось решение судьи.

В перерыве после третьей партии эмоциональный пожар утих. На площадку для продолжения игры вышел прежний Метревели — собранный, уравновешенный, способный показать игру самого высокого класса. И не прошло двадцати минут, как он уже ведет 5 : 1 и 40 : 15 на подаче соперника. Вот они долгожданные матчболы! После сильного удара Метревели уверенно выходит к сетке. Гисберту только и удается, что ответить мягким довольно высоким ударом. Вот она — легкая возможность «убить» мяч с лёта. Но наш спортсмен «кладет» мяч примерно на десять сантиметров за заднюю линию.

Впереди второй матчбол. На этот раз к сетке выходит уже Гисберт. Обстановка для обводки довольно благоприятная. Следует сильнейший обводящий удар. Но мяч вновь попадает «за», и всего только на 1—2 сантиметра. Судья даже немного заколебался в принятии решения.

И снова события на корте изменяются. Словно кто-то на мгновенье остановил стрелки игровых часов и затем заставил их вращаться в обратную сторону. Этим «кто-то» был не кто иной, как сам Метревели. И хотя через некоторое время он имел еще один, третий, матчбол, стало совершенно очевидным, что на площадке опять другой спортсмен. В действиях Метревели вновь появилась нервозность. Он потерял самообладание. Создавалось впечатление, что спортсмена сдерживала какая-то неведомая сила и какой-то загадочный голос перед каждым ударом предупреждал его: «Смотри, не ошибись!».

Так, имея явное преимущество, Метревели проиграл четвертый матч подряд.

Художник скажет, что нельзя оценить картину даже по самому красочному рассказу. Ее надо видеть собственными глазами. Так и невозможно передать словами все то, что происходило с Метревели при семнадцати в общей сложности матчболах. Все это нужно было наблюдать самому. Каждый матчбол переживался по-разному, имел свои особенности, свою психологическую окраску, в каждом прозвучали различные слабости характера спортсмена. Да к тому же и соперники действовали в критические моменты по-разному. В одном случае у Метревели терялась сосредоточенность внимания, в другом — появлялась еле-еле заметная небрежность в преддверии, казалось бы, уже достигнутой победы, в третьем — из-за потери самообладания происходил сбой в работе тонких механизмов управления движениями, в четвертом — спортсмен не успевал целиком сосредоточить свое внимание на предстоящем розыгрыше очка, так как в голову лезли «посторонние мысли», мешая правильно оценить тактический ход игры.

И все же на одном матчболе мне хочется остановиться особо. В нем «сошлись» очень существенные, но не всегда приметные слабости спортсмена. Именно они и привели к обидной ошибке. Я имею в виду первый матчбол во встрече с испанским теннисистом. Казалось, выполни Метревели спокойно в выигрышной ситуации «рядовой» удар с лёта — и победа достигнута. Однако не таков Метревели. Он пытается закончить матч с особым блеском, мощнейшим ударом ослепляющей красоты, но с еле заметным налетом небрежности и небольшой рисовки. Я не предполагаю, что спортсмен специально задумал выполнить этот удар именно так, а не как-то иначе. Просто он был для него чем-то совершенно естественным в данной ситуации, шел как бы не от разума, а, как говорят, от души.

В чем же главная причина всех этих четырех очень обидных поражений? Есть ли в них какая-то закономерность? Главная причина — в неустойчивом характере спортсмена, волевых колебаниях, отсутствии железной выдержки, всегда непоколебимого самообладания, власти над самим собой в психологически сложных и напряженных ситуациях.

Обратите особое внимание на слово «неустойчивость». На это страшное для спортсмена слово. Силу своей воли Метревели не раз доказывал во многих соревнованиях, когда в упорнейшей борьбе побеждал ведущих игроков мира. Да и в тренировке, где нужна несколько другая, но тоже сильная воля, он был обычно на высоте. Беда в том, что сильная воля еще не стала стержнем его характера, не приобрела в нем необходимой для стабильных результатов устойчивости. Если вы не специалист в области медицины и рассматриваете электрокардиограмму (специальную графическую запись сердечных сокращений), на ленте вы видите лишь таинственные для вас подъемы и спады тонких линий. Но опытный врач их свободно читает и ставит правильный диагноз, так как за каждым даже малейшим изменением линии электрокардиограммы стоят определенные закономерности работы человеческого сердца.

Игра Метревели своими подъемами и спадами чем-то напоминает электрокардиограмму. За каждым из его игровых взлетов и падений тоже стоят свои закономерности, свои причины, особенности его характера. Нервную систему спортсмена в соревнованиях нередко сравнивают с предельно натянутой струной. Высшее мастерство и заключается в способности сохранять необходимое для победы максимальное натяжение этой струны на протяжении всего матча, никогда не давать ей слабеть, а тем более рваться, даже от малейших «прикосновений» к ней.

Способен ли Метревели обрести столь необходимую волевую устойчивость? Или, может быть, его бурный темперамент, присущая ему горячность так и не покорятся сильной воле?

Мне кажется, что Метревели сам уже во многом разрешил этот вопрос. Сейчас он уже не тот, что в первые годы выхода на международную арену. Он стал гораздо сильнее характером, упорнее в тренировке, выдержаннее. И все же настоящей волевой устойчивости спортсмен не обрел. Но я надеюсь, что ему, в конце концов, удастся победить свои слабости и открыть себе дорогу на самую вершину теннисного Олимпа.

Слабости характера Метревели носят, если можно так выразиться, преимущественно соревновательный характер. В тренировке — это, как правило, волевой, с большим упорством и постоянством работающий над собой спортсмен. Самое же страшное, когда

бациллы слабой воли поражают спортсмена как бы с двух сторон — и в соревнованиях и в тренировке.

Как мы уже говорили, первым из советских теннисистов на арену крупных международных соревнований вышел Андрей Потанин. И многим казалось, что именно он сумеет впитать в себя все лучшее, что накоплено в отечественном и мировом теннисе.

Но Потанин так и не достиг мастерства в важнейших элементах современного тенниса, не сумел к острой и точной игре с задней линии прибавить эффективные нападающие действия у сетки. Правда, Потанин одержал несколько хороших побед над довольно сильными зарубежными теннисистами. Но с каждым днем становилось все очевиднее, что с такой односторонней игрой он далеко не продвинется.

Сильно подводила Потанина и неустойчивая нервная система. В одном матче он показывал образцы упорнейшей, сильной нападающей игры с задней линии, в другом — находился в состоянии психологического шока и действовать активно практически уже не мог. «Болезни» характера не дали Потанину вырасти в подлинного мастера международного класса. Отсутствие целеустремленности и настойчивости в тренировке, нехватка игровой выдержки, воли в устранении собственных недостатков, постоянного стремления работать над собой были главными причинами творческого застоя спортсмена.

Как воздух необходим был труд, напоминающий труд музыканта, часами с величайшим прилежанием отрабатывающего одни и те же вариации. Над гаммами игры Потанин работать не любил. Стоило спортсмену начать выполнять порой скучные, но необходимые упражнения по шлифовке определенных ударов, как у него появлялось кислое выражение лица и он становился инертным.

Многому ли научили поражения наших теннисистов и тренеров, из всех ли поражений были сделаны правильные и своевременные выводы? Научить научили, но явно недостаточно и к тому же не всех. Некоторым так и не удалось преодолеть существенные недостатки, хотя возможности для этого были самые благоприятные.

У волевых спортсменов поражения рождали новый прилив энергии, новые творческие замыслы, горячее желание тренироваться еще упорнее.

Другие искали оправдания поражениям, старались объяснить их случайностями, не утруждая себя глубоким и самокритичным анализом хода спортивных поединков. Спортивная судьба жестоко наказывала таких теннисистов. Перед ростом их мастерства возникал высокий барьер, преодолеть который они так и не смогли. И главным образом, из-за собственных слабостей.

Но правильно ли винить только самих спортсменов? Во многом виноваты и мы, их наставники. Мы не смогли найти действенных путей в устранении многих недостатков, часто не проявляли должной требовательности, а иногда просто не находили подхода к отдельным спортсменам.

В каждом деле в первую очередь важно определить главное. В противном случае, как говорится, «за одним деревом не увидишь леса». Вот и мы за отдельными частными недостатками подчас не замечали главного — слабостей характера спортсменов, отсутствия у них неумолимой целеустремленности, покоряющей недостатки воли. А сильную волю, это могущественное и главное оружие любого спортсмена, нужно развивать в первую очередь. Что же касается поражений, то из каждого из них надо делать правильные выводы. Как нет басни без морали, так и нет поражений без поучительных выводов.

ИЗ ЧЕГО СЛАГАЕТСЯ УЧЕБНИК ТЕННИСНЫХ ЛОЦМАНОВ

В любом деле первым всегда тяжело. Труден, извилист и нередко противоречив их путь. Но нельзя не отдать им должное. Ибо они — словно лоцманы, ведущие корабль неизведанными морями. Проложит путь такой лоцман, и другие пойдут по нему увереннее и смелее.

Не был исключением в этом отношении и путь на международной арене наших теннисистов-первооткрывателей. Их опыт — интересные, яркие, но одновременно и суровые страницы поучительной истории. Более того — это настоящий учебник.

Однако сколько может быть подобных учебников. Помню, где-то я встречал утверждение, что опыт каждого выдающегося спортсмена — это самостоятельный учебник. Думаю, что такое утверждение неточно.

Каждый наш выдающийся теннисист вносит свой оригинальный и обычно весомый вклад в общую копилку отечественного тенниса. Но любой спортсмен, в том числе и выдающийся,— это не «вещь в себе», это не какой-то замкнутый кустарь-одиночка. Спортсмен формируется в коллективе, воспитывается тренером и использует найденное и обоснованное другими. Его выводит в люди определенная система тренировки, сотворенная целым коллективом. И одна из самых видных ролей в нем принадлежит самому спортсмену. Так что опыт выдающегося теннисиста — это, скорее, лишь глава учебника. Если же такие главы сложить, то и получится многотомный учебник, плод труда коллектива опытных авторов, получится своеобразная энциклопедия.

У этого учебника есть одна важная особенность, отличающая его от учебников традиционных, ну, допустим, учебников по математике. В учебниках по точным наукам сплошь ответы на вопросы «Как должно быть?», «Как следует поступать?» и точные выводы, вытекающие из побед человеческой мысли, науки. Другое дело многотомный учебник, который составлен из глав, «сотканных» из опыта выдающихся спортсменов. В нем победы и поражения, рекорды трудолюбия и несбыточные мечты из-за нехватки такового, большие надежды и горькие разочарования, примеры небывалого величия спортивного духа и простых, так и непреодоленных слабостей характера. Сила такого учебника в показе людей такими, какие они есть на самом деле, в правдивом изображении их «плюсов» и «минусов».

Жизнь всегда в движении и обновлении. Не составляют исключения в этом отношении и учебники. И они стареют. Особенно в науках, где происходят большие революционные перевороты — открытия. Но учебник спортивного опыта, я уверен, не подвержен в такой же мере влиянию хода времени. Устаревает лишь его наиболее «динамичная часть». К примеру, технические

особенности некоторых ударов, бывшие когда-то новинками. Историю же людей с их никогда не повторимым во всех деталях опытом время бережно хранит для потомков. И поэтому «из учебника жизни» можно черпать, словно из лечебного источника, живительную влагу для следующих поколений.

Так давайте и мы заглянем в такой учебник, перелистаем страницы глав о наших первопроходцах на мировой теннисной арене. Они — победители или призеры многочисленных соревнований — оставили свои автографы в альбомах поклонников тенниса во многих странах мира. Пройдет время. Пожелтеют страницы с автографами. Альбомы коллекционеров перейдут в другие руки.

И представители будущих поколений любителей тенниса, вспоминая тех, кто прокладывал трудную дорогу к победам на международной арене, с благодарностью скажут: «Они были первыми!».

ОТЦЫ И ДЕТИ

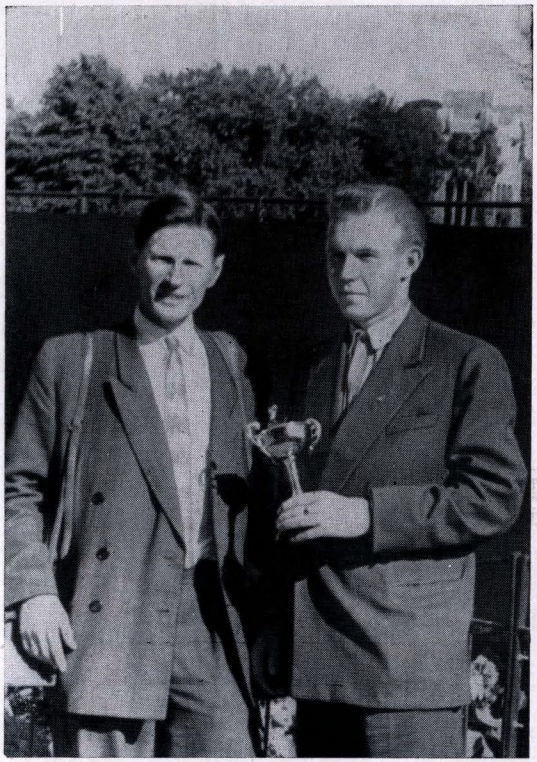
Успех спортсмена — это успех и его тренера. Тренера часто сравнивают с ваятелем. Такое сравнение в принципе справедливо. Но только с определенной оговоркой. Предмет ваяния пассивен, он безропотно покоряется искусным рукам мастера. Спортсмен же, наоборот, всегда активен. Творческий труд тренера и творческий труд спортсмена непременно едины. И вместе с возмужанием спортсмена его творческое содружество с тренером становится все глубже и многограннее. Вот почему рассказ о первых скромных успехах наших теннисистов мы в большинстве случаев решили вести как бы по двум линиям — спортсмена и тренера.

Первый урок, первый экзамен, первое официальное соревнование, первый финальный матч. Все эти события, главный смысл которых выражен в слове «первый», оставляют обычно неизгладимый след в жизни спортсмена. Так и в мою память с какой-то особой и неповторимой остротой врезались первые сражения наших лучших теннисистов на международной юношеской арене.

За сезон в мире проводится довольно много международных юношеских личных турниров. Существуют и командные соревнования молодых теннисистов — всеевропейские первенства молодежи: Кубок Галеа среди юношей и Кубок Суабо среди девушек (возраст участников до 21 года).

Эти личные и командные соревнования стали хорошей школой для наших молодых теннисистов. Но выступать в них могут лишь самые сильные и умелые. Ведь в Уимблдоне и открытом первенстве Франции, как я уже говорил, имеют право участвовать от каждой страны только один юноша и одна девушка. «Карликовые» команды и в Кубке Галеа и Кубке Суабо — два-четыре спортсмена. Представляете себе, какие испытания боем, какой жестокий отбор надо пройти предварительно в «домашних» соревнованиях, чтобы завоевать право выхода на эту слишком узкую международную дорогу.

Я уже рассказывал о выступлении в Уимблдоне А. Дмитриевой и А. Потанина. Если бы вы только знали, как им хотелось вновь на следующий год выступить в этих соревнованиях. Но увы! Спортсмены уже перешагнули рубеж юношеского возраста. Особенно обидно было Ане. Родись она всего на несколько дней позднее, и еще в течение целого года она имела бы право выступать по группе девушек. И весьма вероятно, что Аня при отсутствии «ро-

В руках у Т. Лейуса маленький серебряный кубок. Но каким дорогим он был для нашего теннисиста в 1959 году. Ведь им награждают первую юношескую ракетку мира — победителя Уимблдонского турнира юношей. Радость спортсмена разделяет и стоящий рядом с ним его наставник и друг Э. Крее

дительской ошибки» могла бы стать первой советской победительницей уимблдонских соревнований девушек. Но спортсменке ничего не оставалось, как покориться безвозвратному ходу времени.

То, что не смогли сделать А. Потанин и А. Дмитриева, сделали их «сменщики» — Т. Лейус и Г. Бакшеева.

Вот они стоят взволнованные и необыкновенно радостные — спортсмен и тренер — Т. Лейус и Э. Крее. Впервые в 1959 году советский теннисист получил заветный Кубок, которым награждают победителей юношеского турнира Уимблдона. Позади тяжелый финальный матч с бразильцем Р. Барнесом, которого годом ранее никак не мог одолеть Потанин.

Лейус играл отлично, в остро наступательном стиле, тактически тонко, изобретательно и в то же время очень расчетливо.

Очевидцам матча запомнились четыре «золотых свечи» таллинца. До счета 5 : 5 в первой партии и 6 : 5 во второй каждый из соперников уверенно выигрывал геймы на своих подачах. Свечой Лейус пользовался очень редко — только в ситуациях, когда удар был вынужденным. Но вот наступает момент игрового равновесия: счет 5 : 5 и «ровно». Лейус принимает подачу низким ударом и направляет мяч в ноги выбегающему к сетке сопернику. Барнес спокойно отвечает с лёта довольно косым ударом под правую руку нашего спортсмена и еще ближе подходит к сетке. Лейус энергично идет на мяч, как бы показывая всем своим видом, что сейчас последует сильный низкий обводящий удар. Однако в самый последний момент спортсмен резким движением руки вверх посылает мяч высоко над сеткой крученой свечой. Для Барнеса это было настолько неожиданным, что он даже не успел среагировать на высоко летящий мяч.

То же самое произошло и при следующем розыгрыше очка, а также в завершающем гейме второй партии, и теперь вы понимаете, почему в английской печати четыре свечи Лейуса были названы «золотыми».

Так, уже в первых международных юношеских соревнованиях Лейус показал себя хорошим тактиком. Недаром после финального матча один из жур-

налистов, похлопав его по плечу, заметил: «У тебя умная головка, а это для тенниса главное!».

Понимание игры, умение с каждым соперником играть по-разному и к каждому подбирать свои «ключи», способность проникать в психологию соперника, умение выявлять и использовать его «слабинку», причем не только в технике и тактике, но и в психологической подготовке и характере — все эти важные слагаемые тактического мастерства и составили главное оружие Лейуса.

У Лейуса и его тренера Крее есть очень важная особенность — постоянная склонность к анализу. Аналитики — вот как назвал бы психолог обоих: и спортсмена и тренера.

Один из английских журналистов писал: «Когда смотришь на игру Лейуса, на выражение его лица, то складывается впечатление, что на площадке математик, решающий сложные задачи, или шахматист, ищущий удачный ход».

Педагогическая же деятельность Крее — постоянный эксперимент, яркое творчество. Это, если можно так выразиться, научная работа прямо на производстве. Понаблюдайте за Крее, когда кто-либо из его воспитанников сражается на корте. В руках тренера фото- или киноаппарат и обязательно специальная книжечка с табличками, в которой он ведет запись игры. Матч кончится, и Крее детально разберет все достоинства и недостатки действий соревнующихся. У Крее под рукой, как правило, и записи прежних встреч. Так что он всегда может сравнить старые и только что полученные данные. Он всегда, например, может сказать после матча, каков был процент попаданий с первого мяча при подачах, какими ударами были набраны очки, сколько было допущено ошибок и по какой причине. А ведь точные факты и последующий их глубокий анализ — именно то, что в первую очередь необходимо тренеру и спортсмену. Что же касается техники ударов, то здесь в деталях раскрывают «картину ударных движений» фото- и кинооружие Крее.

Одним словом, Крее в своей педагогической деятельности отлично соединяет передовую теорию с передовой практикой. И поэтому успешная защита Крее кандидатской диссертации, посвященной методике подготовки теннисистов, была для него чем-то совершенно естественным, логически вытекающим из его многолетнего творческого плодотворного и очень важного труда.

А теперь перенесемся из Прибалтики на Украину.

— Вот погодите, я через несколько месяцев покажу на соревнованиях в Москве девчонку, каких у меня еще никогда не было, ей тринадцать лет, а играет она совсем как большая и уже сейчас — отъявленная «сеточница»,— этими словами заинтриговал нас опытный украинский тренер В. Бальва, подготовивший до этого чемпионов СССР О. Калмыкову, В. Кузьменко и М. Мозера.

И действительно, на Всесоюзных юношеских соревнованиях 1959 года впервые появилась Галина Бакшеева. Ее движения привлекали какой-то особой легкостью, свободой, естественностью. Играла она смело, задиристо и рискованно. Совершенство — в простоте и естественности — этот афоризм невольно вспоминался на встречах молодой теннисистки.

— У Галины удивительные двигательные способности, она очень быстро все схватывает, только покажешь ей то или иное движение, и, глядишь, она его уже выполняет,— так восторженно говорил о Бакшеевой Бальва.

Галина росла быстро, уверенно побеждала не только своих сверстниц, но и опытных теннисисток, входящих в число ведущих. И когда в 1961 году пришло время выбирать, кого из девушек посылать в Англию, сомнений, как и в 1958 году в отношении Дмитриевой, не было — Бакшееву, как имеющую лучшие спортивные результаты и придерживающуюся передовой наступательной тактики.

Приспособилась к травяным кортам спортсменка довольно быстро. Решали все активный стиль игры, острое нападение у сетки и сильная подача, то есть главные козыри игры на «быстрых» площадках.

Два года Бакшеева уверенно побеждала в Уимблдонских турнирах девушек. Особенно примечательным был ее первый финальный матч с американкой В. Чебет. До Уимблдона Чебет выступала на кортах 22 стран. Она была сильнейшей в США среди девушек и занимала седьмое место в десятке лучших женских ракеток своей страны. Бакшеева же, как и Дмитриева в 1958 году, была новичком в мировом теннисе.

Журналисты еще перед финалом поздравляли советскую теннисистку с почетным вторым местом. В этих поздравлениях чувствовался и скрытый смысл. «Второе место — предел мечтаний спортсменки, это максимум, на что она может реально рассчитывать, ведь ей предстоит играть с седьмой ракеткой США, а вы знаете, что американская теннисная десятка — самая сильная в мире» — такие безапелляционные выводы делали журналисты в разговорах с руководством советской команды.

Казалось, все говорило в пользу этого прогноза, но с его резким опровержением выступила Бакшеева. Словно восстал ее норовистый, самолюбивый характер. Она играла смело, решительно, уверенно. Весь ее вид как бы говорил: «Кто сказал, что я должна проиграть? Я проигрывать не собираюсь!». Писатель в такой момент воскликнул бы: «Вот он — бурный прилив творческого вдохновения!». Галина Бакшеева одержала заслуженную победу.

И в следующем году Бакшеева заняла первое место среди девушек. Ее преимущество было подавляющим, спортсменка явно превосходила всех своих сверстниц. Думалось, все идет к тому, что она скоро может рассчитывать на большие успехи и в играх с сильнейшими теннисистками мира. Но, увы, эти расчеты, к сожалению, не оправдались. Причины? О них дальше. В рассказе о выступлениях взрослых.

Эстафету уимблдонских побед от Т. Лейуса и Г. Бакшеевой приняло новое поколение спортсменов — О. Морозова и В. Коротков.

В рассказе о Морозовой я хочу нарушить свой прежний порядок изложения: сначала о спортсменке, а потом о тренере. Дело в том, что тренер Морозовой Нина Сергеевна Теплякова — сама в прошлом выдающаяся теннисистка, семикратная чемпионка СССР. Теплякова — живая история нашего тенниса.

Когда среди любителей тенниса разгораются споры о спортивных судьбах теннисисток, то нередко можно услышать такую фразу: «Эта теннисистка пойдет далеко, ведь она из «тепляковского выводка»!». И всегда слова «тепляковский выводок» звучат, с одной стороны, как похвала, а с другой — как веское доказательство перспектив дальнейшего роста спортсменки, так как считается само собой разумеющимся, что если уж Теплякова за кого взялась, то результаты рано или поздно будут.

А вклад в большой теннис у Тепля-

ковой-тренера действительно внушительный. Это чемпионки СССР Е. Чувырина, А. Кузьмина, А. Дмитриева, О. Морозова, М. Чувырина, ведущие молодые теннисистки страны Т. Чалко, Е. Крючкова, Н. Радаева, Н. Сальникова.

Мне же, когда речь заходит о Тепляковой, обычно вспоминается один эпизод из ее выступлений в соревнованиях.

1938 год. В Советский Союз прибыли теннисисты Чехословакии. И вот на корте лидеры женского тенниса двух стран — Н. Теплякова и В. Киселова. Матч был исключительно упорным и явился жестоким спортивным испытанием прежде всего духовных сил теннисисток. Только невероятная сила характера позволила Тепляковой одержать на редкость трудную победу. В мою память врезались слова Тепляковой, брошенные с какой-то неумолимой уверенностью представителю советской команды, когда в решающей партии борьба достигла «точки кипения»: «Умру, но выиграю!».

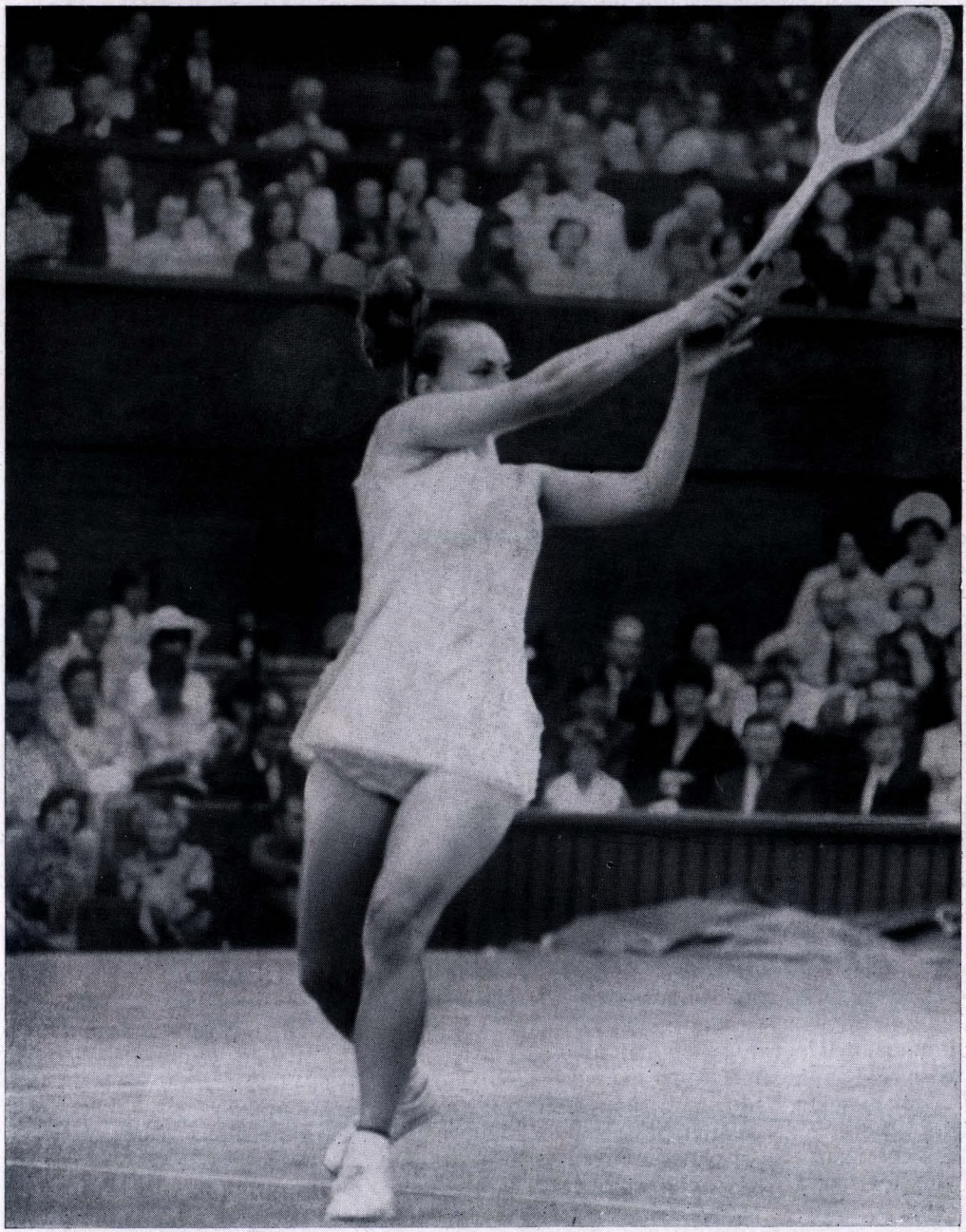
В этих словах — вся Теплякова. Железная воля, целеустремленность, трудовой фанатизм, неутомимость, чувство нового — вот те качества, которые составляют «секретное оружие» Тепляковой. Если вы, возвратившись с каких-либо соревнований, встретите Теплякову, то обычно первый вопрос, который она вам задаст, это «Что было нового на соревнованиях?». И такой вопрос не формальность. Он идет у нее от души. Стремление обновить, улучшить — для Тепляковой самое естественное, само собой разумеющееся. Не случайно все новое, что возникало в советской школе тенниса, незамедлительно использовалось Тепляковой в ее собственной тренерской работе. Не случайно активный передовой стиль игры отличает представительниц прежде всего ее «выводка».

Со времен владычества Тепляковой на кортах наш женский теннис ушел далеко вперед. Но в одном Теплякова еще осталась непревзойденной: в силе спортивного характера. Исключительно серьезное отношение к тренировке, воля к победе, горячий, но управляемый темперамент, неиссякаемая игровая энергия, способность к абсолютной концентрации внимания — все эти качества Тепляковой и до сих пор могут служить очень хорошим примером.

Свой сильный характер Теплякова стремится «передать» ученицам. Воспитать волю, неиссякаемое трудолюбие — это, как считает тренер, самое важное и обычно наиболее трудное в педагогической работе.

Были на пути тренера и успехи и обидные неудачи. Морозова — это, безусловно, успех. Пусть у Ольги было меньше таланта, чем у той же Бакшеевой. Но на вооружении у нее оказалось не менее важное — тепляковское трудолюбие. Часами ежедневно она кропотливо работала над техникой и с чисто мужской нагрузкой проводила атлетическую подготовку. Свои позиции в теннисе Оля завоевывала постепенно и не сразу заставила о себе заговорить. Ее спортивный путь оказался тернистым, с психологическими сбивами. «Дрожали руки» в решающие моменты матчей, отказывала подача, в одном из всесоюзных первенств она даже «ударилась в кач». За пассивную

Из советских теннисисток никому, кроме Г. Бакшеевой, не удавалось дважды побеждать в Уимблдонском турнире девушек. По постановке техники и направленности тактики Бакшееву ставили в один ряд с ведущими теннисистками мира. Большая заслуга в этом ее тренера В. М. Бальвы. Придирчивые и искушенные в тонкостях игры зрители центрального корта Уимблдона, на котором вы видите спортсменку, не раз по достоинству оценивали красивую игру киевлянки

игру ее справедливо критиковали в печати. Как рассказывает Теплякова, упрек в газете «Советский спорт» очень остро был воспринят молодой спортсменкой.

«Буду играть всегда смело и активно»,— такое твердое обещание дала Ольга тренеру. И надо сказать, свое слово она всеми силами старается сдержать.

Идеально, когда воля спортсмена носит всеобъемлющий характер, проявляется и в обыденной тренировке и в соревнованиях. Такую волю и называют сильной, так как она стала стержневой чертой характера. Но есть спортсмены, у которых проявление воли не постоянно, а зачастую носит и односторонний характер. Так, у одних «тренировочная воля» значительно превосходит «волю соревновательную», у других — картина обратная.

У Морозовой в соревнованиях ее волевые проявления иногда неустойчивы. Вот и получается, что ее «тренировочная воля» — это как бы величина постоянная, а «воля соревновательная» — величина переменная. Правда, от года к году спортсменка делает определенные успехи в балансировании этих волевых проявлений. Однако разница между ними все еще остается.

Примером очень трудного пути к победе через преодоление психологических слабостей может служить первое выступление москвички в Англии.

Не сразу приспособилась спортсменка к необычным для нее травяным площадкам. Шестнадцатилетняя девушка чувствовала на себе «давящий» взгляд английских зрителей, искушенных в тонкостях игры и избалованных многочисленными соревнованиями с участием самых ярких звезд мирового тенниса.

Первые матчи открытого чемпионата английского графства Кент среди девушек прошли для Морозовой в борьбе прежде всего с собой, хотя соперницы были не из сильных.

— Хочу играть как обычно, и не могу,— досадовала спортсменка.

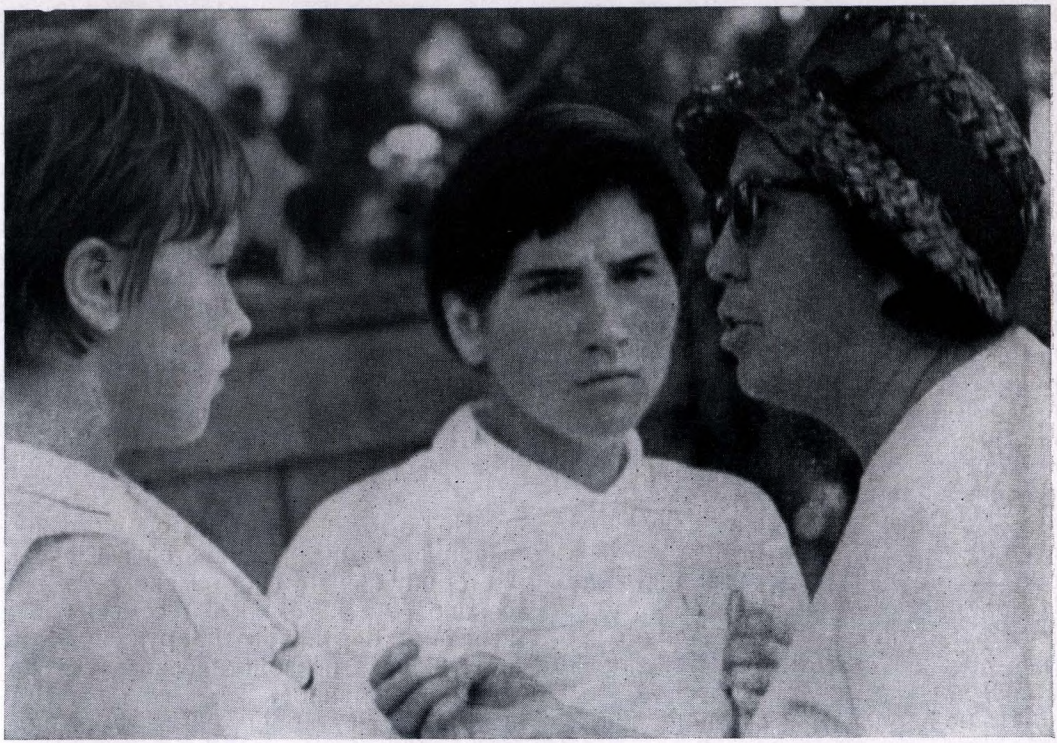
Но все же, как ни тяжело было бороться на два фронта, теннисистка выстояла и, в конце концов, стала победительницей соревнований. И здесь свою роль сыграло трудолюбие. Как ни велика была соревновательная нагрузка, а Ольга все же находила между матчами «окна» и использовала их для тренировки (спортсменка выступала в общей сложности в пяти разрядах, так как играла не только среди девушек, но и среди взрослых).

Впереди у Морозовой предстояло главное испытание — Уимблдонский турнир девушек. И снова утомительные тренировки, на этот раз на самых «быстрых» в мире травяных площадках.

Как вознаграждение за большой труд последовал большой успех. Не выдержали мальчишеского напора Морозовой первые ракетки ФРГ и Англии. И хотя спортсменке опять приходилось порой вести борьбу со второй соперницей — собственной неуверенностью,— она все же в решающие моменты матчей добивалась превосходства именно за счет воли к победе.

В финале же Ольга уже играла почти как дома. Ее победа над сильной аргентинкой А. Гизгафр была убедительной и красивой.

...У меня, как и у некоторых моих старых товарищей по теннисному оружию, с которыми мне довелось играть в первые послевоенные годы, есть традиция: первый день нового года встречать на теннисной площадке. Верный этой традиции, я и пришел в 1957 году на московские закрытые корты стадиона «Энергия». Там как раз только что закончились соревнования. На площад-

Н. С. Теплякова. Многократная чемпионка страны, заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР... Сколько энтузиазма, энергии, темперамента, материнской заботы отдала она своим многочисленным воспитанницам. Среди них много мастеров спорта, пять чемпионок страны. Предлагаемую взорам читателей фотографию можно назвать: «Суровая правда». Матч окончился. Но разговор по горячим следам тренера с ученицами Е. Крючковой и О. Морозовой будет, видимо, не таким уж коротким. У первой выражение лица — виноватое, у второй — нахмуренное. Теплякова же всегда неумолима — она требует от своих подопечных не только смелой, активной, тактически умной игры, но и непреклонной воли к победе, спортивной выдержки

ке выстроилась группа совсем маленьких теннисистов. Вперед робким шагом вышел коренастый мальчуган. Тренер детской школы Т. Дубровина вручила победителю новогодних соревнований приз — книжку в красивом переплете. Это были первые соревнования девятилетнего Володи Короткова, в которых он стал победителем.

Так у юного спортсмена оказалась в руках книга «Как закалялась сталь» Н. Островского.

— Герой этой книги Павка Корчагин должен стать для тебя замечательным примером, его целеустремленность и невероятная сила воли — это именно то оружие, которое необ-

ходимо каждому спортсмену,— напутствовала тренер своего маленького смущенного воспитанника.

Володя рос трудолюбивым, упорным парнишкой. И уже в первых соревнованиях показал себя «крепким орешком». В его игре чувствовался большой волевой настрой, даже в матчах с соперниками заведомо более сильными. Тренировался Володя в боевых условиях. Тренер подбирала для него опытных спарринг-партнеров, с которыми он не только разучивал игровые гаммы, но и с большим азартом играл со счетом. Каждый из спарринг-партнеров был для молодого спортсмена своего рода пробным камнем, ступенькой роста.

— Научись обыгрывать Сережу, тогда подберу тебе другого, более сильного, соперника,— говорила тренер. И Володя испытывал большое удовлетворение, когда его очередной спарринг-партнер становился «пройденным этапом».

Но не просто факт очередной победы интересовал тренера. Самым важным было для нее, какой игрой достигнута победа, насколько тактика юного спортсмена перспективна для успехов в большом спорте. Наставница была бескомпромиссна: Володя должен играть с любым соперником только активно и смело. И теннисист уже к 14 годам сформировался в игрока явно выраженного нападающего стиля. Большой наградой за трудолюбие и успехи в освоении атлетической игры стал для него 1964 год. В паре с Вячеславом Егоровым, одним из ведущих теннисистов страны, он стал чемпионом СССР. Все решил нападающий стиль игры, который, как известно, составляет «изюминку» парных соревнований.

Немало призов завоевал Володя Коротков и на международной юношеской арене. Дважды Володю награждали Кубком победителя юношеских соревнований Уимблдона. А в 1966 году он сделал, выражаясь футбольным языком, «дубль» — завоевал первое место и в открытом юношеском первенстве Франции.

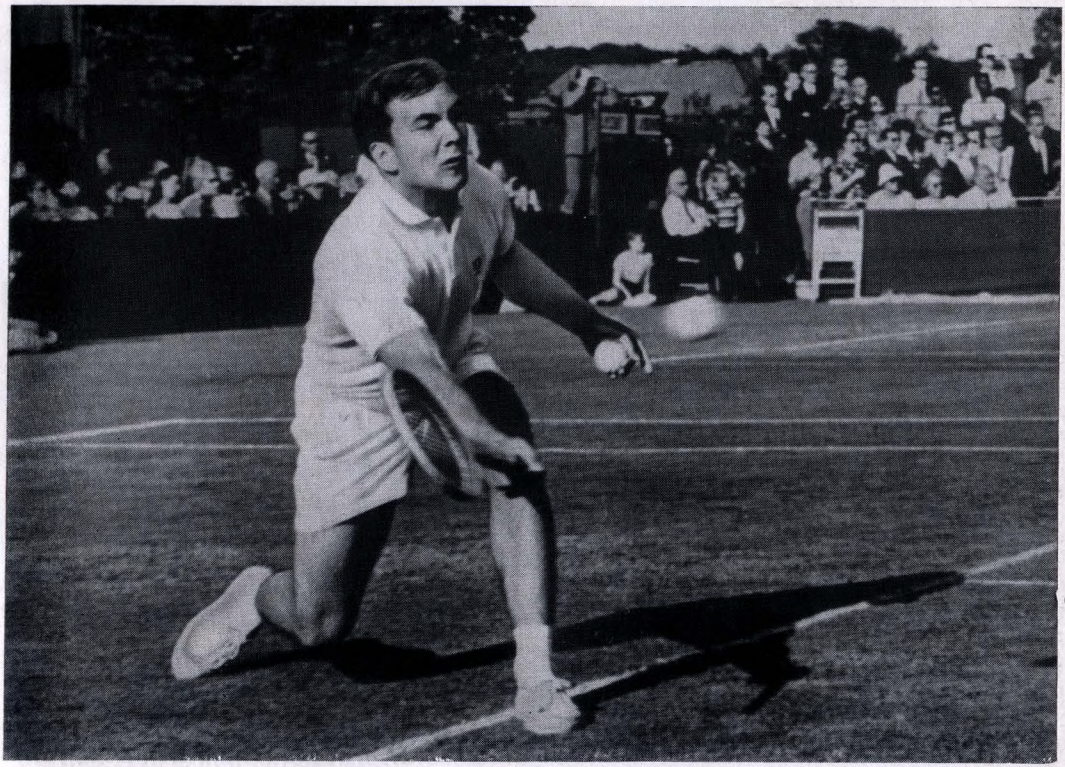
В игре Короткова в двух уимблдонских финалах было много схожего: мощь ударов, быстрота, острая плассировка мяча. Травяные площадки с их стремительным отскоком мяча стали словно его стихией. Один из старожилов английского тенниса после победы Владимира в шутку заметил: «В вашей стране наверняка где-то есть «секретные» травяные корты, иначе ничем другим не объяснишь, почему Коротков чувствует себя на траве как рыба в воде».

Но не только чисто игровое оружие склоняло чашу соревновательных весов в сторону нашего спортсмена. В его арсенале еще находился и самый грозный вид спортивного вооружения, вооружения психологического — смелость и уверенность.

Ключевые, решающие моменты матча — это как пробный камень характера спортсмена. И именно в такие моменты характер Короткова успешно выдерживал испытание на прочность.

Вспомним один из эпизодов финального матча юношеского турнира Уимблдона 1966 года. Ценой очень большого напряжения выиграл Коротков первый сет у одного из сильнейших юниоров мира новозеландца Б. Фейрли (это он в следующем, 1967 году победил в Уимблдоне Метревели). Но во втором сете — критический момент. Со счетом 7:6 ведет соперник и на его подаче «больше». Сетбол!

Вот новозеландец, как всегда, после своей сильной подачи стремительно выбежит вперед и займет выгодную позицию у сетки. Москвич на мгновение замер в ожидании «выстрела» по-

Ежегодно проводятся два неофициальных личных первенства мира: одно на травяных кортах Англии, другое — на грунтовых площадках Франции. Такая традиция существует не только у взрослых, но и у юношей. В 1966 году В. Короткову удалось, выражаясь футбольным языком, сделать «дубль» — занять первые места в обоих соревнованиях

дающего. Сильная подача удается Фейрли с первой попытки. Однако Коротков быстро выходит на стремительно приближающийся мяч и мощнейшим контратакующим косым ударом обводит соперника. Перехватить мяч новозеландец не успевает.

Тактический ход москвича при розыгрыше следующего очка был примерно таким же. Только на этот раз Коротков ответил не косым, а прямым ударом.

Растерявшийся новозеландец допускает затем двойную ошибку при подаче и в итоге проигрывает важнейший гейм. Следующие два гейма, а с ними партия и матч тоже на стороне нашего спортсмена. А ведь каких-нибудь пять минут назад он находился в критическом положении.

Может быть, два удара Короткова в конце второй партии были «залихватским риском» или «криком отчаяния»? Нет! В них выразилось совершенно иное: воля спортсмена, уверенное исполнение ударов и удачный тактический замысел.

Второй уимблдонский финал оказался для Короткова не легче. Уж очень хотелось победить самоуверен-

ного француза Ж. Говена. Одна из английских газет поместила накануне соревнований такое фото: на трапе приземлившегося в Лондоне самолета запечатлен французский теннисист с поднятой вверх для приветствия рукой. Под фото многообещающая подпись: «Говен компромиссов не любит, его устроит только золотая корона победителя юношеского турнира Уимблдона!».

Самоуверенность француза имела определенные основания. Уже стало традицией, что самые перспективные молодые теннисисты многих европейских стран и США отправляются зимой в Австралию. Там в течение нескольких месяцев спортсмены проходят сбор — стажировку под руководством австралийских специалистов, получивших международное признание. В числе гостей зеленого континента был и Говен. Однако там он оказался не только в роли прилежного ученика. К всеобщему удивлению, он нанес жестокий удар по престижу австралийского тенниса, выиграв открытое первенство этой страны среди юношей.

Так что вы теперь понимаете, почему у Владимира перед генеральным сражением волнений было хоть отбавляй. Но вот грянул бой, и волнение, казалось, сразу пропало. Однако это впечатление было обманчивым. Просто спортсмену удалось взять себя в руки и внешне казаться спокойным. На душе, как говорят, скребли кошки, а виду нельзя было показывать.

Нередко о выдающихся спортсменах говорят, что им, мол, чуждо волнение, что это какие-то особые твердокаменные люди и волнение лишь удел новичков или совсем безвольных игроков. Как далеки от истины такие утверждения. Они исходят обычно от тех, кто сам не испытывал радости больших побед и горечи больших поражений. Обратите внимание на слова «больших». Именно самые значительные матчи перед глазами тысяч зрителей, где решается вопрос «быть или не быть» спортсмену первым среди ведущих, связаны с наибольшими эмоциональными переживаниями. Спортсмен сильный духом тем и отличается, что он способен вовремя побороть волнение, обрести власть над своими эмоциями. А для этого ему необходимы очень мощные волевые усилия, на которые способен не каждый.

Вообразим, что существует точный прибор для измерения силы воли. Теперь попробуем с его помощью «снять пробу» у спортсмена, побеждающего собственное волнение в матче, где решается его большая спортивная судьба. Не удивляйтесь: показания прибора будут близки к человеческому пределу.

Коротков сумел победить волнение. А самоуверенность у французского игрока довольно быстро пропала. И его вид теперь словно говорил: «Кто мог подумать, что соперник способен на такое». Говен действовал разнообразнее и тоньше. Но этого его преимущества оказалось недостаточно. Мощь и острота ударов нашего теннисиста взяли верх. Он и одержал заслуженную победу.

В следующем, 1966 году вновь сошлись дороги этих двух спортсменов. На этот раз в первом в истории советского тенниса матче СССР — Франция, который проходил на «медленных» грунтовых площадках Парижа, французу удалось взять реванш. Грунтовые корты снизили «пробивную способность» мощных ударов Короткова, ослабили тот стремительный темп, который на травяных кортах был его главным оружием.

С большим интересом ожидали третьего поединка спортсменов: в открытом первенстве Франции среди

юношей. Старые соперники, как сильнейшие в турнире, были «рассеяны» в игровой сетке под первым и последним номерами. Но этому поединку не суждено было состояться. Француз в полуфинале неожиданно проиграл темпераментному бразильцу А. Далькосту. Наш же спортсмен все матчи провел отлично, с большим подъемом и впервые выиграл столь авторитетные соревнования. Так и покинули международную юношескую арену советский и французский теннисисты, не выяснив до конца своих отношений.

В тот год Коротков стал, как мы уже говорили, победителем двух неофициальных чемпионатов мира среди юношей — на травяных площадках в Англии и на грунтовых площадках во Франции. Радости спортсмена и его тренера не было конца. После победы Короткова в уимблдонском финале у Дубровиной даже навернулись слезы на глазах. И ее можно было понять. Ведь сколько труда, энергии, забот, волнений, радостей и огорчений было отдано любимому ученику. Шутка ли сказать, около тринадцати лет ушло у тренера на то, чтобы вырастить победителя двух крупнейших в мире международных юношеских соревнований.

Дубровина в молодости не была выдающейся спортсменкой. Лучший ее результат — победа в первенстве Москвы среди теннисисток первого разряда. Однако это не помешало ей стать одним из ведущих тренеров страны. Недостаток чисто спортивных способностей компенсировался большими педагогическими способностями. Много пришлось поработать тренеру над собственной техникой. Но не для побед на корте. Она высоко оценивала умение тренера правильно показать технику ударов и передвижений своим воспитанникам.

Иногда можно встретить людей, живущих как бы по инерции. Они — рабы устаревших традиций, укоренившихся, но уже требующих изменения взглядов. Кажется, многое в работе необходимо обновить, улучшить, решительно избавиться от отжившего, старого. Но на такое «обновление» эти люди не идут. Причем часто отнюдь не потому, что принципиально отвергают все новое, выступают в роли убежденных консерваторов.

Что значит для тренера начать работать по-новому? Ну, скажем, взять на педагогическое вооружение новый комплекс упражнений по физической подготовке или использовать научные методы оценки уровня развития физических качеств, методы, с которыми он раньше знаком не был. В первую очередь это значит самому подняться на более высокий уровень подготовленности, поработать упорно над собой, обогатить запас знаний и практических умений. А именно это как раз и бывает самым трудным для такого рода тренеров. В итоге и получается, что эти люди на словах и не против необходимых новшеств, а на деле остаются на старых позициях и тормозят продвижение вперед.

Теплякова и Дубровина — прямая им противоположность. Как тут не вспомнить один из всесоюзных сборов по повышению квалификации тренеров, на котором главное внимание уделялось новому в технике тенниса и тренеры долго работали над собственной техникой в имитационных упражнениях перед зеркалом, чтобы это новое практически освоить. И кто же задавал тон, показывал пример настойчивости в этой, прямо скажем, трудной и утомительной работе? Теплякова и Дубровина, хотя им было куда труднее, чем более молодым тренерам.

Секрет педагогических успехов этих всеми уважаемых наставниц во многом объясняется и их исключительно забот-

ливым отношением к своим подопечным. Они для них — вторые родители, как их нередко называют, «теннисные мамы».

Вот и подошел к концу наш рассказ о советских теннисистах — победителях крупнейших международных юношеских соревнований. Но не только эти теннисисты пробовали в них свои силы. До финала юношеского Уимблдона доходили Александр Метревели и Марина Крошина, до полуфинала — Рауза Исланова и Зейга Янсоне. Лишь Алла Иванова и Нугзар Мдзинаришвили складывали оружие в первых же кругах соревнований.

Особенно обидно было за Метревели. У него все, казалось, шло как никогда хорошо. Уже были одержаны победы не только в юношеском, но и в молодежном первенствах английского графства Кент. Отлично прошла предсоревновательная тренировка в Уимблдоне. И вдруг...

Воскресенье, разделяющее первую и вторую недели Уимблдона,— традиционный день загородного отдыха теннисистов. В этот день они становятся гостями Английской теннисной федерации в ее загородной резиденции.

Живописный уголок на берегу Темзы. Все здесь словно дышит далекой стариной. Входишь в старинный дом, и кажется, что вот-вот рядом появится средневековый рыцарь в доспехах. Правда, эти наплывы воображения быстро проходят, как только дом наполняется шумной жизнерадостной ватагой теннисистов.

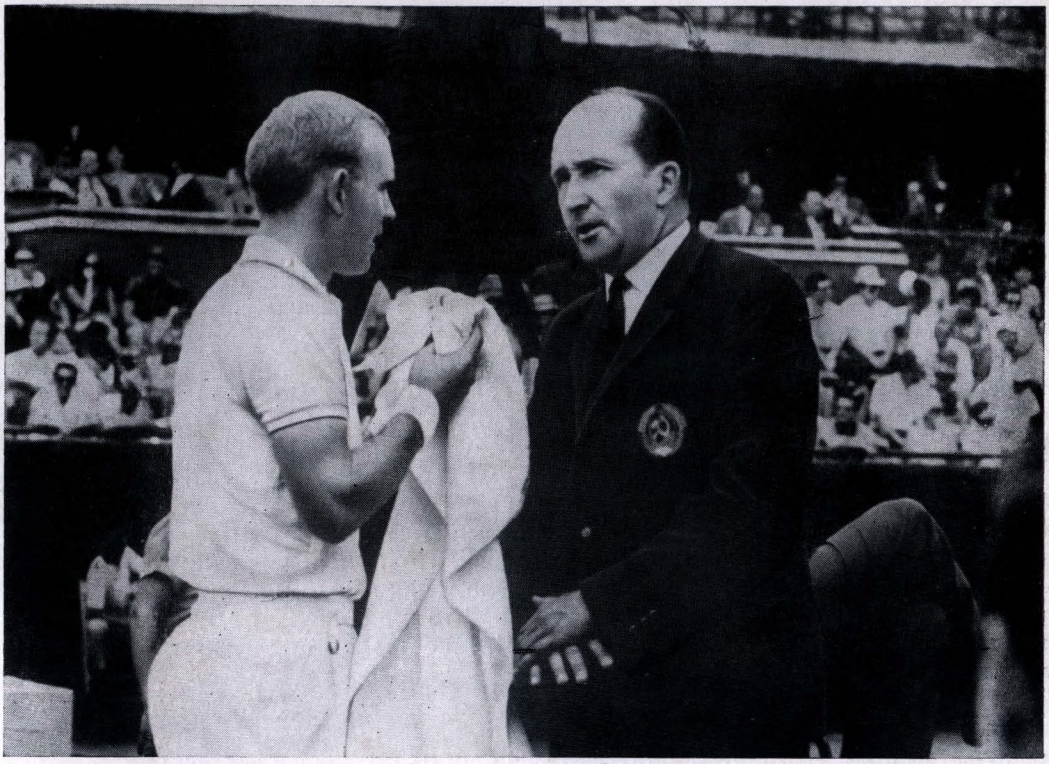
Пребывание там для большинства гостей — хороший активный отдых. Одни катаются на лодке, другие играют в гольф, третьи — стреляют из лука. Теннис в этот день — запретный вид спорта. Отдыхать и забыть теннис хотя бы на один-единственный день — под таким девизом проходит это воскресенье.

Гвоздь же воскресной программы — традиционный футбольный матч сборных команд Европы и Южной Америки (теннисисты Австралии и США довольствуются обычно скромным положением зрителей, так как футбол в их странах обычно не в почете). В составах команд только участники Уимблдонского турнира. Ведь многие теннисисты — страстные любители футбола. Определить составы команд не так-то легко. Желающих много. На поле выходят только самые лучшие. А поле-то какое! Травяной газон, как на центральном футбольном стадионе «Уэмбли». Матч проходит по всем футбольным законам. Разница только в хронометраже. Каждый тайм продолжается 20 минут.

Отличными футболистами зарекомендовали себя итальянцы Н. Пьетранжели и С. Таккини, югославы Н. Пилич и Б. Иованович, бразильцы Р. Барнес и П. Фернандес, мексиканцы Р. Осуна и К. Паллафокс. Наши теннисисты Т. Лейус, М. Мозер и С. Лихачев в прежние годы также прославились здесь как звезды европейского футбола.

С горячим желанием не ударить лицом в грязь вышел на традиционный матч и Метревели — не менее страстный любитель футбола, чем его старшие друзья. Разве он мог смириться с тем, что в предшествующий год Лейус прослыл главным бомбардиром Европы (за четыре мастерски забитых мяча). Начало встречи было обещающим. Тбилисец уже на первых минутах забил гол. И вот снова он выходит один на один с вратарем. Неловкое движение при ударе, и... теннисист хватается за ногу. Травма.

Организаторы соревнований проявили снисходительность, ведь травма была получена прямо «на производстве». Они дали спортсмену два дня отдыха. Лечился Метревели почти

В подготовке сильнейших спортсменов велика роль не только их личных тренеров. В роли «вторых отцов» выступают и тренеры сборной команды страны. Посмотрите, с каким вниманием слушает Т. Лейус советы старшего тренера сборной С. С. Андреева во время матча на Кубок Дэвиса. Здесь, как говорится, совет короток — польза велика. Особенно если на вооружении автора советов богатейший спортивный опыт шестикратного чемпиона СССР в одиночных разрядах и шестикратного — в парных

круглые сутки. Даже в полусонном состоянии ночью он перекладывал больную ногу из холодной ванночки в горячую (использовался лечебный метод «резкой смены температур»). Третий день отдыха подарила нашему юноше сама природа — Лондон «накрыл» проливной дождь, и игры теннисистов отменили.

Тяжело пришлось спортсмену в первых двух матчах. Бегать было трудно. Поэтому, чтобы победить, все надо было решать как можно быстрее — одним-двумя ударами. И в первую очередь подачей и приемом подачи.

С большой обидой на случившееся выходил спортсмен на полуфинальный матч с первой ракеткой США среди юношей П. Рени. Уж очень не хотелось оказаться беспомощным. Да и нельзя было показать сопернику свои слабые места. И здесь у спортсмена проявилась черта характера большого мастера — способность отмобилизовывать все свои «внутренние резервы» в крайне напряженных обстоятельствах.

Когда поединок закончился, сияющий победитель воскликнул: «Откуда это у меня взялась такая подача, никогда раньше не набирал столько очков этим ударом!».

И действительно, подача Метревели заслуживала всяческих похвал. Ею Метревели удалось выиграть 26 очков, да так, что соперник не успел даже дотронуться до мяча.

Однако отпраздновать победу в финальном матче нашему теннисисту было не суждено. Встреча с англичанином С. Мэтьюзом сильно затянулась. А время работало на соперника. Боль в ноге давала о себе знать все сильнее и сильнее. Трехчасовой матч обернулся в итоге поражением Метревели.

Можете себе представить, как расстроился тренер Метревели Арам Герасимович Хангулян. Он не скрывал, что заветной мечтой их семьи было подготовить победителя Уимблдона. Да, именно семьи. Ведь Хангулян работал своеобразным бригадным методом вместе с женой, Екатериной Дмитриевной Вермишевой. Не имея собственных детей, они всю теплоту своего сердца отдавали ученикам, самым способным из которых был Метревели.

Кстати, в Тбилиси долгое время успешно трудилась и другая семейная бригада — В. Серебренников и М. Клдиашвили. Среди их воспитанников чемпионы СССР И. Рязанова-Ермолова и Т. Какулия.

ЛЕД И ПЛАМЕНЬ

Чемпионы приходят и уходят. Одних быстро низвергают с Олимпа, другие властвуют там долго. Одних довольно скоро забывают. Другие вписывают свои имена в яркие страницы истории, и молва о них идет от поколения к поколению.

Разные бывают чемпионы. И дело здесь прежде всего в том, что дал теннису тот или иной чемпион. Надолго запоминаются чемпионы-новаторы. Именно они становятся «знаменем теннисного прогресса», своеобразными «наглядными пособиями».

К таким чемпионам я уверенно отношу Тоомаса Лейуса и Александра Метревели, а также их бессменного товарища по парным играм Сергея Лихачева.

«Лед и пламень». Этими словами великого русского поэта А. С. Пушкина можно охарактеризовать Лейуса и Метревели. Так различны они по своим характерам. Первый — спокойный, выдержанный и расчетливый, второй — темпераментный, горячий, неудержимый. Но при всех различиях характеров у них много и схожего.

Что же сближает этих спортсменов? Что составляет их главное «духовное оружие»?

Интеллект. Он словно луч прожектора освещает путь Лейуса и Метревели, их игру и тренировки.

Судить о теннисисте во многом можно по тому, как он наблюдает за игрой других спортсменов. Вообразим, что мы с вами присутствуем на одном из международных турниров в качестве зрителей. Выберем укромное местечко на трибуне и займемся совершенно необычным делом: станем внимательно наблюдать не за играющими на площадке, а за двумя «болельщиками» — Метревели и Лейусом. Вот они, словно завороженные, впились глазами в своих вероятных соперников. Видимо, их интересует все: и особенности техники, и привычные для каждого тактические ходы, и оттенки психологической реакции на различные действия соперника. Соревнование для них — это прежде всего тонкая психологическая борьба. Отсюда такой широкий и аналитический подход к своей

скромной, но очень важной для спортивных успехов роли зрителя. Чем дольше вы будете наблюдать за Метревели и Лейусом, тем вам все больше и больше будет казаться, что они сами принимают участие в жаркой схватке на корте и, изучая соперников, стараются подобрать к ним игровые ключи.

«А как бы я поступил в подобной игровой ситуации?» — именно этот вопрос можно прочитать на лицах спортсменов, когда очередное очко оказывается разыгранным.

Как далеки Метревели и Лейус от тех теннисистов, которые наблюдают за игрой, словно читая занимательный, но без глубокого содержания детектив, где привлекает лишь одна динамика событий. Игра для таких теннисистов — только увлекательное зрелище. Для Метревели и Лейуса она в первую очередь процесс творчества, который надо подвергнуть глубокому и всестороннему анализу.

Поговорите с любым из них после того, как он пожмет руку своему очередному сопернику по матчу. В мельчайших подробностях спортсмен раскроет вам свой тактический замысел, в деталях обоснует ход спортивной борьбы, даст подробнейшую характеристику сопернику, причем не только чисто игровым действиям, но и еле заметным нюансам его психологического состояния. Словом, игра для того и другого — это интеллектуальная борьба. И поэтому не случайно их собственные действия на корте носят творческий, глубоко продуманный характер, словно направляются рукой опытного полководца, масштабно, всесторонне и глубоко воспринимающего все перипетии борьбы.

Одного из наших опытных теннисистов как-то попросили проанализировать свою игру в только что закончившемся матче.

«Соперник чаще играл мне под левую руку, а я ему под правую» — вот к чему свелись «откровения» спортсмена. Как далеки были они от того, что рассказали бы о любом из своих матчей Метревели и Лейус. Выше упомянутый теннисист не случайно так и не поднялся до уровня игроков международного класса, хотя и имел неплохую технику. Он не утруждал себя глубоким анализом соревнований, изучением соперников. К игре подходил довольно примитивно. По особенностям тактики его матчи походили друг на друга как две капли воды. С любым соперником он играл одинаково.

Для Метревели и Лейуса характерен «умный», творческий подход не только к самой игре, но и к тренировке. И, наверное, вовсе не случайно их спортивный путь отличается очень важной, подлинно чемпионской особенностью. Они повышали мастерство не только за счет накопления соревновательного опыта. Прогресс их игры в первую очередь заключался в совершенствовании техники и атлетической подготовленности.

Все ли наши ведущие теннисисты придерживались этого пути? Сказать откровенно — нет. Некоторые, выйдя на арену крупных соревнований, фактически бросали кропотливо работать над «гаммами» техники. Они полагали, что теперь главное для них — это турнирный опыт. И первое время казалось, что все подтверждает их правоту. В жарких сражениях на корте мужал характер, накапливался опыт соревновательных боев. Но чем дальше, тем все ощутимее и ощутимее давали о себе знать изъяны техники. Затем наступал период разочарований. И, как правило, происходило это в те моменты, когда спортсмены уже были «наполнены» соревновательным опытом.

«Самый худший из всех обманов — это самообман» — так гласит одно из древних изречений. Он-то как раз и сокрушал надежды спортсменов.

Каждый поистине большой мастер может произнести в назидание теннисному потомству такие слова: «Тренируйтесь всегда с перспективой; никогда не довольствуйтесь достигнутым и упорно овладевайте всем новым и передовым; не ориентируйтесь на ограниченный, раз и навсегда освоенный круг ударов с «закостенелыми» движениями; если вы решите, что уже все знаете и умеете, то сразу сделаете первый шаг назад!».

Путь спортсмена нельзя сравнивать с равномерным движением по восходящей линии. Подъемы и спады, движения по горизонтали как свидетельство торможения результатов, медленное еле заметное движение вверх — все это можно заметить на воображаемой графической линии, характеризующей динамику результатов теннисиста.

Не составили исключения в этом отношении и Метревели с Лейусом. Но у Метревели тенденции неуклонного роста оказались выраженными более отчетливо, да и подъемы были выше и длиннее. А за всем этим стоял напряженный труд, борьба с недостатками, постоянное освоение всего передового, что возникало в советском и мировом теннисе. В результате у нас появился теннисист без резко выраженных слабых мест в технике и тактике, с игрой, отвечающей лучшим мировым стандартам.

Метревели умеет мощно нападать и искусно обороняться, свободно вести игру у сетки и у задней линии площадки, в арсенале его игрового вооружения — любой из современных ударов. Каждый его технический прием вариативен: в зависимости от обстановки спортсмен совершенно свободно может применить удар то пушечный, то совсем мягкий, то подкрутить мяч, то подрезать. И при этом его движения на редкость свободны, легки и совершенно естественны.

В технике Метревели есть и одна «секретная» особенность. Его удары — своего рода загадка для соперника. Подготовительными движениями он не обнаруживает заранее намерение применить тот или иной вариант удара или удары различные, но с одной и той же тактической направленностью (например, низкий обводящий удар или обводящую свечу). Так, техника всех трех подач — плоской, резаной и крученой — у Метревели настолько тонко отточена, что соперник почти до самого момента удара по мячу не знает, какая же из подач последует. Эта «маскировочная» особенность техники позволяет Метревели вносить в игру очень важный тактический фактор — неожиданность.

Присмотритесь к Метревели, например, при подготовке сильного удара. Поначалу вам покажется, что он и не собирается его применять. В движениях спортсмена будет та же легкость и свобода, как и при обычном «мягком» ударе.

А ведь есть немало теннисистов с неплохой на первый взгляд техникой, но против которых, как ни странно, играть совсем нетрудно. И все только из-за того, что их подготовительные движения легко расшифровываются, по ним заранее обнаруживаются намерения игрока, как будто перед каждым своим ударом он предупреждает соперника: я готовлюсь выполнить именно этот удар!

Как отдельные, пусть даже самые приятные, ласкающие слух звуки — это еще не музыка, так и самые искуснейшие удары сами по себе еще не составляют игры. В музыкальном «словаре» имеется всего-навсего семь нот.

Но какие это ноты! Они могут составить бессмертные творения П. Чайковского и бессмысленный какофонический набор звуков. Нечто подобное и в теннисе. В техническом арсенале игрока не так уж много ударов. Но в руках подлинного мастера они составляют «ноты» самых оригинальных, богатых творческими замыслами «игровых симфоний», а в руках неумелого тактика превращаются в мертвый капитал, хотя в техническом отношении он может находиться и на достаточно высоком уровне.

У многих предшественников Метревели тактические замыслы оказывались не в ладах с техникой, спортсменам не удавалось подкрепить их всесторонней технической подготовленностью. В результате и в тактических замыслах они оказывались скованными, так как не располагали в нужной мере надежным оружием для уверенного осуществления задуманного.

Искусное выполнение всех приемов техники должно сочетаться с развитым тактическим мышлением, богатыми и оригинальными игровыми замыслами — таков один из секретов высшего спортивного мастерства. Метревели не только вовремя раскрыл этот секрет, но и уверенно взял его себе на вооружение. Он стал первым советским теннисистом, которому удалось слить в единое целое развитый игровой интеллект и передовую технику.

Но и сочетания удачных тактических замыслов с хорошей техникой, как мы знаем, еще далеко не достаточно для больших побед. Душа спорта — соревнование, борьба. И побеждают прежде всего бойцы, наделенные широким комплексом волевых качеств. Воля к победе, соревновательная выдержка, инициативность, активность, смелость и решительность в игровых замыслах и действиях, стойкость внимания и способность к его длительной концентрации — вот, пожалуй, главные из этих качеств.

Выступления Метревели, словно показатели самого чувствительного термометра, зависят порой даже от совсем незначительных «тепловых колебаний» в проявлении воли. И особенно от соревновательной выдержки. С этим волевым качеством, тонким и многогранным, шутки плохи. У спортсмена, сполна обладающего соревновательной выдержкой, всегда в запасе два вида грозного психологического оружия.

Первый вид — умение владеть собой, своими эмоциями. Особенно это касается поведения спортсмена в психологически напряженных игровых ситуациях. Ведь не случайно волю иногда называют «самовластием».

Второй вид психологического оружия — способность стойко переносить большие соревновательные нагрузки и усилиями воли бороться с утомлением.

Эмоциональность — в характере Метревели. Что же, это хорошо: выдающиеся спортсмены обычно люди сильных эмоций. Но в то же время это, как говорится, палка о двух концах. Подвластные воле эмоции всегда выступают надежными союзниками спортсмена. При отсутствии же такой власти они становятся его врагами.

У Метревели в последнее время эмоции все реже и реже выступают в роли незримых соперников. И разве это не подтверждение возмужания спортсмена, усиления его психологической подготовки?

Хуже у нашего чемпиона со способностью переносить большие соревновательные нагрузки. Почему? Прежде чем ответить на этот вопрос, еще раз обратимся к некоторым особенностям матчевых испытаний в теннисе и заглянем в суровый кодекс законов международных соревнований.

Какое место по нервно-физической нагрузке занимает теннис среди других видов спорта? На этот вопрос попыталась ответить Академия физического воспитания Франции. Видным ученым — физиологам и психологам — понадобилось для этого пять лет. С помощью глубоких исследований и экспериментов им удалось проникнуть в тайны того, что принято называть особенностями соревновательных нагрузок. И вот примечательный итог: теннис вошел в тройку видов спорта с наивысшей комплексной нагрузкой — физической и нервной, а по величине нагрузки на нервную систему спортсменов занял первое место.

Сурова и безжалостна система крупнейших международных соревнований по теннису. Встречи сильнейших проводятся «большими сериями» в течение трех-четырех месяцев, причем без специальных перерывов для отдыха между турнирами. Играть приходится почти ежедневно, в одиночных и парных состязаниях теннисисты проводят на площадке в общей сложности по 4—7 часов.

Теперь вы представляете, каким огромным испытаниям подвергаются нервная система и физический потенциал спортсмена.

Но, может быть, не стоит выступать во всей этой «цепочке» международных теннисных сражений? Не лучше ли отказаться от части из них, чтобы хотя бы немного отдохнуть?

Только попробуйте! Вы сразу снизите свои шансы попасть в мировую классификацию сильнейших теннисистов и, кроме того, окажетесь в невыгодном положении, так как вас не станут «рассеивать» в игровых сетках крупнейших турниров. В результате календарь основных мировых турниров, утвержденный ИЛТФ, приобретает силу своеобразного спортивного закона. Не будете ему подчиняться, не рассчитывайте на международное признание и выход в группу сильнейших игроков.

Таким образом, система соревнований словно говорит теннисисту: хочешь успешно выступать на мировой теннисной арене, будь настоящим турнирным бойцом, способным переносить марафонские нервно-физические напряжения. А чтобы справляться с этими напряжениями, необходима высочайшая соревновательная выдержка.

Некоторых теннисистов можно смело назвать факирами на час. Они способны одерживать лишь отдельные победы. На успехи же в длительных турнирах, а тем более в нескольких соревнованиях, у них «не хватает пороху». И причина в большинстве случаев не только в недостатках физической подготовки. Спортсменам не хватает соревновательной выдержки, или, как ее иногда называют, «нервной выносливости».

Если воспользоваться легкоатлетической терминологией, то в зависимости от развития этих качеств теннисистов можно разделить на спринтеров, средневиков и стайеров.

Метревели на международной теннисной арене был сначала спринтером. Он одерживал победы на коротких дистанциях соревнований, то есть выигрывал лишь отдельные матчи. Затем он поднялся на ступеньку выше — превратился в средневика. И тогда уже научился низвергать сразу нескольких соперников и стал занимать призовые места в довольно крупных турнирах. Однако полного комплекта всех звезд мирового тенниса в «каталоге» его побед еще не было.

А к какой группе можно причислить чемпиона СССР теперь? Пожалуй, сегодня он находится на грани перехода в группу «стайеров», игроков, способных побеждать на длиннейших соревновательных дистанциях.

Победа! Советская команда вышла в финал европейской зоны розыгрыша Кубка Дэвиса 1967 года. Решающее очко в матче со сборной ФРГ принес нашей команде А. Метревели. Как в этот радостный момент товарищам по команде Т. Лейусу, С. Лихачеву и В. Коротькову не отдать дань восхищения счастливому победителю

Примеры острых соревновательных переживаний спортсмена, которые мы приводим ниже, как мне кажется, лучше всего помогут ответить на вопрос: удалось Метревели занять достойное место среди покорителей теннисного Олимпа или он еще на пути к нему.

«...Опять проиграл в полуфинале. На этот раз в открытом первенстве Лондона. Как тут не злиться и не ругать себя. Ведь так здорово играл все последние дни!

Сначала победил звезду австралийского тенниса О. Давидсона, затем игрока первой американской пятерки М. Риссена. А всего неделю назад в матче на Кубок Дэвиса против команды Италии разгромил двух властелинов грунтовых кортов — Н. Пьетранжели и М. Меллигана. Помнится, как Пьетранжели, дружески похлопав меня по плечу, с досадой заметил: «Много лет выступаю на мировой арене, но никто, кроме тебя, не наносил мне такого жестокого удара. Проигрывать всегда неприятно. А с разгромным счетом 0:6, 0:6, 1:6 во сто крат тяжелее».

И вдруг именно теперь, когда наконец почувствовал настоящую уверенность снова игра расклеилась. Вот так же было и в недавней полуфинальной

встрече открытого первенства Италии. Ощущение такое, словно покинули тебя духовные силы, так необходимые для борьбы. И обидно-то потому, что чувствую, они есть. Даже в избытке. Но «достать» их и бросить в бой никак не могу.

«Хочу и не могу!», «Хочу и не могу!» Словно тяжелым стуком отдают эти слова в горячей голове. Неужели опять перегорел от чрезмерного желания стать финалистом?

Сопернику, конечно, надо отдать должное. Американец К. Гребнер играет очень остро, блестяще принимает подачу, достает самые трудные мячи у сетки. И все же его можно победить! Для этого прежде всего надо играть в свою обычную силу.

Пробую убедить себя: «Могу!», «Должен!», «Обязательно должен!». Но все напрасно. Может быть, иссяк порох для запала нервной системы? Ведь просто странно: физически чувствую себя отлично, а каких-то внутренних сил для борьбы нет.

Как это тяжело и обидно ощущать одновременно богатырскую силу и беспомощность. Видимо, еще не привык бороться с самыми сильными соперниками в течение нескольких дней подряд.

В памяти навязчиво всплывают «отрывки» сражений в открытом первенстве Италии. Да, поистине марафонскими были тогда два матча в преддверии полуфинала. Оба в пяти партиях. И каких! Только ценой колоссального напряжения удалось буквально вырвать в последний момент победу у лидера румынских теннисистов И. Цириака и чемпиона США 1967 года К. Ричи.

Но слишком много сил унесла победа над американцем. И вот результат: в полуфинальной игре с австралийцем Б. Хюитом все то же ощущение «Хочу и не могу!». Как это важно в турнирных сражениях — сегодня суметь отдать игре все свои силы, вплоть до самых последних резервов, а уже назавтра сжать их снова в железный кулак и с удвоенной энергией обрушиться на соперника!

Но только ли психологическими факторами объясняются поражения в этих двух полуфинальных матчах? Нет, мне еще не хватает запаса прочности в технике, стабильности ударов. Хотя за последнее время и удалось многое подправить, все же чувствую, что слабых мест еще предостаточно. А они-то в минуты наибольшего психологического напряжения дают о себе знать, это словно боль в суставах в ненастную погоду.

Как можно больше надо работать над техникой, до автоматизма отшлифовать движения при уязвимых ударах. Может быть, тогда и удастся оградить технику от злополучного разрушающего влияния психологических факторов».

Обо всех этих мыслях и переживаниях Метревели рассказал мне после Уимблдонского турнира 1968 года. А турнир тогда оказался самым сильным по составу участников за всю историю тенниса. Впервые в нем сошлись в открытом бою любители и профессионалы. Весь цвет мирового тенниса вел жесточайшую борьбу за титул первой ракетки планеты.

И вдруг сенсационный удар по профессиональному теннису! Метревели низвергает самого Р. Гонзалеса. Того самого «летающего Панчо», которого зарубежные специалисты величали «лучшим игроком всех времен и народов».

— А не давил ли на тебя авторитет Гонзалеса? — спросил я у Метревели.

— Сначала я чувствовал себя в роли робкого школьника, впервые пришедшего на экзамен к строгому учи-

телю. Вспоминалось, как я часами вчитывался в кинограммы ударов «теннисиста-пантеры», «короля воздуха», как называли Гонзалеса в прессе за блестящую игру у сетки.

— Но как же совместить тогда все эти ощущения с твоей игрой, в которой ты прямо-таки превзошел самого себя?

— Дело в том, что преклонение перед авторитетом довольно быстро прошло, нервная система словно раскрепостилась и тогда... наступил какой-то особый душевный подъем. И как приятно было ощущать,— продолжал Метревели,— что в этом матче мне удалось показать все, на что я способен, бросить в бой все свои силы, и прежде всего психологическое оружие. Если бы это всегда удавалось...

В последних словах спортсмена читались тайные мысли, словно он чего-то не договаривал. И его можно было понять. После встречи с Гонзалесом последовал матч $^1/_8$ финала с одним из сильнейших профессионалов американцем Д. Ралстоном. И в этом матче опять, в третий раз за летний сезон 1968 года, Метревели оказался в состоянии «хочу и не могу!». В итоге проигрыш.

Но не только в одиночных играх в «Уимблдоне-68» перед Гонзалесом встал упрямый, непокорный Метревели...

Профессиональную американскую пару Р. Казалс — Р. Гонзалес и австралийскую пару М. Смит-Корт — К. Флетчер «рассеяли» в игровой сетке под первым и последним номерами. Представительницы женской половины каждого из этих дуэтов по стилю почти ничем не уступали своим партнерам-мужчинам и играли в современный атакующий теннис.

А сможет ли в таком же ключе играть партнерша Метревели — Ольга Морозова? Да и как покажет себя «в деле» это новое теннисное содружество? Правда, первую солидную заявку наши теннисисты уже сделали. В международном первенстве Лондона, закончившемся накануне Уимблдонского испытания, они уверенно дошли до финала. Но там отношений с соперниками так и не выяснили. А стоило ли вообще ставить точки над «и»? Ведь финал-то был советским. Впервые за всю многолетнюю историю этого авторитетного международного соревнования скрестить оружие в решающем бою предстояло парам Метревели — Морозова и Лихачев — Бакшеева.

«Разойдитесь с миром» — такой приговор вынесла сама природа, обрушив на площадку лавину дождя. И верховным жрецам турнира только и осталось, что присудить первое место всем четырем финалистам.

И вот уже в третьем круге Уимблдонского турнира Гонзалес и Казалс вышли на площадку против Метревели и Морозовой. Морозова не чувствовала себя «школьницей». Это хорошо гармонировало с ее «новым местом» в жизни. Спортсменка только что успешно закончила среднюю школу и готовилась стать студенткой. Приемные экзамены в вуз были еще впереди. А экзамен в высшей школе тенниса уже наступил. И Метревели, в то время студент III курса Тбилисского университета, не ошибся в своей партнерше. Соревновательный экзамен она выдержала на «отлично».

Обе пары применяли тактику сеточного нападения. И все же в их действиях чувствовалась разница. Действия американцев напоминали игру музыкантов строго по нотам, без какой-либо импровизации: каждый «закрывал» только свою половину площадки и лишь в редких случаях делал попытки перехватить мяч. Метревели же

действовал наподобие «блуждающего форварда». Он беспрестанно перемещался вдоль сетки и самым рискованным образом перехватывал казалось бы недосягаемые мячи. Когда Морозова подавала на Казалс, Метревели у сетки буквально терроризировал соперницу этой тактикой «раннего перехвата». В ударах американки стали «проглядывать» сомнения. Как будто она себя нерешительно спрашивала: как же, наконец, играть, чтобы миновать вездесущего Метревели?

Что это? Игра ва-банк зарвавшегося теннисиста, прямолинейный риск? Отнюдь нет. Так играть против корифеев мирового тенниса мог только спортсмен с тонкой наблюдательностью, развитой интуицией, способный вникать в замыслы соперников и предвосхищать многие из их действий. Попытайтесь, не обладая всеми этими качествами, применить такую тактику в игре с сильными соперниками. Получится как раз то, за что обычно укоряют горе-«сеточников»: они бросаются в одну сторону, а мяч летит в противоположную.

Сначала эта «психическая атака» направлялась только на Казалс. А потом стало доставаться и Гонзалесу. Посылаемые им мячи стали, словно магнит, притягивать Метревели. Тут-то и оказалось, что даже Гонзалесу не чужды человеческие слабости. В драматические моменты игры он терял спокойствие.

И не только этих прославленных мастеров заставила сложить оружие наша пара. В числе побежденных ею оказались такие сильные интернациональные дуэты, как голландец Т. Оккер с американкой Н. Ричи и австралиец Ф. Столле с англичанкой А. Хейдон-Джонс. И снова тактика «блуждающего форварда» доставила соперникам много неприятностей.

Наконец наступил день финалов. По традиции турнир всегда завершается матчем смешанных пар. В этом, как утверждают старожилы Уимблдона, есть особый смысл: символ «вечного мира», согласия представителей слабого и сильного пола.

На площадке Метревели с Морозовой и Флетчер со Смит-Корт.

На минуту представим себе, что финальный матч, на редкость долгий и захватывающий, уже позади. Над стадионом сгустились сумерки. И соперники, так и не решив до конца «кто кого», разошлись по-мирному. Каждая пара взяла по сету, а до решающей партии дело так и не дошло. Ведь нельзя же играть в потемках! Тем более что трудно было рассчитывать на быстрое завершение поединка, если второй сет достался нашим спортсменам со счетом 14 : 12.

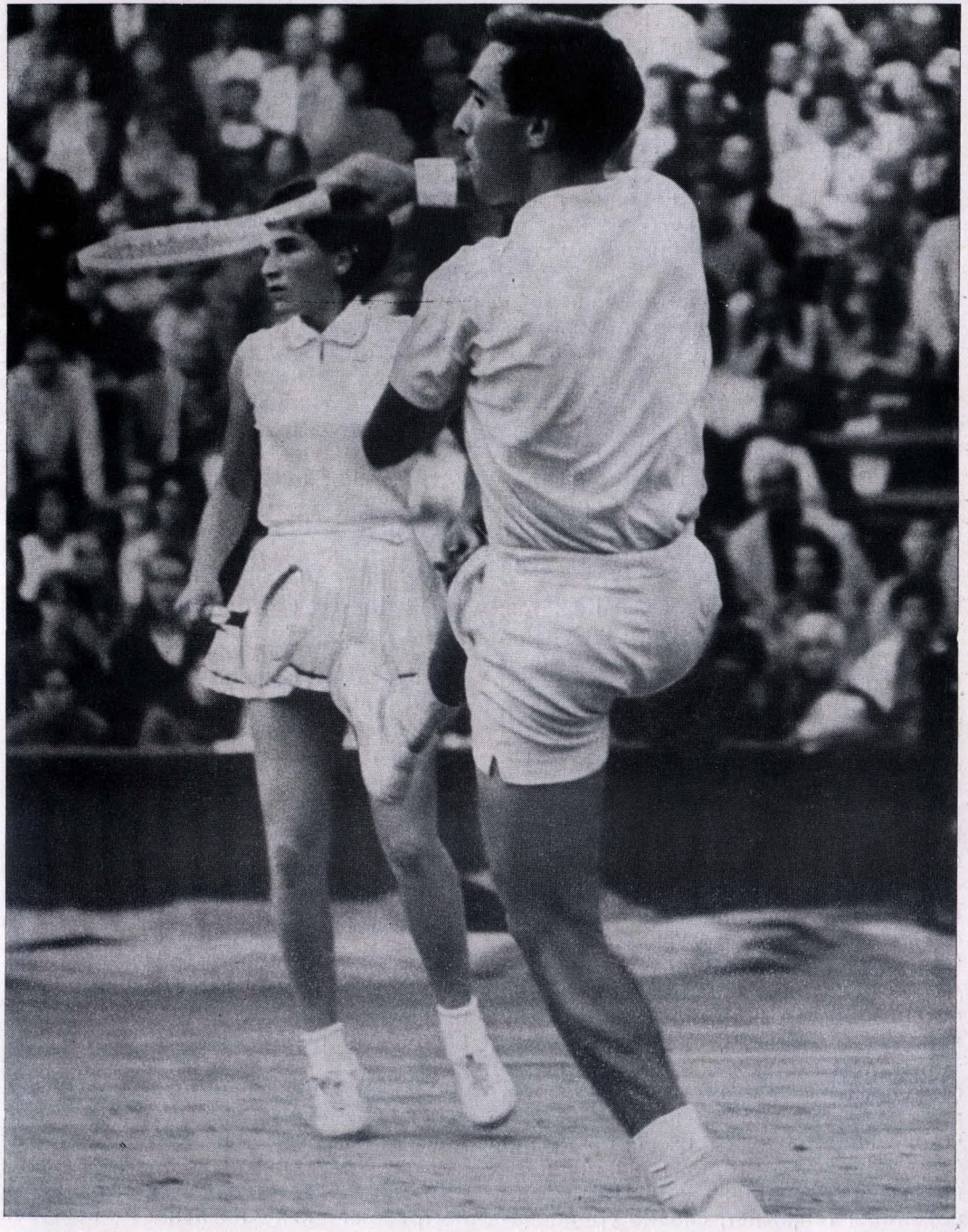
Каждый из четырех финалистов бесконечно рад: обеим парам присуждено первое место. А разве могли бы финалисты рассчитывать на гарантированную победу, не будь неумолимого хода времени (смешанный парный финал, как последний матч турнира, не переносится на следующий день, если дождь или темнота помешают завершить его)?

Волнения позади. Впервые наши теннисисты стали победителями Уимблдона! Недавние соперники поднимаются в ложу для почетных гостей, где проводится церемония награждения.

Но что это? В руках австралийцев призы за первое место, а у наших — награды рангом ниже.

Может быть, допущена ошибка? Увы, к великому сожалению, никакой

Советские спортсмены не раз становились победителями юношеского турнира Уимблдона. В 1968 году наши теннисисты О. Морозова и А. Метревели были близки к успеху и в финале смешанного разряда среди взрослых. Вторыми оказались они и в Уимблдоне 1970 года

ошибки не произошло. Ибо вторую партию наши спортсмены не выиграли, а проиграли. Хотя только что рассказанное нами о финальном матче вполне могло быть, если бы...

«Эти два сетбола будут сниться мне, наверное, всю жизнь!» — рассказывала Морозова через неделю после окончания Уимблдонского турнира.

Что же, наконец, произошло в том матче?

...Вторая партия. Ведет наша пара — 12 : 11 и 40 : 0 на подаче Морозовой.

Три сетбола! И не простые, а золотые! Ведь в сложившейся ситуации, когда сама природа не оставила времени для решающей партии, каждый из сетболов превратился в матчбол. Выиграй наши теннисисты одно из трех очков, и тогда первое место присудят обеим парам.

Морозова подает сильно, уверенно, точно. И после ответного удара Флетчера мяч летит далеко «за». Кажется, уже нет никаких сомнений в ничейном исходе матча. Метревели с олимпийским спокойствием пропускает мяч у сетки, хотя он мог стать его легкой «добычей». Теперь примеру партнера должна последовать и Морозова. Но она, как ни в чем не бывало, с завидной уверенностью отбивает с лёта этот фактически вышедший из игры мяч. Отбивает и... попадает в сетку.

Всем было ясно, что мяч летит далеко за пределы площадки. И только одна Морозова не увидела этого. Словно кто-то отнял у нее так необходимое ощущение пространства, лишил ее способности контролировать длину корта.

Вот вам и еще один пример, когда психологические факторы выступают в роли заклятых врагов спортсмена. Поистине безгранично их проявление! С какой только стороны они не подкрадываются к теннисисту! И как важно, чтобы теннисист, словно средневековый рыцарь в доспехах, был защищен от стрел «психологических сбивов», был психологически стойким, неуязвимым.

А не поспешили ли мы с выводами на примере одного обидного удара Морозовой? Ну, подумаешь, проиграла наша пара всего-навсего один сетбол. Ведь впереди еще два. С кем не бывает такое: один мяч обидно проигран, а следующий «убит» с блеском. Морозова как раз и имела реальную возможность «блеснуть» при втором сетболе. Ведь мяч летел довольно высоко под ее коронный удар справа с лёта и можно было косо «положить» его вне досягаемости соперников. Но москвичка «поразила» неотразимым ударом не площадку, а... верхнюю ленточку сетки. Так «канул в вечность» и второй сетбол. А третий уже начисто выиграли австралийцы. Они, в конце концов, оказались впереди во втором сете со счетом 14 : 12.

— Я просто неудачник! — сокрушался Метревели. Разве не обидно годом раньше проиграть в Уимблдоне вместе с Дмитриевой матч за выход в полуфинал с десяти матчболов, а теперь в финале — с трех «золотых сетболов».

Теперь вам понятно, почему нашим спортсменам вручили призы за второе место. Но если аплодисменты шестнадцати тысяч зрителей считать своеобразной наградой, то она, безусловно, досталась советской паре. Стоило Метревели и Морозовой подойти к вручающим призы, как зрители встали и громом аплодисментов приветствовали наших первых финалистов Уимблдона.

Зрители отдавали дань большому успеху советских теннисистов в Уимблдонском турнире, их хорошей игре, корректному, спортивному поведению. Зрители приветствовали Морозову и Метревели как посланцев великой

страны, завоевавшей огромный авторитет в мире своими замечательными достижениями в различных областях человеческой деятельности, в том числе и в спорте.

И не только многочисленные зрители с похвалой приняли первых советских финалистов Уимблдона. На торжественном приеме по случаю окончания турнира в их адрес немало лестных слов сказали и организаторы соревнований.

К сожалению, одного из главных виновников торжества — Метревели на приеме не было. В это время врачи английского госпиталя «Святая Мария» «колдовали» над его поврежденной рукой. Очевидцы финального матча даже не подозревали, что в середине второй партии советский спортсмен при падении повредил кисть правой руки. И лишь очень немногие заметили, что теннисист чуть изменил и ослабил подачу, причем некоторые, как потом выяснилось, сочли это тактической уловкой. Сам же спортсмен не дал окружающим даже малейшего намека на случившееся.

А что разыгралось бы на площадке, если нечто подобное произошло со «старым Метревели»? Во всяком случае, он не раз бы поднимал руку вверх в трагической позе, обращаясь к «всевышнему» с негодованием на злой рок. Теперь же он был совершенно невозмутим и только время от времени на его лице появлялась какая-то необычная для него улыбка.

Вскоре после этого финального матча, когда пора соревнований сменилась периодом томительного лечения, мы долго беседовали с Метревели. Мне хотелось проникнуть в тайны его переживаний по поводу больших побед и обидных поражений того памятного Уимблдона 1968 года.

— Что же творилось у тебя в душе в тот трагический момент финального матча? — спросил я спортсмена.

— Боль и нестерпимая обида. Временами даже подступали слезы. Но я не хотел, не имел права показать соперникам, что что-то случилось. Когда становилось особенно тяжело, я старался улыбаться. Это, видимо, странно было наблюдать. Но что поделаешь! Мне это помогало.

— А мог бы ты раньше вот так же, как в этом матче, держать в тисках свои эмоции, случись нечто подобное?

Ответом была долгая многозначительная улыбка. В ней читалась радость за возмужание собственного характера.

Но неожиданно улыбка пропала, Метревели как будто вспомнил о чем-то самом главном и тут же воскликнул с решительными нотками в голосе:

— Только не подумайте, что мы проиграли из-за моей травмы! В решающий момент нам просто не хватило психологической устойчивости, к тому же мы уступали соперникам в некоторых деталях техники...

Но всегда ли трагические матчболы становились союзниками только соперников нашего теннисиста?

Бывало и обратное. И вот что интересно: первая победа в турнире мирового масштаба за рубежом была завоевана Метревели после выигрыша двух матчей, в том числе и финального, в которых соперники имели матчболы в свою пользу. Я имею в виду открытое первенство Скандинавских стран 1966 года в шведском городе Бостаде.

Об этом турнире я начал рассказ еще в первом разделе книги. Но там я упустил одно очень важное обстоятельство. Метревели низверг в четвертьфинале первую ракетку Италии Пьетранжели, а в финале — первую ракетку мира испанца Сантану, отыграв у них матчболы.

Встреча Метревели с Сантаной примечательна не только своей «матчбольной ситуацией», но и поучительными тактическими моментами.

Сначала несколько слов об игре этого выдающегося теннисиста. Я назвал бы его игроком с шахматным уклоном, за его разнообразный тонкокомбинационный оригинальный характер действий. Темпераментный испанец силен и у задней линии площадки и у сетки. Его удары отличаются очень богатой вариативностью. То он отражает мяч сильным слегка подкрученным ударом, то, наоборот, резаным со стелющимся отскоком мяча, то очень сильно крученой «полусвечкой». Сделав вид, что подготавливается сильный удар для выхода к сетке, он совершенно неожиданно для соперника молниеносно меняет движение и производит коварный укороченный удар.

Коронное же оружие испанца, особенно в играх на грунте,— точная, острая и разнообразная контратака, обводка «сеточника». Сантана, пожалуй, единственный в мире игрок, мастерски владеющий обводящей крученой свечой как справа, так и слева. По особенностям подготовки этот прием техники замаскирован у него под обычный сильный низкий обводящий удар. И только благодаря очень резкому заключительному движению вверх, главным образом предплечьем и кистью, Сантана посылает мяч высоко над сеткой. При этом мяч летит с большой скоростью по сильно изогнутой дугообразной траектории и, ударившись о площадку у самой задней линии, стремительно отскакивает к заградительному фону. Все особенности удара плюс факт неожиданности его применения и ставят часто «сеточника» в затруднительное положение.

Наблюдая не раз за игрой Сантаны, я старался понять его движения и определить за какое-то мгновение до непосредственного удара по мячу, куда он собирается направить мяч — вверх или низко над сеткой. И меня довольно часто постигала неудача.

На моей памяти много игровых эпизодов, когда соперники Сантаны не только не успевали среагировать на его коварную свечу, но даже в момент удара подавались ближе к сетке, будучи в полной уверенности, что мяч будет послан низом.

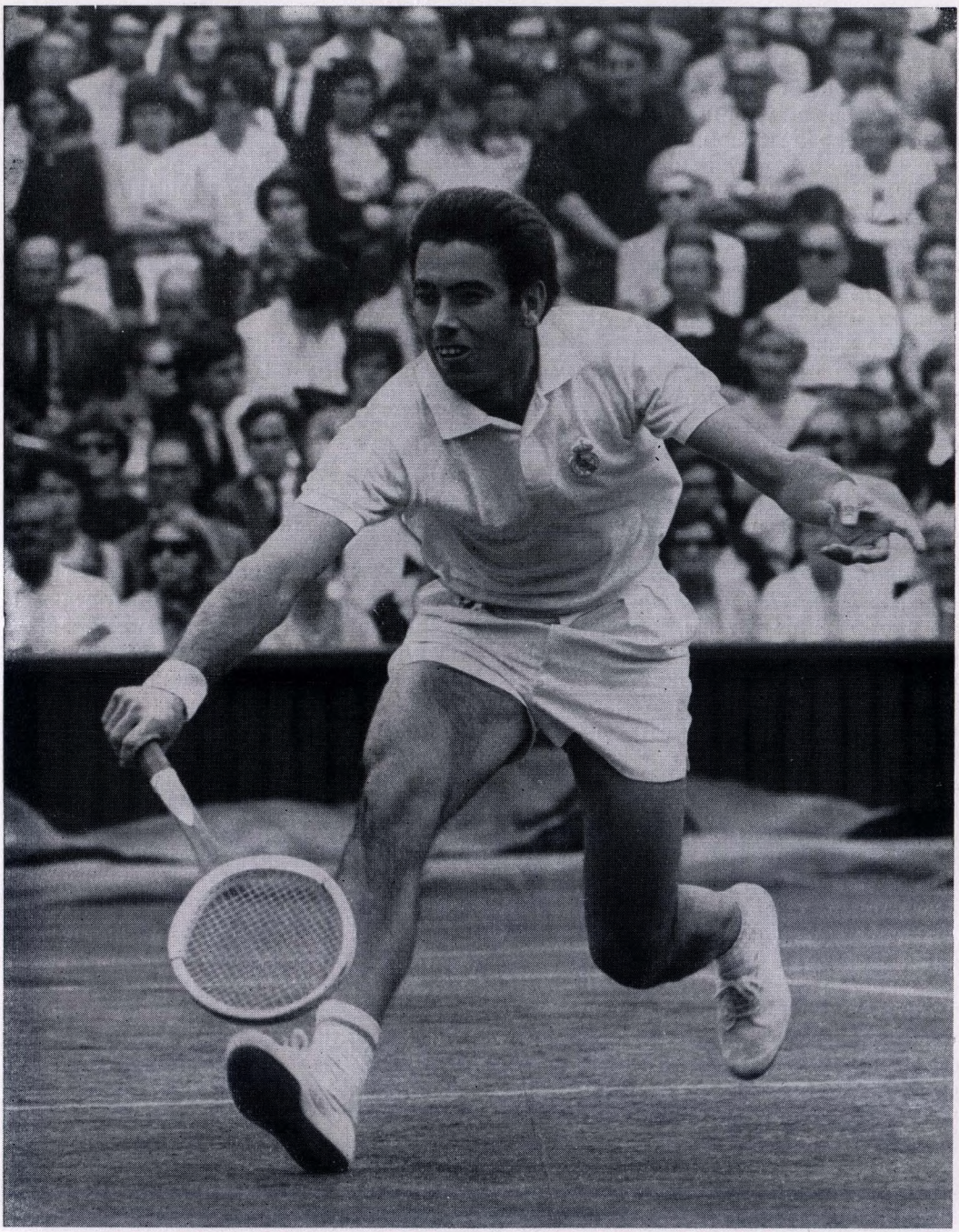
Метревели начал игру с Сантаной словно загипнотизированный. Как он потом сам рассказывал, тяжелым камнем давила его мысль о том, что играть у сетки с этим непревзойденным мастером обводки, да еще на довольно мягких грунтовых кортах, просто бессмысленно.

И действительно, вначале ход поединка был лучшим подтверждением этой мысли. Эпизодические, довольно робкие попытки Метревели выходить к сетке, нацеленные скорее на прощупывание обороны соперника, чем на уверенный выигрыш очка, не давали желаемого результата. В них не было главного — уверенности, без которой нападение во встрече с сильным соперником превращается в бесперспективную затею.

Но не только это давало возможность испанцу расправляться с выходами нашего теннисиста к сетке. Под-

---

Быстрый, темпераментный испанец М. Сантана прославился как непревзойденный мастер ударов с очень тонким и разнообразным варьированием вращения мяча. Он, пожалуй, единственный в мире теннисист, виртуозно владеющий крученой свечой как справа, так и слева. Его стихия — контратака. Для игры Сантаны больше подходят грунтовые площадки с несколько замедленным отскоком мяча. Но в 1966 году испанец стал победителем и Уимблдонского турнира на травяных кортах. По словам спортсмена, он три года оттачивал свою технику для «травяных баталий». «Темп, темп и темп!» — таким был его девиз в тренировке

готовительные для выхода вперед удары Метревели направлялись, как правило, в углы площадки, и после удара мяч отскакивал довольно высоко. Отражая мяч в удобной средней или чуть более высокой точке, Сантана очень удачно сочетал сильные подкрученные обводящие удары с неожиданной крученой свечой. К тому же выполнение контратакующего удара из угла площадки открывало испанцу возможность успешно использовать короткую и косую обводку, особенно опасную для «сеточника».

Сантана только и ждал мало-мальски высокого мяча от Метревели, причем, не только когда тот готовил выход к сетке, но и когда, уже достигнув ее, играл с лёта. Стоило тбилисцу отыграть мяч у сетки ударом со средним по высоте отскоком, как испанец тут же неотразимой обводкой выигрывал очко.

— Я все время искал уязвимые места в обороне Сантаны,— рассказывал после матча Метревели,— но сначала никак не мог их обнаружить. Когда же ахиллесова пята испанца стала очевидна, я не сразу сумел «настроить» технику на осуществление тактического замысла.

Два сета так и прошли в тактических исканиях при явном преимуществе уверенного в своей победе испанца. И как будто в подтверждение словам: «Кто ищет, тот всегда найдет!», тбилисец медленно, но верно начал подбирать ключи к обороне соперника.

Вот Метревели снова выходит вперед, но уже не после сильного подкрученного удара, как это было раньше, а с удара резаного с низким, стелющимся отскоком мяча. Да и направление атаки избрано теперь иное. Вместо ударов в углы площадки мяч «кладется» где-то близко к середине задней линии.

У Сантаны отнята возможность отвечать коротко и косо. Да и крученая свеча при приеме мяча в низкой точке ему не удается. Под особый контроль взял Метревели и свои атакующие удары у сетки.

«Играть с лёта острее, если сразу трудно «убить» мяч, применять длинные удары с лёта с «обволакивающей подрезкой» мяча. Лишь бы мяч высоко не отскакивал». Все эти мысли стали заметны в действиях Метревели-«сеточника» начиная с третьей партии. И эта переломная партия досталась ему со счетом 6 : 1.

Как же будет играть Сантана в дальнейшем? Как расценит он потерю третьего сета: сочтет ее случайностью или результатом тактической мудрости соперника?

Видимо, испанец все же по достоинству оценил тактическую находку Метревели и решил, что нельзя всю ставку делать лишь на контратаку и надо больше нападать самому. Такой вывод подтверждался всем дальнейшим ходом матча. Течение игры заметно ускорилось, с обеих сторон участились атаки у сетки. Однако игра в целом продолжала оставаться тонко-комбинационной с точным розыгрышем очка.

Сантана «ввел в бой» новое «секретное оружие» — укороченные удары подсечкой с целью вытянуть в невыгодной ситуации соперника к сетке, чтобы обвести его низом или крученой свечой. Мяч после укороченного удара испанца приземлялся у самой сетки и стремительно низко отскакивал назад, а не вперед, как при обычном ударе. Попробуй-ка «убить» такой мяч, если его только еле-еле успел достать у самой земли в момент, когда он вот-вот врежется в сетку!

Но не только в этом было коварство укороченных ударов Сантаны. Они, как правило, направлялись в про-

тивоход Метревели очень косо, совсем к краю сетки. В результате наш спортсмен оказывался «выбитым» с площадки и открывал большую ее часть для обводящих ударов соперника.

Испанцу надо отдать должное. Этим тактическим приемом, применяемым по принципу «лучше редко, да метко», он доставлял большие неприятности тбилисцу. Несколько решающих очков в четвертой партии как раз достались Сантане после искусного применения укороченного удара.

«Неужели конец?» Эта мысль мелькнула у меня, когда при счете 5 : 4 в четвертой партии Метревели оказался на краю пропасти: крученая обводящая свеча испанца и самое страшное — матчбол.

Однако, как это ни может показаться странным, в моем вопросе звучала не только тревога, но и сомнение. Уж очень уверенно, невозмутимо держал себя на этот раз темпераментный тбилисец. Поистине олимпийское спокойствие и тончайшая расчетливость проглядывали во всех его действиях.

Сантана же, видимо, решил: последнее очко надо выиграть быстрым выходом к сетке. Вот он уже впереди после длинного удара, направленного под левую руку сопернику. И тут происходит то, на что меньше всего мог рассчитывать уверенный в своей близкой победе испанец. Метревели забежал под удар справа и прямо-таки прыгнул на мяч, стремясь «вложиться» в сильнейший низкий удар. И вдруг каким-то неуловимым образом он внезапно преобразовал этот удар в крученую свечу и обвел испанца.

«У меня даже и при матчболе теплилась вера в победу. И я решил: сыграю как-то необычно, тогда, глядишь, и застану Сантану врасплох»,— вот сокровенные мысли спортсмена, возникшие в тот самый момент, когда он буквально находился на краю пропасти.

А не пора ли нам вновь вернуться к Лейусу? Ведь рассказ о нем и о Метревели я вел поначалу параллельно, желая раскрыть в первую очередь то общее, что сближает этих двух выдающихся теннисистов. Попытаемся теперь глубже вникнуть в тайны индивидуального мастерства Лейуса, проследить его спортивный путь, очень интересный и поучительный как своими большими «плюсами», так, к сожалению, и большими «минусами».

Размышляя о спортивной судьбе этого первого советского теннисиста, получившего международное признание, я невольно думаю о двух Лейусах. Один — тот самый спортсмен, который уже в 16 лет занял почетное третье место в личном первенстве страны среди взрослых и потом в течение примерно семи лет дерзал и дерзал, побеждая на мировой теннисной арене все более сильных соперников. Другой... Но не будем забегать вперед.

Стремительно летящий мяч врезался в площадку примерно в пятнадцати сантиметрах перед задней линией. Однако судья, даже не моргнув глазом, провозгласил, словно обрезал: «За!». Ведь не застрахован же и он от ошибок, как и всякий другой смертный.

Но разве могли сдержать себя в такой момент темпераментные тбилисские болельщики! Да и теннисист, в пользу которого засчитали очко, застыл в недоуменной позе. Его честный и самолюбивый характер не допускал победы за счет явной судейской ошибки.

И лишь один-единственный очевидец происходящего остался абсолютно невозмутимым. А ведь у него ошибка судьи отняла преимущество в счете.

— Да ты каменный, что ли? Покажи же судье след от мяча! — раздался

чей-то раздосадованный голос с переполненных трибун.

Но белобрысый невозмутимый мальчуган даже не повел глазом. Безропотно он взял мячи и медленно пошел подавать. Разве он мог дать волю обидным чувствам в такой ответственный момент игры! Решение судьи — закон!

Непроницаемая маска на лице мальчугана была его вечной спутницей. И когда он легко выигрывал и когда обидно проигрывал. Как это, да, впрочем, и вся его спокойная игра, не вязалось с тем, что особенно ценили и жаждали увидеть темпераментные болельщики,— с борьбой страстей, ярким блеском быстрых решительных движений, неожиданными и стремительными поворотами игровых событий, психологически острыми ситуациями. И все же зрители шли именно на ту площадку, куда диктор вызывал невозмутимого белоголового парнишку.

Чем же так привлек, даже, более того, заинтриговал, ценителей тенниса впервые появившийся в 1957 году на всесоюзной арене Тоомас Лейус?

Конечно, в первую очередь дань уважения отдавали молодости и... сенсации. Ведь совсем не часто случалось, чтобы в полуфинал личного первенства СССР пробивался шестнадцатилетний спортсмен. Но все же главное заключалось в его как-то по-особому привлекательной игре. Удары Лейуса не отличались силой, темпом. Он как шарик «катался» по площадке, «тянул» все мячи и совсем не ошибался. Казалось, что его соперники просто не в ударе и почему-то ошибаются гораздо чаще обычного. В действительности же юноша постепенно, методично «подводил» их к ошибкам, «раскладывая» мячи по невидимым «тактическим нотам». Во всем, что он делал на площадке, чувствовалась исключительная расчетливость и не по летам сформировавшаяся игровая мудрость.

Товарищи по команде очень редко называли его по имени — Тоомас. Чаще всего, обращаясь к нему, они употребляли эстонское слово, в переводе на русский означавшее «бухгалтер». Это прозвище было на редкость метким! Ведь вся игра Тоомаса была своего рода бухгалтерией, где все оценивалось по достоинству, строго рассчитывалось и подвергалось строжайшему контролю.

— У Тоомаса есть и другое прозвище,— не без удовольствия рассказывал его тренер Э. Крее.— Ребята приветствуют его и словами: «Здравствуй, профессор!».

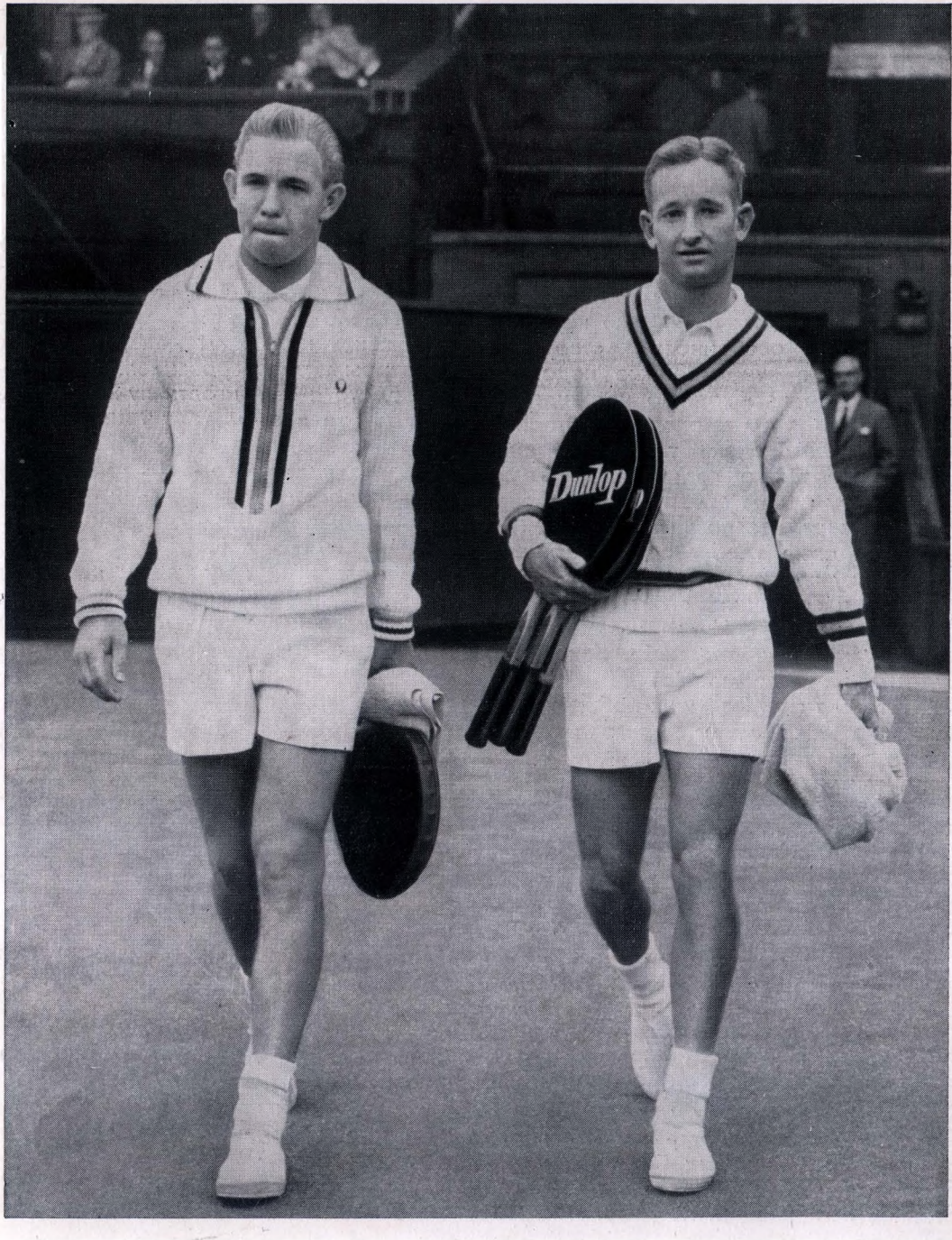
Маленький «профессор» оправдывал и это прозвище. Не было ему равных и в знании теннисной истории. Его можно было смело назвать «ходячей энциклопедией». Незамедлительно, словно быстродействующая счетная машина, спортсмен выдавал ответы на самые разнообразные вопросы, связанные с теннисом, например, кто и когда был победителем тех или иных соревнований; что, когда и в какой газете писалось о теннисе; каковы примечательные особенности игры ведущих теннисистов разных поколений...

Маленький «профессор» всегда старался перед игрой со своим очередным соперником придумать что-то особенное, необычное. Он любил лукаво говорить: «Главное, мне надо перехитрить соперника!».

И все же мнения специалистов в отношении спортивного будущего Тоомаса оказались довольно неопреде-

---

Центральный корт Уимблдона! На его травяной газон открыт доступ только самым признанным в международном масштабе. Первым из советских теннисистов вышел на него Т. Лейус, чтобы сразиться с лучшей ракеткой мира австралийцем Р. Лейвером

Dunlop

ленными. Смущали, главным образом, его «минусы».

Физически чуть рыхловатым, недостаточно ловким выглядел Тоомас. В его фигуре, во всем внешнем облике, да и в самой игре не чувствовалось атлетизма. Удары «профессора» были точны, но в них отсутствовала другая очень важная для большого мастера особенность — острота, мощь, стремительный темп.

К счастью, сам спортсмен и его тренер видели в этих «минусах» не индивидуальные особенности, «творения природы», а существенные недостатки, которые необходимо устранять.

День за днем проходил в упорной и временами очень тяжелой тренировке. Не так-то легко было «пропитать» игру духом атлетизма. Временами Тоомасу казалось, что для активизации игры требуется «вывернуть» наизнанку собственную натуру. Иногда мучили и сомнения: стоит ли вообще перестраиваться? Новая игра это все равно, что синица в небе. Как знать, удастся ли ее поймать?

Прошел год. Больших побед у Тоомаса не было. Даже проиграл тем, у кого раньше выигрывал «бухгалтерской тактикой».

Обидным разочарованием обернулся первый матч таллинца за рубежом. В 1958 году советская молодежная команда в составе А. Потанина, Т. Лейуса, С. Лихачева и Г. Мусаэляна дебютировала в Кубке Галеа. Активно, с уверенными выходами к сетке начал Тоомас встречу со второй ракеткой итальянской команды. Вот уже выиграна, и довольно легко, первая партия. Но началась вторая, и соперник успокоился. Несколько раз он очень удачно обвел Лейуса у сетки. И с этого момента активность «профессора» начала таять на глазах. Его мягкие удары, хотя и объединялись в тактически тонкие комбинации, не давали желаемого результата. Важнейшее очко в командном матче было потеряно.

Подобные поражения укрепляли у части специалистов сомнения в отношении дальнейшей перспективы уже чуть повзрослевшего «бухгалтера». А сторонники подхода «пусть каждый играет по-своему» не без язвительного оттенка в голосе говорили: «Что, обожглись? Попробовали изменить саму «природу спортсмена», и хороших результатов как не бывало!».

Сам же «профессор» на вопрос о том, как у него идут дела, отвечал с некоторым разочарованием: «Все говорят, что я стал играть лучше, активнее. А что в этом толку? Ведь выигрывать стало куда труднее!».

Когда с вопросом о перспективах «профессора» обращались к Крее, он отвечал уклончиво, но многозначительно: «Не все сразу...».

С большими надеждами ожидался летний теннисный сезон 1959 года. Расширился календарь внутрисоюзных и международных соревнований, у игроков открывалась возможность скрестить оружие с корифеями зарубежных кортов. Уже подходил к концу короткий, но очень важный период зимних турниров ведущих теннисистов, где решался вопрос о том, кто получит «путевки» на международную арену.

«Вы видели Лейуса?» — спрашивали друг друга старожилы московских площадок, как только начались всесоюзные соревнования. И если ответ был отрицательным, то обязательно следовал решительный совет: «Непременно посмотрите, его просто нельзя узнать!». Заинтриговала любителей тенниса и печать. Уже в первом отчете об играх в самых ярких красках расписывалось чудесное превращение юного «профессора».

Когда я увидел Лейуса на площадке, мне показалось, что это другой

спортсмен. А ведь не виделись мы каких-нибудь несколько месяцев!

Изменились его внешний облик, осанка. Казалось, Тоомас расправился, раздался в плечах, его мышцы округлились, в фигуре стали проглядывать достоинства атлета. Играл он значительно мощнее, чаще и увереннее выходил к сетке. Подача обрела поистине бронебойные качества. «Новый Тоомас» успешно доставал у сетки трудные мячи и не так-то легко было обвести его. И самое примечательное — все эти новые качества хорошо сочетались со старыми достоинствами «бухгалтера»: пониманием игры, тактической изобретательностью и хитростью, комбинационным складом игровых действий.

Посмотрели бы вы, какая непомерная радость была написана на лице спортсмена, когда он впервые стоял на высшей ступеньке пьедестала почета в ранге победителя всесоюзных соревнований на закрытых кортах.

Не было конца радости и у тренера. Смысл ответов Крее на многочисленные вопросы о тайнах успеха Тоомаса выражали слова поговорки: «Терпение и труд все перетрут!».

Что же скрывалось за чудесными превращениями Лейуса? Может быть, они просто явились результатом естественного хода времени? Ведь в его возрасте любой молодой теннисист мужает, физически формируется, крепнет, а это так или иначе влияет на игру.

...С видом математика, доказывающего сложную теорему, стоял на кафедре перед многочисленной аудиторией Э. Я. Крее. Большой указкой водил он по таблице с многочисленными рядами цифр, раскрывающих тайны успеха Лейуса.

Чем занимался теннисист, сколько времени тратил ежедневно на тренировку, какие упражнения и с какой дозировкой использовал, как изменялись его результаты в контрольных упражнениях по физической подготовке и технике — на все эти вопросы цифры давали точные и весьма убедительные ответы. Тренировался, как правило, каждый день, а нередко и два раза в день — до школы и после школы. Упражнения со штангой и эспандерами, прыжки со скакалкой, длительные пробежки, легкоатлетические упражнения — все это неизменно входило в ежедневное тренировочное «меню» эстонского теннисиста. За цифрами скрывались ультрасовременные установки: ориентация на игровые упражнения с применением ударов в сложных условиях, широким использованием подачи с выходом к сетке, ударов по поднимающемуся мячу, игровых комбинаций, «сотканных» из сильных ударов.

И аудитория Всесоюзной научно-методической конференции специалистов тенниса по достоинству оценила совместный творческий труд тренера и спортсмена. Всем стало ясно: не столько сама природа потрудилась над чудесным превращением спортсмена, сколько сделала свое доброе дело «умная» тренировка.

Летом того же, 1959 года Лейус, как мы уже знаем, победил в юношеском турнире Уимблдона. Впереди у спортсмена открывались самые широкие горизонты как на отечественной, так и на зарубежной теннисных аренах. Теперь только дерзать и дерзать! Тренироваться и тренироваться не покладая рук! И Лейус работал над собой как одержимый, с увлечением и огромной энергией. К всесоюзным зимним соревнованиям на закрытых площадках он каждый год делал настоящий скачок. А ведь этому турниру предшествовали всего каких-нибудь несколько месяцев тренировки после напряженного сезона летне-осенних

соревнований. Отгремят жаркие сражения на кортах, и Тоомас сразу «переоценивает ценности», подводит баланс побед и поражений, анализирует недостатки. И каждый раз в его планах появляются новые оригинальные задумки.

Высокие спортивные результаты Лейуса, его конструктивный стиль работы над собой вселяли большие надежды: вот, наконец, появится у нас теннисист мирового класса.

— Я просто не представлял себе, что такой новичок в мировом теннисе, как Лейус, способен оказать мне столь сильное сопротивление,— рассказывал журналистам первый игрок мира 1960 года австралиец Н. Фрезер после четырехчасового поединка с нашим спортсменом (в тот год Фрезер стал победителем Уимблдонского турнира).— Мне вовремя удалось раскрыть тайну игры Лейуса у сетки. А то как знать, чем кончился бы матч? Только в конце второй проигранной мною партии я заметил, что сопернику удается перехватывать мячи главным образом за счет предугадывания направления моих ударов. И делает он это просто здорово! У него какое-то особое игровое чутье, высоко развитая интуиция. Он хорошо «читает» игру и правильно определяет, как сыграет соперник в данной ситуации. На какую-то долю секунды раньше моего удара он уже начинал двигаться в предполагаемую сторону полета мяча. Так, за счет выигрыша драгоценных долей секунды ему и удавалось парировать мои самые трудные обводящие удары.

И тогда я решил: пойду на тактическую хитрость,— продолжал прославленный австралиец.— Начну действовать вопреки общепринятой игровой логике. Так, например, хотя в данной ситуации явно выгоднее сыграть по линии, я применял косой удар. Кроме того, я стал чуть-чуть оттягивать момент выполнения обводящего удара, а иногда даже специально изменял свои движения и направлял мяч в сторону, противоположную той, куда «должен» был пойти мяч благодаря особенностям моих подготовительных движений. В результате мне все чаще и чаще удавалось заставать соперника врасплох: он начинал движение в одну сторону, а мяч летел в противоположную.

Но Лейуса провести не так-то легко! Он, безусловно, понял мою хитрость. Насторожился. Не стал заранее двигаться в сторону предполагаемой обводки. И тут я совершенно неожиданно обнаружил уязвимое место подготовки соперника. Как только у Лейуса отняли возможность предугадывания, его игра у сетки сразу оказалась классом ниже. Причин тому, видимо, две. Чтобы доставать у сетки трудные мячи, нужно иметь молниеносную реакцию, прыгучесть, ловкость и одновременно исключительную мягкость, эластичность. Но именно эти качества находятся у Лейуса не на высшем уровне. Мешает ему и один существенный пробел в технике: он не умеет выполнять удары с лёта в сильно «вытянутом» в сторону положении, а без этого умения во многих случаях практически невозможно достать трудный мяч. Так что игровое предугадывание у Лейуса, с одной стороны, сила, а с другой — слабость, своеобразная ширма, прикрывающая недостатки.

Фрезер, безусловно, был прав. Его подробный рассказ помог журналистам в самых ярких красках описать этот «большой матч Уимблдона», как его назвала одна из английских спортивных газет.

«Я уверен, что у Лейуса большое будущее в мировом теннисе»,— этими словами Н. Фрезера заканчивалась статья о нашем теннисисте в газете «Таймс».

Шли годы. Удельный вес побед спортсмена увеличивался. Особенно обнадежила игра Лейуса в традиционном московском международном турнире на закрытых площадках в 1961 году. Тогда впервые прибыли в нашу страну игроки первой американской десятки Н. Френкс и Д. Делл. «Нас устраивала только победа, и мы в ней не сомневались»,— так говорили о своих намерениях эти два всемирно известных игрока после соревнований. Однако победителем турнира стал Лейус. В красивой, тактически тонкой игре он победил всех своих зарубежных соперников.

Немало известных зарубежных игроков сложило оружие перед Лейусом на международной арене. Мировые авторитеты не раз включали спортсмена в десятку первых игроков Европы. Казалось, что Тоомас уже ступил на путь к вершинам мирового теннисного Олимпа.

Но сумеет ли спортсмен дойти до финиша? На этот вопрос ответить было трудно. Спору нет, Лейус в те годы значительно активизировал игру и стал ярко выраженным «сеточником». И все же его ударам не хватало мощи и остроты, особенно когда приходилось действовать у задней линии.

Игру Тоомаса в юношеские годы можно было сравнить с артиллерией малого калибра. Позже ее калибр повысился до среднего. А вот взять на вооружение крупнокалиберную артиллерию ему, увы, так и не удалось. Удары с лёта таллинца были оригинальны и тонки по замыслу, но все же недостаточно остры и поэтому не отличались большой «убивающей способностью».

На «быстрых», травяных и деревянных площадках спортсмен выступал явно успешнее. Здесь «калибр» его ударов повышался как бы сам собой за счет стремительного отскока мяча. На грунтовых же площадках технические изъяны Лейуса в матчах с сильнейшими соперниками становились заметнее.

И все же в годы своего стремительного взлета Лейус был, бесспорно, первым игроком страны, хотя и случалось, что он неожиданно спотыкался в главном соревновании сезона — личном первенстве СССР. Но вот на теннисном горизонте начала восходить новая звезда...

По темпам роста Метревели опережал Лейуса. Молодому спортсмену не надо было перестраивать игру, как в свое время маленькому «профессору». И хотя в технике Метревели имелось еще много существенных недостатков, его тактический курс был принципиально правильным с самого начала.

Наступил, наконец, момент, когда техническое оружие Метревели стало острее, разнообразнее, надежнее, чем у его соперника. Правда, темпераментному тбилисцу еще явно недоставало выдержки и способности к абсолютной концентрации внимания. И все же большинству казалось, что в финале личного первенства СССР свершится неминуемое: Метревели победит Лейуса.

Финальный матч чемпионата страны 1965 года во многом раскрывает характеры наших лучших теннисистов. И поэтому мы подробно остановимся на нем.

Как никогда тщательно готовился Тоомас к матчу с Метревели. Он был для него матчем престижа, жестокой борьбы за спортивный авторитет, начавший уже пошатываться. Лейус учитывал и тот факт, что соперник моложе, быстрее, техничнее, что он буквально рвется в бой, стремясь доказать свою возросшую силу.

— Я был уверен, что в финале мне обязательно придется встретиться с

Метревели,— рассказывал таллинец после соревнований.— И поэтому я начал «играть» с ним уже в первых состязаниях чемпионата. За сеткой я видел не реального соперника, а Метревели. В матчах с другими я пробовал, искал, репетировал. «А как бы в данной ситуации сыграл мой главный конкурент?» — этот вопрос я все время задавал себе и пытался найти на него правильный ответ. Я старался как бы «вжиться» в Метревели, поставить себя на его место, пытался решать и действовать за него.

Находясь вне стадиона, я все равно мысленно «играл» с Аликом. В моем сознании рисовались самые различные игровые эпизоды, в которых я искал и искал выгодные решения. В особенно томительных и противоречивых раздумьях прошел вечер накануне финала. И даже в «ночь перед боем» я просыпался от тревожных сновидений с яркими, но далекими от реальности картинами теннисных матчей.

Так сам Лейус рассказывал о днях, предшествующих финальному матчу.

И вот разминка. Полчаса потратил на нее Лейус. Не много ли перед таким важным матчем? До начала его около 20 минут. Может быть, теперь немного отдохнуть, успокоиться, собраться с мыслями? Нет! И Лейус вновь на площадке. Только успел сменить теннисную рубашку.

Решил: выйду на встречу «разгоряченным», готовым сразу, без промедления ринуться в бой, к тому же еще постараюсь «настроить» подачу, что-то сегодня она не получается.

В первые минуты матча Лейус сразу бросается в атаку. Без разведки, спокойного «входа» в игру. Во всех его действиях — энергия, наступательный порыв, азарт борьбы, жажда победы. Метревели, по-видимому, не ожидал столь решительного и смелого напора и не сразу смог ответить на дерзость соперника. Партия за Лейусом.

Начался второй сет, и Метревели заиграл быстро, точно, изобретательно. И хотя за каждый мяч шла жестокая и непримиримая борьба, двух мнений не могло быть: Метревели сильнее. И как подтверждение этому — выигрыш тбилисцем второго и третьего сетов. В середине третьего сета Лейус выглядел усталым и подавленным, словно он смирился с потерей преимущества, достигнутого первым наступательным ударом.

Метревели же «смотрелся», наоборот, совсем свежим и уверенным в себе. Он ушел в раздевалку на десятиминутный отдых с хорошим настроением, с чувством удовлетворенности от своей игры.

А кто же из соперников попросил устроить перерыв? Ведь матч по обоюдному согласию обоих спортсменов мог бы продолжаться и дальше. Все произошло словно само собой. Как только судья объявил счет, венчающий третью партию, Метревели спокойно подошел к судейской вышке, взял свои вещи и пошел в раздевалку. Ему даже не могло прийти в голову, что усталый и морально подавленный Лейус согласится продолжать игру без перерыва.

Я уверен, что читателю будет интересно на этот захватывающий матч взглянуть через призму мыслей и переживаний спортсмена. Особенно в самый критический момент игры. Вот рассказ того, кто с болью в сердце чувствовал близость своего поражения.

«Ощущение такое, будто качусь по наклонной плоскости и нет сил остановиться. Да, Алик сильнее. Но куда же девалось мое главное оружие — воля и тактическое разнообразие игры?

Строго говорю себе: играй уверенно, смело, приободрись, подними голову. Однако самоприказ не действует. Где-то оборвалась линия связи, по

которой он проходит. Уверенность в ударах катастрофически падает. Надо бить сильнее, а я не могу. Проклятая психологическая скованность дала цепную реакцию — напряженность в движениях.

Какие только мысли не лезут в голову. Стараюсь их отогнать. Но и здесь сопернику удалось каким-то невидимым способом незаметно перерезать линию «волевой связи».

Разве могут представить себе зрители, что внутри у меня «действующий вулкан». Внешне я предельно внимателен, собран. Но как все это обманчиво! Голова буквально забита посторонними мыслями, размягчающими волю и нарушающими тактическое мышление. А ведь раньше я играл с «ясной головой» и мысль работала наподобие счетной машины, которая воспринимает только необходимое, заложенное в нее для получения правильных решений. В результате допускаю и тактические промахи. Неужели так и нет никаких сил, способных повернуть ход игровых событий?

Конец третьей партии близок. Метревели наверняка предложит играть без перерыва. Ведь он свеж, чувствует свое превосходство. Да, теперь Алик стал проницательным, научился вникать в психологию матча. Наверняка от его наблюдательного взгляда не ускользнули моя подавленность и усталость. А это, безусловно, придает ему силы, укрепляет веру в победу.

Взять перерыв, собраться с мыслями, немного отдохнуть и потом снова в бой? Глядишь, и удастся себя побороть!

Нет! Нужно придумать что-то неожиданное. Необходим особый психологический ход. Надо попытаться не только прийти в себя, но и как-то подействовать на соперника, поколебать его уверенность, показать ему, что я не собираюсь сдаваться.

Есть одно такое решение! Правда, оно очень рискованное. Как только судья объявит перерыв, пойду играть с Пармасом на соседнюю площадку. Пусть это будет на глазах у зрителей и, конечно, у самого Метревели. Пушечная подача Пармаса может оказаться как никогда кстати.

Ведь может же такой необычный перерыв в игре стать для меня тонизирующим средством? Постараюсь взбодриться, внушить себе, что я все умею и все могу. Попробую расслабить мышцы, а потом наладить сильную подачу. Так, глядишь, и удастся «зажечь» себя. Ведь только небывалый прилив энергии может спасти меня.

А как только матч возобновится, сразу без малейшего промедления обрушусь на соперника. Непрерывным напором, стремительными атаками у сетки не дам ему опомниться, войти в выгодную для него игровую колею.

Помню, где-то читал, как средневес Евгений Огуренков стал абсолютным чемпионом СССР по боксу, победив в финале самого мощного из наших тяжеловесов Николая Королева. К моменту, когда звучал гонг, извещающий о конце перерыва, Огуренков был уже рядом с Королевым и сразу буквально набрасывался на него, осыпая градом ударов. И даже такой стойкий боец, как Королев, дрогнул.

Однако я многим рискую: ощущение усталости — печальный факт. Короткая мобилизующая тренировка должна пройти с подъемом, энергично, в темпе. Только тогда она приведет к психологическому подъему. Но она может и утомить. И все же надо идти на риск! Говорят же, что «риск — благородное дело». Усталость у меня, видимо, не столько физическая, сколько нервная. Удастся переломить себя психологически, тогда и утомление как рукой снимет.

Только всем своим видом надо показать, что я бодр, энергичен, а утомление, мол, для меня противоестественный факт. Словом, необходимо перевоплотиться, как опытному артисту.

Начинаю подавать. «Свободнее! Раскрепощай кисть и энергично включай ее в удар»,— приказываю себе тоном, не допускающим возражений. И вот уже начинаю чувствовать, как по телу постепенно разливается приятное ощущение расслабления мышц. А за ним, как ни странно, подача обретает мощь и точность.

А теперь подает Пармас. Его «артиллерийские выстрелы» словно оживляют мою притупившуюся к концу третьей партии реакцию. Зорче вглядываться в стремительно летящий мяч, «пружинить ногами», чтобы как можно быстрее срываться с места! Ответные мячи начинают точно ложиться под левую руку партнеру. А это спасение: ведь необходимо как воздух настроиться на отражение подачи под слабейший удар Метревели.

Вот и время вновь начинать встречу. Стараюсь незаметно всмотреться в лицо Метревели. Внешне он совершенно спокоен и, видимо, уверен в себе. И все же что-то еле-еле уловимое выдает в нем появившуюся настороженность. На лице словно «застыл» немой вопрос. Или все это мне только кажется?

Сразу иду вперед. Атака за атакой! Даже временами и в ситуациях, когда атака оставляет мало шансов на успех. Главное — смелее и ближе к сетке. Ведь Метревели почти забыл о существовании свечи. Так, под аккомпанемент собственных подбадриваний играю словно на крыльях. Четвертая партия — моя! Вот и пришли в равновесие весы игрового счета — 2 : 2.

Веду и в решающей партии. Неужели близка окончательная победа? Нет! С каждым геймом игра соперника усиливается и «отлаживается», словно он выходит на оперативный простор для решающего удара всеми наличными силами, часть которых была припасена именно для этого заключительного момента матча. Алик во что бы то ни стало старается переломить ход игры.

Как ни обидно, а игра и счет выравниваются. Ощущение такое, будто все, что происходило до этого, было лишь ударами с дальних дистанций — метали копья, пускали стрелы, а сейчас сошлись в рукопашной схватке.

И все же Алик не такой, каким он был во второй и третьей партиях. В чем-то он все же не дотянул до своего высшего игрового уровня. Теперь как никогда важно добавить в игру что-либо тактически новое, неожиданное для соперника.

Подавляющее большинство «сеточных» атак я направлял Алику под удар слева. Он, безусловно, к этому привык. А не притупилась ли его игровая бдительность к ударам в другую сторону? Решаю: при первой и даже второй подачах направляю мяч неожиданно под коронный удар Метревели справа. Попробую сделать то же самое и когда буду готовить выход к сетке.

Так я и предполагал! Не ожидал Алик этой хитрости. Ошибка следует за ошибкой. Золотые очки мои! С великой радостью перепрыгиваю через сетку и жму руку своему побежденному сопернику-товарищу. Он, конечно, убит. И я его хорошо понимаю. Обидно упустить, казалось бы, решающее преимущество. Хочется Алика приободрить, успокоить. Вспоминаю слова пушкинского Германа из «Пиковой дамы»: «Вся наша жизнь игра — сегодня ты, а завтра я», слова, которые любил повторять после матча многократный чемпион СССР Н. Н. Озеров. А стоит ли что-либо успокаивающее говорить Алику? Пожалуй, нет.

Время — лучшее лекарство в лечении соревновательных переживаний.

Победа, как никогда, радостна! Но, видимо, она последняя. На этот раз я победил Алика, но в мастерстве не превзошел».

Чтобы догнать талантливого тбилисца, Лейусу необходимо было придать своей игре более мощный и острый характер. Однако сильные удары не в натуре эстонца. Он пробовал взять их на вооружение, но каждый раз наталкивался на какой-то невидимый психологический барьер.

Помню мы как-то специально встретились с Э. Я. Крее, чтобы поговорить о спортсмене. Нас волновала его дальнейшая судьба. Появление «невидимого барьера» Крее обосновывал двумя причинами.

Во-первых, еще в юношеском возрасте Лейуса не влекли сильные удары. Он старался побеждать соперников тонкой «шахматной» игрой. В дальнейшем ему удалось увеличить мощь ударов, но не до уровня лучших мировых стандартов.

Но что значит сложившемуся теннисисту начать играть мощнее? В первую очередь — самым существенным образом усовершенствовать технику. Ведь разным по силе ударам соответствуют свои скоростные характеристики движений и своя мера активного участия в них различных частей тела. Однако движения с несколько замедленной скоростью настолько прочно оказались «вмонтированными» в привычные навыки ударов Лейуса, что изменить их никак не удавалось. «Неподдающиеся» движения и были первой причиной появления «невидимого барьера».

Вторая причина не уходила корнями в прошлое, а, наоборот, явилась «последним приобретением» Лейуса. В борьбе с техническими недостатками Лейус в последние годы не проявлял должной настойчивости, энергии. Нужна была фанатическая одержимость, подобная той, которой отличался Лейус в юношеские годы. Только тогда становилась посильной задача по существенной «достройке» техники, модернизации игры. Лейус же, видимо, рассчитывал избавиться от технических погрешностей ценой более легкого труда.

В последующие два года Лейус уступил Метревели пальму первенства. Иногда казалось, что он уже смирился со своим вторым-третьим местом во всесоюзной классификации сильнейших теннисистов. Так появился на свет «второй Лейус». Этого «двойника» родила мать по имени «технические и психологические слабости». Характер, воля Метревели крепли, опираясь на все более сильное техническое оружие, а у Лейуса они, наоборот, размягчались, так как вера в это оружие оказалась подорванной в матчах с опытными соперниками.

Были у Лейуса и «большие матчи». В них ему удавалось «зажечь» себя. Например, с небывалым подъемом играл он против Метревели в решающем поединке первенства СССР 1968 года — быстро, смело, энергично. Победа вновь оказалась на его стороне. И хотя за этими матчами не стояли существенные улучшения техники, они показывали, что Лейус способен на многое.

Итак, подъемы и спады! Неужели они нечто неизбежное? Спад на финише даже самого блестящего спортивного пути закономерен — берет свое возраст. А как быть, если нет стабильности в период расцвета сил, в пору спортивной зрелости? Здесь надо настойчиво докапываться до причин обидной неустойчивости.

Корень зла спада Лейуса, как я уже говорил, кроется в недостатках техники.

Характер «игровых колебаний» Метревели иной. Об игроке принято судить по его лучшим матчам. Такие матчи Метревели — на уровне самого высокого класса. Когда спортсмен в ударе, он способен победить любого теннисиста мира — так не раз отмечали многие признанные авторитеты мирового тенниса. Но вдруг у спортсмена нежданно-негаданно обидные срывы — игра классом ниже. В чем искать объяснение? Видимо, в особенностях его горячего характера, непознанности тайн психологической подготовки. Безусловно, спортивный характер Метревели крепнет. Но насколько стабильна эта «крепость»? Дать точный ответ здесь дело очень трудное. Ограничусь пожеланием спортсмену успехов и небольшого спортивного счастья...

Вообразите себя зрителями финального матча в смешанном парном разряде Уимблдона 1970 года. Вновь Метревели и Морозова, как и в 1968 году, имеют самые реальные возможности стать первой парой мира. Вот в решающей партии при равенстве выигранных геймов — 5:5 на подаче соперников счет становится «меньше»! У нашей пары «скрытый матчбол» (следующим подает Метревели). Мяч «повисает» у самой сетки, и, кажется, «убить» его для Метревели легче легкого. Явно беспроигрышных вариантов несколько. И один из них — сильно сыграть в соперницу Р. Казалс. Этот вариант и выбирает спортсмен. Еще мгновение, и мяч попадает в обод ракеты недоумевающей американки и каким-то непонятным образом отлетает на сторону наших спортсменов. Через несколько секунд завязавшуюся перестрелку у сетки Метревели обидно обрывает ошибкой в явно выигрышном положении.

Не буду рассказывать о дальнейшем ходе игровых событий. Скажу лишь, что следующий гейм был довольно легко выигран нашей парой на подаче А. Метревели, но он не завершил матча, так как после роковой ошибки при «скрытом матчболе» соперники «вырвали» предшествующий гейм. В конце концов, матч опять окончился обидным поражением наших теннисистов.

А что пожелать Лейусу? Скажу словами прославленного советского тяжелоатлета Ю. Власова — «себя преодолеть».

«ВОИН ИЗ ПЛЕМЕНИ МУЧАТИ»

В предыдущих главах мы познакомились в основном с летописью одиночных состязаний. И лишь однажды рассказали об успехе пары Морозова — Метревели. Теперь перелистываем страницы летописи, на которые занесены результаты мужских дуэтов начиная с 1959 года.

Сергей Лихачев, Сергей Лихачев... и опять в который уж раз встречается эта фамилия. За 10 лет Лихачев вместе со своими партнерами поднимался на высшую ступеньку пьедестала почета первенства СССР восемь раз.

Кто же стоял рядом с Сергеем на этой ступеньке? Мозер, Лейус, Метревели, Волков — вот те, с кем он делил радости побед. Может быть, бакинец менял партнеров, словно перчатки, не находя с ними общий язык? Нет! Новые содружества складывались по рекомендации тренеров сборной команды СССР. Просто все считали необходимым иметь сильнейшую пару для выступлений на международной арене. И каждый раз думали, кого из теннисистов лучше соединить с Сергеем, так как он прочно поддерживал свою репутацию лучшего парного игрока страны.

На международной арене Лихачев также весьма популярен. О нем не раз

писали в газетах различных стран как об одном из сильнейших теннисистов в парных играх. В протоколах многих международных турниров значатся в числе призеров советские пары, возглавляемые Лихачевым. Сергей и его партнеры в различных соревнованиях побеждали лучшие дуэты великих теннисных держав. Складывали перед ними оружие Р. Эмерсон и Ф. Столле, Д. Ньюкомб и К. Флетчер (все — Австралия), Ч. Мак-Кинли и Д. Ралстон (США), М. Сантана и Х. Арилья (Испания), П. Дармон и Ж. Барклай (Франция), Н. Пьетранжели и М. Меллиган (Италия), В. Бунгерт и И. Буддинг (ФРГ).

Поймите меня правильно. Я вовсе не хочу все эти успехи приписать одному Лихачеву. Пара — эта небольшой, но все же коллектив, где главное — чувство локтя, четкая согласованность действий партнеров, единство их замыслов. И конечно, «один в поле не воин». Рядом с Лихачевым всегда были очень сильные игроки. Однако именно ему принадлежит особая и очень важная роль ведущего, задающего тон игре и вдохновляющего на смелые действия товарища.

Лихачев словно рожден для парной игры. Присмотритесь к спортсмену внимательно, когда он на корте в компании трех асов. Вы сразу заметите у него особый подъем, прилив энергии, азарт, вдохновение.

Мощь ударов, быстрота, непрерывный напор, атака за атакой — вот «секретное оружие» теннисиста.

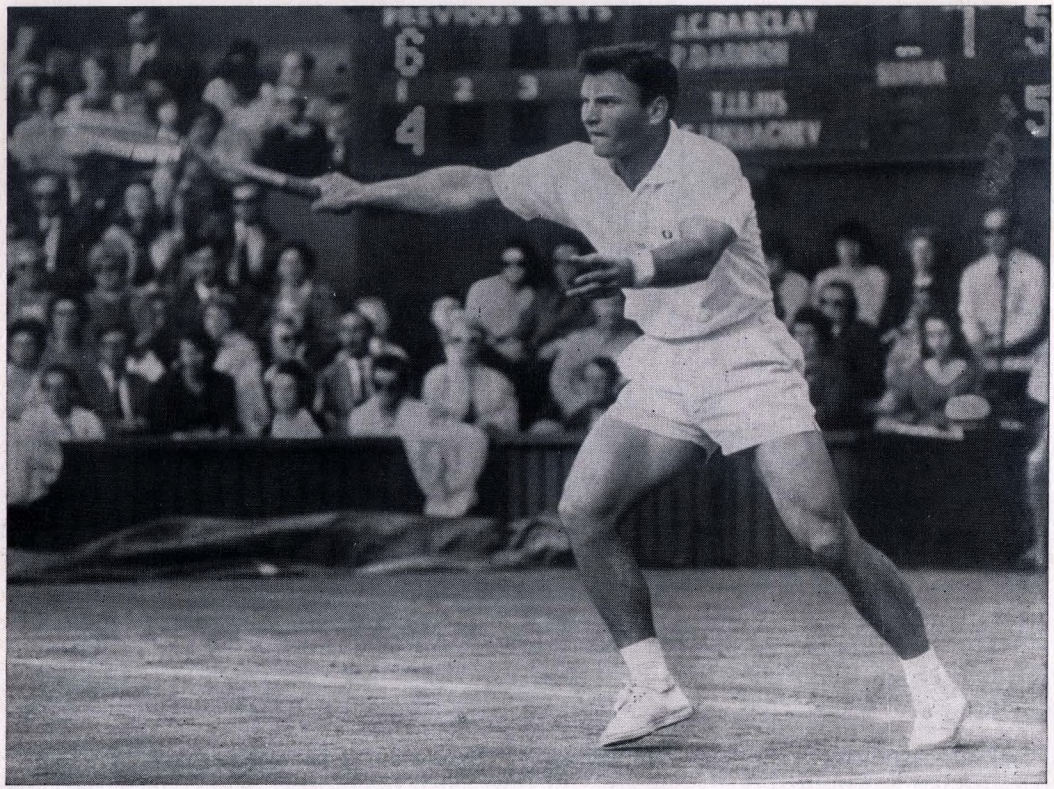
...Восемнадцать тысяч зрителей центрального корта Уимблдона наблюдали как завороженные за сражением советской и американской пар. Чемпионы США, победители десяти крупных международных турниров — таким был «послужной список» американцев Мак-Кинли и Ралстона за 1963 год. На корте шла равная, на редкость захватывающая борьба, исход которой до последнего удара нельзя было предугадать. Наконец, наступил момент, когда показалось, что наши ребята, Лихачев и Лейус, словно ходят по туго натянутой проволоке. Одна неточность в движениях, малейшая потеря равновесия, и... неудержимое падение вниз.

В этот критический момент Лихачев вызвал американцев на «дуэль». До этого перестрелка на корте не доходила до применения пушечных ударов. А тут вдруг Сергей «выкатил» на центральный корт Уимблдона сверхмощное орудие и начал подавлять им вражеские огневые точки. «Пробьет или не пробьет?» «Сумеют ли американцы защититься от крупнокалиберных снарядов Лихачева?» Эти вопросы повисли над огромной чашей стадиона. Ответ на них дал сам Лихачев. Игра бакинца напоминала разбушевавшуюся стихию, удержать которую не могли никакие силы.

Как только ни называли Сергея в зарубежной печати после этого матча: и «советской атомной бомбой», и «тяжелым тараном», и «первым русским богатырем на центральном корте Уимблдона».

В то время это была, пожалуй, самая большая победа советского тенниса на международной арене. Она вывела нашу пару в восьмерку сильнейших дуэтов мира. И все же это был лишь большой победный матч, но не выигрыш крупного турнира. О первом же нашем победном турнире хочется рассказать подробнее.

Любители тенниса, заполнившие вместительные трибуны Бекнемского клуба, горячо реагировали на все перипетии поединка советской и австралийской пар. И вот яркий спектакль, как окрестила его одна из английских газет, закончился. Радостные Лихачев и Лейус пожимают руки своим поверженным соперникам — австралийцам

С. Лихачев — М. Мозер, С. Лихачев — Т. Лейус, С. Лихачев — А. Метревели, С. Лихачев — А. Волков — все эти пары становились чемпионами СССР и имели большой успех в международных соревнованиях. И, заметьте, один партнер в паре словно передавал эстафету другому, а вот Лихачев всегда оставался на «своем месте», месте сильнейшего парного игрока страны. На фотоснимке вы видите Лихачева во время четвертьфинального матча Уимблдонского турнира 1963 года, где он вместе с Лейусом играл против французов П. Дармона и Ж. Барклая. «После приема подачи вперед, к сетке!» — эти слова читаются в стремительных движениях спортсмена

Ньюкомбу и Флетчеру. Еще немного, и наши спортсмены впервые будут увенчаны лаврами победителей открытого первенства английского графства Кент.

Не принято у англичан ритуал награждения победителей сопровождать приветственными речами. Но на этот раз традиция оказалась нарушенной!

Кто бы вы думали первым подошел к микрофону для приветствия? Капитан прославленной австралийской команды В. Чейв. Тот самый господин, который несколько лет до этого безапелляционно утверждал на пресс-конференции, что не раньше чем через двадцать лет кому-либо из советских теннисистов удастся победить игроков первой австралийской десятки, и то при условии, если к подготовке наших спортсменов будут привлечены австралийские и американские тренеры.

Австралийцы вышли на корт с небольшим налетом самоуверенности.

Ведь с 1948 по 1968 год австралийские мужские пары 16 раз из 20 становились победителями Уимблдона. Значатся на почетной доске победителей и фамилии Ньюкомба и Флетчера. Но не прошло и пяти минут, как самоуверенность у австралийцев как рукой сняло. Они проиграли первый же гейм на своей подаче.

На этот раз Лихачев с самого начала встречи направил на соперников мощнейшие пушечные удары. Лейус играл с присущей ему хитринкой, и его удары напоминали снайперские выстрелы. Тоомас выискивал еле заметные слабые места в игре австралийцев и точно поражал их.

Наши теннисисты вырвали победу со счетом 9:7, 9:7. Особенно удачно разыграли они ключевые очки обеих партий. И на этот раз героем матча оказался Лихачев.

Мощным ударом над головой Флетчер пытается «убить» мяч после свечи Лейуса. Сильный косой удар австралийца, и мяч стремительно отскакивает в направлении соседней площадки. И тут Сергей, угадав направление удара, бросается за мячом и молниеносно ответным ударом над головой посылает его на сторону соперников.

Начинается следующий розыгрыш очка, и снова Сергей спасает положение. Ньюкомб мощно направляет мяч прямо в бакинца, словно хочет отомстить ему за так обидно потерянное австралийской парой предыдущее очко. В самый последний момент ударом с полулёта наш теннисист ухитряется «положить» мяч между растерявшимися соперниками.

Произошло это при счете 7:7 во второй партии на подаче Флетчера. Два виртуозных удара бакинца вырвали ключевой гейм у австралийцев. Теперь слово было за Лейусом. Своей острой плассированной подачей он закрепил победу нашей пары.

Этот успех Лихачева и Лейуса журнал «Британский лаун-теннис» назвал «Первой большой победой России в мировом теннисе».

«Лихачев — король парных соревнований. Но и только...» — такую оценку нередко можно услышать от тренеров, игроков, зрителей. Что ж, в ней есть значительная доля правды. Однако я не могу согласиться с некоторым оттенком разочарования в таком утверждении. Разве у гребцов победа в двойке считается второстепенной по сравнению с триумфом одиночек? Так давайте и мы будем отдавать должное нашим победителям в парных соревнованиях, тем более таким, как Лихачев, на счету которого кроме семикратного успеха в мужском парном разряде еще четыре медали чемпиона СССР в смешанных играх.

И все же Сергей мог бы и в одиночных соревнованиях выступать гораздо лучше, если бы...

После победы над австралийцами в Бекнеме один американский журналист долго меня расспрашивал о герое матча. «А нет ли в фамилии Лихачева особого секрета»? Этот вопрос американец задал так, как будто хотел получить ответ на свои сокровенные мысли. Я не сразу понял, что он ждал от меня. А когда я раскрыл тайну фамилии Сергея, журналист был буквально на седьмом небе.

— Я просто предчувствовал, что у него в фамилии есть что-то имеющее отношение к теннису, ведь он действительно играет лихо. У меня есть один профессиональный «заскок»: как только меня сталкивает судьба с человеком, носящим «содержательную фамилию», я стараюсь найти связь между нею и характером ее владельца. И, как ни странно, многие люди «оправдывают» свою фамилию, как и Сергей! — завершил наш разговор обрадованный журналист.

First big win for Russians

RUSSIAN men won their first big event in an English Tournament when Tomas Lejus and Sergei Likhachev beat John Newcombe and Ken Fletcher in the final of the men's doubles in the Kent championships to the accompaniment of tremendous applause from the Beckenham crowd.

To mark the occasion the Russian contingent presented the Beckenham Club with a large silver trophy and a banner. In speeches their representatives pointed out that Beckenham was the first tournament to which the Russians ever came and that they had remained faithful to it ever since.

Apart from the Russian success, the tournament was marked by record-breaking crowds on Monday and Tuesday and a really satisfactory profit-making take on all the other days.

«Первая большая победа России» — таков перевод заголовка статьи из английского теннисного журнала, посвященной итогам Международного первенства графства Кент 1961 года. Победителей парных соревнований С. Лихачева и Т. Лейуса приветствует капитан австралийской команды В. Чейв. Он не ожидал, что его подопечные Д. Ньюкомб и К. Флетчер — одна из сильнейших пар мира — потерпят жестокое поражение. Австралиец не только поздравил победителей, но и публично признал свою ошибку: ведь каких-нибудь несколько лет назад он безапелляционно утверждал, что пройдет не один десяток лет, прежде чем советские теннисисты смогут нанести поражение сильнейшим игрокам зеленого континента

Оказывается, он был своеобразным коллекционером. В его объемистой книжке значились государственные деятели, ученые, артисты, спортсмены, которые оправдывали свои фамилии. В эту книжку была занесена и фамилия Лихачева.

На следующий день мы получили сувенир: газету со статьей этого журналиста. Каково же было наше удивление, когда мы увидели название статьи — «Воин из племени мучати!». Что общего между нашими ребятами и каким-то американским племенем?

Оказывается, когда-то в Центральной Америке жило большое племя мучати. У него были особые законы устанавливать фамилии. До шестнадцати лет люди вообще не имели фамилий. Считалось, что они себя еще недостаточно проявили и необходимо завоевать право на достойную фамилию. А разрешалось иметь только фамилию, характеризующую достоинства или недостатки. И разве хотелось кому-нибудь, чтобы для него установили фамилию, например, Трусливый.

Один раз в пять лет, во время «праздника храброго воина», старейшины племени пересматривали фамилии своих соплеменников. И если Трусливый преодолевал свои слабости, он становился Сильным, а если Храбрый не оправдывал нареченной ему фамилии, он превращался в Робкого.

Неплохо придумали древние обитатели Америки! Их «фамильная система» была не лишена воспитательного смысла.

Теперь вы понимаете, почему Ли-

хачев был назван «воином из племени мучати». Его фамилия соответствовала его достоинствам.

Прошло несколько лет. И у нас вновь состоялась беседа с американским журналистом.

— А Сергея не мешало бы отправить к старейшинам племени мучати для «перепроверки» достоинств фамилии,— такой шуткой начал он разговор.

И действительно, в одном из одиночных матчей Уимблдонского турнира спортсмен игрой на корте не оправдывал своей фамилии.

Немало обидных поражений потерпел Лихачев и во внутрисоюзных соревнованиях. Дважды Сергей почти уже держал в руках золотую медаль чемпиона СССР в одиночном разряде, но каждый раз в его игре наступал обидный перелом. Соперники Лихачева С. Андреев и М. Мозер сражались до последнего. Лихачев же в решающие минуты единоборства играл сумбурно, его воля к победе таяла на глазах, и он «опустив руки» смирялся с надвигающимся поражением.

А вот в парных играх с Лихачевым такого не бывает. Здесь он буквально перерождается, словно ему удается внушить себе: теперь силы удвоились, ответственность разделена на двоих, партнер всегда поддержит тебя, и поэтому можно играть уверенно и смело.

Так что же, дело лишь в психологических факторах? Нет, очень большую роль играет и техническая оснащенность спортсмена.

«Сеточная» атака и противодействующая ей контратака — это «душа» парных соревнований, они-то и являются главным оружием бакинца. А вот комбинационная игра у задней линии, обводка «сеточника» у него отработаны хуже. Да и в «тактических нотах» одиночной игры спортсмену явно недостает «вариаций». Поэтому, когда соперникам удается навязать Сергею маневренную комбинационную игру, он начинает испытывать немалые затруднения.

Однако не будем перегибать палку в оценке мастерства этого спортсмена. Ведь и в одиночных играх он достигал немалого. Так, в 1967 году Лихачев вошел в число шестнадцати сильнейших одиночников Уимблдона. А такое удавалось из наших теннисистов только Метревели и Лейусу. К тому же не каждому под силу стать абсолютным чемпионом. Например, за всю историю Уимблдонского турнира послевоенных лет лишь один австралиец Ф. Седжмен побеждал в трех разрядах. А абсолютными чемпионами СССР за этот же период становились только Н. Озеров, С. Андреев и Т. Лейус.

СЛАБЫЙ ПОЛ СТАНОВИТСЯ СИЛЬНЕЕ

Неизвестно когда и кто женскую половину рода человеческого нарек «слабым» полом. Но разве мало женщин поднялось на борьбу с этой «несправедливостью»? Отдадим же должное их самоотверженности, ибо они бесчисленное количество раз затыкали за пояс мужчин в самых разнообразных делах, считавшихся сугубо мужскими.

Однако в теннисе дело обстоит несколько иначе.

Долгое время вообще существовало фактически два тенниса: теннис сильного пола и теннис слабого пола. На путь атлетизма и активной игры мужской теннис вступил давно. А вот женский теннис долго плутал по закоулкам и только совсем недавно нашел выход на этот же путь.

Не сразу новое и передовое пробивает себе дорогу! Атлетический, активный стиль игры женщин завоевывает права гражданства в жарком споре со

старыми взглядами, сложившимися традициями, в ожесточенных столкновениях представительниц двух школ на поле брани.

— Не ломайте натуру женщин, не равняйте их с мужчинами, им предначертано природой играть совсем по-особому, по-женски,— доказывали приверженцы установки «пусть каждый играет по-своему».

Однако передовой опыт неопровержимо свидетельствовал о другом: атлетизм и наступательные игровые действия очень хорошо гармонируют с женской природой и не отнимают у нее такие, например, достоинства, как изящество, мягкость, пластичность в движениях. Одно из убедительных подтверждений этому — страницы спортивной биографии наших ведущих теннисисток, и прежде всего Дмитриевой, Бакшеевой, Морозовой.

...У меня на коленях — симпатичная трехлетняя девчушка. Очень живая, общительная и не по годам рассудительная. Она с самым серьезным видом рассказывает, как ее «сын», Мишка, делает по утрам гимнастику.

— Хотите я вам его покажу? — Она бежит в соседнюю комнату, и вот уже у нее в руках большой плюшевый красавец. Теперь Мишка с помощью «мамы» проделывает разные упражнения.

— Он умеет и кувыркаться! — И тут «сын» маленькой Маринки делает нечто напоминающее сальто.

— И я тоже так умею! Мама сказала, чтобы стать хорошей теннисисткой, надо научиться кувыркаться.— За стеной раздался плач.— Это мама пеленает Митюшку, ведь он еще совсем маленький,— пояснила с серьезным видом моя собеседница.

— А ты будешь заниматься теннисом? — обратился я к ней с вопросом.

— Я уже играю.— И в подтверждение своим словам Маринка показывает мне маленькую ракету. По тому, как она ее держит, сразу видно: ее уже учили теннисным премудростям. Правда, пока она только гоняет мячик по комнате ракетой, как хоккейной клюшкой. Но не все сразу!

— Папа сказал, что я обязательно должна играть лучше мамы!

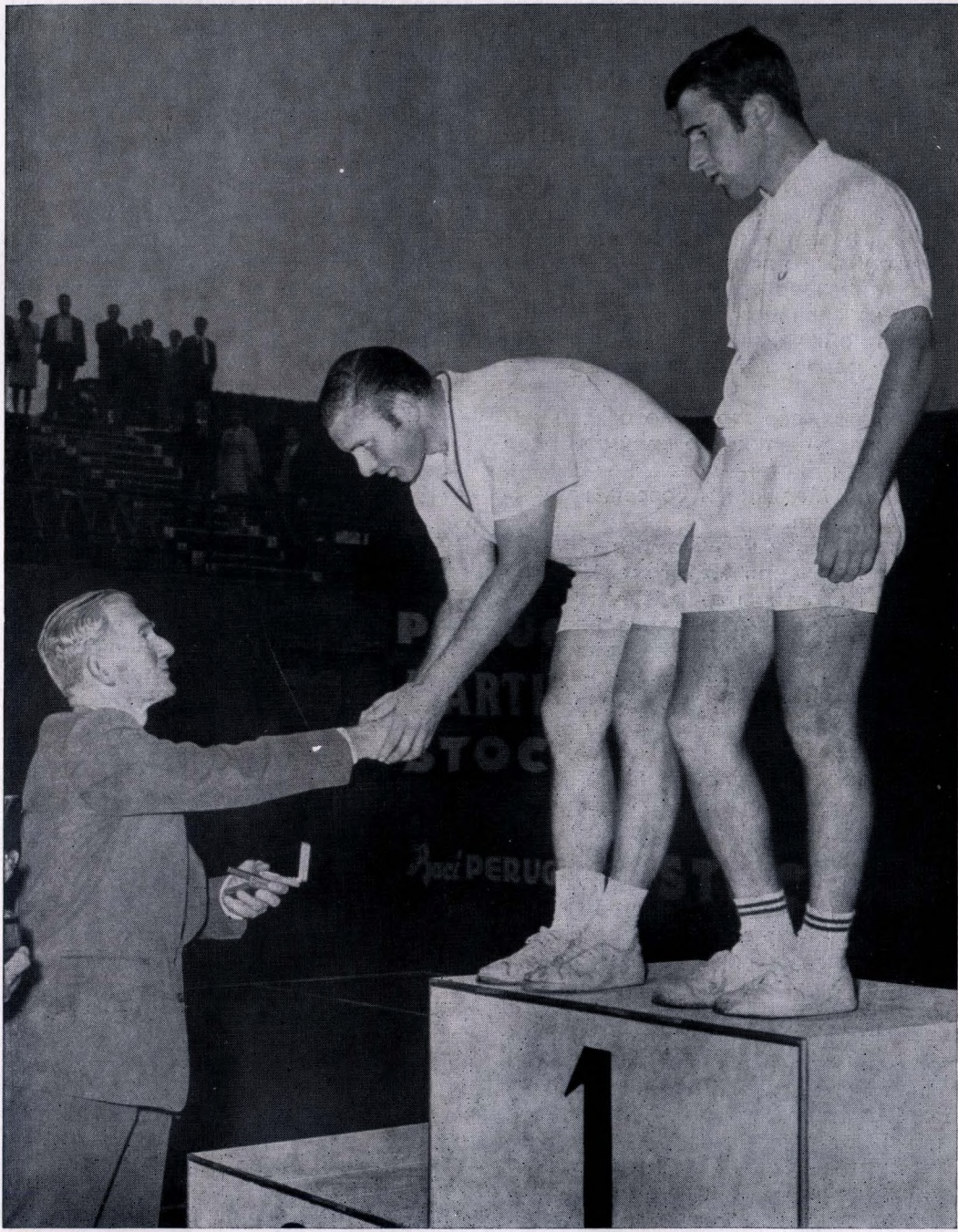
Как это не легко! Ведь мама — сама Анна Дмитриева, первая «красная финалистка Уимблдона», первая советская теннисистка, бросившая своей игрой вызов мужчинам.

А может быть, маленькая Маринка и превзойдет маму? Во всяком случае, у ее родителей намерения самые решительные. К тому же в доме все дышит теннисом. А это уже не мало.

У Ани Дмитриевой в детстве условия были далеко не такими. Хотя и ее родители в теннисе души не чаяли. Отца, художника Московского художественного театра, нередко можно было увидеть после репетиции спешащим на корт. Мать — профессиональная актриса — ограничивалась в теннисе скромной ролью зрительницы всех больших соревнований. А вот дядя, артист МХАТа В. Вербицкий, тот выступал в роли одного из теннисных премьеров. В двадцатых годах он был в ряду сильнейших игроков страны.

И все же маленькая Аня не могла рассчитывать в детстве на солидное влияние «домашней теннисной педагогики». Лишь в 11 лет ее попытались приобщить к теннису. До сих пор она не может забыть день своего появления на площадках стадиона Юных пионеров. Там свершилось то, что чуть-чуть не оттолкнуло ее от тенниса на

Первый в истории тенниса официальный чемпионат Европы был разыгран в 1969 году в Турине. И разве не приятно именно в первом чемпионате быть первыми! На верхней ступеньке пьедестала почета обладатели золотых медалей в мужском парном соревновании С. Лихачев и А. Волков

1

всю жизнь. После короткой проверки заключение было суровым: способностей к теннису мало, да и возраст уже «солидный» — надо было начинать еще в 8—9 лет.

Прошло несколько месяцев, и теперь уже двенадцатилетняя Аня «сдавала» вступительные экзамены в детской секции «Динамо» у самой Тепляковой. «Пусть начнет заниматься, а там посмотрим, что получится»,— было резюме Тепляковой.

Так начался путь в теннисе будущей пятикратной чемпионки СССР в одиночном разряде и тринадцатикратной в парных.

«Кажется, все это было совсем недавно, а ведь с тех пор прошло более семнадцати лет»,— вспоминала мать маленькой Маринки и совсем крохотного Митюшки.

Мы сидели у нее дома в один из морозных вечеров 1969 года. Из окон ее новой квартиры открывалась панорама стадиона «Динамо», на площадках которого прошла ее теннисная юность. Глава семейства в это время гулял с детьми, а мы вели деловой разговор. Встретились мы, чтобы обсудить Анины творческие планы. Они были уже не чисто спортивные.

Аспирантке Московского института физкультуры предстояло решить, какой проблеме посвятить научную работу, как назвать свою будущую диссертацию. И научный разговор все больше и больше ассоциировался с воспоминаниями о теннисных сражениях. Именно они давали толчок перспективным мыслям.

— Многие специалисты отговаривают меня от исследований сложных и очень тонких психологических особенностей соревновательной борьбы, хотя и признают их важность,— говорила Дмитриева.— Мало объективных данных, слабо разработаны методики анализа этой проблемы — вот их доводы. Словом, выходит: лучше взять тему, где исследование можно направить по проторенной дорожке. А такой подход меня не прельщает! Меня больше всего интересует именно психологическая подготовка. Она мне ближе. Да в ее исследовании есть и своеобразный спортивный интерес: в теннисе ею никто не занимался на научном уровне, так что я могу быть первой.

Как я ни старалась, а все же оказалась бессильной преодолеть свои основные психологические слабости. Такая участь, впрочем, постигла и некоторых моих друзей по теннису. Надо же когда-то браться за эту важную проблему, хотя трудностей в ней хоть отбавляй. Ведь что может быть сложнее, чем управлять человеческой психикой — самым совершенным и самым сложным «механизмом» природы! Главное — я хочу своей работой принести пользу. Может быть, и сумею помочь следующим поколениям наших теннисистов?

— А не преувеличиваешь ли ты значение психологических факторов в своих выступлениях на международной арене? — спросил я Дмитриеву.

— Убеждена, что нет! Вы же были свидетелем почти всех моих самых больших и самых трагичных матчей.

— Ты имеешь в виду матчи с первыми ракетками мира Д. Харт, М. Буэно, К. Сусман-Хантце, Ж. Кермеци и В. Пужейовой-Суковой?

— Да, прежде всего поединки с ними.

Что и говорить, встречи Дмитриевой с этими спортсменками были настоящими трагедиями, похожими друг на друга по психологическим особенностям соревновательной борьбы. Во встречах со всеми грозными соперницами активно и разнообразно действующая Дмитриева выигрывала первую партию. Мало того, и во второй партии поначалу преимущество было

на ее стороне. А потом Аня упускала победу.

— Что же с тобой происходило в эти критические моменты? — спросил я.

И тогда спортсменка раскрыла мне тайны своих соревновательных переживаний, сделав, правда, такую вводную оговорку.

— То, что я расскажу вам сейчас, я не могла бы во всех деталях «обнародовать» раньше, когда играла. Теперь я могу наблюдать за собой как бы со стороны и, как мне кажется, более трезво оценивать свои выступления. Раньше, что греха таить, я иногда искала причины неудач во второстепенном. Бывало даже, что напоказ выставляла мелкие причины, чтобы скрыть свои истинные и главные слабости.

Я, как ни странно, не боялась проиграть, а, наоборот, боялась выиграть. Обидный перелом во всех пяти матчах наступал именно в момент, когда я начинала ощущать реальную возможность победы, когда приходила мысль: еще немного и я буду победительницей. Казалось бы, ощущение близкой победы должно было прибавить сил, воодушевить на борьбу. Нет! У меня все происходило наоборот: я становилась соперницей самой себе.

Я строго себе приказывала: играй по-прежнему, не теряй уверенности, дерзай! Но чей-то совершенно неподвластный голос шептал: а сможешь ли ты до конца так играть, ведь твоя соперница — сама Буэно, многократная победительница Уимблдона? И тут-то на площадке появлялась вторая «я», которая прислушивалась только к этому чужому голосу, который вносил в меня обидные сомнения. И тогда со мной творилось что-то неподвластное. В горле словно застревал комок, сбивалось дыхание. Со стороны казалось, что я устала из-за нехватки выносливости. А ведь главная причина была совершенно в другом. После матча я соглашалась с обоснованием обидного перелома в игре недостатками моей физической подготовленности — мне просто не хотелось признаваться в столь обидных психологических слабостях. Ведь этого со мной никогда не случалось на тренировках, даже самых длительных. Не могла же иссякнуть моя выносливость уже в начале второй партии.

Как только наступал этот злополучный момент, я начинала ощущать нарушение координации движений. Оно-то и приводило к обидным ошибкам. В конце концов, я начинала злиться на себя. Но это была не обычная спортивная злость, мобилизующая на борьбу, а злость, нарушающая самообладание.

— Какой же из пяти матчей с сильнейшими соперницами был психологически самым острым?

— Безусловно, поединок с первой ракеткой мира 1962 года американкой К. Сусман-Хантце.

Очень досадно было сразу в первом круге попасть на эту выдающуюся спортсменку. Ведь в том, 1963 году я была, пожалуй, в самой хорошей спортивной форме. Я побила В. Пужейову-Сукову (именно она в предшествующий год уступила в уимблдонском финале американке), первую ракетку Франции Ф. Дюрр, вторую ракетку Англии Н. Старки. Особенно я поверила в себя после тяжелого матча с М. Смит-Корт. Я играла до последнего мяча так, словно у меня вовсе не существовало нервов — без малейших психологических колебаний, смело, решительно, остро. Только несколько блестящих ударов австралийки с лёта решили исход поединка в ее пользу со счетом 7 : 5, 10 : 8.

Мне казалось, что, наконец, психологический барьер преодолен всерьез и надолго. И вдруг такая неудачная жеребьевка. Первый матч — и самая сильная соперница. К тому же встреча

с ней проводится на центральном корте. Ох, как было не легко на нем играть без привычки. Отскок мяча значительно быстрее, чем на всех других площадках. Восемнадцать тысяч зрителей со всего света так и сверлят тебя критическими взглядами.

И все же в первой партии я играла так, как, видимо, никогда не играла в жизни. Особенно получались удары с лёта. Самый трудный мяч словно магнит притягивал меня к себе, и мне удавалось «перекрывать» почти всю сетку. Моя опытная, техничная и остро действовавшая соперница даже растерялась. Зрители меня подбадривали громкими аплодисментами и, думается, болели за меня. Это было приятно и словно прибавляло силы.

После выигрыша первой партии я чувствовала себя на седьмом небе, хотя время от времени все же приходили греховные мысли: а сумею ли так играть до конца, не наступит ли обидный перелом? Но на этот раз самоприказ «Так держать!» действовал безотказно.

Во втором сете веду 3 : 2. Подает соперница. «Выиграю этот гейм — выиграю весь матч»,— подбадриваю себя этой мыслью. И барометр игровой погоды показывает «ясно». А вот лондонское небо что-то хмурится, и начинает накрапывать дождик. Вот уже американка пару раз упала на скользком травяном грунте. А мне все нипочем! Гейм на подаче соперницы — мой! Счет становится 4 : 2.

У судейской вышки замечаю главного судью соревнований В. Гибсона. Вот опять соперница упала на площадке и бросила умоляющий взгляд на судью. «Сжальтесь надо мной, прервите матч, разве вы не видите, что природа протягивает мне руку помощи»,— говорил вид растерявшейся американки. Последнее ее падение было, как мне показалось, каким-то неестественным. Видно, она решилась на последний шаг: демонстративно показать главному судье, что играть дальше нельзя.

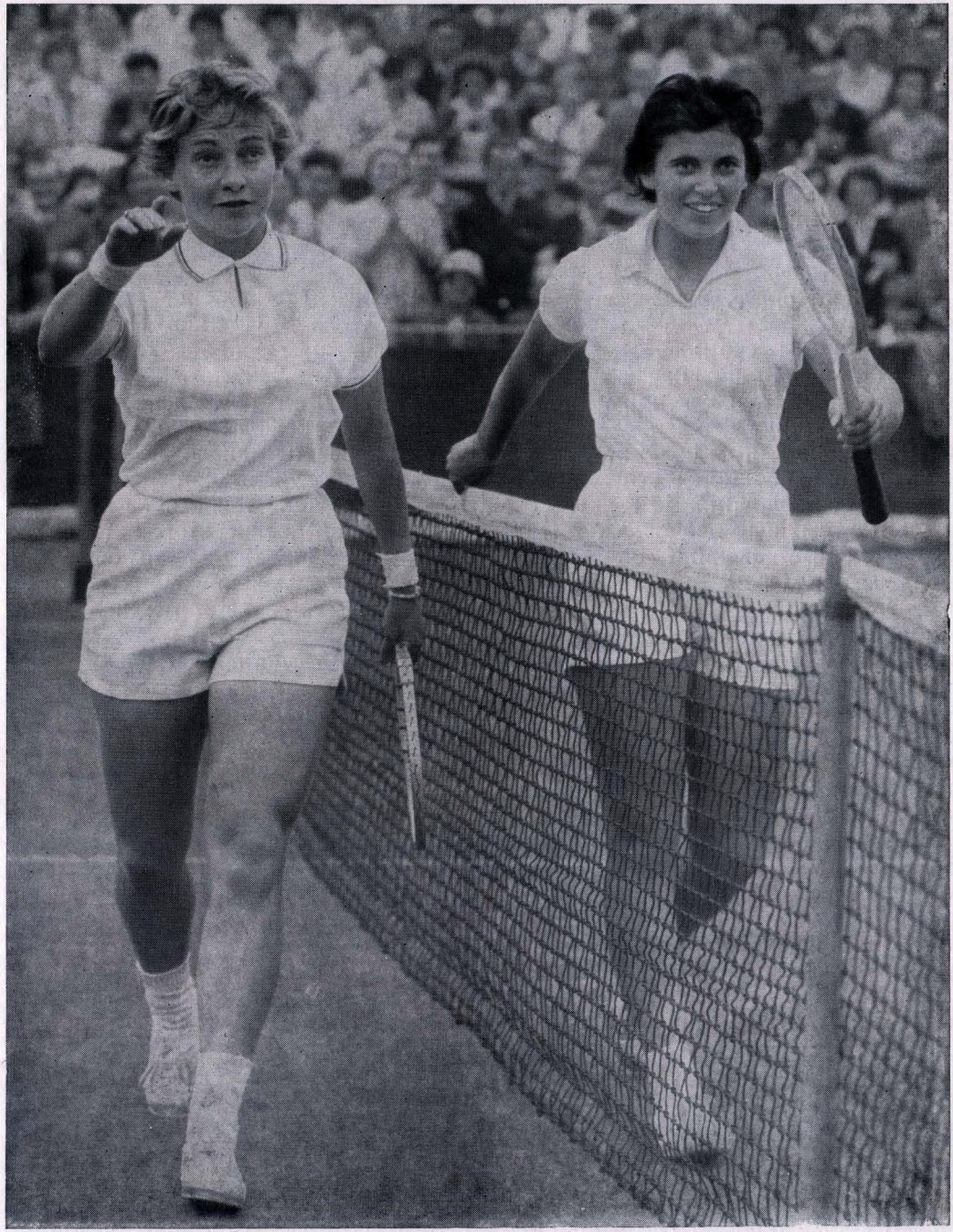
С многозначительной улыбкой пригласил нас Гибсон подойти к сетке. Он вопрошающе поднял руки к небу и спросил: «Что же будем делать?». Американка тут же заявила, что играть невозможно. Тогда вопросительный взор судьи остановился на мне. Я молчала. Судья объявил перерыв. На этот раз молчание не было знаком согласия. Встречу можно было продолжать. Когда я покинула центральный корт, на других площадках встречи были в полном разгаре. Но что можно было поделать? Решение судьи — закон.

Обитательницы раздевалки встретили меня с восторгом. Как-никак я поколебала авторитет первой «сеяной» теннисистки. А к «сеяным» отношение у участниц турнира особое...

И здесь Дмитриева раскрыла некоторые женские тайны Уимблдона. Оказывается, большинство женщин в обиде на организаторов соревнований. Разве могут они смириться с вопиющим неравенством! У восьми «сеяных» королев своя отдельная раздевалка с наивысшим комфортом и даже специ-

---

Любителям тенниса хорошо известны имена неоднократных победительниц Уимблдонского турнира бразильянки М. Буэно и американок Д. Харт и К. Сусман-Хантце. У каждой из них в жарких уимблдонских сражениях А. Дмитриева выигрывала первую партию и вела во второй, но каждый раз для победы москвичке не хватало прежде всего «психологического пороха». А может быть, одной из причин поражений Ани было и невезение? Ведь в тот самый момент, когда наша спортсменка во второй партии выходила вперед, матчи прерывались из-за дождя или темноты и переносились на следующий день. На фотоснимке Дмитриева и Харт на пути к судейской вышке по окончании матча. Во всем внешнем облике Дмитриевой, в ее походке проглядывает решительность, боевитость. Вот бы такой быть ей всегда в решающие минуты матча...

альным мастером по прическам. Эту раздевалку называют «салоном патрициев». Но стоит потерять место под солнцем — выбыть из списка восьми сильнейших, и «грешницу» ожидает падение — возвращение в «плебейскую» раздевалку. Теперь, я думаю, читателям понятно, почему обитательницы этой раздевалки традиционно болеют за своих.

— Томительно тянулось время в раздевалке,— продолжала свой рассказ Дмитриева.— Дождь разошелся не на шутку. Но все равно надо было находиться в состоянии наивысшей боевой готовности, так как примерно через десять минут даже после самого сильного дождя игры возобновляются, как только с площадок успеют снять брезентовые покрытия.

Обитательницы раздевалки старались меня развеселить. Видимо, уж очень хмурым был мой вид. Меня единодушно избрали в состав доверительной классификационной комиссии. Чем же, вы думаете, занималась эта таинственная комиссия? Она скрупулезно разбирала достоинства и недостатки каждого представителя сильного пола, участвовавшего в соревнованиях, и составляла свою десятку избранных с учетом не только их теннисного мастерства, но и... рыцарской привлекательности. Такую десятку женщины составляют ежегодно, но держат ее в секрете. Я думаю, теннисистки мне простят, если я немного приподниму завесу их тайны, но Метревели и Лихачев рассматривались как одни из серьезных претендентов в число избранных рыцарей.

Когда кончилось оживленное обсуждение «мужской десятки», разговор перешел на совсем другую тему, и я оказалась в центре внимания присутствующих. Меня засыпали вопросами о наших ведущих теннисистах. Что они делают кроме тенниса? Где учатся или работают? Сначала мой рассказ воспринимался с явным недоверием.

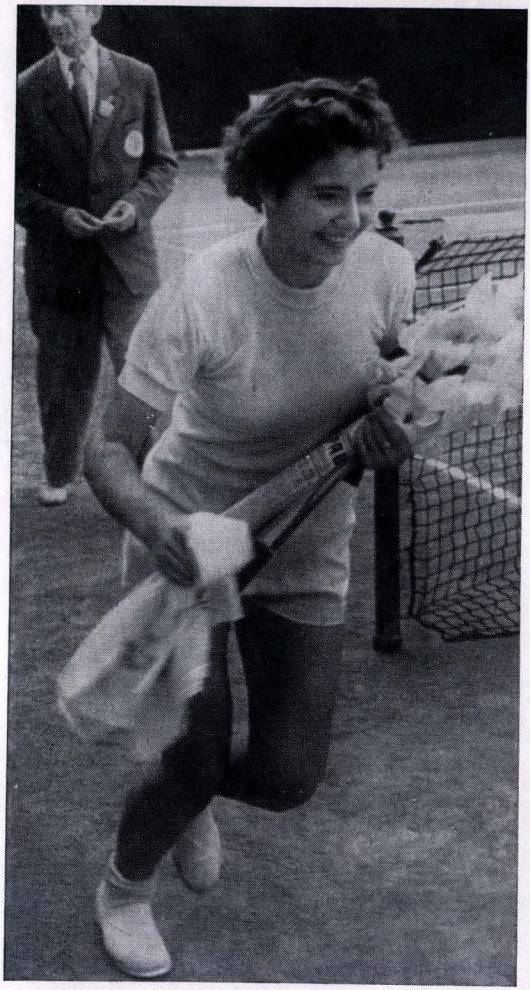
«Это похоже на пропаганду»,— бросила даже в шутку одна из обитательниц раздевалки. Что же, если хотите, это действительно была своего рода пропаганда. Зарубежным спортсменкам трудно было понять, как это все без исключения наши теннисисты были студентами или уже окончили вузы.

«И. Рязанова-Ермолова — инженер-геолог, А. Потанин — математик, В. Кузьменко — филолог, Р. Сивохин — инженер, Т. Лейус, А. Метревели, С. Лихачев — студенты»,— рассказывала я о тех наших спортсменах, которых теннисистки знали по выступлениям на международной арене.

«Все ведущие теннисисты получают высшее образование, этого нет ни в одной стране Запада!» — таким было единодушное заключение моих собеседниц,— завершила свой рассказ Дмитриева.

Что же тогда представляет собой цвет мирового тенниса с точки зрения образовательного ценза? Неужели для звезд мирового тенниса высшее образование нечто чуждое? В принципе нет. Но его получают только считанные единицы. Подавляющее же большинство звезд после окончания средней школы переходит на содержание фирм, выпускающих теннисный инвентарь и спортивную форму. Фирмы, словно осьминоги, захватывают цепкими щупальцами свои жертвы и используют их в целях рекламы продукции. На спортсменах делают деньги. Кое-что перепадает и тем, чье громкое имя значится на различных этикетках и эмблемах фирм.

Вот, к примеру, на площадку какой-либо страны вышла первая ракетка мира австралийка Смит-Корт. Разве мало в этот момент на трибунах любопытных, которые хотят знать, какой ра-

Радость двойной победы! В. Кузьменко-Титова стала чемпионкой страны и победительницей Спартакиады народов СССР. Теперь спортсменка спешит к своему тренеру В. М. Бальве. Как в такой момент не поблагодарить наставника! Так было трижды — каждый раз, когда киевлянка становилась чемпионкой СССР

кетой играет эта выдающаяся спортсменка и какая из фирм выпустила новый образец ее изящной спортивной одежды. Но «вкусы» королевы кортов постоянны: ракеты всегда английской фирмы «Шлезинжер», одежда английской фирмы «Фред Перри», а вот туфли австралийской фирмы «Кенгуру». Это постоянство куплено вознаграждением за рекламу продукции. И никакого здесь высшего образования не требуется. Владельцев фирм интересует только громкое имя спортсмена. Бизнес есть бизнес!

Мне вспоминаются слова-откровения одной видной английской теннисистки, брошенные ею корреспонденту газеты: «Я выступаю главным образом там, где мне больше платят; пока я в зените популярности, нужно скопить побольше денег, а то кто знает, что меня ждет в дальнейшем...».

Однако вернемся к рассказу о матче Дмитриевой с Сусман-Хантце. В тот день он так и не закончился. Дождь лил не переставая.

— Ночью я никак не могла заснуть. Раньше я не замечала шума мчавшихся мимо гостиницы машин и спала как убитая. Теперь меня раздражали даже малейшие звуки на улице. Каждая проезжая машина казалась каким-то злым существом, задевающим меня за живое. Заснула я только на рассвете. И во сне меня не покидали «теннисные тревоги»: я с жаром сражалась с различными соперницами и одна драматическая ситуация следовала за другой. Однако, несмотря на кратковременный сон, чувствовала себя утром совсем бодро.

«Сумею ли играть так же, как накануне?» — этот вопрос я много раз задавала себе в то памятное утро в Уимблдоне.

Прерву здесь на минутку рассказ Дмитриевой своими воспоминаниями о том уимблдонском утре.

Началось оно, как всегда, с утренней зарядки в лондонском Гайд-парке. Это любимое место отдыха лондонцев находилось примерно в ста метрах от

гостиницы, где в то время обычно останавливалась наша команда. Стоит перейти узкую дорогу, по которой мчится поток машин, и вы оказываетесь как будто в другом мире. На вас смотрят огромные вековые деревья с раскидистыми ветвями. Зеленые лужайки с аккуратно подстриженной травой, напоминающей мягкий и одновременно плотный бобриковый ковер, так и манят вас лечь и отдохнуть. Маленькие пруды приглашают полюбоваться водяной гладью, по которой скользят детские кораблики самых причудливых форм.

В Гайд-парке начинали каждый свой трудовой день наши теннисисты. Пробежка, гимнастические упражнения, несколько стартов, серия прыжков и в заключение... десять минут темпераментного футбола. В роли стража ворот в то утро выступала Аня Дмитриева. Играла она с подъемом, азартно. Даже после сильнейшего удара Лихачева отбила мяч на угловой. Но истекли десять минут игры, и Дмитриева ушла в себя, замкнулась. Не прошло и получаса, как снова прилив энергии, бодрости, какой-то повышенной оживленности. И так до самого матча приливы и отливы, быстрая смена настроений.

А теперь опять вернемся к изложению событий самой Дмитриевой.

— Лучше бы я не смотрела утренние газеты. В них расписывалась в самых ярких красках наша встреча и утверждалось, что американку спас дождик. Газетные страницы пестрели нашими фотографиями: я — в моменты удачных ударов, соперница — в моменты падений.

Большинство авторов статей предсказывали победу мне. Казалось бы, это должно действовать ободряюще. Но, как ни странно, пророчества журналистов только бередили рану, вызывали обидные воспоминания о прерванном накануне матче.

А помните о плохой примете перед игрой? — спросила меня собеседница.

— Да, я ее хорошо помню...

Команда, как всегда, после завтрака готовилась к выезду в теннисный клуб на предсоревновательную тренировку. Еще в вестибюле гостиницы мы услышали громкие звуки «Турецкого марша» Моцарта. «Сейчас перед нами предстанет военный оркестр, сопровождающий королевских гвардейцев»,— эта мысль мелкнула у меня при выходе из гостиницы. Но на улице мы увидели далеко не то, что нам представлялось.

По мостовой шли нищие музыканты. По одному тротуару ковылял дряхлый старичок со шляпой в протянутой руке, по другому — сгорбленная старушка с большим кожаным кисетом. Они поглядывали на окна — не бросит ли монетку какой-нибудь раздобрившийся лондонец.

— Правда, что встреча с уличным оркестром в день перед большим испытанием считается в Англии плохой приметой,— спросила Дмитриева у администратора гостиницы, который вместе с нами наблюдал за музыкантами.

— Да! Но на этот раз, я думаю, примета не сбудется и вы станете победительницей.

Администратор гостиницы сопровождал нас до станции метро. По дороге он рассказал нам об особых, «нищенских», как он выразился, законах. Стоять с протянутой рукой и просить милостыню считается противозаконным. Такого нищего-«бездельника» сразу заберут в полицию, и ему не миновать тюрьмы. А вот если тот же нищий станет, например, играть на скрипке, на старинной дудочке или гадать на картах, то он будет в неприкосновенности, и полицейский не сможет его арестовать.

Мне вспоминается согнувшийся в три погибели старик-нищий на пере-

крестке главной торговой улицы Лондона Оксфордстрит. Я наблюдал за ним в ожидании автобуса. Перед несчастным лежала старая фуражка, у которой сидел маленький мохнатый жалобно скуливший пес. Вдруг старик словно встрепенулся, дрожащей рукой быстро вынул из кармана губную гармошку и начал играть. Пес схватил в зубы фуражку, встал на задние лапы и начал изображать танцующего. Когда рядом появился полицейский и пригрозил нищему пальцем, всем стало ясно: старик хотел показать, что он «работающий нищий». Как только блюститель порядка удалился, старик и его верный друг опять повели «праздный» образ жизни.

У метро мы распрощались с администратором гостиницы. Он пожелал Дмитриевой успеха и посоветовал не думать о дурной примете.

Предоставим снова слово самой Анне.

— Я готовилась к встрече как никогда тщательно. Утренняя тренировка прошла отлично. На соседнем корте тренировалась моя соперница.

«Видимо, ты не случайно выбрала себе в партнерши Д. Хейдон-Джонс, ведь она, как и я, левша»,— эта мысль сразу мелькнула у меня, как только я увидела ее вместе с англичанкой. Потом уже в раздевалке я узнала, что моя соперница попросила первую ракетку Англии подготовить ее к матчу со мной.

И вот я вновь на центральном корте. Приятное ощущение необычного спокойствия. Кажется, должна сыграть хорошо. Но вдруг начинаю проигрывать очко за очком. Одна ошибка следует за другой. И все это с какой-то легкостью и бесстрастностью. Раньше волновалась, горячилась, переживала каждый удар. Теперь, впервые в жизни, ощущение полного отключения нервной системы. Движения стали механическими, не своими. Как только ни пытаюсь на себя воздействовать, все напрасно. Проигрываю вторую партию, и в третьей у соперницы 5 : 2 и 40 : 0 на ее подаче. Три матчбола!

«Неужели конец?» — молнией мелькнула тревожная мысль. Нет! Надо сделать последнюю попытку! И вот эта «молния» словно зажигает меня. Действую решительно, дерзко, рискованно. Принимаю подачу соперницы сильным неотразимым ударом с ходу по восходящему мячу. При втором матчболе иду на хитрость. Сначала делаю вид, будто собираюсь снова отбить мяч сильным ударом. Но в последний момент неожиданно играю довольно мягко обратным кроссом мимо выбежавшей к сетке соперницы. Третий же матчбол американка «дарит» мне двойной ошибкой при подаче.

Трудно передать все то, что творилось со мной в тот момент. Я загорелась жаждой борьбы, наступил небывалый прилив энергии, мои мышцы словно ожили, и я вновь обрела тонкое чувство собственных движений. Происходящее во мне напоминало прорыв плотины с бурным низвержением вниз водяного потока, сметающего все на своем пути.

Вот бы в таком состоянии начать игру!

Через каких-нибудь десять минут счет в решающей партии стал уже равным 5 : 5. Приятно было ощущать, что я набираю очки острыми ударами, переигрывая соперницу. Ситуация была самой благоприятной. Теперь моя очередь подавать. Преимущество подающей в такой момент — важный психологический козырь.

Два уверенных выхода к сетке с подачи, и я уже веду 30 : 0. Вот оно ощущение реальной победы, как это было и накануне! Вновь готовлюсь к подаче. Подбрасываю мяч. Тысячные доли секунды остались до момента удара, и

вдруг каким-то неловким, робким, заключительным движением направляю мяч совсем коротко, не сильно, давая тем самым сопернице повод для успешной контратаки. А ведь предыдущие подачи были на редкость сильными и точными. Ощущение такое, будто кто-то в самый последний момент замедлил вынос ракеты и предостерегающе предупредил: а стоит ли бить сильно, ведь в такой момент главное — не ошибиться!

Сначала я подумала, что это просто обидная случайность, мгновенный сбив координации движений. Но, когда примерно то же самое повторилось при следующем розыгрыше очка и последовала двойная ошибка, я поняла: на площадку выходит вторая, самая страшная, моя соперница — неуверенность в собственных движениях. Все свои духовные силы я бросила на борьбу с ней. Но одолеть ее я так и не смогла. Матч был проигран. И проигран из-за моих собственных ошибок. Американка сама ничего особого не предпринимала. Она просто собирала урожай из моих промахов.

Я была убита. Даже дала себе слово: брошу теннис. Разве не обидно было так проиграть первой ракетке мира...

Теперь думается, читателям понятно, почему вопросы психологической подготовки, вопросы управления своим психическим состоянием были так близки Дмитриевой-аспирантке.

— А в чем причина твоих психологических колебаний? — задал я вопрос Дмитриевой.

— Их, как мне кажется, три. Первая и главная причина — субъективная. Она — в недостатках моей воли, непостоянной способности управлять своим психическим состоянием в самых больших матчах. А вот вторая и третья причины от меня, собственно говоря, непосредственно не зависели.

С первыми ракетками мира я встречалась очень редко. Только один-два раза в году я мерилась силами с кем-либо из мировой десятки. Каждый матч на международной арене превращался для меня в столь большое испытание, что я не выдерживала его нервного напряжения и «перегорала». Мне казалось, что в таком матче — вся моя жизнь. И хотя я выступала в довольно большом количестве соревнований, опыт игры со средними по классу соперницами не мог заменить опыта встреч с ведущими теннисистками, отличающимися передовой атлетической игрой. Я нередко заводила разговоры с «королевами» мирового тенниса об их переживаниях, внутреннем состоянии в самых больших матчах. Словно сговорившись, они подчеркивали одну и ту же мысль: огромные нервные напряжения должны стать привычными, а это возможно лишь при многократных встречах с сильнейшими.

И, наконец, третья причина моих трудностей заключалась в том, что подавляющее большинство моих подруг-соперниц придерживалось тактики игры преимущественно у задней линии, и поэтому матчи с ними не могли в должной мере подготовить меня тактически к поединкам с сильнейшими теннисистками мира, придерживающимися наступательной «сеточной» игры.

На этой третьей причине, названной спортсменкой, хочется остановиться особо, так как она выходит далеко за рамки судьбы одной только Дмитриевой.

Спортивное мастерство куется в жестокой борьбе различных тактик, разнообразных вариантов нападения и защиты. В этой борьбе, как и в военном деле, неумолимо дает о себе знать то, что принято называть проблемой снаряда и брони. Появится новый, доселе невиданный по своей пробивной способности снаряд, и существующая

броня становится малоэффективной. Специалисты сразу же начинают ломать голову над тем, как укрепить броню. Проходит время, и решение находится. Тогда перед «бронебойщиками» вновь встает вопрос об «усилении» снаряда. Так, в постоянном взаимодействии, как бы взаимном подталкивании и происходит совершенствование противостоящих друг другу боевых средств.

Допустим, в том или ином городе появится несколько теннисисток с мощной подачей. Уже одно это должно толкнуть их соперниц к улучшению приема подачи. Иначе подающие будут с ними расправляться как удав с кроликом. Если же подающие начнут еще использовать и подачу для выходов к сетке, то перед соперницами встанут новые сложные задачи, так как значительно расширится «присутствие» в действиях подающих фактора неожиданности.

Поставьте себя на место Дмитриевой. Ее подруги-соперницы играли с лёта мало и совсем не использовали подачу для выхода к сетке. Стоило же москвичке выйти на английские корты и скрестить оружие с кем-либо из первых ракеток мира, как на нее обрушивался шквал неумолимых атак с выходом к сетке сразу после подачи. И тогда, если выражаться словами самой спортсменки, начиналась игра в другой теннис. А в нем не так-то легко было чувствовать себя как рыба в воде, если подавляющее большинство предшествующих матчей протекало в совершенно ином тактическом плане.

Неужели же главные соперницы Дмитриевой на наших площадках походили друг на друга словно близнецы и были так уж далеки от передовой тактики? Их родство со старой технико-тактической школой обнаруживалось, безусловно, сразу. Но назвать их игру пассивной было бы ни больше, ни меньше как оскорбление. Взять, к примеру, соперницу Дмитриевой в первые годы ее выступлений И. Рязанову-Ермолову, победительницу Всемирных студенческих игр 1960 года. Она — явно выраженный нападающий игрок, но... нападающий только с дальних позиций ударами с отскока. Примерно то же самое можно сказать и о других теннисистках тех лет — В. Кузьменко-Титовой, Л. Преображенской, В. Филипповой, В. Трошкиной.

Когда же в борьбу за передовые позиции в нашем теннисе включилась сначала киевлянка Г. Бакшеева, а затем и москвичка О. Морозова, все были обрадованы: наконец появились достойные по тактике преемницы Дмитриевой. Дмитриева, Бакшеева, Морозова и составили эстафету поколений первых ракеток нашего тенниса.

Бесспорно, что каждый сильнейший спортсмен неповторим своими особенностями игры и подготовки. Не составляют исключение наши лучшие теннисистки-женщины. Взять хотя бы, к примеру, их совершенно различные характеры. И все же главное в их успехах то, чем они похожи друг на друга,— активная атлетическая игра. Такую игру они передавали друг другу словно эстафетную палочку. И не случайно спортсменки доминировали как в одиночных, так и в парных соревнованиях. Задумайтесь хотя бы над такими двумя фактами.

Все годы, с 1958 по 1967-й, Дмитриева была бессменной чемпионкой СССР в женском парном разряде (исключением был только 1965 год, когда спортсменка не участвовала в соревнованиях). А Бакшеева это же чемпионское звание удерживала в период 1962—1968 годов, пять раз выступая в паре с А. Дмитриевой и по одному разу с Т. Тарановой и М. Чувыриной.

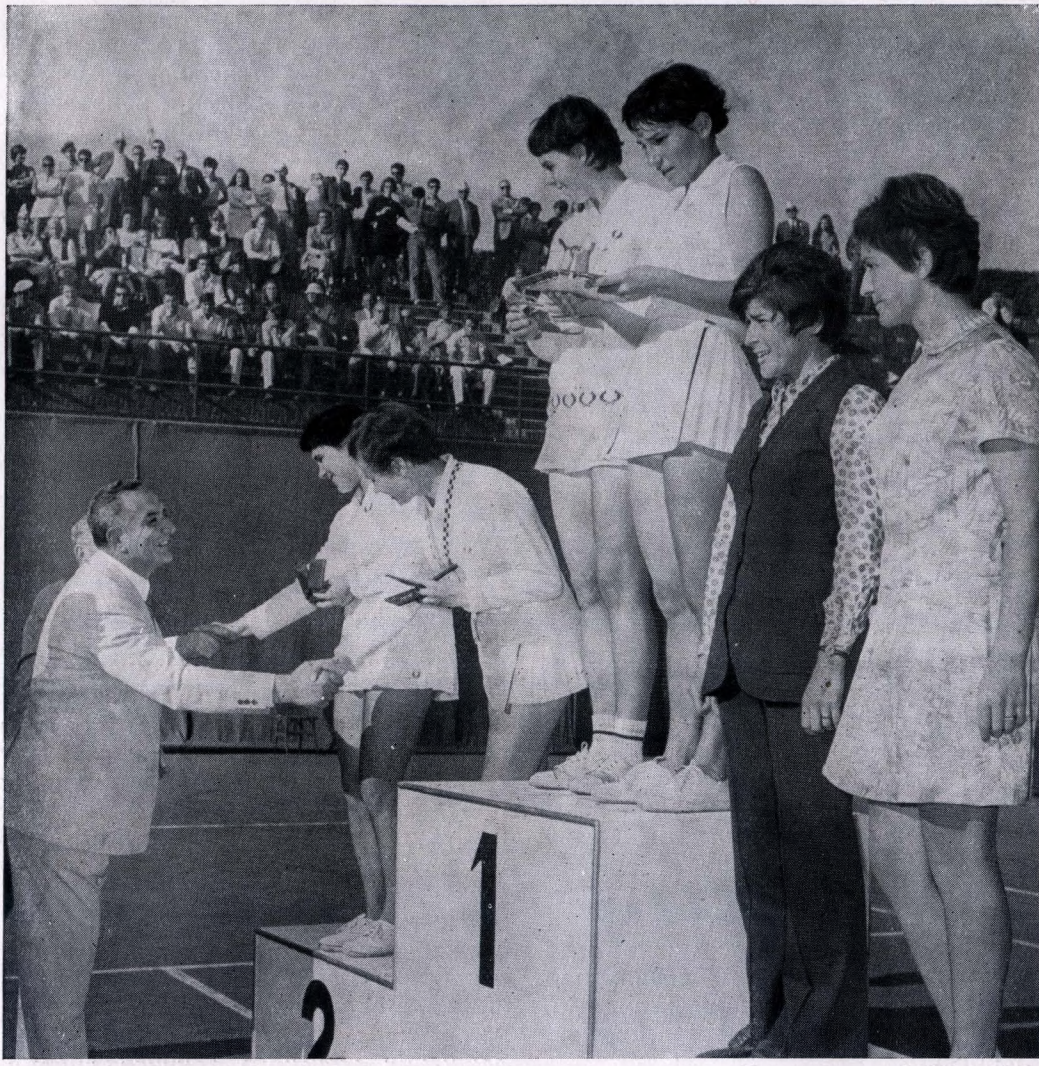
Когда же окрепла О. Морозова, на верхнюю ступеньку пьедестала почета поднялась новая молодежная пара:

О. Морозова — З. Янсоне. Чемпионки Европы, обладательницы Кубка Суабо, чемпионки СССР, победительницы зимнего и летнего традиционных московских международных турниров — вот далеко не полный список побед нового содружества только за 1969 год. В чем же секрет успехов Морозовой и Янсоне? Может быть, они внесли в игру нечто принципиально новое?

Нет! Они уверенно продолжали хорошую традицию Дмитриевой и Бакшеевой действовать в паре по-мужски, атаковать с выходом к сетке после подачи и при первой возможности во время ее приема; хотя, конечно, нельзя не отметить и личную качественную «добавку» Морозовой в комплект боевых средств: ее удары над головой и с лёта в сложных условиях поднялись по исполнению на ступеньку выше по сравнению с этими ударами у ее предшественниц.

Эстония подарила советскому теннису двух чемпионок страны — Т. Киви-Пармас и Т. Сооме-Симсон. Игровое упорство, точность ударов, строгая тактическая расчетливость, хорошая игра с задней линии, завидная выдержка — вот характерные особенности этих спортсменок. Их стихия — игра на мягких грунтовых кортах. На «грунтовых» соревнованиях Киви-Пармас одержала ряд убедительных побед над сильнейшими зарубежными соперницами. В финальном матче личного первенства СССР 1968 года спортсменка успешно действовала и у сетки. Это помогло ей одержать победу. На снимке вы видите эстонскую теннисистку в «золотом» матче во время удара с лёта

На пьедестале почета чемпионата Европы всего три ступеньки. На две верхние в женских парных соревнованиях поднялись в 1969 году советские теннисистки О. Морозова и З. Янсоне, Т. Киви-Пармас и М. Чувырина. Дружные действия, передовая наступательная тактика с выходами к сетке после подачи, одновременная игра с лёта обеих партнерш позволили О. Морозовой и З. Янсоне завоевать и почетное звание чемпионок СССР

...Советские и иностранные корреспонденты плотным кольцом окружили разгоряченных американок Д. Хелдман и П. Барткович — участниц парного финала Московского международного турнира 1969 года. Теннисистки первой мировой десятки и первой пятерки США, вторая пара Америки, двукрат-

ные победительницы женского Кубка мира капитулировали перед нашими Морозовой и Янсоне.

— Чем вы объясняете победу ваших соперниц? — такой вопрос задал американкам один из корреспондентов.

— Советские девушки преподнесли нам урок тенниса-модерн,— этими словами начала свой ответ бойкая и острая на язык Хелдман,— они играли по-мужски, а мы по-женски. Мы большую часть встречи провели в роли обороняющихся, а они — нападающих. Такой тактики придерживаются считанные в мире пары. Даже высокие свечи, которыми мы пытались сбить темп и лишить соперниц наступательного порыва, не дали результатов. У Морозовой и Янсоне оказались хорошо поставленные удары над головой.

В этот момент Хелдман прервала свой рассказ: вблизи показалась Янсоне, и американка пригласила ее участвовать в разговоре.

— Кто тебя научил играть в паре по-мужски? — с ходу бросила вопрос Хелдман нашей спортсменке.

— Так играть «приказывают» всем девушкам наши тренеры, активная игра — это особенность нашей школы.

Лицо побежденной американки расплылось в лукавой улыбке.

— Если это так, то почему же тогда только небольшая часть ваших пар играет по нотам этой школы, видимо, у остальных свои особые тактические установки?

Что и говорить, замечание Хелдман было не в бровь, а в глаз. Рижанка сначала несколько замялась. В ее ответе звучало утверждение, что не все, мол, дается сразу. Ей помог корреспондент газеты «Советский спорт» Виктор Васильев, много и хорошо пишущий о теннисе:

— От теории до практики не один шаг!

И правда, может быть, медленные темпы активизации игры наших теннисисток — это не затянувшаяся заразная болезнь, а естественный и неизбежный ход событий? Ведь нельзя же, действительно, всегда и везде одним шагом перейти от теории к практике.

И дело здесь, видимо, в походке, в скорости передвижения, количестве сделанных шагов. При движении целеустремленном, быстром, решительном практика может подняться на более высокую ступень, без обидной потери драгоценного времени. Если же следовать черепашьим шагом, то между теорией и практикой всегда будет разрыв.

Борьба различных тактик — это «двигатель прогресса». Я думаю, никто не станет оспаривать справедливость данного утверждения. И все же его нельзя оставить без одного важного уточнения. Для быстрого движения важен не просто сам факт разнообразия, но и количественное соотношение приверженцев к различным тактикам. Такое движение невозможно, если во главе нашего женского тенниса будут стоять всего несколько спортсменок с передовой тактикой, а остальные так и будут продолжать действовать по старинке в стиле своих теннисных бабушек.

Пусть больше и больше теннисных сражений на наших отечественных полях брани разгорается с использованием передовой тактики. Это и послужит одним из главных ускорителей движения женского тенниса вперед. Тогда на теннисном небосклоне засияют не только отдельные звезды, но и целые созвездия.

И дело не только в том, чтобы нацелить теннисисток на активную наступательную игру. Это «нацеливание» надо подкреплять соответствующей тренировкой. Главное — вооружить представительниц слабого пола необходимым психологическим и техниче-

ским оружием, создать для активной игры необходимые физические возможности. Ведь не случайно Дмитриева, Бакшеева и Морозова вышли на передовые позиции в нашем теннисе и завоевали международный авторитет не только своими победами, но и передовой наступательной тактикой.

Может быть, у этих спортсменок уже в детстве были какие-то сверхвыдающиеся «не женские» способности?

Когда маленькая Аня Дмитриева бегала по площадке, динамовские тренеры нередко качали головой: с такими угловатыми «разбросанными» движениями и освоить сложную технику? Как призналась мне недавно спортсменка, в детстве она не ощущала тяги к активной игре и ее наставнице Н. С. Тепляковой приходилось нередко пугать Аню словами: «Если будешь так играть, никогда не попадешь в сборную, туда берут только «сеточниц»!».

Прошло сравнительно короткое время, всего каких-нибудь два-три года, и Дмитриеву нельзя было узнать. Она явно выделялась на фоне своих сверстниц. Упорные занятия физической подготовкой, успехи в освоении сильной и динамичной подачи, ударов с лёта у сетки дали свои результаты. И игра в футбол с мальчишками, и акробатика, и занятия в группе с ведущими легкоатлетами, и регулярное выполнение специальных силовых упражнений, в том числе со штангой, намного подняли некогда совсем заурядные физические возможности спортсменки. В дальнейшем, уже в более зрелые годы, Дмитриеву можно было нередко встретить на стадионе в компании легкоатлетов-прыгунов, рекордсменов мира Л. Щербакова и О. Федосеева.

Н. С. Тепляковой и С. С. Андрееву—старшему тренеру сборной команды страны, много труда вложившему в становление спортсменки, удалось зажечь у нее желание регулярно, аналитически работать над техникой. Помнится, как она подолгу занималась в маленькой раздевалке, с одним-единственным незамысловатым «тренировочным приспособлением» — обыкновенным зеркалом средних размеров. Сегодня имитация ударов у зеркала, завтра, послезавтра... При этом упражнения Дмитриевой у зеркала не были каждый раз простым повторением вчерашних. Спортсменка анализировала и искала, пробовала различные варианты движений. Когда же она выходила на площадку, техника всегда подчинялась требованиям современной активной игры.

В тот памятный 1958 год, когда восемнадцатилетняя Дмитриева впервые выступала в Уимблдоне, десятилетняя Оля Морозова впервые взяла ракету в руки. Может быть, она сразу заблистала каким-то особым теннисным талантом? Нет! Но и в ней обнаружились очень важные для спортсменки качества — огромное трудолюбие, упорство, самодисциплина. До сих пор мне вспоминаются жаркие споры тренеров о перспективах Морозовой, когда обсуждался состав первого всесоюзного учебно-тренировочного сбора юных теннисистов. Чашу весов в сторону спортсменки окончательно склонило только клятвенное заверение Тепляковой: такой упорной девочки у меня еще не было, и я ручаюсь, что сделаю из нее хорошую теннисистку.

Дала Теплякова слово и сдержала его! Ее воспитанница стала чемпионкой СССР в одиночных и парных разрядах, победительницей Уимблдонского турнира девушек, финалисткой «взрослого» Уимблдона среди смешанных пар, абсолютной чемпионкой Европы.

...Тому, кто бывал на крупных международных теннисных соревнованиях за рубежом, наверняка примелькался темпераментный юркий журналист Б. Харрис — сотрудник английского

журнала «Лаун-теннис». Как его только не называют: и «безошибочным прогнозистом», и «теннисным кибернетиком». Харриса всегда можно увидеть на площадках, где сражаются «надежды будущего». В его руках различные теннисные таблицы, схемы, графики. В последние годы «Лаун-теннис» накануне очередного Уимблдонского турнира публикует результаты довольно сложных наблюдений и расчетов «прогнозиста» — мировую десятку наиболее перспективных молодых теннисисток и теннисистов. И не пробуйте спорить с Харрисом. Он сразу вам возразит: места в табели о рангах — это не мое субъективное мнение, порядок расположения спортсменов определила электронно-вычислительная машина. Завершает свою работу над десяткой «теннисный кибернетик» в дни уже знакомого читателю Бекнемского турнира и открытого первенства Лондона — предшественников уимблдонских соревнований.

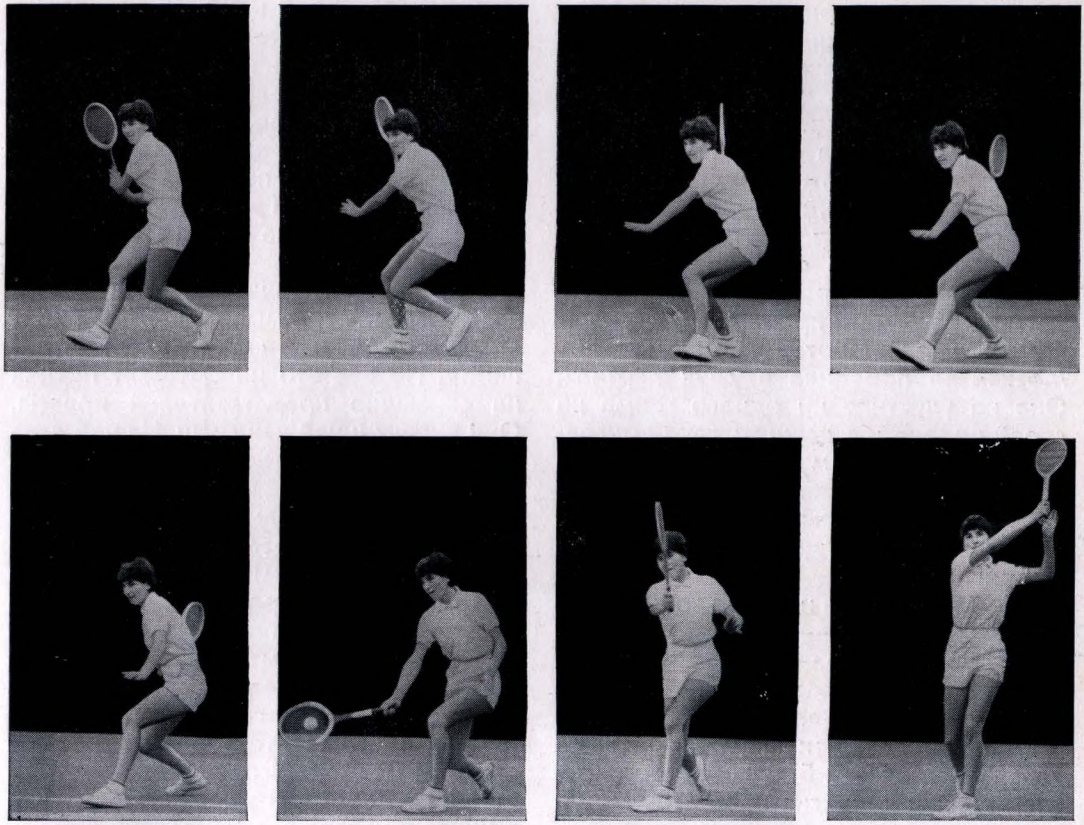
В дни небывало жаркого лета 1969 года внимание Харриса было прикована к трем теннисисткам — нашей О. Морозовой и двум американкам К. Пиджен и Б. Грабб. Кто из них сильнее и перспективнее? На этот вопрос предстояло ответить электронно-вычислительной машине. Но в ее таинственное чрево необходимо было заложить возможно более точные данные о каждой спортсменке. Их-то и собирал журналист.

Многое зависело от результатов встреч между самими претенденткими на ведущее положение. Бекнемская жеребьевка оказалась благоприятной для прогнозов. Все шло к тому, что Морозова встретится с американками, если не в турнире взрослых, то уж, во всяком случае, в молодежном турнире.

Центральный корт Бекнемского клуба, где не раз выступали Дмитриева и Бакшеева. Теперь на нем предстоит сразиться Морозовой в четвертьфинальном матче с Пиджен за выход в восьмерку сильнейших теннисисток среди взрослых. Пиджен — победительница Уимблдонского турнира девушек предшествующего года, седьмая ракетка США среди взрослых и первая среди своих сверстниц. Она левша, ее сильная, с необычным вращением резаная подача, вслед за которой теннисистка бросается вперед, создает соперницам большие затруднения. Стоит чуть поднять мяч над сеткой при приеме такой подачи, как быстрая американка с ходу старается сразу послать мяч вне досягаемости соперницы. Ее удары сзади мощны и динамичны. Тактическая установка: только вперед и вперед! Ошеломить соперниц беспрерывным натиском, заставить их торопиться и в спешке ошибаться. Такую теннисистку простой лобовой контратакой не возьмешь. Нужна тактическая хитрость.

При приеме подачи Морозова применяет то сильный, чуть подкрученный контратакующий удар, то мягкий резаный в ноги американке, то средний по силе крученый, очень косой удар. Сетка для американки словно сильный, притягивающий ее магнит. После первого удара с лёта она подходит к ней совсем вплотную. А этого только и ждет москвичка. Ее неожиданная, обводящая свеча сразу обрывает быстротечный ход игровых событий.

Хорошее начало положено! Американка проиграла первый гейм на своей подаче. Теперь надо, как говорят, «держать» свою подачу, и тогда сет твой. И Морозова «держит». Подает сильно, все время меняет направление удара. Американка, как это может показаться ни странным, совершенно незаметно для себя льет воду на мельницу нашей спортсменки. Уж очень однообразен ее прием подачи. Вся ставка

Среди советских теннисисток одним из лучших ударов справа обладает чемпионка СССР О. Морозова. Для удара Морозовой характерны сила и динамизм. Спортсменка свободно выполняет удар с ходу, в различных по высоте точках и успешно использует его для выходов к сетке. Не составляет для нее труда и применить мощный удар при отражении мяча в низкой точке. Во многом это определяется хорошей координацией движений ног, туловища и руки с ракетой. Как видно по первым двум кадрам киноограммы, Морозова двигается к мячу поперек площадки. Однако ударное движение она проводит в момент шага левой ногой в направлении сетки с активным поворотом вперед туловища и мягкой «работой ног» по ходу удара. Удар Морозовой отличается и очень четким, экономным замахом. Спортсменка быстро отводит ракету назад и немного вверх, как бы ставя ее в положение готовности для последующего свободного выноса вперед (вычурные, почти кругообразные движения в начале замаха, да еще с волнообразным движением кистью, нередко наблюдаемые у некоторых теннисисток, только осложняют подготовку удара, особенно когда игра протекает в быстром темпе)

только на сильные пробивные удары. А «пробить» москвичку не так-то легко. У нее очень большой для женщины диапазон досягаемости трудных мячей. К тому же еще она гораздо лучше играет против однообразно сильной обводки, чем против коварной, мягкой, вынуждающей ее наносить удары в низкой точке.

Не будем разбирать ход всего матча. Он примечателен лишь своим об-

щим тактическим рисунком, а не какими-то драматическими переживаниями борьбы. Описав начало матча, я хотел лишь познакомить читателей с общей тактической ситуацией и подчеркнуть главное: Морозова сразу повела игру не только в остроатакующем стиле, но и тактически тонко, хитро, пустив в ход весь свой разнообразный арсенал ударов, тогда как ее соперница сделала ставку только на прямолинейную мощь ударов. Весь матч прошел в том тактическом ключе, в котором он и начался. Москвичка победила в двух партиях. Она не упустила ни одного гейма на своей подаче и в каждом сете выиграла по одному гейму на подаче соперницы.

Одним из первых поздравил победительницу «теннисный кибернетик» Харрис.

— Так держать и в следующем матче с американкой,— пожелал он нашей спортсменке.— Но,— продолжал журналист с предостережением,— вам еще предстоит сражаться в полуфинале соревнований девушек с самой теннисной «мисс Америка» — Б. Грабб, второй после Пиджен теннисисткой США молодежного возраста.

Играет эта американка сильно, зло. Быстро передвигается по площадке и достает самые трудные мячи. Правда, она реже выходит к сетке, чем ее соотечественница. Но зато с задней линии играет точнее, и к тому же еще в ее арсенале неожиданный, очень эффективный укороченный удар.

Однако все это лишь одна сторона медали, а вот другая...

Держится на площадке эта «мисс» довольно развязно, высокомерно, а иногда и просто забывает об элементарном такте по отношению к сопернице. За ней на стадионе всегда увивается целый «хвост» — многочисленные фотокорреспонденты, падкие на дешевую оригинальность, «показуху» в вычурных модах. В каких только позах и кричащих туалетах они ее не снимают! Теннисистку нередко можно увидеть с матерью. Положение последней далеко не завидное. Она напоминает рабыню капризной злой повелительницы. «Дай, принеси, пойди!» — эти повелительные слова Грабб, обращенные к матери, звучат не иначе как строгая команда.

Когда смотришь на капризную «мисс», так и подмывает ее спросить: «А что же у тебя, «красавица», за душой?». Но все это не смущает падких на сенсацию представителей прессы. Они липнут к ней как мухи. На ней «делают деньги» и представители различных фирм.

Если бы вы только видели американку, когда Морозова обыгрывала ее буквально по нотам! Ее трясло в бешеной злобе. Она бросала с остервенением ракету, била по травяному покрову руками, при помощи самых различных жестов жаловалась на судьбу. Уж очень ей не хотелось проигрывать.

Был в этом матче один примечательный момент. Испробовав все средства и не достигнув успеха, американка решила в начале второй партии пустить в ход последнее резервное оружие — укороченные удары. Глядишь, удастся «разорвать» игровой темп, вывести Морозову из равновесия, сбить ее дыхание? Ведь сумела же американка накануне победить рижанку Янсоне, для которой укороченный удар оказался смертельным ядом. Но Морозова быстрее Янсоне и техничнее в приеме «умирающих» мячей у сетки. В большинстве случаев она успевала добежать до них и точно и разнообразно отвечать то совсем коротким косым ударом, то стелющимся длинным в один из углов площадки.

Не удались американке и попытки сбить у Морозовой дыхание стремительными рывками. Здесь все зависело

не только от хорошего физического состояния спортсменки, но и от ее выдержки, хладнокровия, умения сполна использовать для отдыха короткие игровые перерывы, когда мяч выходил из игры. После укороченных мячей американка всеми силами стремилась форсировать ход игровых событий, пытаясь втянуть Морозову в спешку. Но москвичка с олимпийским спокойствием готовилась к началу каждого следующего розыгрыша очка. Всем своим видом она словно говорила сопернице: «На удочку спешки я не попадусь, как бы ты ни старалась сокращать игровые перерывы необычно быстрой ходьбой по площадке, особенно при смене сторон, и преждевременным занятием позиций для подачи и ее приема».

А что если ответить ударом на удар? Такая мысль возникла у Морозовой, когда шквал укороченных ударов американки явно начал иссякать. Тутто и обнаружилось, что прием укороченных мячей для Грабб — дело нелегкое. Он отнимает у спортсменки энергию, делает свинцовыми ноги, лишает быстроты. Одним словом, посеяла американка ветер, а пожала бурю. Укороченные удары Морозовой окончательно вывели ее из равновесия. В последнем гейме она уже ничего не могла противопоставить москвичке.

Теперь впереди у Морозовой оставался второй матч с Пиджен — финал Бекнемского турнира девушек, собравшего в тот год 48 участниц — фактически весь цвет мирового тенниса в возрасте не старше 21 года. А где же были первые ракетки Австралии и Англии, чьи заслуги на мировой арене котируются весьма высоко? Они сложили оружие в матчах с москвичкой. «Теннисный кибернетик» говорил доверительно: «Быть Морозовой во главе заветной «десятки», если она победит в финальном матче».

Сохранить звание чемпиона труднее, чем его впервые завоевать, особенно если в финале встречаешься с прежним соперником,— об этом красноречиво свидетельствует спортивный опыт. Не всегда, конечно, это утверждение оправдывается на все сто процентов. Многое зависит от конкретного случая, соотношения сил. Финальный матч Морозовой с Пиджен в значительной мере напоминал ситуацию повторной борьбы за большую спортивную победу.

Рассмотрим этот матч в сравнении с предшествующим поединком тех же соперниц. Я уверен, что тому, кто видел только молодежный финал, было бы очень трудно докопаться до причин поражения москвички. Познать истину можно было только в сравнении. Внешне, казалось, ничего не изменилось. Остронападающая тактика, мощные подачи, стремительные выходы к сетке, быстрые броски за трудными мячами — все это, помноженное еще на так и бьющие в глаза уверенность и смелость, вызывало у зрителей бурное одобрение. Что и говорить, такую игру увидишь не так уж часто!

Очевидцы матча, я уверен, посмотрели бы косо на того, кто попытался бы уличить Морозову в психологических слабостях. И все же... Вот москвичка с завидной уверенностью вышла к сетке. В ответ — острый удар по линии. И здесь следует то, что с уверенностью можно назвать фигурой высшего пилотажа,— недосягаемый косой удар с лёта вдоль сетки с очень тонким, как бы ювелирным движением кисти. Но такие удары были в... первом матче. А теперь? Спортсменка отражает мяч четким длинным ударом, в котором проглядывает, казалось бы, прежняя уверенность. Иногда Морозова выигрывает очко повторным ударом с лёта, другой раз соперница ошибется, а иногда и обведет москвичку. В первом же матче все становилось ясным сразу —

американка отразить мяч была не в силах.

В приеме подачи, казалось, наша теннисистка добилась даже большей стабильности, чем в первой встрече. Во всяком случае, количество ошибок несколько сократилось. Но какой дорогой ценой это было достигнуто! Создавалось впечатление, что спортсменка нашла в этом матче лишь один, оптимально-средний по силе, вариант ответа на подачу. Вспомните: в первом матче немало очков она набрала неожиданно сильными и неожиданно мягкими ударами.

Не один раз зрители награждали москвичку бурными аплодисментами за неотразимые выстрелы при подачах. И все же сопернице в каждом из трех напряженнейших сетов удавалось записывать в свой актив геймы на подаче нашей теннисистки.

В игре американки есть одна примечательная особенность: во время приема второй подачи она старается при первой возможности забежать под свой сильнейший удар справа. Такие попытки она предпринимала в обоих матчах. Но как реагировала на них Морозова? В первом — она их пресекала смело и решительно. Стоило Пиджен начать движение в сторону своего излюбленного удара, как мяч быстро направлялся в открытое место и очко выигрывалось немедленно. Во второй же встрече Морозова уже не рисковала — подача нацеливалась, как правило, под слабейший удар соперницы, но это нередко открывало ей возможности «обходить» нелюбимый удар.

Неужели все эти «новшества» были чем-то специально задуманным? Нет! Они составляли не что иное, как проявление некоторых отрицательных особенностей психологического состояния спортсменки в соревновании.

Стоило ей чуть снизить технико-тактическое разнообразие, отказаться от «хитрых» по исполнению ударов, ослабить действие фактора неожиданности, как соотношение сил сразу изменилось. Да, для «тонких вариантов» необходима безупречная уверенность, отличное психическое состояние. А они-то и оказались чуть пораженными бациллами психологической неуравновешенности, едва ли распознаваемой со стороны.

До самого конца встречи трудно было назвать победительницу. Лишь в двух последних геймах решающей партии чаша весов окончательно склонилась в пользу американки. И я уверен, не будь у Морозовой обидного психологического сбива, победа оказалась бы на ее стороне.

«Ничья в Бекнеме» — так назвал в газетной статье спор между главными претендентками на ведущее место в молодежной десятке ее составитель Б. Харрис.

Теперь многое зависело от результатов международного первенства Лондона. Но жеребьевка на этот раз развела спортсменок. Задача Харриса явно усложнилась. Ему пришлось накапливать данные «боевых характеристик» спортсменок в сражениях с другими соперницами. Расскажу только о двух матчах Морозовой, которые, пожалуй, и определили ее место в десятке.

Отличной победой над одной из сильнейших теннисисток Австралии К. Кранцке москвичка внесла весьма солидный вклад в укрепление собственного авторитета. Австралийская спортсменка не раз вместе со своими именитыми соотечественницами М. Смит-Корт и Л. Тернер-Боурей завоевывала высший на планете командный трофей женского тенниса — Кубок ИЛТФ. Ее наградили прозвищем, которое на русском языке означает «здоровяк». Высоким ростом и нападающей силовой игрой Кранцке полностью оправдывает это прозвище. Морозова

играла с ней так же, как и в первом матче с Пиджен,— мощно, остро и одновременно тонко и хитро.

Победа над австралийкой вывела Морозову в четвертьфинал турнира. Это было уже неплохо, если учесть огромный авторитет соревнования и сильный состав его участников. Впереди предстоял матч с самой А. Хейдон-Джонс — первой ракеткой Англии и одной из лучших ракеток мирового профессионального тенниса, через две недели после встречи с Морозовой увенчанной лаврами победительницы Уимблдона.

Вообразим себя зрителями, для которых фамилии Хейдон-Джонс и Морозова абсолютно ничего не значат и которые впервые видят их игру. Кому из участниц встречи отдать предпочтение? Конечно, Морозовой! И не только потому, что она уже уверенно выиграла первую партию и ведет во второй 3 : 1. В ее игре больше блеска, разнообразия, атлетизма. Главный тренер по теннису Англии Д. Маскелл, обращаясь к С. Андрееву, разводит руками: «Я никогда не видел Хейдон-Джонс в таком жалком положении».

Что может остановить столь благоприятный для Морозовой ход игровых событий? Остается лишь в пятом ключевом гейме второго сета поставить точку: выиграть простой мяч у сетки и счет будет 4 : 1, а в следующем гейме подача Морозовой. Еще мгновение, и Морозова «убьет» мяч. И вдруг (вспомните слова Дмитриевой о матче с Сусман-Хантце), когда ракете оставалось до мяча каких-нибудь 15—20 сантиметров, произошло непредвиденное. Каким-то противоестественным движением Морозова умудряется направить мяч далеко «за». Когда же при следующем ударе с лёта слева у Морозовой «размягчилась» кисть и мяч не перелетел через сетку, мы с С. Андреевым поняли: надвигается недоброе.

То, что произошло дальше, вспоминается как тяжелый сон. У Морозовой «отказал» резаный удар слева, особенно при приеме подачи. Еще каких-нибудь несколько минут назад теннисистка свободно шла при этом ударе на мяч и четким как бы сопровождающим вперед движением с активным участием туловища посылала мяч низко над сеткой. Теперь же спортсменка оказалась не в ладу с руками и туловищем, словно они налились свинцом и стали препятствовать свободному ударному движению. Да и это движение само по себе стало излишне коротким, судорожным и направленным уж совсем сверху вниз. Создавалось впечатление, что теннисистка пытается выполнить сильный удар движением, характерным для мягкого укороченного удара. В результате мяч летел медленно, высоко над сеткой и поэтому часто становился легкой добычей англичанки. Из-за «размягчения» кисти при ударах слева у сетки мячи потеряли «смертоносную силу». Погрешности начались и при ударах справа по отскочившему мячу. Свободный вынос ракеты вперед с поворотом вперед туловища уступил место какому-то непонятному как бы черпательному движению одной рукой сразу на себя. И хотя «болезнетворные бактерии» поразили не все удары Морозовой (подача и удар над головой продолжали действовать безотказно), матч Морозова проиграла.

После матча «теннисный кибернетик» Харрис был в явной растерянности. К концу следующего дня он должен был обнародовать десятку, а ход встречи, видимо, вызвал у него сомнения в полной достоверности ранее накопленных данных. Убегая со стадиона, Харрис с таинственным видом бросил: «Клубок окончательно запутался. Мне, наверное, всю ночь придется подправлять «пищу» для машины!».

Но даже и машина оказалась бессильной дать преимущества какой-либо из теннисисток. Они примерно равны по результатам и перспективным данным — такое решение выдала машина. Так Морозова и Пиджен поделили первое и второе места в мировой десятке сильнейших девушек.

Над всеми пятью матчами москвички следует хорошенько задуматься. В трех из них — в первом с Пиджен, с Грабб и с Кранцке — Морозова была наглухо защищена от стрел с «психологическим ядом». В финале молодежного турнира стрела вонзилась в нее еще до матча, но «яд» был такой малой концентрации, что только пытливый взгляд специалиста мог распознать его пагубные последствия. А вот в последнем поединке стрела была пущена в самый разгар сражения, и реакция наступила мгновенно, так как доза «яда» оказалась «смертельной».

Как тут не вспомнить утверждение, что нет ничего сложнее и тоньше, чем психика человека. Добиваться в каждом матче безупречного психического состояния, «психической неуязвимости» — задача, прямо скажем, очень трудная. Но именно она лежит в основе психологической подготовки — самого сложного и наименее разработанного раздела системы тренировки теннисистов.

Многое в психологической подготовке зависит, конечно, от знания конкретных индивидуальных особенностей спортсмена, характерных именно для него психических реакций на различные соревновательные ситуации. Не зря говорят: хочешь научиться управлять собой — прежде всего познай самого себя. Психологическая неустойчивость проявляется по-разному у различных спортсменов и даже у одного и того же. И все же для каждого характерна более или менее постоянная реакция или группа реакций. Вот их-то и необходимо выявить, чтобы обрушиться на них со всей решительностью.

Попробуем сравнить Дмитриеву с Морозовой. У первой в решающие моменты больших матчей сбивалось дыхание, как будто кто-то стягивал ей горло веревкой и она утрачивала необходимую быстроту. С этой стороны Морозова фактически неуязвима — ее физическому состоянию в самых тяжелых матчах может позавидовать каждый. Однако для той и другой характерна «психологическая уязвимость» техники, правда, при разных ударах. У Дмитриевой «пропадала» обычно подача, у Морозовой — прежде всего удары слева как по отскочившему мячу, так и с лёта. Было время, когда и у Морозовой самым неустойчивым ударом была подача. Однако этот недуг ей удалось в значительной мере преодолеть. У ряда теннисисток психологические слабости выражаются в боязни играть активно в трудные минуты борьбы. Это чуждо и Дмитриевой и Морозовой — в этом их сила.

А способен ли спортсмен всегда управлять своим психическим состоянием? В принципе, видимо, да. Но здесь много еще неизведанного, неясного. Как свидетельствуют научные данные, за психологическими слабостями стоят определенные особенности нервной системы. Сошлюсь на интересные в этом отношении материалы проведенного нами психологического эксперимента.

Ведущие теннисисты были разбиты на три группы. В первую вошли те, у кого резко выраженные отрицательные психические состояния вообще не наблюдаются, во вторую — спортсмены с редким их проявлением, и, наконец, в третьей оказались игроки с частыми психологическими срывами. Всем спортсменам давалось одно и то же задание: в специальной карточке произвести как можно быстрее пятна-

дцать арифметических подсчетов. Фиксировалось время, за которое испытуемый успевал выполнить задание. Работа производилась в изолированной комнате, сначала в условиях полной тишины.

Второй этап эксперимента проводился в сложных условиях, с проверкой «помехоустойчивости» нервной системы. Испытуемый работал в шлеме с наушниками, куда непрерывно поступали «визжащая» музыка и различные шумовые эффекты, напоминающие по звуку выстрелы, резкие звонки, удары гонга. Задание оставалось тем же.

Что же показало сравнение работоспособности в простых и сложных условиях? У всех теннисистов без исключения «производительность труда» снизилась и время выполнения задания увеличилось. Но на сколько? Здесь-то и выявились индивидуальные различия и очень интересная общая особенность. Самыми стойкими оказались представители первой группы. Скорость их подсчетов снизилась сравнительно немного. А вот большинство представителей двух других групп, особенно третьей, сдали свои позиции значительно заметнее.

Как видите, у теннисистов с устойчивой нервной системой и в лабораторных условиях был более высокий уровень «помехоустойчивости». Это, надо предполагать, служит одним из подтверждений зависимости психологических сбивов в соревновании от определенных особенностей нервной системы. Как повлиять на эти особенности и уменьшить их значение? На этот сложный вопрос и должна ответить психологическая подготовка. Опытные спортсмены нередко находят различные индивидуальные приемы управления своим состоянием. Но удается это далеко не всем и не во всех матчах. Озеров, например, отмечает, что он в тяжелые минуты матча буквально «забивал» свою голову «боевыми словами», мобилизующими его на смелые атакующие действия, и они, в свою очередь, способствовали психологическому подъему.

Сейчас в нашей стране и за рубежом развертывается большая научная работа по изучению у спортсменов психических состояний и методов их регулировки. Сектор психологии спорта Всесоюзного научно-исследовательского института физической культуры уже разработал первые предложения по «психорегулирующей тренировке», в основе которой лежат оригинальные варианты метода самовнушения. Они, видимо, могут оказать большую помощь и теннисистам. Научная работа по психологической подготовке в теннисе сейчас только начинает развертываться. Но спортсмены не могут пассивно ждать ее результатов. В их руках и сейчас имеются определенные возможности. Чтобы использовать эти возможности, очень важно знать, в чем заключаются отрицательные психологические реакции и под влиянием каких ситуаций они возникают. Сошлюсь на интересный опыт той же Ольги Морозовой.

Несколько лет назад у спортсменки разладилась подача. В тренировке все было хорошо. Но как только дело доходило до ответственных соревнований, так двойные ошибки сыпались как из рога изобилия. При второй подаче настолько нарушалась привычная координация движений (особенно подброс мяча), что казалось, подачу выполняет совсем неумелая теннисистка.

Теннисистке немало досталось и от тренеров и от журналистов, отмечавших ее недостаток, и тогда решили использовать особый психологический ход.

...Одна из тренировок Морозовой перед вылетом в Англию. Теплякова,

подойдя к теннисистке, как бы невзначай заметила: «Оля, ты здорово стала подавать, куда только девались прежние ошибки?». Спортсменка даже застыла в недоумении. Раньше в ее подаче подчеркивали только недостатки, а тут вдруг необычная похвала. Теплякова несколькими словами пояснила, что́ конкретно хорошего было в ее подаче. И в заключение посоветовала: попробуй концентрировать внимание на положительных элементах, а недостатки пока забудь.

Что же чувствовала спортсменка в момент сбивов подачи в соревнованиях, какие тревожные мысли лезли ей в голову в тяжелые минуты — эти вопросы Теплякова уточнила в беседе с Морозовой после тренировки.

Дело было все в том же злополучном «постороннем» голосе, взывающем не ошибиться, бить только наверняка, ослабляющем уверенность и ощущение движения.

Что сделать, чтобы эти разрушающие мысли не появлялись, какими контрсловами их можно вытеснить? А может быть, попробовать просто не оставлять им места в сознании с помощью своеобразного программирования мысли в эти ответственные моменты? Спортсменке дан был совет: в тренировке вырабатывать при подаче привычку повторять про себя уверенно и подбадривающе: «Сильнее и вперед!», «Сильнее и вперед!». Эти слова были взяты не случайно. Они как бы предостерегали от главных недостатков, так как спортсменка в критические минуты ослабляла подачу и выполняла ее при движениях, направленных вниз, вместо того, чтобы нацеливать их вперед. Прошло несколько дней, и Морозова сама отмечала улучшения в подаче.

Перед официальными соревнованиями Морозова сыграла в Англии две тренировочные встречи с зарубежными теннисистками, в которых старалась закрепить подачу с установленным самоприказом. Представляете себе нашу тревогу, когда официальный матч начался сразу с двух двойных ошибок на подаче Морозовой. Неужели опять повторится стойкий сбив удара?

— Не обращай внимания на случайные ошибки, подача у тебя по движениям хорошая! — Эти слова тренера подбодрили теннисистку. В дальнейшем весь матч прошел без явных срывов.

Так начался путь устранения москвичкой психологических слабостей, влияющих на подачу. Ей удалось стабилизировать крайне важный прием техники, и сейчас ее подача считается среди женщин одной из лучших в мире. Правда, в отдельных матчах все еще бывают незначительные рецидивы старой болезни, но их никак нельзя сравнить с тем, что было раньше.

Читатели, наверное, уже задумались над вопросом: почему это автор взял да от Дмитриевой перескочил сразу к Морозовой, разве между ними и вместе с ними не было Бакшеевой? Таким необычным ходом рассказа я просто хотел подчеркнуть известную схожесть начального спортивного пути и некоторых психологических особенностей Дмитриевой и Морозовой. К тому же о наиболее обидных уроках принято обычно говорить в конце. А спортивная судьба Бакшеевой — это, если говорить откровенно, горький урок для всех.

«Помилуйте!» — скажут те, кто знаком со спортивными результатами Бакшеевой. Многократная чемпионка СССР в одиночных и парных разрядах, победительница ряда международных соревнований, игравшая почти на равных с первыми ракетками мира. Разве этого мало?

Все зависит от уровня требований к спортсменке, от ее возможностей.

Дмитриева и Морозова в 13 лет ходили в «рядовых». Бакшеева в этом возрасте была уже подающей большие надежды. Все сходились в одном: такой способной к теннису девочки у нас еще не было. Техника ей давалась довольно легко. Боевитый характер открывал самые благоприятные возможности для активной, смелой игры. И Бакшеева росла не по дням, а по часам. Два года подряд она побеждала в Уимблдонских турнирах девушек. В мировой десятке наиболее перспективных молодых теннисисток специалисты ставили ее на второе место. По сравнению с Дмитриевой у киевлянки было важное преимущество: в больших матчах она значительно меньше подвергалась влиянию сбивающих психологических факторов. Все шло к тому, что быть ей одной из первых теннисисток мира.

Правда, сомнения имелись и тогда. Хватит ли трудолюбия, воли для систематической, упорной тренировки. Ведь чем дальше взбираешься на теннисный Олимп, тем все труднее и труднее с каждым новым шагом. И хватит ли вообще сил, чтобы преодолеть последние рубежи к вершине? Бакшеева, как мне кажется, рассчитывала преодолеть эти рубежи легко, как бы с наскока, свято уверовав лишь в свой талант.

Но такой путь явно не имел перспективы. Только огромный труд, творческий и упорный, мог вывести ее к вершине. Этого, к сожалению, спортсменка не понимала. Мешал ей и очень сложный, противоречивый характер. «Характер мой — враг мой» — эта поговорка как нельзя кстати подходит к спортсменке. Окружающие Бакшееву часто ее не понимали, а она, в свою очередь, не понимала их.

Иметь все и этим всем так обидно пренебречь! Уж у кого как не у Бакшеевой имелись все возможности. Только упорно тренируйся и дерзай. А именно этого труда и дерзания спортсменке недоставало. Здесь можно привести стандартное объяснение: таланту, мол, не хватило трудолюбия. Но это — простая фиксация болезни. А ведь главное вскрыть причины, порождающие ее.

Я стремился в них проникнуть. Иногда мне казалось, что я близок к цели. Но, как ни странно, чем дальше, тем больше и больше я понимал, что главное в чем-то другом. Многим моим коллегам, да и мне самому, сначала все представлялось довольно простым: девушка избалована, с нее мало требовали. Стоит ее «проработать» несколько раз на различных собраниях, остро покритиковать, и все станет на свое место. Были и собрания и большой заряд критики. Но, увы! Обнадеживающих результатов не было. И если вы меня спросите, почему именно в тот самый момент, когда перед спортсменкой открывалась как никогда интересная перспектива, в частности возможность выступать в крупнейших мировых соревнованиях, со стороны спортсменки не было самого необходимого — трудолюбия, я отвечу откровенно: «Не знаю, в моем распоряжении только отдельные предположения, но в них я до конца не уверен».

Мой ответ может вызвать у читателей удивление. Как это так: девушка у всех на глазах, на нее пытается повлиять большой коллектив тренеров и спортсменов, а она остается «неподдающейся»? Раскрыть истинные причины этого парадоксального явления можно, видимо, только при глубоком проникновении в психику спортсменки, в узкие лабиринты ее своеобразного характера. А этого как раз сделать не удалось.

Поймите меня правильно, я не против собраний и самой острой критики. Одного спортсмена бывает достаточно немного «проработать», и все стано-

вится на свои места. Примером же с Бакшеевой я хочу подчеркнуть другое: без глубокого проникновения в психику человека, выявления возбудителей недугов характера, обычно очень трудно, а иногда и просто невозможно эти недуги победить.

Здесь я хочу привести одно сравнение. Вам наверняка доводилось смотреть кинокартины с самыми различными вариантами концовки событий. Но совсем разные по содержанию фильмы нередко объединяет один и тот же авторский почерк их завершения. Вы остро переживаете за героев и с волнением ожидаете финала. И вот наконец наступает развязка — радостная или, наоборот, очень грустная, тяжелая. Авторы фильма словно ставят в конце повествования точку. И зрителям все становится ясно в судьбе героев, хотя они, весьма вероятно, еще довольно долго будут переживать события фильма.

Но немало картин совершенно других. Посмотришь фильм, и кажется, что у него нет конца. Чем завершатся главные события, какова судьба героя — на эти вопросы авторы не дают прямого ответа. Они как бы приглашают зрителей самим додумать дальнейший ход событий, будят их мысль, призывают самим искать ответы на поставленные в фильме вопросы.

Вот и я сравниваю такие фильмы с рассказом о Бакшеевой. Пусть читатели сами попробуют поразмыслить над так и не раскрытыми до конца особенностями характера талантливой спортсменки. Если читатель работает тренером, мой призыв, быть может, натолкнет его на более глубокий подход к психологической подготовке его подопечных, если он теннисист — поможет проникнуть в узкие, нередко труднопроходимые лабиринты собственной психики.

А чтобы дать читателям дополнительный материал для раздумий, я хочу поделиться еще одним из своих впечатлений. Когда я наблюдаю за игрой Бакшеевой, мне начинает казаться, что существует не одна Бакшеева, а две. Когда спортсменке удастся обуздать себя, взять в руки, словно отладить управление собой, она играет просто здорово. И ею можно любоваться.

Но бывает на площадке и другая Бакшеева — вялая, безразличная или, наоборот, раздраженная, бурная, выражающая неудовлетворенность собственными действиями. И кажется, что она никак не может мобилизовать все силы своего характера на спортивную борьбу. Но почему? Может быть, эти силы еще не окрепли, так как на пути теннисистки было мало трудностей, закаляющих характер?

Трагедия таланта! Иначе не назовешь спортивную судьбу Бакшеевой. Любой талант — это не только счастливая находка, но и большая потенциальная опасность. И если талант, как драгоценный камень, не получит жесткой оправы, оправы трудолюбия, блеск его может постепенно потускнеть. Для расцвета таланта необходимо создавать соответствующие условия. Но никогда не путем устранения с его пути трудностей. Этого никак нельзя забывать.

Неужели так обидно погаснет для большого тенниса талант Галины Бакшеевой? Может быть, еще не все упущено? Ведь молодость еще не прошла!

А кому передаст чемпионскую эстафету Ольга Морозова? Пока это еще загадка. Хотя, мне кажется, эту эстафету уже приняла группа девочек 12—13 лет.

Вообразите, что мы с вами на I Всесоюзном смотре-конкурсе юных теннисистов, который был проведен в конце 1969 года. Перед нами весь цвет детского тенниса, посланцы всех союзных республик. Строгая комиссия про-

веряет технику каждого. Проверяет в имитационных упражнениях, у тренировочной стенки, наконец, на площадке. «Закваска» ребят видна сразу. Вот на середину зала выходят москвичка Наташа Чмырева и свердловчанка Люда Макарова. В зале, а там присутствовало около восьмидесяти тренеров, участников научно-методической конференции, заметное оживление. Подача у двенадцатилетних девчушек под стать мальчишеской, в движениях чувствуется хорошая школа, удары с лёта выполняются с завидной уверенностью, удар над головой в прыжке — камень преткновения многих зрелых теннисисток — для них нечто совершенно естественное, привычное. Оценка за технику — отличная.

К сожалению, были на смотре и юные теннисистки старой формации. Их бесперспективность для современного тенниса стала особенно ясна в контрольных соревнованиях, а ведь они разыгрывались по несколько необычным правилам. Эти правила не только нацеливали на активную игру, но и особым образом ее поощряли: подающей строго предписывалось не менее двух раз в каждом гейме выйти после подачи к сетке, и за чистый выигрыш мяча ударом с лёта сразу насчитывалось двойное количество очков. Тут-то сразу и выяснилось, кто на что способен. Теннисистки, придерживающиеся старой школы, оказались явно слабее своих соперниц.

Что же касается лучших, а победителями I Всесоюзного смотра-конкурса среди девочек стали уже знакомые нам Чмырева и Макарова, то они своими довольно техничными действиями, смелыми выходами к сетке, нападающей подачей еще раз подтвердили: активная атлетическая игра доступна даже двенадцатилетним девочкам.

Может быть, чемпионская эстафета от Дмитриевой, Бакшеевой, Морозовой перейдет в дальнейшем к этим двум юным спортсменкам. Пока еще это утверждать преждевременно. Какими они станут в зрелые годы, как проявят себя в жестокой соревновательной борьбе, выдержат ли тяжелые матчевые испытания их нервная система? От этого и от многого другого будет зависеть их спортивная судьба. Но одно ясно: будущее за теннисистками — атлетами с активной и разнообразной игрой. Именно им должны передать чемпионскую эстафету представительницы нынешнего поколения.

Так совпало, что данную главу я заканчивал в день 8 марта. И он, не скрою, подсказал мне ее концовку. Этот праздник — день поздравлений и пожеланий. И как я в назидание потомкам ни сгущал временами краски в оценке игры наших теннисисток, все же многих из них можно поздравить: представительницы слабого пола стали за последнее время сильнее и сделали первые, хотя пока еще скромные, успехи в освоении передовой техники и тактики.

А не обидятся ли на меня женщины за то, что я их все время называю «слабым полом»? Есть же у женщин и другое, куда более привлекательное, название — «прекрасный пол». На возможный упрек я отвечу словами пожелания: пусть наши теннисистки своей атлетической, наступательной игрой всегда будут под стать мужчинам, и тогда их «теннисный пол» всегда будут называть только «прекрасным».

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ШКОЛА ТАКТИКИ

Лицо Тепляковой сияло безграничной радостью. С присущим ей темпераментом она рассказывала о теннисных событиях, произошедших в конце июля 1968 года в небольшом французском городке Туке. Юные советские теннисистки впервые участвовали в молодежном первенстве Европы — Кубке Суабо — и сразу же стали победительницами! Радовал не только сам факт победы нашей «рабочей команды» (так назвала дружный коллектив наших девушек французская пресса, так как все они были из семей рабочих). Приятна была и высокая оценка игры победительниц журналистами и капитанами ведущих команд. Капитаны в один голос утверждали: победа советских спортсменок не случайна, она результат формирования в СССР передовой теннисной школы.

Кто же были эти капитаны? Ж. Кермеци (Венгрия), В. Пужейова-Сукова (Чехословакия), де ля Курти (Франция). Этих спортсменок, а ныне тренеров знает весь теннисный мир. В прошлом — они чемпионки своих стран, а первые двое к тому же входили в десятку сильнейших теннисисток мира. К мнению венгерки и чешки нельзя было не прислушаться с особым вниманием.

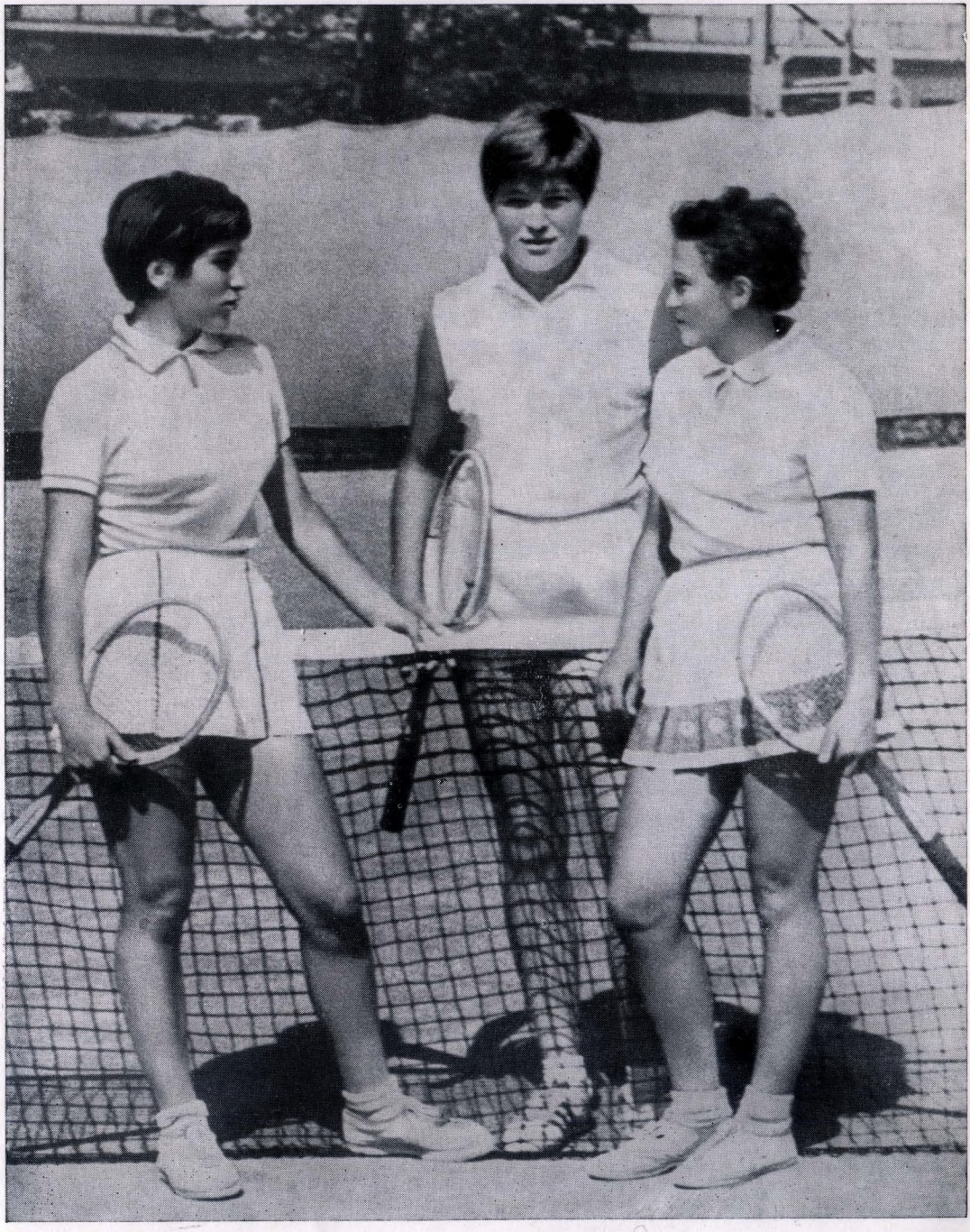
Ж. Кермеци и В. Пужейова-Сукова — первые зарубежные теннисистки, с которыми померились силами наши спортсменки в послевоенное время, и кому как не им судить, каким был и каким стал наш теннис.

Много похвальных слов в адрес советской команды сказала и де ля Курти.

«Беда нашего женского тенниса в отсутствии школы,— говорила Тепляковой капитан французских спортсменок.— Каждая играет по-своему, и никто не придерживается передового наступательного стиля. Плохим примером может служить и наша молодежная команда, выступающая в Кубке Суабо. В вашей стране другое дело. Пусть ваши теннисистки не стали еще первыми ракетками мира. Но в их игре и подготовке проглядывает определенная школа. Раньше Дмитриева и Бакшеева, а теперь Морозова и Исланова заметно выделяются своим хорошим стилем игры».

На моей памяти многочисленные беседы с зарубежными специалистами о «тайнах» быстрых успехов советских теннисистов на международной арене, особенно разговоры с теми, кто побывал у нас в стране и познакомился с игрой широкого круга спортсменов. Вот, к примеру, мнение вице-президента Федерации тенниса Австралии

В 1968 году наши теннисистки дебютировали в розыгрыше Кубка Суабо — неофициальном чемпионате Европы среди девушек — и трижды с того времени завоевывали почетные трофеи сильнейшей европейской молодежной команды. На фотоснимке первые наши чемпионки О. Морозова, Р. Исланова и А. Еремеева

Н. Янга, свидетеля сражений наших теннисистов на IV Спартакиаде народов СССР: «Вы опередили по качеству игры многие страны, где теннис развит гораздо шире, чем у вас. Я уверен, что основная причина этого не составляет тайны. Просто вы много работали над созданием передовой школы».

А ведь действительно, если проанализировать наши внутренние «трудности роста», то многие из них можно назвать не иначе как «борьба за передовую школу игры». И не удивляйтесь слову «борьба». Было немало непримиримых споров, обид и даже «жертв». Ведь не один раз спортсмены, не получившие «удостоверения» атлета и приверженца активной игры, отстранялись от соревнований, хотя по спортивным результатам нередко превосходили допущенных к ним.

Тактическая школа игры опирается на единство теории и практики. Ее в известной мере можно сравнить с научно разработанной системой производства, выпускающего продукцию определенного количества и качества. Продукция тактической школы — вооруженные определенной тактикой теннисисты с соответствующей технической, физической и психологической подготовленностью, позволяющей эту тактику успешно использовать. Развитие же отечественной школы тактики должно быть нацелено на глубокую разработку теоретических основ школы и их успешную реализацию в спортивно-педагогической практике, то есть направлено на массовый выпуск высококачественной «теннисной продукции».

Пока еще наша школа в стадии становления на всех трех главных участках: теоретическом, качественном и количественном. И все же, я уверен, на первом участке мы достигли несколько большего. В известной мере это закономерно. Ведь нередко теория опережает практику. Да и во многих случаях бывает так, что легче выдвинуть и обосновать идеи, чем их практически реализовать.

Допустим, удалось разработать и обосновать новые, более эффективные, варианты тактики. Все специалисты сходятся в одном: новинку надо взять на вооружение. Однако сделать это сразу — дело нелегкое, а иногда и просто невозможное. Понадобится время для соответствующей «подгонки» техники, опробования новых вариантов в тренировке, контрольных встречах, менее значимых соревнованиях. А нередко возникает необходимость даже в развитии специальных физических качеств. И я убежден, что рост мастерства наших теннисистов заметно ускорится, как только в тактике и тактической подготовке будет достигнуто единство теории и практики.

Чем же отличается отечественная школа тактики, каковы ее главные «черты характера»?

Основные вопросы, входящие в характеристику школы: определение тактики, задачи и принципы школы, условия практической реализации этих принципов в игре и системе тренировки. Разбор этих вопросов и позволит нам определить направление, в котором должна развиваться отечественная школа тактики.

В предлагаемой читателям главе нет детального разбора тактических рецептов, как действовать спортсмену в каждом отдельном случае. Здесь разбираются вопросы, которые можно назвать «главными из главных».

В ОПРЕДЕЛЕНИИ — СУТЬ ПОДХОДА

Кто в нашей стране не знает имени замечательного ученого И. В. Курчатова! В одном из своих выступлений, посвященных перспективам научных ис-

следований, он высказал такую мысль: «Каждая новая научная дисциплина начинается со своего собственного определения». Какое же отношение эти слова выдающегося физика имеют к разбираемой нами проблеме тактики тенниса? Прямой связи, конечно, нет. Но они — хороший ориентир в определении правильного подхода к проблеме и разработке ее главных установок. Ведь нельзя серьезно говорить о тактике, а тем более разрабатывать ее руководящие установки, не дав ей определение, не установив, что же следует понимать под самим термином «тактика».

В одном из зарубежных руководств по теннису сказано: тактика — это совокупность комбинаций ударов. Если встать на такую точку зрения, то выходит, что все должно свестись к обоснованию комбинаций ударов и выработке методики их освоения и совершенствования. Но разве можно пойти по такому узкому, более того, примитивному пути, недооценивающему различные стороны спортивной борьбы. Спору нет, комбинации ударов — это «кирпичики» тактики. Но ведь солидное «здание», каким является тактика, состоит не только из них. Вспомните хотя бы перелистанные в предыдущих главах страницы истории поучительных поражений и первых побед наших теннисистов на международной арене. Они неопровержимо свидетельствуют: соревнование теннисистов — это жестокая схватка характеров, суровое испытание воли, сражение интеллектов, многогранная и сложная психологическая борьба, в которой используется самое различное теннисное «оружие».

Как вы помните, исход многих поединков определялся еле заметным прорывом лишь в каком-то одном игровом звене. Причем чем сильнее оказывались соперники, тем все большее значение приобретали наиболее тонкие и нередко еле заметные нюансы матчевых схваток. Поэтому тактика должна охватывать все стороны «боевого соприкосновения» соперников и предусматривать установку: всему тому, что делает игрок в соревновании, необходимо придать строго определенный тактический смысл и все оценивать с точки зрения тактического эффекта. Например, теннисист во время матча оказался во власти бурных эмоций раздражения. Это не только признак слабости воли, отсутствия необходимой выдержки, но и пример собственного, если можно так выразиться, тактического обкрадывания, передачи тактического оружия в руки соперника.

Теперь, я думаю, самый подходящий момент дать определение тактике. Ведь читатель в достаточной мере уже познакомился с подходом к проблеме.

Тактика — это нацеленная на достижение победы система игровых действий и соревновательного поведения спортсмена.

В этом определении обратите внимание на два момента. И прежде всего на «слово» система. Оно сейчас — одно из самых распространенных и популярных, особенно в науке. Использование его в нашем определении — это не дань моде, а желание подчеркнуть главное. Казалось бы, тактику можно рассматривать как совокупность действий. Но тогда в определении отсутствовало бы самое существенное, что отмечает высокое искусство спортивной борьбы,— подчиненность всех действий единому замыслу, объединение их в единое целое, в котором все стороны «боевого соприкосновения» находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Беда немалого числа теннисистов заключается в отсутствии системы в их игре. Бесспорно, любая тактика подразумевает совокупность действий. Но в одном случае эта совокупность поднимается до уровня строй-

ной системы, а в другом — ограничивается только попытками находить правильные тактические решения по ходу игры, как говорится, плавая по воле волн.

Приведенное определение как раз и нацеливает на вооружение теннисиста тактикой, представляющей собой стройную, единую систему действий.

Вторая важная особенность определения — это признание «прав гражданства» за двумя видами действий: чисто игровыми действиями и действиями так называемого соревновательного поведения, а следовательно, и необходимость рассматривать каждый из них как часть единой системы.

Что же это за таинственные действия соревновательного поведения? Со многими из них читатель уже познакомился в главе «Поражения учат». Здесь я хочу привести лишь еще три примера таких действий.

...Ртутный столбик, нагретый жаркими лучами тбилисского солнца, показывал в тени далеко за тридцать. А марафонский матч длился уже более трех часов. Но как ни странно, оба соперника держались бодро. Бравый вид одного можно было объяснить просто: он был коренным южанином и с детства привык к палящим лучам солнца. А вот для его соперника, обитателя северной части страны, нестерпимая жара должна была стать злейшим врагом.

Наконец соперники сошлись у сетки и пожали друг другу руки. Но не прошло и каких-то нескольких секунд, как «северянин» буквально рухнул на стол у судейской вышки и, закрыв лицо полотенцем, стал глотать воздух словно рыба, выброшенная на берег. Через несколько минут он с трудом поднялся и какой-то неестественной походкой направился в раздевалку. Под душем он мылся сидя.

«В этом матче меня одолевала смертельная усталость, но я понимал: самое главное — это скрыть усталость от соперника. Ведь если бы мне это сделать не удалось, то он сразу бы изменил тактику игры и тогда мне бы был конец»,— рассказывал после радующийся своей победе «северянин».

«Моя бодрость была наигранной, временами у меня буквально подкашивались ноги и казалось, что я вот-вот упаду. Но я себя пересиливал и старался показать сопернику, что я «бодр и весел». Когда мы менялись сторонами, я «замораживал» свое дыхание, как ни в чем не бывало, заглядывал сопернику в глаза и старался ему внушить: ни колоссальная нагрузка, ни нестерпимая жара на меня не действуют. Однако как только я выходил из «поля зрения» соперника, так тотчас же начинал глубокими вдохами и энергичными выдохами «уравновешивать» свое дыхание»,— так закончил свой рассказ спортсмен.

Вот вам яркий пример того, как определенная линия соревновательного поведения в руках искусного тактика с сильной волей превращается в очень важное тактическое оружие.

...В равной, длительной и очень напряженной борьбе прошли первые две партии матча австралийца Т. Роча и американца М. Риссена на мягких грунтовых кортах Парижа. И хотя в каждой из них было по два сетбола в пользу американца, победил в обеих партиях австралиец, игравший более цепко и тактически тонко. Но в третьей партии уверенно повел американец — 4 : 0. Его соперник выглядел совсем усталым. В тот день эта была вторая одиночная встреча Роча, так как утром около двух часов он доигрывал три партии матча, прерванного накануне из-за дождя. Казалось, австралиец потерял надежду наверстать упущенное в этой партии. Но всей своей игрой, построенной на сочетании длинных и коротких косых ударов с довольно ча-

стым, но неожиданным применением укороченных ударов, австралиец явно старался измотать своего соперника. В конце концов, партия досталась американцу.

Утомленными выглядели оба теннисиста. И все же все считали, что представитель Австралии, сыгравший в общей сложности шесть партий, каждая из которых завершилась со счетом не меньше чем 8 : 6, устал гораздо сильнее. Оба игрока подошли к судейской вышке, чтобы решить: продолжать поединок без перерыва или воспользоваться правом кратковременного отдыха. Американец предложил перерыв. Австралиец стоял в раздумье. Судья, уже было начавший слезать с вышки, застыл в ожидании. И вдруг Роч со всей решительностью в голосе неожиданно выпалил: «Играть так играть!».

Эти слова были произнесены словно боевой клич. С первых мячей австралиец ринулся в атаку, усталость его как рукой сняло, активной, темпераментной игрой и уверенным внешним видом он давал сопернику понять, что его линия поведения в конце третьей партии была тактической уловкой. На Риссена все происходящее произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Не прошло и двадцати пяти минут, как он был вынужден поздравить счастливого победителя.

После матча Роч рассказывал журналистам: «Я держался как артист и мне удалось перехитрить соперника, но в самый ответственный момент я все же не сдержался и, когда Риссен согласился играть без перерыва, расплылся в улыбке, но, к счастью, он ее не понял».

Вот вам два противоположных примера, две различные линии поведения. На тбилисских кортах теннисист искусно скрывал свою усталость. В парижском поединке игрок, наоборот, как бы выставлял ее напоказ. И в обоих случаях совершенно разные линии соревновательного поведения привели к успеху.

Последний пример несколько иного характера.

— Разве можно у него выиграть, если на моих матчболах он играет так, словно они не в мою, а в его пользу! — Такую реплику с досадой бросил эстонский теннисист П. Ламп, когда с поникшей головой уходил с площадки после проигрыша тбилисцу Т. Какулия.

А что же, собственно говоря, произошло? Нечто из рук вон выходящее: эстонец имел пятнадцать матчболов, но каждый раз соперник с неумолимой уверенностью, какой-то неповторимой лихостью блестяще отыгрывал роковые для него очки. Если бы вы вошли в зал в эти трагические моменты и не знали бы счета матча, то, бросив взгляд на тбилисца, я уверен, сделали бы такой вывод: инициатива в его руках, соперник же совсем близок к поражению.

А вот те, кто внимательно и проникновенно следили за действиями Какулия, в его внешнем виде могли прочесть такие дерзкие слова, обращенные к Лампу: «Ты выиграл много очков, но последнее тебе никогда не достанется, и, хотя я сейчас на волоске от поражения, все равно я, в конце концов, выиграю».

Теперь, я надеюсь, вы понимаете, что было причиной реплики эстонского мастера, который был побит не только чисто игровым, но и психологическим оружием.

Эти три примера из практики соревнований дают нам возможность сформулировать главные задачи соревновательного поведения.

Задачи эти таковы:

1. Оказывать психологическое давление на соперника всем своим уверенным и уравновешенным поведением

на площадке, выражающим непоколебимую волю к победе.

2. Не обнаруживать перед соперником утомление и нежелательные особенности психических состояний, скрывать за непроницаемой внешностью все то, что соперник может использовать в интересах своей тактики.

3. Вводить соперника в заблуждение и вызывать его тем самым на заведомо неэффективные действия путем использования тонких тактических уловок в линии соревновательного поведения.

Мы довольно подробно разобрали вторую особенность приведенного выше определения тактики. Она требует всестороннего и глубокого подхода к тактическим проблемам, использования передовой тактики как тонкого и сложного искусства, умения безотказно управлять своим поведением, психологически воздействовать на соперника, быстро и тонко разбираться в самых разнообразных психологических нюансах спортивной борьбы.

ПУТЕВОДНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Тактика связана с таким исключительно важным и сложным делом, как воспитание человека-спортсмена. Поэтому не удивляйтесь, если я первую задачу школы тактики назову воспитательной.

Известный советский тренер как-то сказал: «Одна тактика воспитывает труса, другая — смельчака». В этих словах, безусловно, есть доля преувеличения. Но в них заключен и глубокий смысл.

В состязании игровые качества спортсмена не только проявляются, но при определенных условиях и развиваются. Один теннисист от матча к матчу играет все активнее и смелее, наладает все увереннее и увереннее. Он упорно преодолевает боязнь риска, и разве все это не укрепляет его характер? Другой вновь и вновь робко защищается, действует нерешительно, не борется за инициативу, не старается преодолевать психологическую скованность. И значит, он все больше укрепляет себя в волевых слабостях.

Наша школа тактики должна быть нацелена на воспитание у теннисистов лучших качеств и черт характера, должна быть подчинена общим целям советской системы физического воспитания. В этом и заключается существо ее воспитательной направленности.

В арсенале необходимых достоинств спортсмена видное место занимают три группы качеств — волевые, интеллектуальные и физические. Они наиболее тесным образом связаны с тактикой и требуют развития до уровня «золотой пробы».

Какие же конкретно качества входят в каждую из трех групп?

Целеустремленность и настойчивость, активность и инициативность, смелость и решительность, выдержка и самообладание, способность к продолжительной концентрации внимания и психологическая устойчивость — вот волевые качества, которые позволяют использовать в игре передовую тактику и лимитируют тактические возможности теннисиста.

Еще в древности родилось утверждение, что полководец должен отличаться умом и сильной волей. Некоторые теоретики военного искусства сравнивали дарование полководца с квадратом, в котором ширина — воля, а длина — ум. Этим они хотели подчеркнуть необходимость своеобразного «равновесия» между обоими качествами. Теоретики утверждали, что полководец будет действовать мужественно, смело и решительно, но недостаточно умно, если его воля явно пре-

обладает над умом. При обратном же соотношении, несмотря на самые хорошие замыслы, в планах полководца может не хватить воли для их реализации. Как свидетельствует история, выдающиеся полководцы — это люди с наличием такого «равновесия».

А разве теннисист не должен быть похож в этом отношении на полководца? Да и путешествие в теннисную летопись неопровержимо доказывает, что ведущие позиции всегда принадлежали спортсменам с сильной волей и развитым тактическим интеллектом.

Вдумайтесь и в такие хорошие слова, также взятые из военной теории: интеллект — это основа искусства вести бой.

Отечественная школа тактики тенниса должна развивать и использовать в игре как сильную волю, так и следующие интеллектуальные качества: творческое, гибкое аналитическое мышление, способность мыслить смело и быстро, тактическую наблюдательность и интуицию, тактическое предвидение.

Теперь мы подошли к последней группе качеств — физических. Какая же связь между ними и школой тактики? Предельно тесная и прямая. Тактические возможности теннисиста всегда лимитированы его атлетической подготовкой, а совершенствование физических качеств эти возможности расширяет. Правильно говорят: какова физическая подготовленность спортсмена, такова и его тактика. Разве может, например, теннисист успешно использовать тактику «сеточного» нападения в матче с сильным соперником, если он не обладает быстрой реакцией и ловкостью? Всесторонняя физическая подготовка для использования передовой тактики — это все равно что воздух для человека.

Но и тактика оказывает обратное, причем не менее сильное, влияние на атлетические качества. Одна тактика стимулирует, более того, настоятельно требует их бурного развития; другая, наоборот, как бы консервирует их, не дает простора для проявления и совершенствования. Ведь, например, тактика однообразной игры только с задней линии «убивает» у теннисиста быструю реакцию и ловкость. Передовая же тактика словно говорит теннисисту: становись атлетом, и тогда ты сможешь взять меня на вооружение; чаще используй меня, и я сослужу тебе добрую службу в улучшении твоей физической подготовки.

Отечественная тактическая школа нацеливает на тактику, воплощающую в игре благородные идеалы атлетизма и одновременно стимулирующую совершенствование физических качеств.

Первая, воспитательная, задача школы тактики ведет в бой с недостатками, настоятельно требует всестороннего спортивного совершенствования. А раз она ведет в бой, значит, неизбежно столкновение с противником. Но кто этот таинственный противник, с какой стороны надо ждать его неожиданного коварного удара?

Консервативные взгляды на тактическую ориентацию, явно бесперспективный подход к тренировке, без решительной установки на освоение передовых вариантов тактики и облекающий спортсмена на застой ввиду индивидуальных слабостей,— вот этот злой и коварный противник. У такого противника обычно своя «теория», суть которой в утверждении, что тактика всецело зависит от индивидуальных особенностей теннисиста. Определите, мол, эти особенности как можно раньше, выявите слабости, недостатки, и вы сразу увидите, что вам по плечу. Для многих передовая тактика атлетической игры — это что синица в небе. Как знать, удастся ли ее когда-нибудь поймать. Так не лучше ли довольствовать-

ся более скромным, что доступно уже сейчас, и не требует «ломки натуры».

Если, например, вы не склонны к риску, вам недостает смелости и решительности, то доверьтесь спокойной игре с задней линии. В вас бьет темперамент, вам чуждо однообразие, вы любитель острых игровых ситуаций, тогда предпочитайте атаки у сетки.

Поймите меня правильно. Осуждение подобной «теории» — это не выпад против индивидуальности спортсмена и разнообразия в тактике. Отечественная школа тактики за яркую тактическую индивидуальность, но в игре передовой, перспективной. Наша школа нацеливает не на пассивную подгонку тактики под индивидуальные слабости теннисиста, а на всестороннее спортивное совершенствование, предусматривающее решительную ориентацию на все соответствующее лучшим мировым стандартам и прочно опирающееся на индивидуально сильные стороны спортсмена.

Любая школа тактики проверяется на полях сражений и оценивается в конечном итоге по спортивным победам. Нельзя же считать передовой школу, представители которой неизменно терпят поражение. Вторая задача отечественной тактической школы как раз и заключается в том, чтобы вооружить теннисиста наиболее эффективной, победоносной тактикой, позволяющей достигнуть вершин спортивного мастерства. Предвижу, что среди читателей могут найтись такие, которые, познакомившись с этой второй задачей, скажут: «Подумаешь, какая у нас там особая школа тактики? Вот австралийская и американская — это настоящие школы, так как их представители являются первыми ракетками мира. А у нас идеи хорошие, а вот результаты...».

Попробую ответить таким скептикам.

Наша школа в стадии становления, и нам нужно еще некоторое время. Но я убежден, что именно формирование своей, отечественной, школы тактики, развивающейся в строгом соответствии с задачами советской системы физического воспитания и воплощающей в игре лучшие качества советского спортсмена, составляет одно из основных условий становления нашей победоносной тактики.

К третьей задаче школы тактики подойдем как бы издалека. Вообразим себя на некоторое время скрупулезными статистиками и попытаемся выяснить зависимость посещаемости соревнований от особенностей игры фаворитов, направленности их тактики. В исторической летописи мы неожиданно для себя найдем даже финальные матчи личного первенства страны с редеющим числом зрителей на трибунах. Если бы на соревнованиях существовала книга жалоб и предложений, то в ней, я уверен, значительная часть зрителей оставила бы горькие слова разочарования за обиду, нанесенную им бесцветной игрой «полукачем». Пожелтевшие страницы летописи даже напомнят нам о нескольких мрачных годах «реакции», когда в решающих поединках господствовала, если выражаться футбольным языком, тактика «бетона» с ее погасшим наступательным порывом, явно снизившая популярность теннисных соревнований.

Давайте же поскорее перевернем эти серые страницы теннисной летописи. Ведь знакомство с ними так и тянет сказать: такое не должно повториться!

Перед нами исторические фотоснимки, запечатлевшие центральные корты в дни захватывающих финальных поединков. На трибунах яблоку упасть негде.

На одном из фотоснимков оба участника сошлись у сетки и крепко по-

жимают друг другу руки. Улыбка на лице и победителя и побежденного. А зрители? Возьмем увеличительное стекло и приглядимся к ним. Большинство стоя приветствуют виновников торжества. Их радостные лица, да и весь внешний вид с печатью бурных эмоций неопровержимо свидетельствуют: матч доставил им истинное удовольствие и они от души благодарны спортсменам. Журналист, привыкший описывать официальные торжественные церемонии, в этот момент записал бы в своем блокноте: «Бурные, долго несмолкающие аплодисменты!»

А не встречались ли нам иные фотоснимки финальных матчей на страницах теннисного архива? Вот одна из них. Тот же центральный корт, и у сетки финалисты, но на этот раз другой игровой формации: каждый пытался взять другого измором, не рисковал, не шел на обострение.

На лице победителя тоже улыбка. Но в ней и радость и необычная смущенность, будто новоявленный чемпион в чем-то провинился. У побежденного же лицо сумрачное. Весь его вид как будто свидетельствует: отмучился!

А зрители? В их спокойных лицах не прочтешь радости, удовольствия. Словно какая-то таинственная сила отняла у поклонников тенниса одно из самых драгоценных для человека богатств — эмоции. И те, кто аплодирует чемпиону, делают это как-то вяло, с почти опущенными руками.

В усталой позе судьи на вышке тоже нечто символическое. Рукой он, видимо, разминает себе шею. Попробуйте-ка бесчисленное множество раз мотать головой из стороны в сторону, следя за мячом, как за монотонно качающимся маятником!

Так, перелистывая страницу за страницей, вглядываясь в фотоснимки, мы придем к обобщающему выводу: кривая посещаемости финалов крупных соревнований имеет явную тенденцию к подъему в тех случаях, когда в матчах за золотые медали встречаются спортсмены-атлеты, играющие активно, разнообразно, тактически гибко.

Такие матчи — лучшая пропаганда спорта, его огромных возможностей воздействия как на людей активно им занимающихся, так и на тех, кто довольствуется скромной ролью зрителей, жаждущих получить от игры истинное удовольствие.

Не могу не удержаться, чтобы не привести слова писателя Ю. Трифонова. На страницах газеты «Советский спорт» он писал: «Теннис — спорт особый. Как никакой другой, он порождает фанатических приверженцев, вызывает любовь вековую, пожизненную. Может быть, это связано с тем, что в теннис, как и в шахматы, можно играть всю жизнь, в то время как в других видах спорта возраст очень скоро ставит преграды. А может быть, связано с особой, таинственной, красотой тенниса и с тем, что в этой игре, как ни в какой иной, остро и полно проявляются личность, характер, индивидуальность».

Но разве могут рождать любовь к теннису матчи «пассивного противостояния»? Они скорее оттолкнут от тенниса. Посмотрев несколько раз такие матчи и возвращаясь после них с понурой головой домой, неопытный зритель пробурчит: «За что его, собственно говоря, любить-то!».

Третью задачу отечественной школы тактики назовем пропагандистской. Суть ее: развивать тактику, которая способствует широкой пропаганде тенниса, его замечательных достоинств, привлекает захватывающей, творческой, активной игрой, рождает радостные эмоции и доставляет истинное эстетическое удовольствие, согревает жаром упорной борьбы, дает возмож-

ность проявиться личности во всей ее неповторимой красе.

Эта задача и две предыдущие не только словно путеводные звезды развития тактики и совершенствования спортсмена. Они в то же время и призывные сигналы для решительной борьбы со злым, непримиримым противником. И противник здесь некто иной, как бледная однообразная игра без искры творческой фантазии.

ПРИНЦИПЫ РАНГА НЕОТСТУПНЫХ ЗАКОНОВ

«Этот человек руководствуется в жизни твердыми принципами и поэтому пойдет далеко», «Нельзя разрешить эту проблему, не выработав принципиального подхода к ней», «Данная научная дисциплина будет быстро прогрессировать, так как удалось выявить и обосновать главные принципы ее развития» — с такими утверждениями мы обычно сталкиваемся в деловой обстановке, да и в обыденной жизни тоже. Главное во всех этих утверждениях — необходимость обоснованности поступков, наличия руководящих принципов, познание закономерностей, ухватившись за которые можно, как говорят, своротить гору.

А как же быть со школой тактики. Должна ли она иметь свои принципы. Безусловно. Какая же может быть школа без руководящих принципов! Ведь принципы школы тактики — это своего рода маяки, освещающие путь развития игры. Они и строгий критерий оценки тактики, и конкретные установки на то, как в общих чертах действовать спортсмену в соревнованиях и как к ним готовиться.

Основные принципы отечественной школы тактики: принцип активности, принцип гармоничности, принцип гибкости, принцип неожиданности.

Само название принципов говорит уже о многом. Реализовывать их в тактике — это, если выражаться предельно коротко, значит: играть активно, гармонично сочетать нападение с активной обороной, действовать планомерно и одновременно гибко и неожиданно, строго сообразуясь с соревновательной обстановкой и тактикой соперника.

После такой расшифровки все, казалось бы, сразу становится ясным. Только бери эти принципы на вооружение и рассчитывай на успех. Но не надо спешить! Ведь каждый из принципов — это не просто лозунг. Принципы требуют подробной расшифровки, анализа, обоснования, определения условий и путей практической реализации в игре и системе тренировки.

«Попробуйте только нас ослушаться! — угрожающе предупреждают принципы каждого спортсмена и тренера.— Мы сам закон!» При этом у принципов школы тактики по сравнению с юридическими законами есть одна очень важная особенность. Перед последними дети не в ответе. Другое дело принципы — законы школы тактики. Строгая ответственность перед ними действует с первых шагов обучения теннису, начиная с 7—8-летнего возраста. Будет, к примеру, формироваться маленький теннисист с психологией трусливого зайчишки, станет проявлять тенденции к «качу», и его тренера вместе с самим виновником надо решительно привлекать к «судебной ответственности», чтобы в зародыше пресечь тревожные тенденции. Конечно, если «преступник» совсем малолетний, больше ответственности на тренере. Но и самому, даже совсем крохотному, теннисисту нельзя давать скидку. Ведь на его вооружении уже должны быть хотя и самые элементарные, но передовые идейные установки в тактике.

«А не превращаются ли принципы при таком подходе к ним в нечто подобное тискам, лишающим спортсмена инициативы для проявления индивидуальных особенностей? Где же здесь свобода теннисной личности, неужто всем теннисистам следует играть одинаково и походить на близнецов?» — такой вопрос, я предвижу, может возникнуть у читателей. Здесь на помощь как раз и приходит одна из заповедей принципа гармоничности: общее и индивидуальное должно находиться в содружестве, составлять гармонию, индивидуальное должно подчиняться передовым тенденциям развития, а общее опираться на лучшее в индивидуальном и открывать индивидуальному широкий простор для проявления и совершенствования.

Однако в подходе к индивидуальности надо определить исходную позицию. Я уже не раз подчеркивал мысль, что выдающиеся теннисисты это, как правило, люди яркой, неповторимой индивидуальности. В чем же выражается такая индивидуальность? Прежде всего в наличии у спортсмена доведенных до самого высокого уровня мастерства элементов подготовленности, непревзойденных достоинств их волевого характера, использовании эффективного коронного игрового оружия. Словом, индивидуальность не в слабостях спортсмена, а в больших его достоинствах. И беда в том, что словом «индивидуальность» нередко прикрывают, словно ширмой, существенные недостатки. Обычно это делают спортсмены, которые в работе над собой не проявляют необходимого трудолюбия и усматривают в своих ошибках и недостатках некие индивидуальные особенности, а не тяжелые болезни, подлежащие радикальному лечению. Мне много раз приходилось встречать молодых спортсменов, пораженных этим недугом. Когда они мужали и приходил самый подходящий возраст для больших побед, наступало разочарование. Теннисисты сожалели, что своевременно не боролись с недостатками, и пытались наверстать упущенное, но было уже поздно — лучшие годы оказались потерянными.

Владимир Маяковский в одном из своих выступлений сказал: «Пусть будет больше поэтов — хороших и разных!». Обратите внимание на первое слово характеристики поэтов — «хороших». Ведь может быть и так: много разных, но мало хороших. К сожалению, второе нередко имеет место в нашем теннисе. И одна из главных причин здесь — в выпячивании кажущейся индивидуальности и забвении прогрессивного направления в развитии техники и тактики. Так что «разное» не безгранично, если иметь в виду достижение высоких результатов. Принципы тактической школы как раз и помогают это «разное» и индивидуальное направить по правильному, перспективному пути. Поэтому принципы не есть нечто злое, убивающее индивидуальные особенности. Они злы и безжалостны лишь к существенным недостаткам, с которыми надо решительно бороться, опираясь на все индивидуально сильное.

Теперь давайте разберем отдельно каждый из принципов.

Принцип активности. Активность — замечательная черта человеческого характера. Она же — черта «характера» и передовой тактической школы. Но что значит играть активно? Может быть, это слепая реализация шаблонной установки: сильно бить и бежать к сетке, а там что будет, то будет? Нет. Такая установка лишь девиз бездумных теннисистов.

Современный же теннис — игра «умная», психологически тонкая и разнообразная по своим замыслам и действиям. В ней грубой силой многого не

добьешься. Опытных соперников можно побеждать только умом и искусством, умением, удачными тактическими замыслами и эффективным игровым оружием. Играть активно — это значит в первую очередь активно тактически мыслить, мыслить творчески, смело, оригинально, изобретательно. Вспомните хотя бы харьковскую победу Лейуса над Метревели, о которой речь шла в конце раздела «Лед и пламень». Она как гимн лозунгу «Побеждать умом и умением».

Нередко можно услышать утверждение, что нападение — это, мол, лучшая защита. Тогда, может быть, активная игра сводится к беспрерывному нападению. Спору нет, нападение — душа активной игры. Но ведь желание нападать не всесильно. Хочешь не хочешь, а значительную часть встречи всегда приходится и обороняться, особенно при подаче соперника. И если нападение по своей направленности всегда активно, то защита как бы многолика. В каких только вариантах она не встречается. В виде пассивного отыгрыша мячей, когда теннисист, ударившись в «кач», только думает о том, как бы не ошибиться. В виде так называемой паразитической тактики с девизом: «Пусть игру ведет соперник и только он один рискует, а я буду пожинать плоды его промахов». И наконец, в виде активной обороны с контратаками, смелыми, решительными, искусными действиями. Разве можно назвать такую защиту пассивной игрой! Активная защита имеет все права гражданства, и было бы грубой ошибкой забывать ее достоинства.

Принцип тактической активности ориентирует на высокое искусство в нападающих и оборонительных действиях, требует широкого применения активных видов тактики, нацеливает на борьбу за инициативу, навязывание сопернику своей воли. Однако, не принижая значения активной обороны, следует все же сказать, что «душой» принципа активности является четко выраженная нападающая направленность игры.

Своевременное, хорошо подготовленное и умело осуществленное нападение имеет ряд неоспоримых преимуществ. Нападающему принадлежит инициатива, он обычно получает психологическое преимущество и в большей мере, чем обороняющийся, может использовать тактический фактор неожиданности.

Возможности нападающих действий в последние годы значительно расширились. Особенно во время соревнований на травяных, деревянных и пластиковых площадках с их очень быстрым отскоком мяча, повышающим тактическую цену нападающих ударов. Объясняется это прежде всего улучшением специальной физической подготовки теннисистов и совершенствованием техники атакующих ударов, главным образом подачи и ударов с лёта.

Старое тактическое правило предписывало: учитесь приспосабливаться к конкретной игровой обстановке и использовать ее в своих интересах. Принцип активности это правило как бы отодвигает на второй план, а на его место ставит другое: стремитесь игровую обстановку и весь ход игры активно изменять в выгодном для себя и невыгодном для соперника направлении, решительно захватывайте инициативу, подчиняйте соперника своей воле, как бы ведите его на поводу своих тактических замыслов.

Принцип гармоничности. Гармоничность! Когда речь заходит о целесообразном сочетании, соразмерности частей единого целого, строгой согласованности, это слово просто незаменимо. «Гармоничное физическое развитие», «Гармония красок, звуков», «Гармония интересов» — вот примеры рас-

пространенных выражений с его использованием. Однако какое отношение это слово имеет к школе тактики? Оно — критерий оценки существующего, настоящего и ориентир для будущего развития.

Игра, если выражаться философскими терминами, это борьба двух противоположностей — нападения и защиты. В теннисе, в отличие от командных спортивных игр, нет деления на нападающих и защитников. Но, несмотря на это, мы нередко слышим следующие слова, брошенные в адрес какого-либо теннисиста: «Он типичный защитник». В такой лаконичной характеристике обычно двойной смысл: и приверженность к защите, и явная однобокость в подготовке.

С неумолимой жестокостью наказывала судьба односторонних теннисистов, которые переоценивали один из видов действий и явно недооценивали все другие.

Принцип гармоничности стоит на страже интересов передовой тактики. Он выступает в своеобразной роли строгого судьи и программиста. Один — оценивает существующее, другой — ориентирует на будущее.

Все виды передовой тактики должны развиваться гармонично. Необходимо в совершенстве овладеть как нападающими, так и защитными действиями и использовать их в наиболее выгодных сочетаниях в зависимости от игровой обстановки, действий соперника и своих возможностей.

Примечателен в этом отношении выход на передовые позиции мирового тенниса спортсменов-универсалов, отличающихся всесторонней тактической подготовкой, хорошо владеющих сильной подачей, атакующей игрой у задней линии и у сетки, умеющих активно, стойко и искусно обороняться. Результаты многочисленных теннисных матчей неопровержимо свидетельствуют: тактика, основанная на мастерстве только в одном из видов действий, может приносить лишь эпизодические успехи, да и то лишь во встречах с неустойчивыми в волевом отношении соперниками или с игроками, имеющими существенные недостатки в технике.

Принцип гармоничности характерен и другой важной особенностью.

В тактике игры того или иного спортсмена всегда проявляются и общее и индивидуальное — черты родившей его школы и черты собственной личности. Важно, чтобы они не просто мирно уживались, а дополняли и украшали друг друга, составляли подлинную гармонию.

Еще в глубокой древности родилась поговорка: «Каждый человек — создание неповторимое». Поэтому не удивляйтесь, если я скажу: сколько теннисистов — столько и игровых почерков. Но всегда ли в этих почерках в полной мере проявляются сильные стороны индивидуальности спортсмена? Увы, нет! Нередко они составляют лишь «мертвый капитал». В том-то и заключается одна из важнейших задач спортсмена, чтобы найти в тактике свое призвание, раскрыть свою индивидуальность, самым решительным образом утвердить свое «я».

У каждого выдающегося спортсмена есть что-то свое, особенное, наиболее сильное, что лучше всего ему удается и составляет его «конек». В это свое он верит, на него обычно делает главную ставку, рассчитывает в трудную минуту.

В первой половине тридцатых годов в Москве объявился мальчишка-теннисист. Все в нем было необычно. Даже внешний вид и одежда. В походке проглядывала неуклюжесть. Широкие и очень длинные допотопные трусы и тюбетейка, с которой он никогда не расставался, вызывали у окружающих улыбку.

Техника юного теннисиста по рисунку движений не соответствовала общепринятым тогда канонам. Но играл он на редкость хитро, напористо и смело. На лице его стояла печать величайшей серьезности и какого-то особого вдохновения, будто он не играл, а решал трудную арифметическую задачу. Уже в тринадцать лет мальчишку звали не иначе как Николай Николаевич. Его очень сильный удар справа вызывал у специалистов одновременно два чувства — восхищение и удивление. Словно рассерженный зверек, мальчишка устремлялся на маленький белый мячик и необычайно резким движением отбивал его, буквально бросая в удар вес всего своего тела. Мяч летел с настолько большой скоростью, что окружающие разводили руками: у такого мальчугана без всякой телесной мощи, да еще с устаревшей хваткой ракеты, и вдруг, откуда ни возьмись, эдакий мощнейший удар. И вот что примечательно: маленький теннисист свой «пушечный выстрел» время от времени хитро «подменял» в самый последний момент укороченным ударом. Для его сверстников это было настолько неожиданно, что они даже не успевали сорваться с места, чтобы принять «умирающий» у сетки мяч.

Не отличалась классикой и его сильная первая подача. В движении не было широты, размеренности, плавности. Подача напоминала короткий, очень резкий удар кнутом или плетью.

Удар справа и подача и составляли «конек» теннисного самородка. На этом «коньке» он «ехал» и в зрелые годы, когда стал чемпионом страны. Читатели, наверное, уже догадались, что речь идет о заслуженном мастере спорта Н. Н. Озерове.

Когда мне довелось впервые встретиться с ним в финале первенства Москвы среди мальчиков, я играл как в тумане. В игре соперника все было не таким, как у его сверстников. Что он предпримет в следующий момент, предугадать было невозможно. Его сила заключалась в оригинальности и неожиданности коронных ударов, высоких взлетов игровой фантазии. Озеров знал цену своим игровым достоинствам и держал их всегда в наивысшей боевой готовности. Он являл собой яркий пример спортсмена, который сумел поставить на службу своей тактики все, что было у него индивидуально сильное.

Но Озеров, к сожалению, был не безгрешен.

«Как жаль, что у Николая великое так обидно уживается с посредственным»,— эти слова, помнится, произнес народный артист СССР Н. Станицын.— ярый поклонник блестящего таланта спортсмена. Разве мог тонкий ценитель тенниса смириться с обидным поражением своего любимца в пятисетовом матче с одним из сильнейших игроков Европы, которому в решающий момент удалось «сесть» Озерову на удар слева и выключить тем самым знаменитую «катюшу» справа. Удар слева и вторая подача были ахиллесовой пятой Озерова и производили довольно неприглядное впечатление на фоне непревзойденного коронного оружия.

Подтяни спортсмен свои слабые стороны, и, я уверен, вышел бы из него игрок мирового класса.

В идеале все без исключения элементы игры должны находиться на самом высочайшем уровне развития. Но, к сожалению, даже выдающимся игрокам одно удается лучше, а другое — чуть похуже. И все-таки это «другое» не опускается у них до уровня ничем не компенсируемых недостатков. Поэтому правомерна и такая рекомендация: слабое должно стать сильным, а сильное — сильнейшим. Однако я не хочу исключать и большего, так как при упорном труде слабое может в

конце концов превратиться в игровой «конек». Поэтому требование особое внимание уделять коронному оружию никак не снижает необходимости подтягивать слабые стороны, устранять недостатки. Наоборот, оно нацеливает на систематическое совершенствование по двум направлениям.

Вспоминается в этом отношении разговор с одним из наших в прошлом ведущих игроков. Он как-то подошел ко мне и спросил:

— Вы знаете такую поговорку: «Если человека часто ругать свиньей, то, в конце концов, он начнет хрюкать»? — Признаться, сначала я не уловил тайного смысла этого вопроса. Но последующие слова спортсмена внесли полную ясность.— Не удивляйтесь, если я скоро начну «хрюкать». Мне лишь и говорят о недостатках техники, и за них все время ругают. Да и сам я о них только и думаю. В итоге я забыл свои коронные удары, потерял веру в себя, в свои силы.

Анализируя сейчас путь этого своеобразного спортсмена, я убежден, что в подходе к нему мы ударились в крайность. Наши односторонние требования нацеливали игрока только на исправление недостатков в технике. А его индивидуально сильное техническое оружие мы, попросту говоря, забыли. И вот вам печальный результат: в его игре как бы сбалансировались «плюсы» и «минусы», слабые элементы чуть улучшились, а сильные опустились на ступеньку ниже. Игра спортсмена поблекла, потеряла в значительной мере былой индивидуальный колорит. Правда, теннисист не проявлял должного трудолюбия в исправлении своих недостатков. Но разве это может служить оправданием нечуткого, однобокого подхода к спортсмену?

Поэтому немедленно поднимайте сигнал тревоги при таком ошибочном подходе к игроку, при появлении среди теннисистов унылых «середнячков» без коронных игровых приемов. Все индивидуально сильное должно подвергаться строжайшему учету и с величайшей заботой «лелеяться» в интересах передовой тактики. Этого требует принцип гармоничности.

Принцип гибкости. Гибкость! «Мудрая гибкая политика», «Гибкий подход к важной проблеме», «Гибкая тактика военачальника»... Все эти выражения подчеркивают способность к целесообразной вариативности, принятию решений и осуществлению действий на основе строгого учета условий, обстановки, обстоятельств. В теннисе гибкая тактика — свидетельство зрелости спортсмена, спутник успеха. В противоположность ей шаблонная тактика — признак плохой спортивной подготовленности и предвестник застоя результатов и последующих неудач.

Какую же тактику мы вправе назвать гибкой?

Теннисист соревнуется с различными соперниками, играет в различных условиях, действует в самых различных игровых ситуациях. Если тактика варьируется с учетом всех этих «переменных разностей», то ее с полной уверенностью можно оценить как гибкую.

Такая тактика не есть результат лишь игровой импровизации. Главная ее особенность заключается в сознательности и планомерности тактических действий, их заблаговременной наметке в основных чертах и в наиболее важных деталях. Эти особенности превращают отдельные действия в звенья единого процесса спортивной борьбы с четко определенными тактическими задачами и путями их решения. Поэтому гибкостью должны отличаться в первую очередь сами тактические планы, а затем уже их осуществление в игре. В планах следует предусматривать различные варианты, разнообразные способы действий. Относиться к

планам надо критически, вносить в них необходимые уточнения и изменения в зависимости от хода игры.

С какими только соперниками теннисисту не приходится скрещивать оружие, и даже хорошо знакомых игроков нельзя считать «величиной постоянной». Ведь их подготовленность может со временем меняться, причем довольно существенно. Поэтому к игре каждого соперника надо относиться как к своеобразному секрету. Раскрыть этот секрет возможно полнее и есть одна из важнейших тактических задач. Нужно выявить привычные психологические особенности соперника, его психическое состояние в данном конкретном матче, особенности его техники и тактики, физической подготовленности, его слабые и сильные стороны. Только при этом условии тактике своей игры можно придать по-настоящему гибкий характер. Остерегайтесь подходить к любому сопернику со стандартной меркой, подбирайте под каждого свои особые ключи.

Казалось бы, это требование звучит не иначе как прописная истина. Оно словно таблица умножения для студента старшего курса, углубившегося в сложные математические расчеты. Но жизнь свидетельствует о другом. По белу свету странствует немало теннисистов из различных стран, которые как будто забыли «таблицу умножения». Они выработали для себя один-единственный стандартный вариант тактики и используют его в игре с любым соперником.

...По трибунам неожиданно прошел осуждающий шепот. Разве можно было не поддаться соблазну обсудить с соседом причины своего удивления! «И это шестая ракетка США, где так широко развит теннис!» — такие мысли читались на удивленных лицах московских зрителей.

Виновница столь неожиданной реакции трибун ходила по площадке с горделивым видом, переполненная чувством собственного достоинства. Почти каждый отскочивший от площадки мяч она возвращала сильным остроплассированным ударом в высокой точке. Особенно много неприятностей сопернице доставляли ее оригинальные «двуручные» удары слева. Стоило нашей спортсменке ответить чуть покороче, как быстрый снайперский выстрел американки пробивал среднюю по прочности броню, воздвигнутую у задней линии площадки.

Но вот волею судеб «двуручница» оказалась вблизи сетки. И тут произошло то самое из рук вон выходящее, что вызвало на трибунах приглушенную многозначительную реакцию. Неловким движением, которого нет в мировой энциклопедии теннисной техники, американка попыталась в ответ на свечу выполнить удар над головой — удар азбучный для хорошего игрока. Непослушный мяч беспомощно «прилип» к ракете.

Не прошло и нескольких минут, как американке вновь пришлось выбежать вперед. На этот раз мяч задел сетку и приземлился совсем рядом от нее. И тут вновь неожиданность! Оказалось, что американка фактически не владеет и ударом с лёта слева в низкой точке. Словом, через пятнадцать минут игры всем стало ясно: очень остро и оригинально играющая у задней линии американская спортсменка П. Барткович совершенно беспомощна у сетки.

Казалось бы, в матче с такой однобокой теннисисткой тактика на редкость проста: вытягивай ее укороченными ударами к сетке и обводи, а в игре у задней линии сбивай темп, вынуждай ее играть в неудобной низкой точке. Но соперница американки, будто неисправимая упрямица, действовала только в привычной для себя манере. Незамысловатыми ударами сред-

ней силы с задней линии она однообразно «клала» мяч по углам теннисной площадки.

А Барткович лишь это и надо было. Это была ее стихия. Она искала только малейшей завязки, чтобы произвести серию кинжальных ударов, бросающих очко в ее копилку.

Так неужели ее соперница,— одна из ведущих наших теннисисток Т. Киви — не понимала своей трагедии? Безусловно, понимала. Но в ее игровом арсенале не оказалось других наигранных тактических вариантов, способных сокрушить американскую теннисистку. Киви делала робкие попытки вытянуть Барткович к сетке с помощью укороченных ударов. Но для такого гибкого тактического варианта действий спортсменке не хватало техники.

Читатель здесь может заметить: «Барткович, видимо, не так-то легко вытянуть к сетке, иначе она не была бы шестой ракеткой своей страны». В этих словах — суровая правда. Заставить американку повернуться к вам своими слабыми сторонами можно только при очень разнообразной технике и наличии в запасе надежных тактических вариантов.

Вот конкретный пример, показывающий, что умение с каждым соперником играть по-разному,— не такая уж азбучная истина, как это может показаться на первый взгляд.

А как относиться к принципу гибкости тактики во встречах с хорошо знакомыми соперниками? Неужели и здесь нельзя целиком положиться на уже опробованную и оправдавшую себя игру? При явном превосходстве сил, конечно, можно рискнуть пойти по проторенной дорожке. Но если соперник более или менее равен вам по подготовке или заведомо более сильный, то в борьбе с ним надо упорно искать новые варианты действий, готовить тактические сюрпризы. Ведь тактика, уже принесшая успех один раз, может оказаться недостаточно эффективной в повторном матче с тем же самым соперником.

Таким образом, в распоряжении игрока всегда должна быть большая связка тактических «ключей», и среди них обязательно «ключи» редкие, которые подходят только к уникальным «замкам». Это и составляет одно из главных условий гибкой тактики, «тактики под конкретного соперника».

Разнообразием, изменчивостью отличаются не только соперники, но и условия соревнований. Сегодня вы играете в закрытом помещении на деревянных площадках при ровном освещении, не мешающем игре. Завтра местом сражения становятся мягкие грунтовые корты, и стоит вам бросить взгляд вверх при ударе над головой, как яркие лучи солнца могут «выкрасть» мяч из поля вашего зрения. А в один из ближайших дней вы ступаете на совсем непривычные для вас травяные площадки, и перед вами новые трудности из-за стремительного, скользящего отскока мяча.

Налицо только три примера различных игровых условий. А сколько их еще! И все они так или иначе влияют на тактику игры, словно говорят ей: проникай в наши тайны, учитывай нас, приспосабливай свои особенности к нашим.

Покрытие площадок, температура и движение воздуха, освещенность корта, пожалуй, главные особенности соревновательной обстановки, имеющие наиболее прямое отношение к тактике. При этом все они могут изменяться по ходу даже одной встречи. Допустим, началась игра в тихую солнечную погоду, а заканчивается при сильном ветре. И поэтому обводящая свеча из хитрого тактического оружия может превратиться в «средство самоубийства». Попробуй-ка выполнить точную све-

чу, если ветер быстро относит мяч в сторону! Гибкая тактика и должна улавливать даже малейшие изменения соревновательной обстановки и варьироваться в соответствии с новыми условиями.

Наибольшие сложности вызывает обычно смена покрытий площадок. Не так-то легко, к примеру, после «медленных» кортов сразу перейти на «быстрые». Здесь нельзя положиться только на способность приспосабливаться к специфическому для каждой площадки отскоку мяча. Даже частые тренировки на различных площадках сами по себе не приведут к успеху. И в этом случае главное — вооруженность наиболее эффективными для каждой площадки вариантами тактики и способность их использовать при быстрой смене площадок.

Говоря о гибкости тактики применительно к особенностям игры различных соперников и различным условиям соревнований, мы имели в виду, главным образом, общую направленность тактических действий. Пока речь шла как бы о проектном задании на строительство величественного здания — передовой тактики. Но такое задание не намечает во всех деталях будущее сооружение. И только досконально разработанный рабочий проект определяет, каким это сооружение будет в действительности во всей своей красе. Удары, тактические комбинации как раз и составляют кирпичики, блоки, из которых сооружается здание тактики в его окончательном виде.

Вот мы и подошли к так называемой ситуационной гибкости тактики, творческому варьированию тактики в конкретных игровых ситуациях. А как разнообразны, динамичны и неожиданно изменчивы игровые ситуации в теннисе. Они будто бесчисленные сочетания разноцветных стеклышек в калейдоскопе.

Ситуационная гибкость заключается в способности быстро улавливать особенности игровых ситуаций, хорошо в них ориентироваться и находить в каждой из них наилучшие варианты игровых ходов.

При всем многообразии нюансов спортивной борьбы в игровых ситуациях есть и немало общего. И опасность нарушения принципа гибкости угрожает в первую очередь в сходных ситуациях. Стоит им возникнуть, как теннисист прибегает к шаблонным ответам. Один спортсмен при второй подаче всегда направляет мяч сопернику под удар слева; другой, если ему приходится отражать косой удар, обводит «сеточника» только вдоль боковой линии; третий — из левого угла площадки неизменно посылает мяч при ударе над головой под левую руку соперника; четвертый — не иначе как только косым ударом с лёта отвечает на обводящий удар по линии.

Немало споров у специалистов вызвал мужской финал Всесоюзных зимних соревнований 1969 года. Одного из финалистов В. Короткова кое-кто упрекал в явном тактическом промахе. Подготовительные удары при выходах к сетке он почти неизменно направлял своему сопернику А. Иванову в левую часть площадки.

— Играть ленинградцу под его коронный удар слева — все равно что сунуть голову в пасть льва! — с упреком восклицал один из поклонников Короткова. Но нынешний тренер Короткова Е. В. Корбут, в прошлом один из ведущих наших теннисистов, дал такой тактике веское обоснование.

— Спору нет, обводящий удар слева — сильнейший у Иванова,— подтверждал тренер,— но в этом ударе есть один секрет, снижающий его эффективность. Мяч почти всегда направляется вдоль боковой линии, и поэтому ответ можно предвидеть заранее. Так-

тика Короткова себя оправдала. Она свела на нет фактор неожиданности в обводке соперника. А причина поражения Короткова в упорных пяти партиях была совершенно в другом.

Спору нет, противостоять сопернику с набором шаблонных ответов всегда легче, так как открывается широкая возможность предвидеть развитие игровых событий, а значит, и лучше к ним подготовиться.

Принцип неожиданности. Я уверен, вы с живым интересом читали книги о военных приключениях, подвигах мужественных партизан и разведчиков. Вы наверняка восхищались смелыми, дерзкими и неожиданными действиями героев. Вспомните: именно такими действиями достигались нередко победы над более сильными, но застигнутыми врасплох противниками.

Там, где идет противоборство сторон, фактор неожиданности выступает, как правило, спутником успеха, хотя бы первого, временного.

А в спорте, в теннисе? И здесь те, кто умеют придать своим замыслам и действиям неожиданный характер, получают явное преимущество.

Кто из теннисистов не помнит мужского финала личного первенства СССР 1966 года в Алма-Ате! Один из корреспондентов в первый день соревнований провел среди специалистов опрос, кто из игроков выйдет в финал. Среди опрошенных оказалась одна «белая ворона» — старший тренер сборной Москвы С. Мирза. Он был единственным, кто назвал финалистом москвича Вячеслава Егорова. Все же остальные считали, что в решающем поединке могут встретиться только Метревели и Лейус. Над столичным тренером даже шутили, что он желаемое хочет выдать за действительное.

Егоров не подвел своего тренера. Играл он отлично и в полуфинале заставил сложить оружие самого Лейуса, который раньше был для него камнем преткновения.

Как говорится, не на жизнь, а на смерть сражался Егоров и в финале против Метревели. Первую партию он выиграл с большим счетом. Во второй и третьей вел 7:6 и имел «ровно». Всего два очка отделяли москвича от выигрыша каждой из двух партий, а ведь третья могла стать последней в поединке. Однако ключевые очки достались Метревели. В четвертой же партии тбилисец был уже полным хозяином положения.

У специалистов матч вызвал немало споров. Одни считали, что в тактике Егорова было немало промахов, и поэтому его постигла неудача. Другие с жаром утверждали: избери Метревели иную тактику — и он мог доказать свое преимущество гораздо легче. Но среди многочисленных спорщиков нашлись лишь немногие, кто вспомнил о четырех роковых ошибках москвича и их причинах.

А что же, собственно говоря, произошло? Предоставим слово победителю. Вот что рассказал Метревели после матча:

«Я не люблю играть на мягких площадках. Они снижают эффект сильных ударов, и особенно подачи. В матче с Егоровым площадка была моим вторым соперником. Я отказался от выходов к сетке с подачи и избрал тактику комбинационного нападения у задней линии с периодическими хорошо подготовленными атаками на сетку. Егоров, видимо, привык к моей игре и уже не ждал особых тактических сюрпризов. Но в тот самый критический момент, когда я ошибся при первой подаче, у меня мелькнула мысль: а что если предпринять неожиданную «психическую атаку» и при втором мяче стремительно выйти к сетке? И я рискнул. Для соперника это явилось полной неожиданностью. Он отбил мяч далеко

«за». То же самое я повторил при розыгрыше следующего очка. И на этот раз Егоров ошибся. Так достались мне два первых «золотых очка». Потом я решил: приберегу выходы к сетке с подачи до следующего острого момента. И когда в третьей партии опять навернулась угроза, я без колебаний дважды после второй подачи выходил вперед. Ошибки Егорова «подарили» мне и эти два «золотых очка».

Не будем гадать, как бы закончился финальный поединок, не пойди Метревели на неожиданные, дерзкие действия. Одно ясно: четыре решающие ошибки Егорова были не случайны.

Каковы же особенности использования принципа неожиданности?

Неожиданностью должны отличаться как тактический план игры в целом, так и действия в каждой игровой ситуации. Ею должно быть пронизано и использование большинства приемов техники. То есть необходимо превратить неожиданность в постоянно действующий тактический фактор.

Достигается это применением новых оригинальных тактических замыслов и вариантов тактики, замаскированной подготовкой действий, введением соперника в заблуждение относительно истинных намерений с помощью тактической хитрости, обманных движений, использования знакомых сопернику действий в такие моменты игры, когда он их меньше всего ожидает. Не случайно хорошие тактики — это спортсмены-«загадки», играя с которыми не знаешь заранее, как они будут действовать.

Любые тактические замыслы, в том числе самые оригинальные и неожиданные, реализуются прежде всего посредством техники. Именно на технику ложится самая большая ответственность за претворение тактических замыслов в жизнь. И дело здесь не только в простой технической возможности реализовывать эти замыслы, скажем, в наличии или отсутствии в техническом арсенале игрока необходимого удара. Секрет кроется в особенностях техники, позволяющих осуществлять задуманное неожиданно. А это возможно лишь при условии, если подготовительные движения не обнаруживают заранее намерение теннисиста применить тот или иной намеченный удар.

Посмотришь на некоторых теннисистов во время тренировки, и кажется: вот пример хорошей, разнообразной техники! Но начнутся соревнования, и вы в недоумении: результативность техники очень низкая. Объясняется здесь все очень просто: техника носит слишком откровенный, легко распознаваемый характер, особенности ударов видны сопернику заранее. В итоге играть с таким теннисистом довольно легко, так как открываются широкие возможности для предвидения игровых событий.

Приведем несколько примеров такой «рассекреченной» техники.

Присмотримся внимательно к исходному положению теннисистов при подаче. Выясним, всегда ли оно одинаково. Совершенно неожиданно у многих обнаружатся, казалось бы, странные особенности. Стоит, например, одному теннисисту решить применить крученую подачу, как, глядишь, он уже больше развернулся боком к сетке. Другой время от времени подходит к задней линии быстрее обычного, и во всех его энергичных движениях, занятой позе проглядывает нетерпение, решимость атаковать. Это значит, что подающий непременно выбежит после подачи к сетке.

Теперь попробуем «проникнуть» в движения теннисистов при сильных ударах. И здесь мы обнаружим следы тактических погрешностей. Вот теннисист двинулся на мяч, в его подготовительных движениях напряжение, впе-

чатление такое, будто он собрался в пружину, готовую мгновенно распрямиться. Всем этим он выдает тайну удара. Он как бы предупреждает соперника: не медли, я применю сильный удар!

Наиболее часты нарушения правил «секретности» бывают при обводке «сеточника». А ведь в успехах последнего огромную роль играет возможность предвидения. Понаблюдаем за одним из таких «нарушителей».

Словно быстрый челнок перемещается он из угла в угол. Соперник его только и ждет момента для выхода к сетке. И стоило «бегунку» ответить чуть покороче, как соперник сразу устремился вперед. Теперь слово за обороняющимся. Низким контратакующим ударом он обводит «сеточника». Но того одним удачным ударом не испугаешь. Не проходит и минуты, как неудачник вновь на пути к сетке. Чем на этот раз ответит «бегунок»? Его движения при ударе стали чуть замедленными, менее энергичными, при окончании замаха он совсем низко опустил ракету и как бы черпательным движением снизу вверх начал выносить ее на мяч. Если бы имелась возможность читать мысли на расстоянии, то в этот самый момент мы бы безошибочно установили: «сеточник» понял, что готовится свеча. И действительно, в следующее мгновение мяч «поплыл» высоко над сеткой. И хотя свеча оказалась высокой и длинной, она стала легкой добычей неутомимого «сеточника». Удивляться здесь нечему: в ударе не было неожиданности.

Как видите, не всякая техника тактически эффективна. Многое зависит от ее «маскировочных особенностей». На всех подготовительных движениях при ударах должен стоять гриф: «Совершенно секретно». Соперник не должен знать заранее, куда и каким ударом игрок решил направить мяч.

Таковы основные тактические принципы игры, которые для каждого теннисиста должны быть принципами ранга неотступных законов.

ТРИ «КИТА» АКТИВНОЙ ИГРЫ

«Я буду играть только активно! Мое решение окончательно и бесповоротно!» — так может решить одна из представительниц слабого пола. Что ж, это вроде большой идеи, вдохновляющей и мобилизующей на многое. Однако одной идеи, даже самой хорошей, еще мало. Необходимы возможности для ее осуществления, оружие для борьбы за нее.

Представим себе, что перед нами молодая теннисистка с такими «плюсами» и «минусами»: хорошая игра с задней линии, величайшее упорство в обороне и слабая техника ударов с лёта; высокая выносливость и отсутствие быстрой реакции и ловкости. Теперь сразу поставим перед теннисисткой задачу играть активно, с частыми выходами к сетке, использовать для выходов вперед подачу. Что же из этого получится? На первых порах ничего хорошего. Как «рожденный ползать летать не может», так и спортсменка, подготовленная только к игре с задней линии, не сможет успешно действовать у сетки. Тактика активной игры у сетки не будет приносить ей успеха. Теннисистке придется очень много и упорно над собой поработать, чтобы преуспеть в новом качестве.

На первый взгляд огромное значение вооруженности на уровне передовых стандартов не составляет секрета. Только подчини свое совершенствование «гонке вооружения», и результат не замедлит сказаться.

«Говорить-то легко»,— скажут вам те, кто понимает трудности роста в тен-

нисе и знает цену огромной трудоемкости этого вида спорта. И они окажутся правы. Для активной атлетической игры необходимы поистине всесторонняя подготовка, незаурядные способности, величайшее упорство в борьбе с недостатками. Ведь не случайно у нас, да и в других странах, довольно много игроков, далеких от передовой тактики.

Корень зла данного явления таится в явных недостатках теннисного оружия. Одному для активной атлетической игры недостает волевых качеств, другому — техники, третьего лимитирует недостаточная физическая подготовленность. Здесь мы и подошли к трем «китам», на которых стояла, стоит и, я уверен, будет стоять такая игра. Это дружное «китовое семейство» и определяет тактические возможности теннисиста.

ПЕРВЫЙ «КИТ»

...Замечательный выдался тогда день для московских любителей тенниса. Как ни пожертвовать загородным воскресным отдыхом ради финала первенства столицы! Правда, в соревнованиях не участвовало несколько сильнейших игроков. Но финал всегда финал! И вместительные трибуны центрального корта теннисного городка стадиона имени В. И. Ленина оказались почти полными.

Как обычно, финальный день открывали женщины. Их стройные, красивые фигуры, атлетический вид, высокие места в спортивной классификации обещали подарить зрителям интересный поединок.

И первые десять минут зрители сидели как завороженные. Но чем дальше, тем все больше и больше поклонники тенниса превращались в непоседливых школьников младших классов, которым не так-то легко властвовать над своим вниманием. Наконец они неестественно оживились и стали реагировать на ход игры совершенно особому, будто впервые пришли на теннис и не разбирались в его правилах.

Были и аплодисменты, но казалось, зрители аплодируют не спортсменке, выигравшей очко, а, наоборот, проигравшей, словно благодарят ее за то, что она своей ошибкой прервала монотонный ход игры.

Какими же «тайными прелестями» так подействовали финалистки на зрителей? Обе участницы не нападали и не оборонялись. Они просто перебрасывали мячи, направляя их сопернице преимущественно под удар слева.

Можно было подумать, что теннисистки вышли на площадку для побития рекорда: кто большее число раз перебьет мяч через сетку. В редких случаях, когда мяч вдруг перемещался не по проторенной дорожке, следовала «спасительная» полусвечка и все начиналось сначала, будто включался метроном, и мячи, управляемые его ритмом, медленно летели туда-обратно, туда-обратно.

Надо отдать должное зрителям. Они — народ изобретательный. Если не радует игра, надо найти какой-то другой выход эмоциям. И он был найден. На трибунах начали подсчитывать число ударов при розыгрыше каждого очка. И когда низвергался очередной рекорд, зрители рукоплескали. Это происходило обычно в момент, когда у одной из теннисисток, казалось, лопалось терпение (всему же есть предел!) и она неожиданно ошибалась, хотя соперница к этой ошибке ее и не вынуждала.

Наконец, «рекорд» достиг 120 ударов. Один мой сосед не выдержал: пойду, говорит, покурю. Не выдержал и я. Встал и пошел в судейскую коллегию. Уж очень было обидно за зрите-

лей и жалко спортсменок, пораженных страшным недугом.

— Давайте сделаем спортсменкам замечание или в самой доброжелательной форме посоветуем изменить тактику игры,— обратился я в судейскую коллегию. Ведь такое «вмешательство» не выходило за рамки закона. Президиум Федерации тенниса СССР принял к тому времени специальное постановление о мерах борьбы с пассивной игрой, и оно строго предписывало судьям быть решительными: делать игрокам соответствующие замечания, предупреждения, а самых неисправимых даже снимать с соревнований. Но одно дело решение, а другое дело претворение его в жизнь. Судейская коллегия предпочла политику невмешательства.

— Они по-другому играть не могут, да и не обязательно всем выходить к сетке. К тому же матч являет собой пример огромного упорства,— такими были выводы моих оппонентов.

Что и говорить, это был матч упорных. Но упорных в заячьей робости. Не случайно в народе, когда хотят подчеркнуть слабость людей, на которых нельзя положиться в трудную минуту, в шутку говорят, что самый страшный зверь на свете — это... заяц, потому что он трус.

После матча я разговорился с одной из финалисток.

— Вы думаете, я специально решила так играть. Упаси бог,— каялась спортсменка.— Я наметила активный план действий. Но он оказался выше моих сил. Временами мне становилось стыдно, и я даже хотела уйти с площадки. Ведь самое обидное то, что на тренировках я играю совсем по-другому.

Это был настоящий «крик души» неудачницы.

Мне вспоминается спортивный путь финалисток. Они, как это может показаться ни странным, были одними из первых представительниц слабого пола, которые самым серьезным образом занимались атлетической подготовкой и сделали немалые успехи в освоении активной игры. Их будущее представлялось многообещающим. Но потом какой-то один два-матча спортсменки провели только в обороне, затем они спустились уже ступенькой ниже, противопоставив соперницам глухую защиту, и наконец оказались во власти «беспросветного кача». От матча к матчу происходила «закалка» в робости, нерешительности, тактической примитивности. И в итоге пассивная игра закрепилась у них как плохая привычка. Теперь уже, чтобы от нее избавиться, надо было себя преодолеть, а для этого не хватало воли. Так теннисистки и затянули себя постепенно в омут пассивной тактики, хотя их техника и физическая подготовленность позволяли рассчитывать на многое.

Для передовой тактики в первую очередь необходимо надежное психологическое оружие: непоколебимая «идейная установка», самоприказ спортсмена действовать всегда активно и необходимые для реализации самоприказа волевые качества. Это оружие и выступает в роли первого «кита». Вы спросите: почему именно первого? Разве два других его собрата — техника и физическая подготовка — имеют меньшее значение? Такой последовательностью я хочу просто подчеркнуть особое место психологического оружия, его направляющее влияние на действия спортсмена. Ведь даже самая хорошая техника и физическая подготовка останутся «мертвым капиталом», если у спортсмена не будет сильной воли, позволяющей их эффективно использовать.

Человек силен своим неуклонно целеустремленным характером действий.

И не случайно самоприказ спортсмена действовать активно я условно назвал непоколебимой «идейной установкой». Суть ее выражена в главных положениях отечественной школы тактики, и прежде всего в ее задачах и принципах. Они должны стать своего рода идейным оружием. Но одного этого оружия мало. Необходима еще прочная волевая база для передовых тактических действий — полный комплект волевых качеств.

Цель в любом соревновании — победа. Но эта цель лишь ближайшая. Она должна быть в строгом подчинении у перспективных целей: стать достойным представителем советской школы спорта, воспитать в себе лучшие качества советского спортсмена, достигнуть высокого мастерства. К сожалению, такое подчинение нередко нарушается. И самая частая причина здесь — следование установке, что для победы хороши любые средства.

Победа, достигнутая активной атлетической игрой,— это победа не только ближайшая, но и перспективная. Победу же одной из участниц вышеописанного финального матча чемпионата Москвы иначе как Пирровой победой не назовешь, ибо эта сегодняшняя победа — ближайший шаг к грядущим поражениям завтра. Ведь спортсменки, как мы уже знаем, стали такими не сразу. Они прошли солидную школу подобных Пирровых побед.

Учитесь мобилизовывать свою волю не просто на достижение победы, а на победу передовыми, перспективными средствами. И не считайте, что победителей не судят. В первую очередь научитесь судить самого себя. Строго и бескомпромиссно. Оценивайте не только сам результат, но и пути, которым он достигнут.

Развивайте и оценивайте волевые качества как бы в полном комплекте и руководствуйтесь единством перспективных и ближайших целей. Волю к победе, упорство всегда нацеливайте на использование передовых видов тактики. В тактических действиях будьте инициативными, старайтесь подчинять соперника своей воле, держите в своих руках игровую инициативу. Действуйте смело и решительно, без излишних колебаний идите на оправданный риск.

Если вы всего этого достигнете, тогда считайте, что в ваших руках грозное психологическое оружие, необходимое для передовой тактики. Для оттачивания этого оружия очень важны первые годы выступлений юного теннисиста в соревнованиях, когда формируется индивидуальный игровой почерк, происходит первая проба и закалка воли в боевых условиях. Здесь очень многое зависит от тренера, от того, на какую игру он нацеливает своих воспитанников и с каких позиций оценивает их спортивные результаты. Установка «победа только за счет передовой тактики» и оценка игры прежде всего по средствам достижения победы должны быть для тренера и спортсмена неотступными законами. И наша беда, что именно в юные годы немалое число теннисистов оказывается в плену у уже известной нам установки «для победы все средства хороши».

— Стать смелой «сеточницей», играть как мальчишка — было в детстве моей мечтой,— рассказывала както одна из наших теннисисток.— Моим кумиром стала Дмитриева, и я стремилась ей подражать. Казалось, поначалу мне повезло: тренер был ярым приверженцем нападающего стиля игры, но уже в первых матчах, особенно когда я начала выступать за команду спортивной школы, из уст тренера нередко раздавался тревожный призыв: «Не рискуй, держи мяч в игре!». Я сразу превращалась в комок нервов, опускала крылья и уходила в защиту. Те-

перь во мне звучало только одно: как бы не ошибиться! После матча я как-то не выдержала, «взорвалась». Что же, говорю, вы от меня хотите: на тренировке одного, а на соревнованиях противоположного! Тренер почувствовал себя виноватым, и мы решили, что я играла так в последний раз. Но прошло некоторое время, и в ответственных соревнованиях я опять услышала тот же самый травмирующий мою психику тревожный клич. После матча тренер оправдывался: моя победа как воздух нужна была команде и соперницу можно было одолеть только «качем». Так установка «выигрывай любыми средствами», в конце концов, и развеяла мои мечты.

Этот пример далеко не единичен. Тому, кто регулярно бывает на соревнованиях детей, нередко режут слух такие горе-советы: «Поставь сопернику «стенку», «Не рискуй, пусть нападает соперник, а ты лишь пожинай плоды его ошибок». И исходят эти советы обычно не от «всезнающих» болельщиков, а от тренеров, в чьих устах эти рекомендации звучат не иначе как очень тяжелые обвинения в собственный адрес.

Мой совет тренерам: не живите лишь сегодняшним днем, своими рекомендациями во время соревнований всегда укрепляйте у спортсмена уверенность в использовании активной тактики, всегда думайте о будущем спортсмена. Это будущее станет по-настоящему перспективным, и ваш труд вознаградится большими успехами воспитанника только при условии, если вы вооружите его идеями передовой школы тактики, научите упорно, убежденно воплощать эти идеи в тактических действиях, будете систематически укреплять у него все волевые качества, составляющие необходимое психологическое оружие активной атлетической игры.

ВТОРОЙ И ТРЕТИЙ «КИТЫ» ВМЕСТЕ

Вторые два «кита» — технику и физическую подготовку — я хочу разобрать как бы параллельно, во взаимосвязи. Делаю я это не ради удобства изложения, а по соображениям сугубо принципиальным, с далеко идущими методическими последствиями.

Техника и физическая подготовка, двигательные навыки и физические качества находятся в тесной взаимосвязи, это утверждение стало уже вроде бы аксиомой. Однако дальше деклараций и призывов, что надо, мол, совершенствовать и то и другое, обычно не идут. Предпримем попытку придать отношениям двух «китов» более конкретный характер, попытаемся раскрыть особенности их близости.

Физические качества — быстрота, сила, ловкость, гибкость, а также способность к хорошему расслаблению мышц — используются теннисистом в игре не в чистом виде, как бы сами по себе, а через технику, определенные удары. Так, например, теннисная прыгучесть — это удар над головой в высоком прыжке и удары с лёта в далеких прыжках в стороны; теннисная сила — это в первую очередь мощные удары, теннисная ловкость — это удары у сетки в сложных, быстро и неожиданно изменяющихся игровых условиях.

Сказать, что физические качества и техника находятся в тесной взаимосвязи — это значит сказать очень мало. Единство — таким словом, пожалуй, наиболее правильно можно оценить отношения между ними.

Как же понимать такое единство?

Высокоразвитые физические качества должны стать необходимым «строительным материалом» для совершенной техники, которая, в свою очередь, должна создать наилучшие условия для проявления физических качеств.

Представим себе, что теннисист форсированно «накачал» мускулатуру и развил грубую «медленную» силу, которая никак не сочетается со свободой и быстротой движений. Если попробовать теперь такую силу сплавить с техникой, то получится «клубок противоречий». Такая сила не только не облагородит технику, но, наоборот, приведет к ее ухудшению. Так что ни о каком «чудесном сплаве» мечтать тогда и не придется.

А вот вам противоположный пример. Допустим, что теннисист разовьет именно нужную ему силу. Однако и она может оказаться «мертвым капиталом», если техника не позволит ее хорошо использовать. Так, например, невыгодный путь выноса ракеты на мяч при попытке выполнить мощный удар может лишить возможности такую силу сполна реализовать в игре.

Единство физических качеств и техники предполагает и определенную связь качеств между собой, их гармоничное согласованное развитие. Ведь может оказаться, что отдельные качества разовьются не по нужному рецепту, и тогда их нельзя будет соединить между собой, а тем более с техникой. К примеру, можно развить такую силу, которая «подавит» гибкость и способность к хорошему расслаблению.

Важно здесь и другое обстоятельство. Физические качества настолько тесно связаны друг с другом, что развить большинство из них до высокого уровня нельзя без оптимального развития других. Так, развить быстроту невозможно без силы и способности хорошо расслабляться, ловкость — без быстроты, прыгучести, гибкости и той же силы, гибкость — без способности к хорошему расслаблению.

Итак, одна из главных и одновременно трудных задач подготовки теннисиста — это достигнуть как бы двухступенчатого единства: физических качеств между собой и их единства с техникой. В свою очередь, формирование этого сложного единства во многом зависит от требований, которые предъявляет школа тактики к двум своим «китам».

А посильна ли она вообще выступать в роли старшего военачальника, наделенного правом требовать и издавать приказы?

Безусловно, да! Она, словно начальник генерального штаба, руководит планированием операций, определяет, какой должна быть боевая техника и физическая готовность войск, дабы реализовать замыслы верховного командования.

Но техника и физическая подготовка оказывают и обратное влияние на тактику, лимитируют ее возможности. Попробуйте, например, широко использовать тактику быстрого нападения, если вы не владеете мощной, динамичной подачей или не обладаете скоростной выносливостью. Школа тактики как бы говорит двум «китам»: я могу быть передовой, победоносной, если вы будете на высоте моих идей, обеспечите меня оружием, изготовленным по моему заказу.

С позиций тактических требований может быть два подхода к технике.

«У меня техника уже имеется, и я формирую свои тактические установки, исходя из наличных в данный момент возможностей» — это один подход. «Я систематически совершенствую свою технику применительно к самым передовым тактическим идеям и поэтому расширяю как технические, так и тактические свои возможности» — вот суть второго подхода.

Первый подход — удел любителей жить сегодняшним днем, второй — удел игроков, видящих перспективу. Идите всегда вторым путем. Только он ведет к вершинам мастерства.

К сожалению, немалое число наших теннисистов этого еще не поняли. Их технику, как правило, можно сравнить с походкой...

...Всю свою жизнь человек ходит. Его походка стала второй натурой. Но учили его переступать ногами только в детстве. Попросите человека специально продемонстрировать свою походку, и он начнет спотыкаться. Спотыкаются обычно и теннисисты с «окаменевшей» техникой, которые не привыкли ее систематически совершенствовать и полагаются на старый багаж, приобретенный еще в детстве. Их попытки модернизировать технику обычно не приводят к успеху.

В качестве противоположного примера можно привести технику Метревели. Она как бы всегда в пути, постоянно модернизируется.

Остерегайтесь подходить к технике, как к походке: научили, мол, меня когда-то определенным ударам, в дальнейшем же я о них не думаю, и если вдруг и начну что-то подправлять, то начну «спотыкаться».

А равными ли правами пользуются техника и физическая подготовка по отношению к школе тактики? Далеко нет! Их служебную подчиненность можно представить таким порядком: тактика — техника — физическая подготовленность. А как же тогда быть с установкой, что всесторонняя физическая подготовка составляет фундамент для достижения высокого спортивного мастерства? Противоречия здесь никакого нет. Такой порядок подчеркивает лишь особые субординационные отношения между двумя «китами».

Техника, так же как и тактика, выступает по отношению к физической подготовке в роли заказчика. Физическая подготовка должна создать не только необходимые условия для реализации в игре передовых тактических идей, но и внести большой вклад в формирование техники как системы движений.

Хорошенько запомните одно из главных правил подготовки теннисиста: каковы главные установки школы тактики и особенности техники, таковы и требования к специальной физической подготовке. Она, словно чувствительный термометр, должна реагировать на малейшие температурные изменения — перспективные тенденции развития тактики и техники — и создавать необходимую базу для их усовершенствованных образцов.

Обратимся к одному из примеров теннисной истории.

И в наши дни для некоторых спортсменок нет «страшнее зверя», чем укороченный удар соперницы. А в былые времена!

В финал личного первенства СССР 1947 года впервые совершенно неожиданно пробилась в то время уже немолодая московская теннисистка А. Горина. До этого она не имела больших побед. И все же перед ее тактической хитростью сложили оружие главные претендентки на призовые места заслуженные мастера спорта Н. Белоненко, Г. Коровина и Т. Налимова.

Немного о матче Гориной с Белоненко.

Первый гейм. Подает Белоненко. Мяч в игре, и вдруг... соперница сразу, без привычного обмена ударами с задней линии, неожиданно укорачивает мяч. Белоненко даже не успела среагировать на удар. Снова подает Белоненко, и в ответ следует тот же коварный укороченный удар. Теперь подающая делает отчаянную попытку достать мяч, но безуспешно. И так по нескольку раз в гейме рывки к сетке, чтобы отразить «умирающий» мяч.

Еще не окончилась первая партия, а Белоненко уже изрядно устала. Как только мяч выходил из игры, она словно брала тайм-аут: медленно ходила

по площадке и старалась отдышаться. Злосчастные укороченные удары, примененные соперницей с самого начала матча, выбили ее из привычного игрового ритма с длительными обменами ударами с задней линии. Прийти в себя спортсменка так и не смогла и в итоге потерпела поражение. А ведь она считалась одной из самых выносливых в то время теннисисток.

Сначала к поражению Белоненко отнеслись вполне спокойно: случайность, чего только не бывает в соревнованиях. Но когда Горина победила еще двух ведущих теннисисток страны, все начали искать причины ее неожиданного успеха.

В трех победных матчах спортсменка применила один и тот же вариант тактики — массированное использование укороченных ударов. При этом заметьте важную деталь: данный вариант использовался с самого начала матчей, когда соперницы еще не успели войти в игру.

Соперницы Гориной оказались технически неподготовленными к приему укороченных мячей, и им явно недоставало скорости передвижения по площадке. И все же основная причина потери игровой боеспособности теннисисток заключалась в отсутствии у них необходимой специальной выносливости в игре, с самого начала насыщенной предельно быстрыми рывками. И вот что любопытно: те же спортсменки могли демонстрировать образцы выносливости в самых длительных и напряженных матчах, когда физическая нагрузка была очень большой, но не носила такого скоростного характера.

Вот вам пример, подтверждающий установку, что для определенной тактики нужна соответствующая специальная физическая подготовленность.

Один из наших рекордсменов мира по тяжелой атлетике как-то взялся за ракету и попробовал поиграть в теннис. Но мячи у него летели в разные стороны, и игры как таковой не получилось. Раздосадованный силач попробовал мощно подавать. Уж в подачу он сумеет вложить свою богатырскую силу! Но и тут спортсмена постигло разочарование. Он старался бить сильно, а мяч не слушался его. Самолюбие силача было явно задето. Тогда он решил подружиться с теннисом.

Снова я его увидел в игре примерно через полтора года. И надо же было такому случиться: на соседней площадке тренировался тринадцатилетний щупленький мальчуган, с которым и решил попробовать свои силы мировой рекордсмен. Однако игра спортсменов была самым резким контрастом. Хотя штангист и сделал в теннисе заметные успехи и старался бить сильно, непокорный мяч все равно летел медленно. Мальчик же производил удары, казалось бы, без видимых усилий, однако мяч стремительно перелетал через сетку. Всемирно известный штангист так и не смог использовать свою богатырскую силу. Ведь она была совершенно иной по сравнению с той, которая нужна теннисисту. Теперь, я думаю, вы согласитесь с утверждением, что теннисисту нужна сила не «вообще», а сила применительно к определенной технике, к определенным движениям.

Все, что теннисист делает в области физической подготовки вне площадки, так или иначе влияет на технику его игры. Это влияние обязательно должно быть положительным. Главное условие в решении этой задачи — строгий учет специфики теннисной техники, особенностей теннисной школы движений. Это хорошо можно показать на примере самых простых упражнений.

Разберем такое азбучное упражнение, как приседания.

Вот спортсмен занял положение основной стойки и медленно начал приседать на носках. Его ноги напряжены, руки вытянуты вперед. Затем, сохраняя напряженно-прямое положение тела, спортсмен медленно выпрямляется и вытягивает руки по швам. Такая чисто гимнастическая техника выполнения упражнений теннисисту может принести только вред. Она будет вызывать напряженность и вырабатывать вредную привычку к фиксации позы.

А теперь те же приседания выполним иначе. Быстро и мягко, пружинисто присядем из совершенно свободного положения (словно бросим вниз вес своего расслабленного тела) и затем, не задерживаясь в глубоком приседе, сразу пружинисто выпрямимся и вынесем руки вперед, не завершая упражнение строго фиксированным конечным положением. Упражнение с такими особенностями движений несомненно принесет теннисисту только пользу. Оно будет развивать нужную пружинистость в «работе ног», способность к быстрым разгибательным движениям, так называемую «быструю» силу, подвижность в суставах.

Содружество техники и физической подготовки требует реализации в тренировке следующей важной методической установки: развивать физические качества необходимо как с помощью упражнений вне теннисной площадки, так и путем специальной игровой тренировки, частого использования игровых упражнений, требующих высокого проявления физических качеств.

Совершим необычную экскурсию и побываем на занятиях с теннисистами в различных спортивных организациях. Посмотрим, как совершенствуются удары с лёта — острейшее оружие современной наступательной игры.

Вот теннисистки, расположившись в нескольких метрах от сетки, мягко играют друг на друга и стараются, не затрудняя партнершу, как можно дольше держать мяч в игре. Для действий в таких простейших условиях, когда сто́ит лишь протянуть руку и мяч будет отражен, не требуется особой физической подготовки.

Но вот мы пришли на занятия в другую организацию. Здесь тренировка у сетки идет в боевых условиях. «Сеточницы» быстро отвечают на разнообразные острые обводящие удары и стараются, как заправские вратари, не пропустить ни одного мяча. Если же требует обстановка, они делают отчаянную попытку отразить мяч в энергичном броске или прыжке. Такая тренировка — яркий пример единства совершенствования техники и физической подготовки.

Вот вам две совершенно различные по характеру тренировки: одна в условиях оранжерейных, другая — в условиях боевых. Одна подчинена суворовскому принципу «Тяжело в учении — легко в бою», другая составляет его противоположность: «Легко в тренировке — тяжело в соревновании».

Игровая тренировка со сложными ситуациями, требующими быстрой реакции, стремительного бега, энергичных прыжков, мощных ударов, еще и сейчас не заняла ведущего места в подготовке многих теннисистов. Отсюда, в частности, многочисленные недуги, особенно так называемая болезнь «мертвого капитала», когда физические качества развиты неплохо, а в технике они не реализуются. Так, например, теннисист хорошо прыгает в высоту и в длину, а удары в прыжках не использует или же обладает достаточной силой, но не применяет мощные удары.

Мы разобрали отношения между тактикой и техникой, между тактикой и физической подготовкой. Теперь переходим к разбору общих особенно-

стей техники активной игры и той конкретной помощи, которую ей должна оказать специальная физическая подготовка.

Заранее оговорюсь в отношении подхода к технике: я не ставлю себе задачу дать подробный анализ каждого удара, нас будут интересовать только общие особенности техники, основные направления технической подготовки и тенденции ее развития.

Сразу возьмем, как говорится, быка за рога и перечислим эти общие особенности. Вот они:

1. Свобода и естественность движений, способность выполнять их быстро, вплоть до взрывной скорости.

2. Быстрое челночное передвижение по площадке, динамичность ударов, явно выраженная тенденция бить по поднимающемуся мячу.

3. Высокая точность и большая сила ударов.

4. Разнообразие и стабильность ударов, маскировка их главных особенностей.

5. Способность выполнять удары в трудных игровых условиях, строгая экономичность движений.

Теперь подробно разберем каждый из этих пунктов.

Свобода и естественность движений, способность выполнять их быстро, вплоть до взрывной скорости *

Александр Метревели — Владимир Пальман. Эти два теннисиста еще никогда не встречались между собой в финале чемпионата страны.

Специалисты и искушенные в тонкостях тенниса болельщики любовались виртуозностью их игры, оригинальными тактическими задумками. Да, это были игроки яркой индивидуальности, неповторимой творческой фантазии! Их объединяла и другая очень важная особенность: все их движения были на редкость свободны и естественны. Может быть, игра текла по спокойному руслу, и каждый из соперников дарил другому столько времени, сколько необходимо было для спокойной подготовки к удару? Куда там! Все было совсем наоборот.

Острота и еще раз острота! Острота замыслов и острота их исполнения! Создавалось впечатление, что участники соревнуются в выборе самых сложных и острых игровых ходов, требующих высочайшей техники. При этом каждый как огня боялся повторения уже один раз успешно использованного. Все время что-то новое и неожиданное!

Когда после нескольких кинжальных ударов сзади Пальман, устремившись к сетке, в последний момент «подменил» сильный удар укороченным с тончайшей подсечкой, Метревели, восхищенный красивым ударом соперника, даже воскликнул: «Как он играет!».

Однако разве мог темпераментный южанин спокойно относиться к дерзким вызовам невозмутимого ленинградца! Хитрость на хитрость! Оригинальность на оригинальность! Неожиданность на неожиданность!

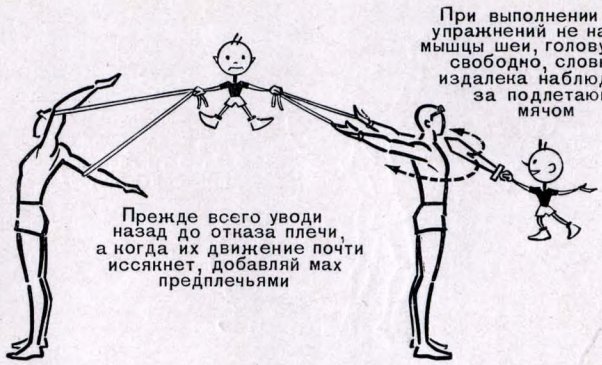
Стремителен и легок его бег за трудным мячом. Куда же на этот раз он направит мяч и каким ударом? А вот и первые «разведывательные данные»: туловище сильно развернуто влево, правая нога уже начала шаг вдоль левой боковой линии, замах медленно начал переходить в ударное положение. Не иначе как опять готовится хитрый мягкий удар, только не по центру, а вдоль боковой линии.

* Рисунки на стр. 187—197 демонстрируют общеразвивающие и специальные упражнения теннисиста. Они далеко не исчерпывают комплекса рекомендуемых упражнений, носят, если можно так выразиться, выборочный характер и раскрывают лишь особенности начальной школы движений теннисиста.

Подготовительные движения Метревели сделали свое дело. Пальман всем телом подался вправо. Еще мгновение, и... ленинградец застывает в недоуменной позе. Может быть, Метревели не сумел отбить мяч? Нет, в какое-то мгновение он сумел преобразовать мягкий удар по линии в неожиданный мощнейший удар по диагонали. И вот что примечательно: «выстрел из катапульты» был произведен исключительно легко и свободно, без видимых усилий. А ведь, замерь мы силу такого удара, я уверен, стрелка перешла бы отметку 200 кг! Так, во взаимных сюрпризах, прошел весь матч. Победил в трех упорнейших партиях Метревели и в третий раз стал чемпионом страны. Пальман же в решающие моменты каждой партии грешил довольно простыми ошибками, которые и привели его к проигрышу.

Рассказ об игре финалистов чемпионата СССР 1969 года я привел с далеко идущими намерениями. В дальнейших методических выводах и рекомендациях я хочу как бы оттолкнуться от этого примера, использовать его в качестве своеобразного трамплина.

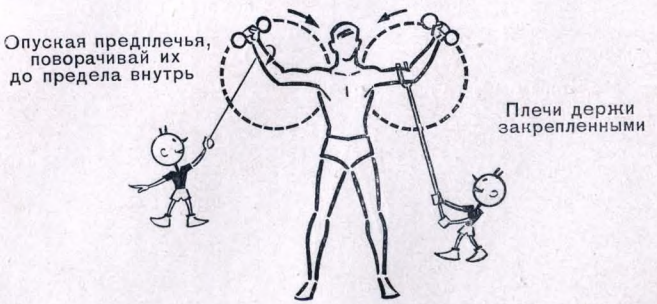
Итак, движения финалистов были свободны, естественны и, когда требовалось, очень быстры.

Махи руками назад

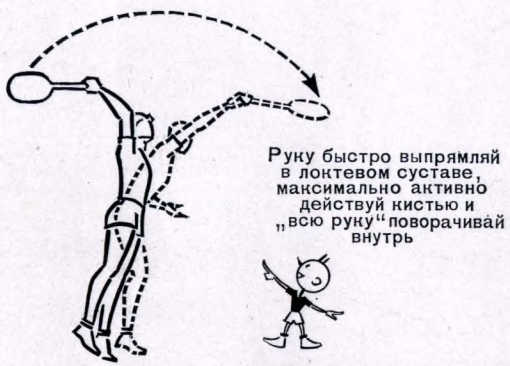
Выкруты рук назад с палкой

Вращения предплечьями

Имитация входа в петлю при подаче

Имитация с утяжеленной ракетой заключительной части ударного движения при подаче

Повороты в стороны в сочетании с махами рук

Оба игрока с завидной легкостью использовали мощные удары. В чем же секрет всего этого? Ответить на данный вопрос однозначно практически невозможно. Главное, общее условие здесь — это объединение всех движений в стройную систему, где все элементы взаимодействуют с исключительной целесообразностью, отличаются тончайшей управляемостью.

Попробуйте-ка, к примеру, свободно и быстро вынести руку с ракетой на мяч, если туловище закреплено и фактически препятствует ударному движению. Вряд ли можно будет надеяться на успех при таком нарушении необходимого «телесного содружества».

Для освоения техники со всеми ее «золотыми» особенностями движений необходимы соответствующие общие предпосылки. К их числу можно отнести способность к хорошему мышечному расслаблению, высокую подвижность в суставах, способность мышц к быстрым сокращениям. Если всего этого нет, то теннисист становится похожим на плохо управляемый ржавеющий механизм без смазки.

Выдающегося негритянского бегуна на короткие дистанции Д. Оуэнса как-то спросили, в чем секрет его успехов. «В

искусстве расслабления» — таким был очень короткий, но глубокий по смыслу ответ.

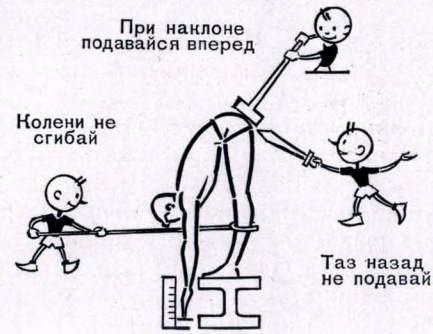
Общая раскрепощенность, способность к хорошему расслаблению исключительно важны в спорте, особенно в теннисе с его сложными и безгранично разнообразными, преимущественно быстрыми движениями. Прав был Д. Синючков, наш государственный тренер по теннису первых послевоенных лет, который утверждал: «Чтобы юный теннисист освоил технику, его в первую очередь нужно раскрепостить». Разве вы мало видели крепышей с рельефной, развитой напряженной мускулатурой, которые так и не достигли технического мастерства.

Развитие способности к хорошему расслаблению и подвижности в суставах, развитие свободы и быстроты движений самым тесным образом связаны друг с другом и осуществляются в значительной мере как бы параллельно, хотя в отдельных упражнениях и делается особый упор на развитие одного из этих важных качеств.

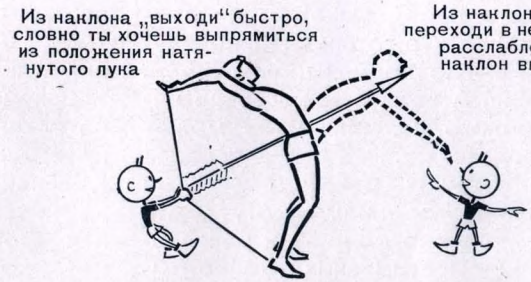
Последовательность, в которой вышеуказанные качества приведены в книге, соответствует их как бы ступенчатой зависимости. Высокая подвижность в суставах возможна толь-

Наклоны в стороны в сочетании с махами руками

Наклоны вперед

Наклоны назад

ко при развитом умении хорошо расслабляться, свобода движений, в свою очередь, достигается лишь при высокой подвижности в суставах, а быстрота движений немыслима без их свободного выполнения.

Развитие всех этих качественных особенностей, формирование теннисной школы движений должно происходить в процессе регулярной работы над техникой и во время физической подготовки.

Итак, прежде всего о способности к хорошему расслаблению.

Среди начавших заниматься теннисом могут оказаться и те, у кого данная способность находится на достаточно высоком уровне. Что же, это очень важная предпосылка к успеху. Но только предпосылка. Не больше. Ибо совершенно неожиданно уже в начальный период освоения техники тех или иных ударов у теннисиста по разным причинам может появиться явная напряженность. К тому же у любого спортсмена, особенно при выходе на дорогу соревновательных испытаний, большие психологические напряжения могут вызвать стойкую мышечную напряженность. Причем эта мышечная напряженность в дальнейшем может стать второй натурой спортсмена, если не принять решительных и своевременных мер. Нередко еще теннисисты в ответственных матчах превращаются в комок напряженных мышц, будто перед выходом на площадку игроков кто-то специально опускает в ледяную воду, чтобы сковать их движения. А ведь в тренировке ничего подобного у теннисистов может и не наблюдаться.

Среди взявших ракету с самыми серьезными намерениями могут быть и такие, у кого способность к расслаблению не на высоте (таких обычно бывает довольно много). Им придется много поработать, чтобы добиться раскрепощенности движений. Но даже и тогда, когда эта задача будет решена, не исключена возможность пагубных психологических влияний. Поэтому над способностью хорошо расслабляться надо работать систематически, приучить себя к контролю за ней как в тренировке, так и в соревнованиях, особенно в самых ответственных, требующих очень большого нервного напряжения.

Разденьтесь до трусов, подойдите к зеркалу и окиньте себя критическим взглядом. Только не принимайте специально позу, в которой вы хотите увидеть себя Аполлоном. Ваша осанка должна быть привычной, самой для вас естественной. Не исключено, что вы обнаружите у себя явно выраженную сутулость. Запомните: она бич хорошей техники, частая причина скованности движений. На моей памяти нет ни одного технически совершенного советского и зарубежного теннисиста, отличавшегося явно выраженной сутулостью.

Не исключено и другое. Вам покажется, что вы, как говорят, проглотили аршин, то есть держитесь совершенно прямо, но напряженно, будто некоторое время назад натужились и забыли потом расслабиться.

Начинать поэтому надо с обыденной осанки. Ее недостатки незамедлительно исправляйте. Уже в ней явно должна проглядывать раскрепощенность. Держитесь прямо, но не напряженно. Добивайтесь ощущения, что ваши мышцы расслаблены и отдыхают.

Специальное внимание обращайте на расслабление мышц спины. Их напряженность — нечто похожее на профессиональную болезнь у немалого числа теннисистов. Стоит ей появиться, как свободным ударным движениям не бывать. Жесткие, напряженные мышцы спины как бы сопротивляются свободному выносу руки с ракетой.

Весьма существенное значение имеет и так называемая игровая осанка. От нее во многом зависит возможность выполнять движения при ударах свободно и быстро. У немалого числа теннисистов большое психологическое напряжение, которое неизбежно в соревнованиях, дает цепную реакцию — скованную игровую осанку. Спортсмен как бы уходит в себя, сгибается в три погибели, превращается в комок напряженных мышц.

Держитесь на площадке свободно, не наклоняйте сильно вперед туловище и голову, раскрепощайте мышцы шеи. И при приеме низкого мяча старайтесь особенно не сгибаться. Лучше выполняйте удар в более низкой «посадке», сохраняя свободное положение туловища. Даже в выражении вашего лица должна читаться мышечная раскрепощенность.

Как же развивать способность хорошо расслабляться, формировать хорошую осанку?

Прежде всего очень важен психологический фактор — привычка систематически контролировать степень собственной раскрепощенности во время игры и при выполнении упражнений из комплекса физической подготовки.

Здесь мне хочется привести одну старую притчу.

Жил-был на свете незаметный, ничем не примечательный, невзрачный человечишко. Служил он исправно многие годы на самой маленькой чиновничьей должности. Когда он подходил к кому-нибудь, то во всей его сгорбленной фигуре, похожей на вопросительный знак, читалось одно: «Что прикажете?». И вдруг в один прекрасный день все сразу переменилось. «Заморыш» выпрямился, поднял нос, свысока, горделиво стал смотреть на окружающих. И причина всему была простая: его взяли да произвели в большие начальники. Так человек и переродился внешне за один-единственный день! Вот вам пример, хотя и шуточный, чудодейственного влияния психологической установки.

А почему бы вам не вооружиться установкой в форме строжайшего самоприказа: «Моя воля, внимание, мысль всегда напряжены, а мышцы расслаблены!». Считайте, что к этому обязывает вас ваша высокая должность — должность спортсмена.

Возьмите в этом отношении пример с Метревели. Как он сам рассказывает, у него вошло в привычку задавать себе в определенные моменты матча контрольный вопрос: «А раскрепощен ли я?». И делает он это в первую очередь, когда готовится подавать и принимать подачу. Прислушайтесь к словам Метревели: «Я никогда не начинаю подавать, не убедившись в полной раскрепощенности».

Однако одной психологической установки, конечно, мало. Нужны разнообразные упражнения и методические приемы, которые помогут выработать способность хорошо расслабляться, разовьют хорошую осанку, свободу движений. Прежде всего надо обратиться к комплексу упражнений так называемой спортивно-вспомогательной гимнастики, которая отражает специфику теннисной школы движений (слово «гимнастика» здесь использовано условно, так как значительную часть упражнений нельзя назвать гимнастическими). Основу каждого такого упражнения составляют простейшие движения. Если удастся достигнуть свободы движений, раскрепощенности при их выполнении, то тем самым будут созданы первые предпосылки для формирования более сложных игровых движений с теми же качествами. Познакомившись с частью упражнений, читатель может сказать: да они же общеизвестны, так стоит ли их специально разбирать? Что известны, то правиль-

но. Но главное, как их выполнять. А этот вопрос требует специального разговора.

Я напомню вам уже разобранный ранее пример с простыми приседаниями. При одном способе их выполнения будут развиваться нужные теннисисту качественные особенности движений, при другом — этого происходить не будет. Поэтому учтите: подбор упражнений неотделим от особенностей их выполнения. Каждое упражнение — это словно лекарство, успешное воздействие которого на больного во многом зависит от того, как его применять.

Ряд теннисистов многие годы выполняют упражнения из комплекса спортивно-вспомогательной гимнастики. Выполняют... а пользы никакой! Наоборот, даже вред: развивается общая напряженность, появляются угловатость в движениях, привычка к натуживанию, фиксации напряженных, неестественных поз.

Перед нами 13—14-летний подросток. Он готовится метнуть из-за головы набивной мяч. Он поднимает его вверх и одновременно с натугой изгибается назад. Откуда возникла у него такая напряженность, будто кто-то взял да впрыснул ему столбнячную жидкость. Даже мышцы ног и те «окаменели». А не потому ли она возникла, что спортсмену трудно оказалось поддерживать устойчивое положение из-за совсем сближенного положения ног?

Но не будем спешить с окончательной оценкой. Ведь впереди главная часть упражнения — метательное движение. Может быть, оно «облагородится» нужными теннисисту качествами.

Увы, нет! Чем дальше, тем все сильнее действует цепная реакция напряженности. Вот юноша совсем изогнулся назад и замер. Только бы не уронить мяч! Наконец, начато движение вперед. И опять очень напряженно. Впечатление такое, будто делается попытка сдвинуть с места что-то невероятно тяжелое. И на лице — неимоверные муки. Туловище явно сопротивляется свободному броску. Концовка: медленным движением напряженных рук мяч выталкивается вперед. Уже теперь-то можно раскрепоститься! Куда там! Ноги и туловище продолжают свое «противостояние» и, словно говорят: замри, не продолжай движение до естественного окончания — небольшого, расслабленного наклона вперед.

Может быть, причина всех этих грехов в очень большом весе мяча, и нашему юнцу просто непосильно с ним свободно упражняться? Опять-таки повременим с ответом. Попробуем научить юношу выполнять движения поиному.

Пусть он сначала расположится поудобнее, довольно широко расставив ноги. Попросим его затем свободно поднять мяч вверх и как бы проверить себя на свободу позы: попружинить ногами, чуть-чуть наклониться вперед, а потом немного назад, дабы удостовериться в наличии хорошей подвижности в тазобедренных суставах и, наконец, обязательно «пошевелить» мышцами спины, чтобы убедиться в их раскрепощенности. После такой контрольной проверки можно свободно наклоняться и отводить руки с мячом назад, делая это так, словно упругую, стальную пружину оттягивают назад. Именно пружину, а не сухую хрупкую ветку!

А теперь скажем юноше: переходи к метательному движению свободно, мягко; убедись, что в него включились ноги и туловище, и только потом «взрывайся» — быстро бросай вперед все свое расслабленное тело и предельно активным движением рук завершай бросок (словно в этот момент

отпустили оттянутую назад стальную пружину).

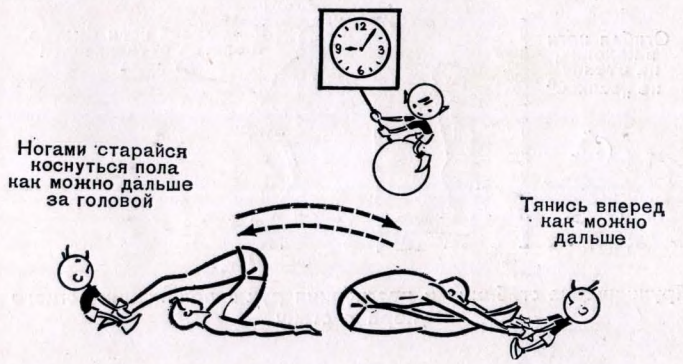
И так попытка за попыткой выполнить движение по-иному. Скоро вы начнете замечать, что мяч летит все дальше и дальше, а видимых усилий затрачивается все меньше и меньше. Оказывается, дело было не в весе мяча, а в том, как выполнялось упражнение.

Вот и выходит, что каждое упражнение — это палка о двух концах. Результаты могут быть прямо противоположные. При первом варианте наносился непоправимый вред теннисной школе движений, при втором — вносился ценный вклад в ее формирование.

Как вы уже заметили, параллельно с текстом данного раздела приводится в виде оригинальных рисунков комплекс основных упражнений спортивно - вспомогательной гимнастики теннисиста и даются общие рекомендации по их выполнению. Не удивляйтесь: в этом комплексе нет особых упражнений только на расслабление. Они играют второстепенную роль. Главное — в привычке к систематическому контролю за расслаблением при всех упражнениях и выполнением их таким образом, чтобы создавались необходимые условия для раскрепощенности, свободы движений. Приведен-

Метание набивного мяча

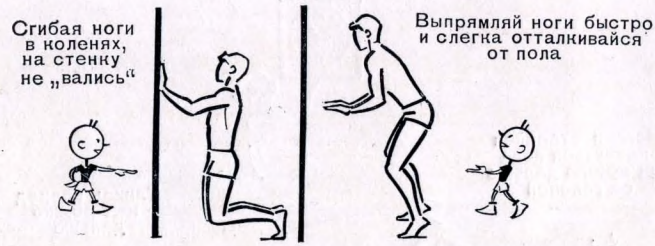
Наклоны вперед с последующим перекатом назад

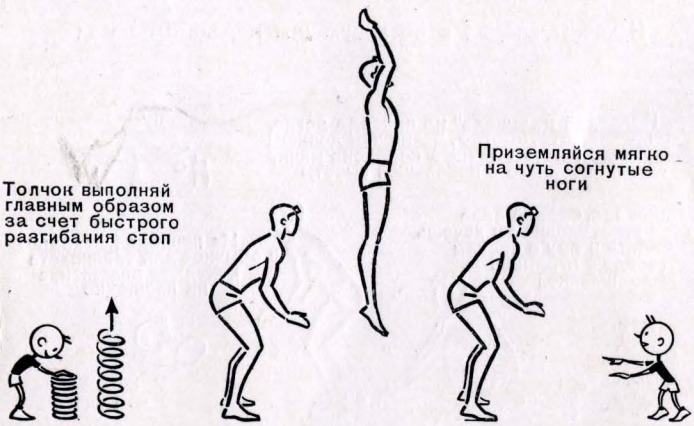
Приседания

Теннисные выпады

Пружинистые сгибания и разгибания рук в положении легкого упора о стену

Серийные прыжки из исходного положения теннисиста на площадке

ные же рекомендации как раз и помогают создать эти условия. Поэтому в тексте я ограничусь только двумя методическими приемами.

Оба они связаны с использованием упражнений, требующих больших усилий, например упражнений со штангой, тяжелыми набивными мячами, мешками с песком. Большие усилия и вдруг рядом с ними хорошее расслабление? Не странно ли? Нет! Как показывает спортивная практика, выполнение именно таких упражнений дает хорошие результаты, если руководствоваться установкой тяжелое делать легко, как бы играючи (в этом существо первого методического приема). Эта установка помогает выработать умение включать в активную работу только мышцы, непосредственно обеспечивающие в данный момент необходимое движение, и раскрепощать остальные.

Второй методический прием выражается в задании добиваться контрастной смены больших усилий и следующего за ними расслабления. Например, после метания из-за головы набивного мяча как бы бросить вперед-вниз свое расслабленное тело и дать движению мягко «затухнуть».

Вспоминается разговор с заслуженным мастером

спорта и заслуженным артистом республики Николаем Николаевичем Озеровым. Речь шла о способности хорошо расслабляться и добиваться свободы и выразительности движений. Озеров рассказал, как один из преподавателей артистического мастерства оригинальным способом проверял своих воспитанников. На сцене стояло два обыкновенных ведра. Первое с водой, второе — совсем пустое. Проверяемый должен был выполнить четыре задания. Сначала поднять первое ведро с подчеркнуто большими усилиями, затем поднять то же самое ведро, но с предельной легкостью, словно в нем нет воды. Последние задания повторяли по существу два первых, но выполнялись с пустым ведром. Сперва его надо было поднять с мнимыми огромными усилиями, а потом совсем легко, но так, чтобы создавалось впечатление тяжести. Как видите, у артистов и спортсменов есть нечто общее в методических приемах.

Теперь несколько слов о подвижности в суставах, обслуживающей необходимую гибкость. Это качество выражается в способности к движениям с большой амплитудой. Один из главных секретов гибкости — эластичность мышц, их способность свободно и сильно растягиваться. Без такой способности нельзя движения с большой амплитудой выполнять свободно и быстро (а ведь именно таких движений много в технике теннисиста).

У теннисиста, как и у всякого другого спортсмена, должна быть развита так называемая общая гибкость — хорошая подвижность во всех крупных суставах тела. Но это только полдела. В некоторых суставах необходимо развить подвижность значительно большую и придать ей несколько специфический характер (в суставах плечевого пояса, всех суставах «рабочей» руки, голеностопных и коленных суставах). Очень хорошая подвижность кисти и предплечья в движении внутрь и наружу довольно редкое требование в других видах спорта. А вот для теннисиста она крайне необходима. Попробуйте-ка произвести мощную подачу, если перед самым ударом по мячу не сливаются воедино быстрое выпрямление и поворот внутрь предплечья и кисти.

Упражнения из приведенного при помощи рисунков комплекса нацелены на развитие как общей, так и специальной гибкости.

И наконец, о свободе и быстроте движений. Эти две качественные особенности мною поставлены рядом не только потому, что без свободы движений не может быть их быстроты. Важно и другое. Теннисисту необходима свобода движений не вообще, а прежде всего в быстрых движениях. Поэтому главный совет: все то, что вы хотите сделать быстро, старайтесь делать одновременно максимально свободно. «А не теряю ли я свободу движения?» — такой вопрос задавайте себе при каждой следующей попытке убыстрить упражнение.

Присмотритесь к Метревели, когда он разминается перед ответственным матчем или в начале обычной тренировки. Вам сразу бросится в глаза какая-то неестественная для этого темпераментного спортсмена кажущаяся вялость, полнейшая «размягченность» движений.

«Сначала я ставлю себе задачу почувствовать максимальную раскрепощенность в спокойных, совсем мягких движениях,— говорит спортсмен.— Убыстрять движения и усиливать удары я стараюсь постепенно, когда я почувствую как бы слияние свободы и быстроты движений. Это слияние и означает, что я готов к игре в быстром темпе с использованием сильных ударов».

Быстрота теннисиста вариативна. Скорость его движений может увеличиваться постепенно, с резко выраженным ускорением, как, например, во время ударного движения при подаче, а также взрывным способом, как во время стремительного рывка на мяч. Поэтому используйте различные по динамике быстроты скоростные упражнения и тонко их варьируйте по скоростным характеристикам.

Теннисисту быстрота необходима главным образом в ударных движениях, при стремительных передвижениях по площадке, во время прыжков и бросков у сетки. О каждом из этих проявлений быстроты речь пойдет дальше. Здесь же я ограничусь только общими рекомендациями, как выполнять упражнения, составляющие школу движений теннисиста. Упражнения эти развивают способность к хорошему расслаблению, подвижность в суставах, свободу и быстроту движений и, конечно, силу, особенно если используются отягощения.

Перед тем как перейти к общим рекомендациям, хочу дать один практический совет. В качестве отягощений очень удобно применять удлиненной формы набивные мешки с песком. Их можно сделать самому из плотной ткани и свободно упражняться с ними даже в домашних условиях. Отягощения-мешки (весом 5—15 килограммов) во многом заменяют штангу и набивные мячи. В мешки желательно вмонтировать обычные застежки-«молнии». Тогда «домашняя штанга» может стать походной принадлежностью. Перед выездом на тренировку вы сможете вытряхнуть из мешка песок, а на новом месте занятий вновь набить мешок песком.

В заключение девять главных заповедей выполнения упражнений с учетом особенностей техники тенниса:

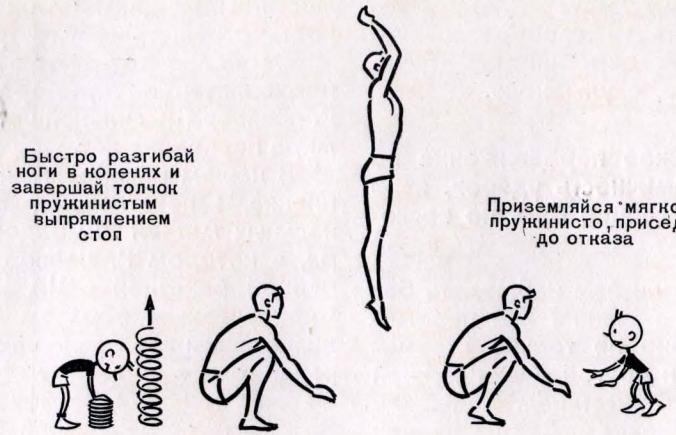
Вращения

1. Выполняйте движения свободно на фоне общей мышечной раскрепощенности, особое внимание обращайте на расслабление мышц спины.

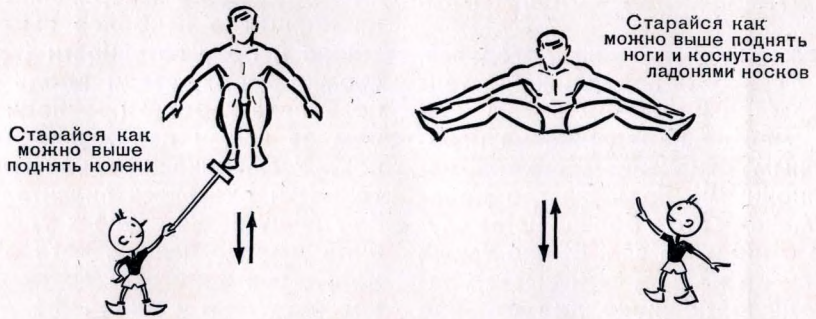
2. Дышите свободно, совершенно естественно, как бы в ритм с движениями, делайте вдох в момент, наиболее естественный для «расправления» грудной клетки.

3. Избегайте строго фиксированных статичных исходных и конечных положений, пусть они будут непринужденными и свободными.

4. Начинайте каждую следующую попытку выполнять упражнение только после того, как вы убедитесь в отсутствии напряженности.

Серийные прыжки из глубокого приседа

Серийные прыжки с высоким подниманием коленей и разведением ног в стороны

5. Добивайтесь легкого, незамедлительного маятникообразного перехода от движений в одну сторону к движениям в другую сторону.

6. Используйте волнообразное наращивание усилий от наиболее крупных и мощных мышц к мышцам «мелкого калибра» (наиболее характерный пример такой последовательности, отличающий большинство ударных движений теннисиста: мышцы туловища, мышцы плечевого пояса, мышцы плеча, мышцы предплечья, мышцы кисти).

7. Варьируйте скорость движений: выполняйте их то с постепенным убыстрением, то с более резким, в том числе и «взрывным».

8. Постепенно увеличивайте амплитуду движений, добивайтесь в каждой серии упражнений предельно возможной для вас амплитуды, для дальнейшего увеличения подвижности в суставах используйте отягощения и активную помощь партнера.

9. Постепенно повышайте вес отягощений, переходите к каждому следующему весу только после того, как

в упражнениях с предшествующим весом уже достигнута свобода движений, следуйте всегда принципу: «Трудное делай легко, с улыбкой».

Быстрое челночное передвижение по площадке, динамичность ударов, явно выраженная тенденция бить по восходящему мячу

Приходилось ли вам наблюдать бег челнока ткацкого станка? Его перемещение характерно не только стремительностью, но и другой очень важной особенностью: отсутствием задержки в крайних положениях. Достиг челнок такого положения и тотчас начинает бег в обратную сторону. Итак, туда-обратно, туда-обратно. Сотни, тысячи раз!

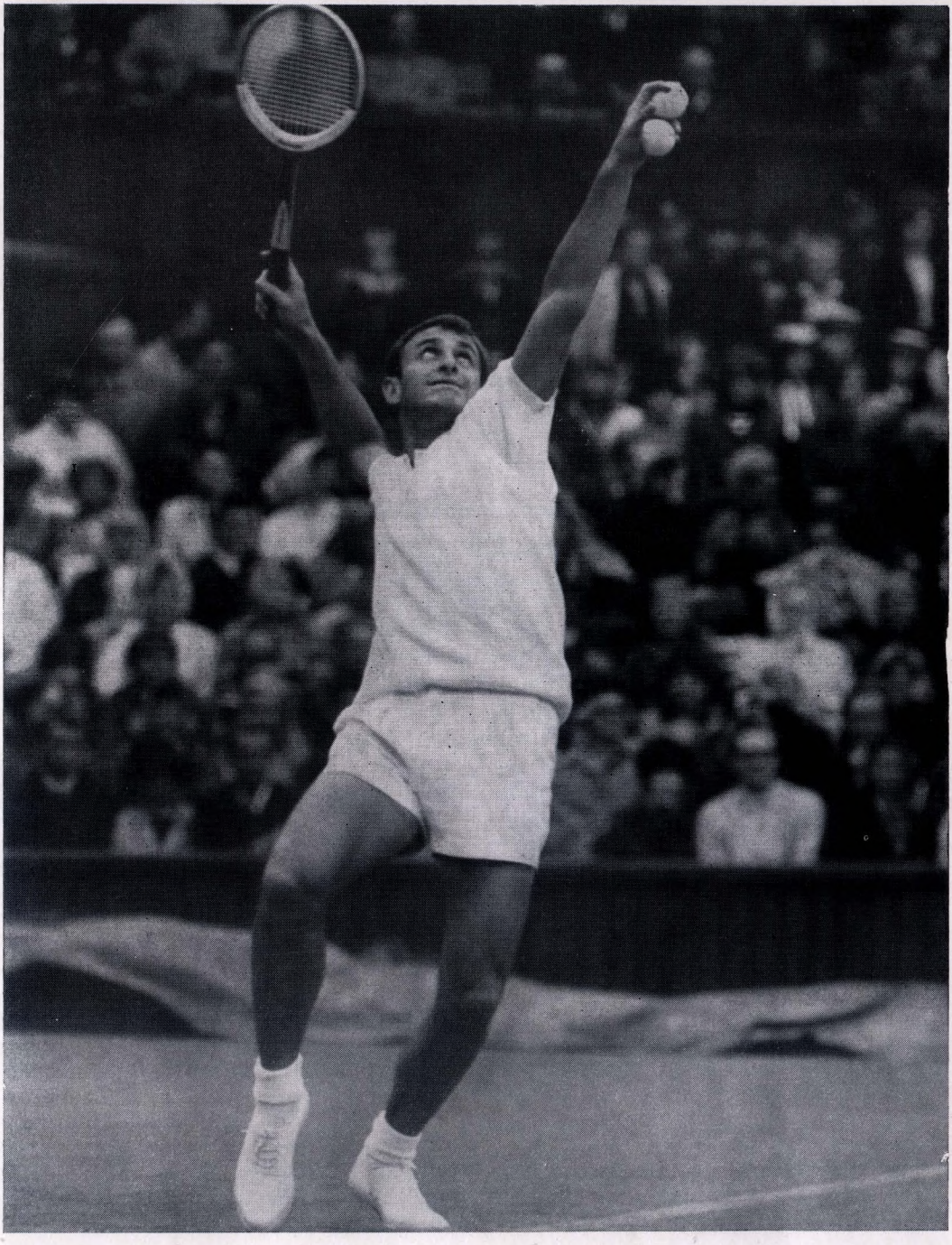
Читатель, видимо, уже догадался, что я хочу сравнить передвижение теннисиста со стремительным бегом челнока. Да, многие передвижения игрока с полным основанием можно назвать челночными. Ведь быстро добежать до мяча — это в большинстве случаев еще отнюдь не все. Важно также быстро «выйти из удара» и быстро занять выгодную позицию для отражения следующего удара соперника.

Были изучены многочисленные материалы киносъемки игры ведущих советских и зарубежных теннисистов в условиях ответственных соревнований. В частности, ставилась задача определить, в какой позиции и позе находятся обычно спортсмены в момент удара соперника. Выяснилась очень интересная особенность: высококлассные теннисисты в большинстве случаев успевают, причем даже в самых скоротечных игровых ситуациях, занимать наиболее тактически выгодную позицию на площадке и позу наивысшей готовности к последующим действиям. В этом, оказывается, и заложен один из важнейших секретов игровой неуязвимости выдающихся игроков, их способность отражать самые трудные мячи!

Особенно отчетливо это можно подчеркнуть на примере австралийца Р. Лейвера — сильнейшего теннисиста мира последних лет.

В нашем распоряжении была кинопленка, запечатлевшая один из финальных матчей Уимблдонского турнира, в котором Р. Лейвер встретился с первой ракеткой США Ч. Мак-Кинли. Скрупулезным образом были проанализированы все без исключения розыгрыши очков в этом матче (счет был 6 : 3, 6 : 1, 6 : 4 в пользу австралийца). За всю встречу Лейвер произвел 590 ударов, не считая подачи и приема подачи. В 502 случаях он успевал к моменту удара американца занимать на площадке наиболее выгодную позицию и позу готовности (точка киносъемки сверху-сзади вдоль площадки позволяла хорошо проследить по кадрам за всеми передвижениями игроков). У американца характеристика готовности оказалась значительно ниже. Ему лишь в 304 случаях удавалось решать данную задачу, хотя общее число ударов у него было примерно таким же, как и у соперника. Мак-Кинли, как показывают временные характеристики его движений, тратил на выход из удара в среднем на 30 процентов больше времени, чем австралиец. Это в первую очередь и было причиной ощутимого запаздывания в принятии им позы готовности.

Еще мгновение, и по мячу будет произведен мощнейший удар. Силе подачи первого игрока мира 1970 года Д. Ньюкомба могут позавидовать многие теннисисты. Но посмотрите, как свободно, без видимого напряжения готовится австралийский спортсмен к удару. Согласитесь, что в этот момент он даже напоминает статуэтку с надписью: «Само изящество». Одновременно во всей его позе читается и другое — скрытая сила, готовность к «пушечному выстрелу»

Тот, кто видел Р. Лейвера и его именитых соотечественников, особенно К. Розуола, в игре, могли воочию убедиться в огромном значении для успеха очень быстрого челночного передвижения по площадке. Не случайно Розуол — самый неуязвимый теннисист мира в игре у задней линии.

А теперь внимательно присмотримся к позе игрока в момент удара соперника. Что это? Соперник вот-вот произведет удар по мячу, а игрок, пружинисто оттолкнувшись вверх довольно широко расставленными ногами, как бы «завис» на мгновение в воздухе. Аспирант Московского института физической культуры В. Янчук, специально изучавший многочисленные варианты передвижения по площадке ведущих советских и зарубежных теннисистов, назвал это положение «разножкой». На богатом фактическом материале молодой специалист показал, что в игровых ситуациях, требующих очень быстрых ответных действий, «разножка» почти всегда имеет место. Она — одно из средств своевременной подготовки к быстрому передвижению. Предварительно спружинив и оттолкнувшись ногами, теннисист затем мягко приземляется и упругим толчком подает себя в сторону движения к мячу (именно в этот момент становится ясным, куда соперник направил мяч). В такой «разножке» есть нечто общее с напрыгиванием на гимнастический трамплин для последующего стремительного прыжка.

Отметим и еще одну очень важную особенность игровых передвижений.

Вообразите, что вы сидите в кресле и с головой ушли в чтение интереснейшей книги. Вдруг к вам на колени прыгает ваш любимец кот Васька. Вы даже и не слышали, как он к вам подкрался и затем прыгнул на высоту, значительно превышающую его собственный рост. И коснулся он вас мягко, нежно, словно он почти невесомый.

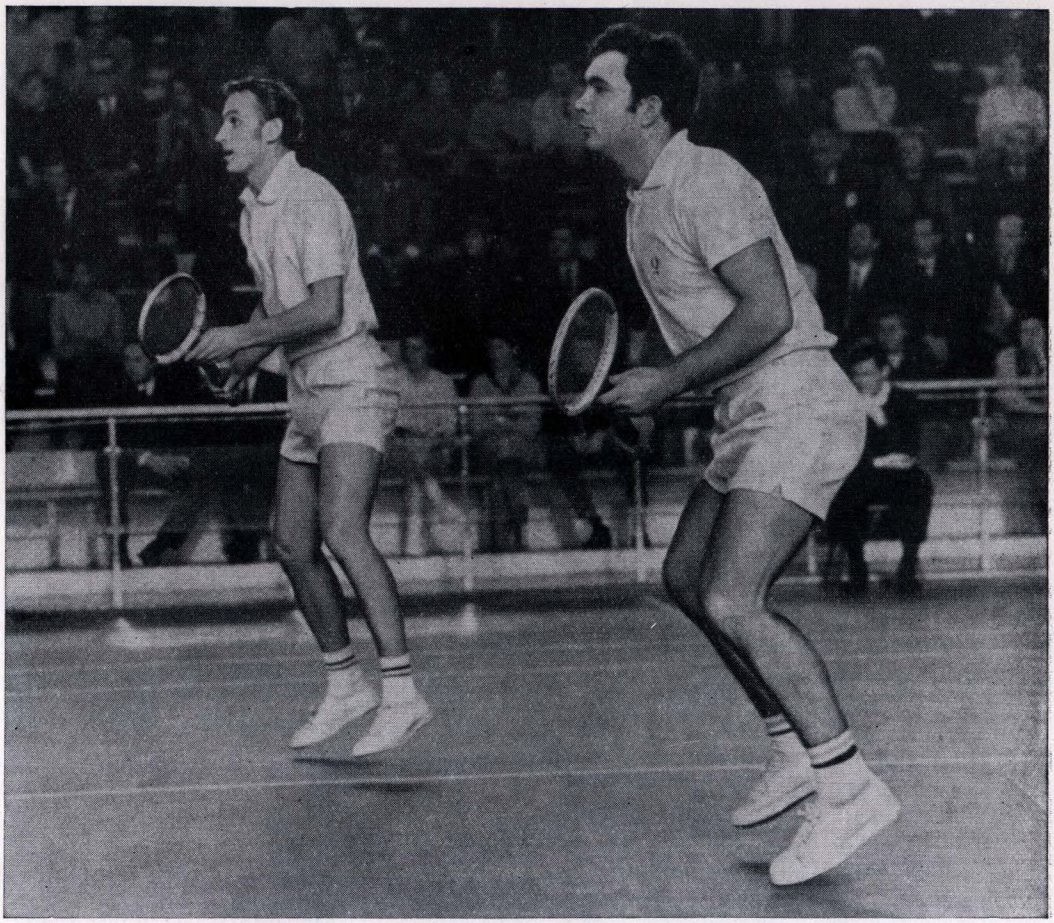
А не напоминает ли вам передвижение подлинных мастеров по площадке кошачьи движения? Ведь вы поражаетесь не только быстротой действий теннисных виртуозов, их способностью доставать трудные мячи, но и исключительной свободой, кошачьей мягкостью, эластичностью их движений. В последних перечисленных нами качествах и лежит один из секретов хорошей «работы» ног.

Ноги теннисиста должны быть быстрыми, сильными и одновременно «мягкими» и пружинистыми. «У этого теннисиста жесткие ноги» — такой вывод звучит не иначе как суровое предупреждение о его весьма ограниченных возможностях и требует самых радикальных мер.

Как утверждают историки, выдающегося физика Н. Бора как-то спросили: «Какой из «инструментов» живой природы способен к проявлению наибольшей силы?».

«Конечно, самая обыкновенная кошачья лапка, способная вытолкнуть ее владельца на высоту, во много раз превышающую собственный его рост»,— таким был шутливый ответ. К ответу Бор еще добавил: «Когда вы просите четвероногого красавца дать вам лапку, делайте это с величайшим уважением. Ведь только представьте себе ваши огромные возможности, если бы ваша стопа обладала теми же чудодейственными свойствами».

Да, именно от силы стопы у теннисиста зависит многое. Наиболее активные толчковые усилия приходятся прежде всего на стопу, действующую наподобие подкидного гимнастического мостика. Ее быстрое разгибание, сочетающееся с выпрямлением немного согнутой голени, и создает «толчковый импульс». У теннисиста в большинстве случаев отсутствует возможность сильно сгибать ноги в коленях во время

Оба спортсмена — неоднократные чемпионы СССР В. Егоров и В. Коротков — «повисли» в воздухе. Что же делают в этот момент их невидимые на фотографии соперники? Наверняка один из них задумал что-то недоброе и вот-вот произведет хитрый ответный удар. Но куда? Пока это для обоих партнеров загадка. Однако пройдет буквально мгновение, и спортсмены, опустившись на «пружинистые ноги», окажутся в положении наивысшей боевой готовности. Занятие этого положения, видимо, как раз и совпадает с моментом непосредственного удара соперника по мячу

рывка и прыжка, как это делает, например, спринтер в положении низкого старта ради создания наилучших условий для мощного отталкивания. Поэтому развитие мышц стопы теннисиста требует особого внимания. Большую помощь здесь могут оказать специальные упражнения.

Разберем в общих чертах весь цикл передвижения теннисиста (от исходного положения до возвращения в него после удара). В качестве примера возьмем передвижение для ударов

вблизи задней линии во время игры в быстром темпе. И пусть вас не смущают такие сомнения: а может быть, это не типично, ведь не все же время теннисист мечется из угла в угол? Техника передвижений как раз и должна формироваться обязательно с ориентацией на самые скоротечные ситуации и обеспечивать возможность играть в стремительном темпе. В игре, напоминающей течение равнинной речушки, будет себя чувствовать как рыба в воде почти каждый средний теннисист. Другое дело, когда игра обернется стремительным бурным потоком! Ведь не секрет, что у нас еще немало теннисистов, техника передвижения которых приспособлена только к среднетемповой игре. И как только игра приобретает стремительный темп, они оказываются беспомощными.

Переходим к разбору движений.

Мяч совсем рядом с вашим соперником, и остается какое-то одно мгновение до его удара. Бросим в этот момент взгляд на игрока, ожидающего мяч. Его поза — воплощение наивысшей боевой готовности. Он — весь внимание, ноги превратились в пружины, готовые его вытолкнуть немедленно в нужном направлении. Да, именно вытолкнуть, а не просто повернуть в сторону.

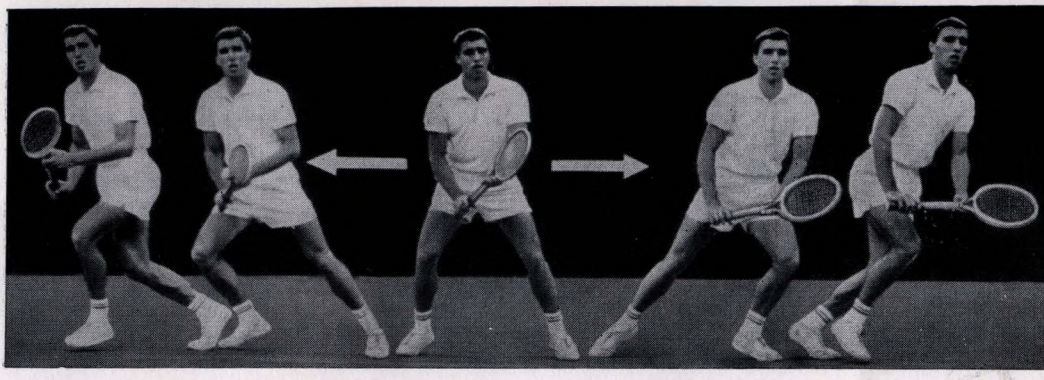
Начинающим обычно говорят: «Как только вы определите направление летящего к вам мяча, повернитесь в его сторону и затем двигайтесь к нему для удара». Что же, этот совет не вызывает возражений, когда изучается азбука тенниса в простейших условиях. А вот неотступное следование ему в дальнейшем может воздвигнуть серьезное препятствие: теннисист привыкнет к статическому повороту и будет запаздывать на старте.

Легкоатлеты старт на короткие дистанции образно называют «старт пулей». Думается, и старту теннисиста для отражения трудно досягаемого мяча можно дать такое же название. Даже малейшая потеря времени при старте на мяч «смерти подобна». Решающим здесь выступает умение быстро подавать себя в сторону передвижения, нередко даже как бы выстреливать собой за счет пружинистого движения ног в направлении стремительно летящего мяча.

А как же тогда быть с поворотом туловища для подготовки к удару? Без него, безусловно, не обойтись. Но он должен осуществляться не на месте, а в процессе уже начатого быстрого движения к мячу.

Слово «старт» означает начало движения. А ведь любое движение, в том числе и стартовое, имеет определенное направление. Тут-то и возникает вопрос о выборе наиболее выгодного направления выхода на мяч. Оговорюсь заранее: игровые ситуации столь разнообразны, что они требуют различных вариантов передвижения и нередко теннисист бывает себе сам не хозяин — соперник просто вынуждает его к определенному передвижению, причем во многих отношениях невыгодному, но в данный момент единственно возможному.

Передвижение к мячу зависит в первую очередь от направления и длины удара соперника, от ваших собственных и его дальнейших тактических намерений (например, остаться у задней линии или выйти в сетке). И все же, несмотря на все эти переменные факторы, старайтесь при первой возможности придерживаться принципа так называемого встречного удара по восходящему мячу. Он предписывает: двигайтесь на мяч, ударяйте по нему до того, как он начал при отскоке снижаться, когда ваше и его движения как бы встречны и вы можете при выносе вперед руки с ракетой обеспечить «работу» ног и туловища по ходу

Фотомонтаж демонстрирует старт теннисиста при движении вправо и влево. Из исходного положения Метревели быстро «подал» себя в сторону передвижения, пружинисто оттолкнувшись от площадки ногой, разноименной с подготавливаемым ударом. Этим он избежал статического поворота на месте, который способен отнять доли секунды, очень ценные для быстрой подготовки к удару. Затем спортсмен начинает незамедлительное движение к мячу, в процессе которого он свободно поворачивается в сторону и производит замах

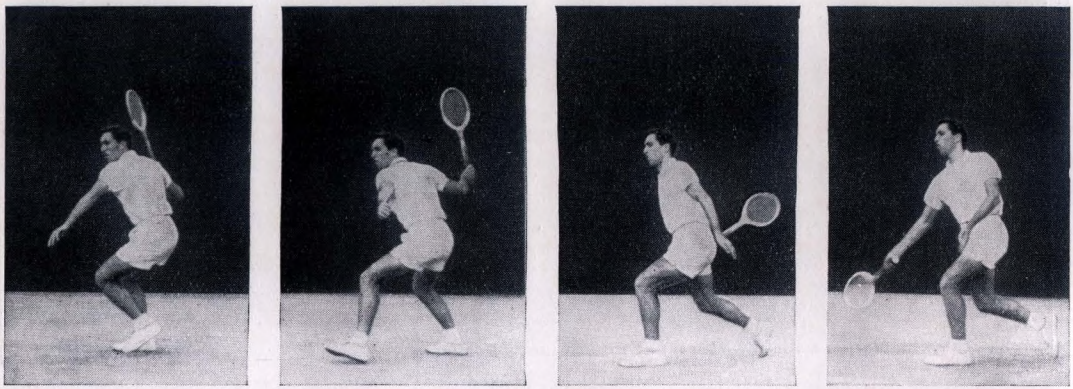
удара. Использование этого принципа в современном теннисе — не отдельные игровые эпизоды, а своего рода ярко выраженная тенденция.

Перейдем к следующему этапу передвижения. Допустим, что старт уже взят и теннисист выходит на «оперативный простор». Его ближайшая задача — своевременно приблизиться к мячу и отразить его в возможно более выгодной точке при удобном для точного и сильного удара положении всего тела. Здесь очень важно соединить быстрый бег с движениями туловища и руки с ракетой. Малейшая их разобщенность отнимает драгоценные доли секунды.

Теннисист приблизился к мячу. Еще мгновенье, и он, как принято говорить, «войдет в удар». В этот момент к «работе» ног предъявляются особенно высокие требования. Положения ног и их мягкое движение по ходу удара должны способствовать свободному перемещению вперед туловища и руки с ракетой. Если теннисист вынужден был двигаться только поперек площадки или даже отступать назад, то крайне желательно хотя бы последний шаг перед ударом делать в направлении сетки. При наблюдении за игрой подлинных мастеров создается впечатление, что шаг в момент входа в удар и само ударное движение составляют нечто единое, как бы сливающееся со свободным движением по площадке и продолжающее его.

Многое здесь зависит от, казалось бы, незначительной детали — особенностей постановки ноги, которой делается шаг в направлении сетки (левой — при ударе справа и правой — при ударе слева). Эта нога должна работать наподобие упругой пружины с мягкой амортизацией. Только тогда вход в удар будет свободным и через «шагающую ногу» можно будет подать вперед вес тела.

Присмотритесь к теннисистам с резко прерывистым передвижением перед моментом удара. Вы сразу заметите жесткую постановку этой ноги. Временами будет даже казаться, что теннисист натыкается на нее.

По этой кинограмме хорошо можно проследить за «работой» ног во время ударного движения и его завершения. Сделав сначала шаг вперед и расположив ноги по ходу удара, А. Метревели мягким выпадом в направлении сетки как бы сопровождает вынос ракеты на мяч. В результате туловище его немного подается вперед и создаются необходимые условия для объединения усилий ног, туловища и рук с целью выполнения сильного и точного удара. Как можно судить по кадрам 5—8, динамизмом отличается «работа» ног и при завершении удара. Продолжая поворачиваться к сетке, спортсмен быстро подтягивает вперед правую ногу и оказывается в положении готовности для старта в обратную сторону — в направлении своей будущей исходной позиции где-то вблизи середины задней линии. «Вчитайтесь» в движения спортсмена на последнем кадре. Ракета все еще вверху, а ноги и туловище Метревели уже начали движения влево. Иными словами, спортсмен уже принимает старт в другую сторону. В целом кинограмма свидетельствует о том, что Метревели свободно «вошел» в удар, а затем быстро и свободно из него «вышел», чтобы успеть занять новую выгодную позицию на площадке

Резко выраженное прерывистое передвижение по площадке, тенденция выполнять удары обязательно после предварительной остановки несовместимы с игрой в быстром темпе и необходимыми для нее ударами с ходу.

Но вот мяч отделился от струн. Теперь уже никакими силами нельзя повлиять на его полет. Однако в этот

момент как раз и очень важно не потерять драгоценные доли секунды, которых иногда и недостает для ответа на следующий удар соперника. Здесь, так же как и на старте, медлить нельзя. Сумеешь быстро выйти из удара — успеешь своевременно подготовиться к следующему. Если же нет, останется лишь одно: беспомощно проводить глазами удаляющийся мяч. Поэтому при окончании удара не должно быть даже малейшего закрепления, фиксирования некой красивой конечной позы с расположением ног, характерным для момента непосредственного удара.

Это правило, казалось бы азбучное, нередко нарушается. Так, иногда смотришь на некоторых теннисистов, и создается впечатление, будто они своими завершающими движениями хотят сказать: посмотрите, какой я красивый удар выполнил! Обычно такое своеобразное позирование к добру не ведет — оно просто отнимает драгоценные доли секунды. Поэтому приучайте себя никогда не задерживаться при выходе из удара.

С момента выхода из удара начинается так называемое междударное время, длящееся до контакта мяча с ракетой соперника. Правильное использование этого времени — залог готовности к следующему удару, особенно когда игра протекает в стремительном темпе. Важно не только быстро выйти из удара, но и своевременно занять тактически выгодную позицию на площадке для парирования ответа соперника. Выход из удара собственно говоря, как раз и является началом повторного старта для занятия такой позиции. При завершении удара теннисист должен оказаться в положении готовности для возвратного движения к позиции у задней линии или продолжения движения вперед, если он задумал выйти к сетке. Особенно в первом случае очень важно, чтобы ноги не потеряли пружинистость и могли быстро как бы подать теннисиста в сторону повторного старта.

Не случайно движения при окончании удара меняются в зависимости от дальнейших намерений теннисиста. Так, например, после удара справа без выхода к сетке заметно быстрое подтягивание вперед правой ноги (на одну линию с левой ногой) и движение туловища влево — в сторону повторного старта, причем еще до того, как завершится движение вперед руки с ракетой.

После выхода из удара и повторного старта теннисист вновь выходит на «оперативный простор» и быстро перемещается к новой исходной позиции, используя для этого обычный теннисный бег или передвижение приставными шагами в сторону.

К моменту нового удара соперника теннисист снова должен оказаться в положении готовности к повторным ответным действиям. И опять, мягко спружинив ногами и чуть оттолкнувшись вверх, он затем опускается на упругие ноги и незамедлительно отталкивается от площадки в направлении нового старта. Так завершается один цикл передвижения по площадке и начинается новый. Цикл, как мы видим, состоит из следующих взаимосвязанных пяти частей: первоначального старта с «разножкой» из исходного положения; движения к мячу для удара; входа в удар и «работы» ног в момент непосредственного удара; выхода из удара и повторного старта; движения для занятия новой тактически выгодной позиции и нового исходного положения на площадке для своевременной подготовки к следующему удару.

Отрезки передвижения не есть нечто изолированное, хотя они и имеют каждый свое самостоятельное лицо.

Они — звенья одной цепи передвижения, где последующее не только вытекает из предыдущего, но и оказывает на него обратное влияние.

Именно по этой причине в игре больших мастеров сразу бросается в глаза исключительная свобода в передвижениях, совершенно естественный и незамедлительный переход от одного звена передвижения к другому, динамичность ударов, способность выполнять их с ходу. На стыке же отдельных отрезков передвижения часто происходит потеря драгоценных долей секунды, так необходимых для игры в стремительном темпе. Например, вместо того чтобы выполнить удар с ходу по поднимающемуся мячу и выиграть во времени, теннисист перед ударом останавливается и в строго определенной статической позе пытается отбить уже совсем снижающийся мяч.

Стремитесь к динамичности ударов! Это одно из главных условий отражения трудных мячей, игры в стремительном темпе. Даже подача и та должна быть динамична. Ведь в современном теннисе она часто выступает в роли стартового приема техники, который широко используется для выходов к сетке. Но такой может быть не всякая подача, а только с движениями, которые позволяют свободно продвигаться вперед.

Не повторяйте следующей широко распространенной ошибки в технической подготовке, особенно представительниц слабого пола. В первые годы занятий теннисом изучается обычно статическая подача (без продвижения вперед), и только тогда, когда она прочно осваивается занимающимся, ставится задача использовать ее для выхода к сетке. Тут-то и обнаруживается принципиальное различие между двумя, казалось бы, одинаковыми ударами — статичным и динамичным. И тогда приходится потратить много времени для соответствующих изменений техники. А сделать это удается далеко не всем. Поэтому прислушайтесь к такому совету: сразу осваивайте динамичную подачу, регулярно проверяйте возможность свободного продвижения вперед вслед за ударом.

Подведем теперь итоги нашего разговора короткими выводами. Итак, передвижения теннисиста должны отличаться:

1) строгой согласованностью и челночным характером отдельных отрезков передвижения, объединением их в единый цикл подготовки к ближайшему и следующему ударам при высокой скорости и быстрой смене их способов;

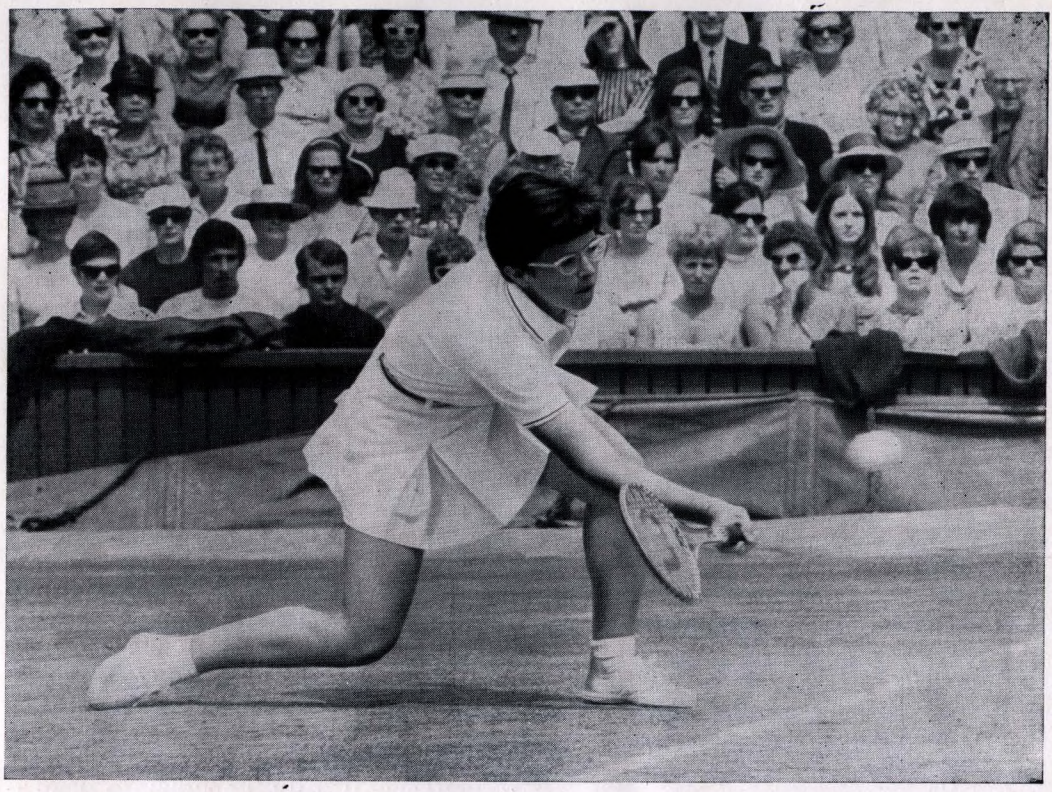
2) мягкостью и пружинистостью «работы» ног, особенно в момент «входа» в удар и «выхода» из него;

3) строгой согласованностью с подготавливаемым ударом, при которой его выполнение как бы сливается со свободным перемещением, ориентируется на использование принципа встречного удара по восходящему мячу и подготавливает необходимые условия для удара в наиболее выгодной точке при удобном положении всего тела;

4) выполнением стартов, бросков и прыжков из исходных положений при довольно небольшом сгибании ног в коленях, приводящем к концентрации толчковых усилий главным образом на стопу и голень;

5) подчиненностью тактическим требованиям, занятием в соответствующие моменты игры тактически выгодных позиций и поз, обеспечивающих наивысшую готовность к быстрым ответным действиям.

В научных кругах говорят: «Сначала познай специфику изучаемого и только потом, оперевшись на нее, берись за разработку методических рекомен-

Три года подряд, начиная с 1966 года, американка Б. Д. Моффит-Кинг возглавляла мировую десятку. Она из плеяды ярко выраженных «сеточниц». Маленький рост не помешал ей взять на вооружение нападающую атлетическую игру. Моффит-Кинг — общепризнанный мастер ударов с лёта в низкой точке, ударов, относящихся к числу наиболее трудных, требующих особенно совершенной «работы» ног, умения очень тонко управлять ракетой. Как свидетельствует фотоснимок, теннисистка выполняет этот технический прием в момент энергичного выпада вперед, при движении ног по ходу удара, в точке, далекой от туловища

даций». Последуем и мы этому совету. Ведь главные особенности передвижений уже выявлены. Теперь вполне своевременно перейти к методическим советам, конкретному комплексу рекомендуемых упражнений. Они как бы вытекают из специфики передвижений.

Приведем два примера зависимости методики от специфики передвижения, показывающих, почему избраны именно данные упражнения.

Первый пример. Какие беговые упражнения теннисисту наиболее целесообразно использовать? Может быть, обычный легкоатлетический бег на короткие дистанции? Но тогда мы предадим полному забвению челночный, цикличный характер передвижения. Нет, теннисисту нельзя ограничиться однократным или повторным пробеганием коротких дистанций. Ему в первую очередь необходимо использовать беговые комплексы, состоящие

из отрезков, преодолеваемых в различных направлениях, разнообразными способами при максимально быстром изменении особенностей передвижения на каждом отрезке.

Второй пример касается прыжковых упражнений. И они должны быть преимущественно комплексными, а не одиночными. Ведь их задача — вырабатывать умение не только высоко или далеко прыгать, но и мягко, пружинисто приземляться, а затем вновь незамедлительно делать рывок или прыжок в другом направлении.

В прыжковых упражнениях теннисиста есть и другая специфическая особенность. Прыжки можно выполнять из различных исходных положений при различном распределении толчковой нагрузки.

Целесообразнее всего использовать прыжки из положения при немного согнутых ногах, когда особое значение для мощного толчка приобретает очень активное, пружинистое разгибание стопы (именно такие прыжки чаще всего приходится делать теннисисту во время игры).

Но каков же все-таки конкретный комплекс упражнений? Он состоит из подготовительных игровых упражнений.

Само название упражнений «подготовительные» говорит о многом. Их главная задача — подготовить теннисиста физически к быстрым игровым передвижениям. В семейство этих упражнений входят прежде всего беговые и прыжковые упражнения.

Предвижу недоуменный вопрос читателей: какая же связь между быстротой бега по площадке и прыжками? Не удивляйтесь. Прыжковые упражнения — одно из лучших средств подготовки ног к стремительному бегу, придания им силы, эластичности, мягкости.

«Бегать и прыгать!» — такой приказ дайте себе уже в начальный период увлечения теннисом. В первые годы занятий проявление скоростных способностей при передвижениях будет тормозиться из-за неосвоенности техники ударов (попробуйте-ка сразу выполнять удары во время быстрого бега!). Тут-то вам и должны прийти на помощь подготовительные беговые и прыжковые упражнения. Тогда уже к моменту завершения начального периода освоения техники вы будете приятно обрадованы: ваша физическая подготовленность позволит вам успешно развивать быстроту игровых передвижений. Но при условии, если вы возьмете на вооружение разнообразный круг упражнений и значительную их часть станете выполнять как бы комплексно. Так, не ограничивайтесь обычным бегом на короткие дистанции (6—30 м). Широко используйте и другие варианты бега: спиной вперед, боком вперед, скрестным шагом, приставными шагами в сторону. Отрезки передвижений различными способами объединяйте в беговые комплексы с резким изменением направлений бега и приданием ему челночного характера.

Вот примеры таких комплексных упражнений:

1. Зигзагообразный бег с обеганием расставленных по дистанции предметов.

2. Бег по «восьмерке».

3. Челночные виды бега вперед-назад и из стороны в сторону с использованием различных способов передвижения (например, туда — обычным способом, обратно — спиной вперед или в одну сторону — обычным способом, в другую сторону — приставными шагами).

Разнообразие и комплексность должны отличать и прыжковые упражнения. Используйте их в различных направлениях, меняйте их особенности с учетом действий теннисиста в игре,

варьируйте распределение толчковой нагрузки.

Прыжки в сторону и в сторону-вперед, прыжки вверх и вверх-назад — вот наиболее характерные для теннисиста прыжки в условиях соревнований (у сетки для отражения низких обводящих ударов и обводящей свечи). На них обратите особое внимание. Они непосредственно подготовят вас к действиям в сложных игровых условиях.

Толчки при прыжках осуществляются быстрыми разгибательными движениями в голеностопных, коленных и тазобедренных суставах. Но здесь возможны различные варианты распределения толчковых усилий. Одни прыжки выполняйте главным образом за счет быстрого разгибания стопы, другие — при разгибании и стопы и голени, в третьи вносите мощную добавку — разгибание еще и бедер (примером последнего вида прыжков может служить выпрыгивание вверх из положения глубокого приседа). Специальное внимание обращайте на особенности каждого приземления при серийных прыжках и своевременность повторных отталкиваний. Приземления должны быть мягкими, амортизирующими, прыжки — быстрыми, пружинистыми, взрывными.

При серийных прыжках вообразите, что вы превратились в брошенный на твердую и гладкую поверхность мяч, который незамедлительно от нее отскакивает. Выполнять прыжки «мячикообразно» — дело, прямо скажем, трудное. Нужны сильные и эластичные ноги. Если этого «оружия» нет, то будет создаваться впечатление, что «мяч» падает на поверхность, смазанную толстым слоем очень вязкого клея, и еле-еле отделяется от нее, истратив почти все свои «силы» на избавление от ее цепких объятий.

Примерный комплекс прыжковых упражнений теннисиста таков:

1. Подскоки вверх за счет разгибания стопы из обычного исходного положения теннисиста на площадке.

2. Прыжки вверх из среднего и глубокого приседа.

3. Прыжки вверх с высоким подниманием коленей (так называемые прыжки «кенгуру»).

4. Прыжки вверх с доставанием высокоподвешенного предмета или условной отметки (с места и с короткого разбега, в том числе и с разбега боком и спиной вперед).

5. Прыжки из стороны в сторону при скрестном прыжковом шаге.

6. Многоскоки на одной ноге, с толчком попеременно то одной, то другой ногой и с толчком одновременно обеими ногами.

7. Прыжки в сторону и в сторону-вперед с имитацией ударов с лёта и прыжки вверх и вверх-назад с имитацией ударов над головой.

Прежде чем перейти к игровым упражнениям, предварительно попытаемся ответить на вопрос: в каких передвижениях теннисисту необходимо достигать наибольшей скорости?

Таких передвижений пять: 1) из стороны в сторону (вблизи задней линии); 2) в стороны для приема подачи; 3) вперед для приема укороченного мяча; 4) назад при отбегании от сетки для отражения обводящей свечи; 5) в стороны вблизи сетки для отражения низких обводящих ударов. Эти передвижения и должны лечь в основу игровых упражнений.

Крайне желательно при всех скоростных упражнениях заниматься с двумя спарринг-партнерами и иметь большое количество мячей (не менее двенадцати). Тогда можно достигнуть большой повторяемости ударов и одновременно разнообразия и остроты ответов (в противном случае большая часть времени уйдет на собирание мячей).

Ответы ваших партнеров по упражнениям могут быть или заранее обусловленными, или неожиданными. Первые ответы используются в элементарных, как бы настроечных упражнениях. Главный же девиз: неожиданность за неожиданностью! Следование ему открывает возможность развивать не только дистанционную быстроту передвижений, но и быстроту двигательной реакции, быстроту стартового рывка теннисиста.

Вот два упражнения, которые должны стать вашими «вечными спутниками».

Расположитесь у задней линии, а два ваших партнера пусть займут позицию у сетки. Сначала попросите их направлять мячи поочередно то в один, то в другой угол площадки. Быстро передвигаясь из стороны в сторону, старайтесь настроить ваши удары с ходу, пытайтесь ударные движения сплавить со стремительным бегом. После этого переходите уже к ударам в самых трудных боевых условиях. Теперь вашим партнерам следует отражать мячи не по заранее известному вам адресу. Это будут то удары по углам, то косые удары к боковым линиям, то укороченные удары с приземлением мяча у самой сетки. Ваша задача — отбивать самые трудные мячи, делая, когда это потребуется, предельно быстрые рывки. Если кто-либо из играющих ошибся или вы не успели отразить мяч, незамедлительно вводите в игру другой мяч, по возможности не прерывая упражнения.

Для выполнения второго упражнения сами расположитесь у сетки, а партнеры пусть отойдут к задней линии. Теперь их обязанность — чередовать низкие удары с неожиданной обводящей свечой. Тут-то вам и придется выполнять предельно быстрые рывки назад. Если не удастся отбить мяч ударом над головой с лёта, продолжайте движение от сетки и пытайтесь принять мяч с отскока.

Для развития быстроты передвижений используйте и обычную тренировочную стенку. Одно из очень хороших упражнений у стенки — попеременное выполнение диагональных ударов то справа, то слева с направлением мяча все дальше и дальше в стороны (дистанция подхода теннисиста к отскакивающему от стенки мячу постепенно увеличивается, и поэтому возникает необходимость передвигаться все быстрее и быстрее из стороны в сторону).

Однако в упражнениях у тренировочной стенки всегда отсутствует фактор неожиданности. Если же вы будете играть вдвоем, то у вас откроются самые широкие возможности для ответа на неожиданные разнообразные удары партнера, в том числе и укороченные.

Вносите в упражнения как можно больше динамики и неожиданности, чаще используйте упражнения, вынуждающие вас к предельно быстрому бегу и удару с ходу. Не забывайте, что так называемое «набивание» ударов в простейших условиях, когда партнеры играют почти друг на друга,— это вроде сильнодействующего лекарства. Если такое лекарство употреблять в малых дозах, то польза несомненна, при больших же дозах результат может оказаться плачевным. Стоит теннисисту переборщить, как у него сформируется вредная привычка выполнять удары только с места, притупится реакция, пропадет возможность развивать быстроту движений.

Высокая точность и большая сила ударов

Удары точные и сильные! Кто из теннисистов не мечтает об этом замечательном «химическом соединении». Тактические возможности теннисиста

всегда зависят от двух качеств — точности и силы. В современной нападающей игре для осуществления тактических замыслов необходима не просто точность, а точность в ударах различной силы, в том числе и ударах очень сильных.

Вообразите себе армию, оснащенную только легким оружием. Вряд ли ей посильно будет решать большие задачи, выходящие за рамки ближнего боя. Нечто подобное и в теннисе. Игрок, не владеющий мощными ударами, всегда ограничен в своих тактических возможностях. Тяжелую теннисную артиллерию ничем не компенсируешь. Даже самой хитрой, точной, но мягкой игрой.

Здесь стоит сразу предостеречь и от другой немало распространенной крайности — явного злоупотребления сильными ударами в ущерб точности. Некоторых теннисистов с укоризной величают «волшебными стрелками» за их пренебрежение к точности, а также действия, напоминающие по своей направленности поговорку: «Сила есть — ума не надо». Такие игроки никогда не добиваются высоких результатов.

Теннисисту необходима строго дозируемая сила, хорошо сочетающаяся с точностью. Точность и силу ударов следует совершенствовать систематически с широким использованием специальных заданий, различных методических приемов, не полагаясь только на обычную игру со счетом.

В последние годы в мировом теннисе внимание к проблеме точности значительно повысилось. Теннисисты ведущих теннисных стран начали использовать в тренировке специальные приспособления в виде различных переносных мишеней. Американцы, например, для тренировки низких ударов применяют мишень в виде кольца, укрепленного на подвижной вертикальной стойке.

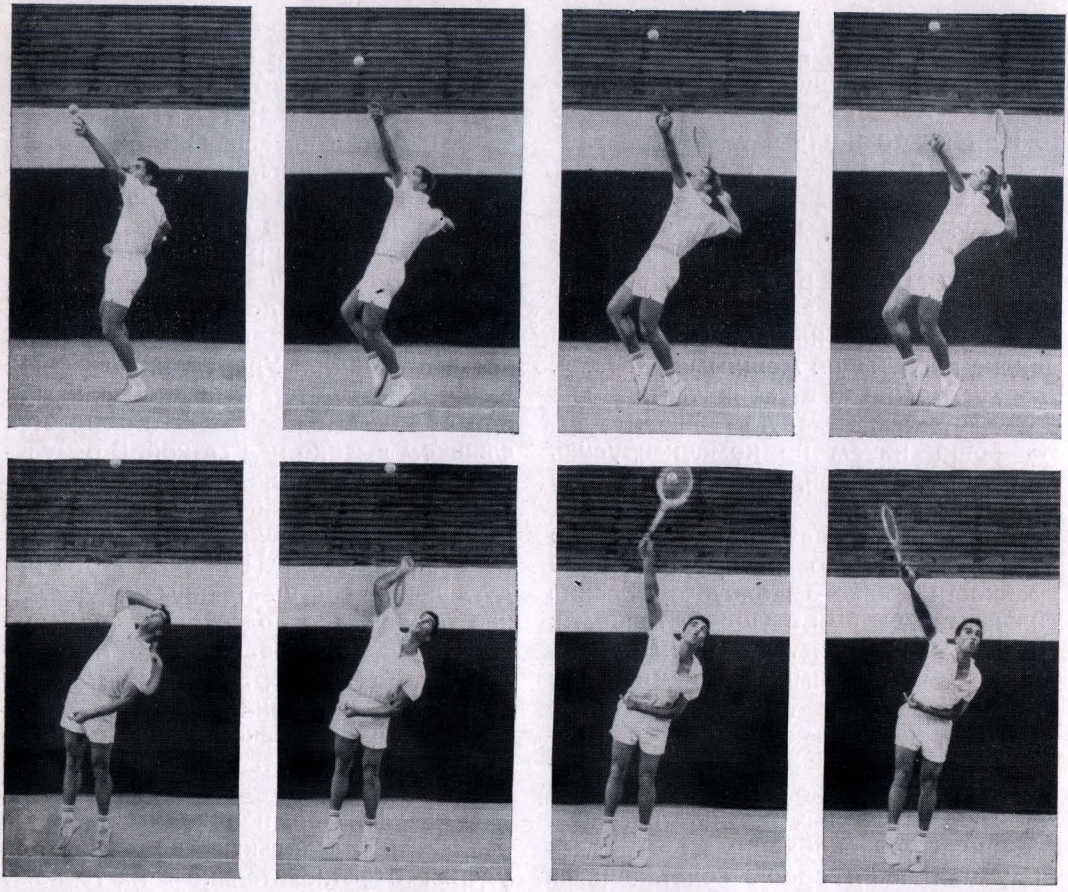
В точности ударов наши теннисисты, к сожалению, пока еще уступают своим сильнейшим зарубежным соперникам. Это подтверждают и многочисленные специальные записи игр.

Вот что говорит анализ данных записей. При подачах явно недостаточен процент попаданий с первых попыток, а также острота и разнообразие плассировки мяча. После вторых подач мяч нередко ложится довольно коротко и, поэтому соперник получает возможность атаковать. Ударам же с задней линии явно недостает нужной длины, а при обводке нередко мяч посылается слишком высоко над сеткой. В результате мячи уж очень часто попадают в те места площадки, откуда соперник отвечает без больших затруднений.

Одна из главных причин этого недуга лежит в существенных недостатках технической подготовки, особенно юных спортсменов. Обычно львиную долю времени спортсмен тратит на оттачивание движений при ударах без точного адреса. Такой односторонний путь обосновывается следующим образом.

Сначала, мол, необходимо прочно закрепить правильные движения при ударах безотносительно к их точному направлению. В дальнейшем же точность разовьется сама собой в процессе игры со счетом. Допустим, теннисист решил в данной тактической ситуации направить мяч в левый угол площадки. Попал в нужное место — хорошо! Нет — жди следующих попыток. Глядишь, от раза к разу удары и станут точнее. Такой путь развития точности приемлем, но он не единственный, да к тому же еще и не самый лучший.

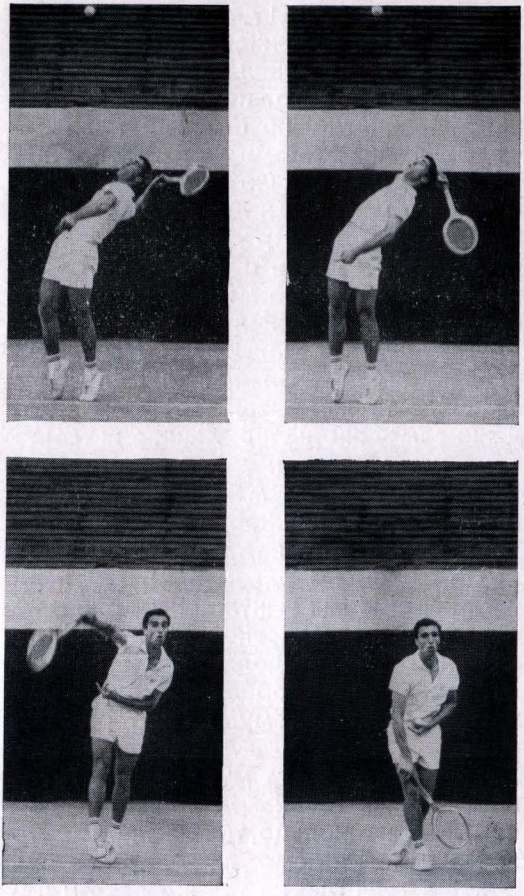
Не думайте, что удары с точным адресом и удары с адресом «расплывчатым» нечто абсолютно одинаковое по особенностям движений. Попробую подтвердить эту мысль данными эксперимента. С помощью электронных при-

боров фиксировались характеристики работы мышц у ведущих теннисистов при подаче. Сначала перед испытуемыми ставилась задача просто попасть в поле подачи без указания точного места. В результате ряда повторных записей выявилась характерная для разных спортсменов индивидуальная картина движений.

Затем задание усложнялось. Теперь уже подающие старались попасть ударом той же силы в картонную коробку для упаковки теннисных мячей, установленную в самом углу поля подачи. Каково же было удивление спортсменов, когда они увидели, что приборы зафиксировали существенные изменения в их движениях. А ведь сами игроки, как им казалось, делали все по-прежнему!

Данный эксперимент, а также исследования техники в ряде других видов спорта неопровержимо свидетельствуют о существенной зависимости движений от уровня требований в отношении их точности. Поэтому с уверенностью можно сказать, что совершенствование ударов с точным адресом вырабатывает более тонкую и совершенную координацию движений и в итоге значительно повышает результативность игры.

Точность и сила удара, способность свободно и неожиданно для соперника варьировать удар по особенностям вращения мяча и направлению, а также использовать технический прием для выхода к сетке — все эти очень важные качества отличают как первую, так и вторую подачи А. Метревели. Присмотритесь внимательно к первым четырем кадрам кинограммы, и вы сразу заметите в движениях теннисиста подкупающую легкость. На четвертом кадре подающий напоминает упругую пружину, готовую к мощному выпрямлению. Характерная особенность подачи Метревели — мягкий ритмичный, строго согласованный с другими движениями и в результате очень точный подброс мяча. Создается впечатление, что он словно толкает мяч пальцами в воображаемое маленькое кольцо, подвешенное на высоте точки непосредственного удара. Точному подбросу мяча способствует и мягкое сопровождающее движение вверх всего тела (теннисисты, у которых в этот момент движения идут как бы в противоход перемещению левой руки, обычно не отличаются точным, стабильным подбросом мяча). В ударном движении, как это видно по следующим кадрам, сливаются воедино и нацеливаются вперед для нанесения по мячу мощного удара усилия ног, туловища и руки с ракетой. Заметна и еще одна очень важная особенность удара: при выносе ракеты на мяч рука не только выпрямляется в локтевом суставе, но и поворачивается внутрь одновременно с хлестким выпрямлением кисти. Без такого «сплава» движений произвести мощный удар практически невозможно

Необходимо систематически сочетать в тренировке шлифовку движений с развитием точности, широко используя мишенный метод. Мишени на площадке и на тренировочной стенке можно обозначать мелом, краской или тесьмой (тесьма накалывается на площадку тонкими короткими гвоздями). Применять мишенный способ надо не только во время различных игровых упражнений, но и при игре со счетом. Для повышения требований к точности ударов очень полезны учебные игры со счетом по особым правилам, считающим действительными только удары, поразившие определенные мишени.

Как-то на учебно-тренировочном сборе сильнейших теннисистов были опробованы игры, казалось бы, с простым заданием. Теннисисты должны были играть только длинными ударами и направлять мячи в большую широкую мишень, обозначенную задней линией и дополнительной линией, нанесенной ей параллельно на расстоянии 2 метров от нее. Пусть простят меня наши ведущие теннисисты за разглашение их ошибок. Но игры фактически не получилось, так как попадания в мишень были не так уж часты.

А не служит ли этот факт свидетельством огромных еще неиспользо-

ванных потенциальных возможностей роста мастерства? Уверен, что да! На моей памяти один очень примечательный и оригинальный случай. Как-то во время Московского международного турнира в раздевалку спортсменов зашел незнакомый человек. Его, оказывается, заинтересовали металлические ракеты. Когда же они попали в его руки, обитатели раздевалки застыли в недоумении. Пришелец начал их высоко подбрасывать, ловить на торец ручки пальцем, перебрасывать из стороны в сторону, словом, делать движения, которые ни одному теннисисту просто не пришли бы в голову. Незнакомец оказался видным артистом цирка, жонглером.

Завязалась оживленная беседа. От конструкции новой ракеты она перешла к методам тренировки. Поводом к неожиданному повороту в разговоре послужило укоризненное замечание пришельца. «Вы, ребята, давно стали бы первыми в мире, если работали бы над точностью движений с таким же фанатизмом, как и мои коллеги по профессии».

Тысячи и тысячи раз повторять в разнообразных условиях одно и то же с постепенным повышением требований к точности и «помехоустойчивости» движений от влияния различных сбивающих факторов — вот главная установка, которой руководствуются жонглеры. «Помехоустойчивость» они вырабатывают путем тренировки в необычных условиях, например под сопровождение громких раздражающих звуков, записанных на пленку, с различными резкими световыми эффектами, на неровном полу со специально сделанными выпуклостями.

Собеседник теннисистов предложил пари: если он за один месяц научится десять раз подряд подавать в мишень, обозначенную на площадке большим жонглерским кольцом диаметром 1 метр, мы должны будем подарить ему металлическую ракету. Никто из нас не принял всерьез его вызов. Тем более что спорщик, как выяснилось, никогда не играл в теннис и «дружил» с ракетами только в цирке. Но пари все же было заключено. Если его проигрывал жонглер, за нами было право выбора «штрафа». Откровенно говоря, мы забыли о пари и не подозревали, что нашей металлической ракете грозит серьезная опасность.

Через месяц жонглер объявился на корте. Мы насторожились, ибо во всем его виде проглядывала уверенность и даже самодовольство. Каково же было наше удивление, когда он с первого захода все десять мячей точно подал в кольцо, положенное в углу поля подачи. Правда, его подача была довольно странной по движениям. Но пари есть пари! И мы вынуждены были расстаться с металлической ракетой. Жонглер не остался в долгу и подарил нам свое кольцо, которое, как он утверждал, досталось ему еще от родителей.

Когда же затем мы попросили наших теннисистов направлять мяч при подаче в это кольцо, то выяснилось, что никто из них не смог поразить мишень больше трех раз из тех же десяти попыток. А среди игроков были и некоторые наши корифеи!

Теннисистам стоит глубоко задуматься над этим случаем и хорошенько взяться за развитие точности. Предвижу, что упражнения с многократными ударами по мишеням могут показаться довольно скучными. Ну что поделаешь! А разве, например, стрелку бывает весело неподвижно лежать часами и только целиться и целиться в мишень, чтобы выработать «выносливость зрения» и способность «мертвой хваткой» держать оружие? Нужно заранее запастись терпением, непоколебимой волей для систематического выполне-

ния упражнений, не блещущих эмоциями. Словом, «любишь кататься — люби и саночки возить».

Следующее слово о другой особенности техники — силе ударов. В вашем распоряжении должна быть целая батарея тяжелых орудий. Тогда можно чувствовать себя уверенно в битве с любым соперником. Сколько же, однако, орудий должно быть в батарее. Для ответа на этот вопрос проделаем сначала необходимые подсчеты.

Арсенал теннисной техники можно разделить в зависимости от положения мяча по отношению к игроку на удары сверху (подача и удар над головой), удары справа и слева. Последние удары могут выполняться в различных точках — высокой, средней и низкой. Не будем дальше продолжать подобное дробление ударов. В данном случае можно ограничиться только двумя ступенями. Таким образом, батарея тяжелых орудий должна включать как минимум восемь единиц (подача, удар над головой, три удара справа и три удара слева). Выходит, что сила ударов должна быть, если можно так выразиться, трехсторонней и трехточечной.

Для уточнения силовой оснащенности ведущих теннисистов проводились специальные наблюдения во время официальных соревнований и тренировок. По ним была составлена итоговая таблица, показывающая, сколькими сильными ударами из восьми владеет каждый спортсмен. Главные выводы из анализа этой таблицы оказались следующими.

Большинство женщин показали себя «слабосильными»: в их арсенале или вовсе не оказалось сильных ударов, или эти удары были односторонними. Явно выделялись лишь Морозова и Бакшеева. Во всех графах таблицы, кроме одной, у них стояла отметка «плюс». «Белое пятно» было там, где фиксировались сильные удары слева в высокой точке.

У мужчин картина более благоприятная. Однако у многих комплект сильных ударов далеко не полный. Так, удар над головой у блестящего «сеточника» Р. Сивохина — тяжелая дальнобойная артиллерия. Отбить отскочивший мяч мощнейшим ударом над головой он может даже находясь у самого фона. А вот его удары справа и слева несколькими калибрами ниже.

Москвич А. Волков по технической оснащенности — прямая противоположность Сивохину. Мощи его ударов с отскока может позавидовать каждый. Но стоит посмотреть на его удар над головой и подачу, как сразу складывается впечатление, что кто-то взял да отнял у спортсмена частицу его силы.

А Лейус? Большинство его ударов среднекалиберные.

Основная причина «слабосильности» по всем линиям и односторонней силы, я уверен, кроется в отсутствии регулярной специальной тренировки мощных ударов, внимания к ним еще в период освоения техники. Я как-то задал самому себе такой вопрос: «Почему я раньше совсем не применял сильные удары справа, тогда как мощный удар над головой всегда был моим «коньком»?». Правда, этот вопрос пришел мне на ум слишком поздно, когда я уже перестал выступать в соревнованиях. Я мысленно вновь прошел по своему спортивному пути. Однако из своей памяти я так и не смог извлечь эпизодов тренировки, специально нацеленных на совершенствование сильных ударов справа и слева. Вы спросите: в чем же причина их недооценки? Даже затрудняюсь ответить. Просто не задумывался над необходимостью «всесторонней силы», и в результате вырабатывалась стойкая привычка полагаться на удар средней силы.

Когда же я проанализировал «ошибки молодости», меня потянуло проверить себя на площадке: неужели я настолько маломощный, что не могу сильно бить справа и слева? Ведь в свое время я много занимался физической подготовкой и друзья даже упрекали меня в потере чувства меры.

Первые серии попыток пробить мощно. Ощущение такое, будто движения чужие и какие-то неподвластные мне силы сдерживают быстрый вынос ракеты вперед. А что если проверить удар над головой? С ним все как и прежде: мощный удар получается совершенно естественно, как бы сам собой. Вновь перехожу к ударам справа и слева. Приказываю себе строго: «Раскрепостись, выноси ракету вперед совсем свободно, помогай выносу сопровождающим движением ног и туловища». Через некоторое время появляются первые приятные ощущения. «Тормоза» начинают постепенно ослабевать. Привычная, но только сейчас замеченная сдержанность движений уступает место легкости. Оказывается, я и при этих ударах могу бить сильно! Досадно, что в свое время не работал должным образом над данной стороной своей подготовки.

Однажды была предпринята попытка усилить удары у четырех сложившихся опытных теннисисток. У двух сильные удары просто не получались, и несколько дней тренировок фактически не дали ощутимых результатов. А вот две другие спортсменки оказались со скрытыми силовыми возможностями. Им вскоре стали удаваться довольно мощные и точные выстрелы. Но только одной удалось и в соревнованиях преодолеть барьер силовой ограниченности. У другой же в матчах все было по-старому.

В целом же все четверо спортсменок, предпринявшие запоздалые попытки усилить удары, в один голос утверждали: «Если бы взяться за дело в юные годы, тогда можно было бы рассчитывать на успех!».

Итак, первый совет: вооружитесь непоколебимой установкой овладеть полным комплектом сильных ударов и систематически совершенствуйте их как бы параллельно. Научитесь применять сильные удары по отскочившему мячу во всех трех по высоте точках. Устройте себе строжайшую проверку по всем из восьми ударов. Совершенно неожиданно может обнаружиться, что в каком-то из них вы окажетесь слабосильным. Тогда в первую очередь постарайтесь выяснить причину «болезни». Она может быть самой элементарной: просто этому удару вы не уделяете должного внимания. Но «болезнь» может оказаться и куда более тяжелой, например существенный изъян в физической подготовке.

Возможность выполнять сильные удары зависит от техники и физической подготовки. Причем в первую очередь от техники. Совершенная техника позволяет хорошо использовать скоростно-силовые возможности, точно дозировать силу ударов, вплоть до очень значительной.

Только вдумайтесь в такую величину — 280 кг! Этот показатель силы был зафиксирован американскими экспериментаторами при мощнейшей подаче Р. Гонзалеса. Мне, как и довольно большой группе наших тренеров, довелось видеть игру этого выдающегося теннисиста, который до сих пор считается непревзойденным в мире «сеточником» и обладателем самой сильной подачи. Гонзалес высок ростом, строен и исключительно мягок. Вы, наверное, думали, что эта фраза закончится словами «и исключительно силен»? Да, силы ему не занимать! Но его сила особая, она внешне не выражена в массивных, подчеркнуто рельефных мышцах. Его движения по-кошачьи

мягки. В них проглядывает полнейшая раскрепощенность. Подачу он производит, кажется, без больших усилий. Одновременно с мягким поворотом туловища он спокойно ведет ракету сразу вверх-назад, как-то совершенно незаметно дает ей опуститься далеко за спиной, начать выходить из «петли» и... В следующий момент происходит то, что можно сравнить с ударом кнутом или плетью. Движение быстро набирает скорость, и по мячу следует очень резкий удар, в котором словно в фокусе «сходятся» усилия всех частей тела спортсмена. И вот вам результат — 280 кг.

Однако поймите меня правильно: делая такой упор на технику, я вовсе не намереваюсь принизить значение физической подготовленности. Просто я хочу подчеркнуть, что очень важно овладеть техникой, которая позволяет наилучшим образом эту подготовленность использовать. А если говорить о последней, то ее необходимо довести до самого высокого уровня.

На что же необходимо обращать первостепенное внимание в технике и физической подготовке, чтобы успешно вооружиться сильными ударами?

Удар теннисиста — сложное двигательное действие. В нем объединены поступательные и вращательные движения как всего тела, так и его отдельных частей. Для точного определения «силового эффекта» удара необходимы довольно сложные расчеты по формулам, доступным только специалистам. Поскольку настоящая книга по замыслу автора должна быть популярной, доступной для широкого круга читателей, в том числе и юных, я ограничусь только практическими выводами, вытекающими из специальных формул. К тому же для большей доступности пойду на некоторые условности в терминологии.

Если говорить предельно упрощенно, то «силовой эффект» при ударе зависит в первую очередь от скорости ударного движения в момент соприкосновения ракеты с мячом и от используемой в ударе массы тела. Этот вывод вытекает из формулы кинетической энергии при прямолинейном поступательном движении:

$$E_{\text{кин. пост.}} = \frac{mv^2}{2}.$$

Но в ударе теннисиста, как мы уже отмечали, поступательное движение сочетается с вращательными. К примеру, теннисист идет на мяч и вместе с поворотом туловища выносит вперед руку с ракетой, причем в этом выносе всегда четко присутствуют тонкие вращательные движения в суставах руки.

Кинетическая энергия вращательного движения определяется уже по другой формуле:

$$E_{\text{кин. вращ.}} = \frac{(mr^2)\,\omega^2}{2}.$$

В этой формуле следующие величины: m — масса тела («ударная масса»), r — радиус вращения и ω — угловая скорость (произведение массы на радиус в квадрате называется моментом инерции).

В конечном итоге «силовой эффект» удара будет определяться суммой двух энергий — поступательного и вращательного движений.

Подход к анализу движений с позиций этих формул дает весьма ценные практические выводы. И вот что заметьте: эти выводы хорошо подкрепляются собственными ощущениями опытных теннисистов при различных ударах.

В двух формулах фигурируют только четыре величины: две скорости, радиус вращения и масса. Секрет сильных ударов и заключается в том, чтобы все эти величины сделать своими союзниками, научиться правильно их использовать. Вы уже заметили, что обе

скорости «стоят в квадрате». А это говорит о доминирующем значении для силы удара скоростных факторов. Отсюда вывод: главное для сильного удара — это быстрота проведения самого ударного движения, то есть выноса ракеты навстречу мячу, точнее, завершающей части выноса.

Как же добиться оптимально большой скорости движения ракеты к моменту непосредственного удара по мячу? Сначала разберем пример из другой области, который поможет нам определить правильный подход к ответу на данный вопрос. Может оказаться, что пушка малого калибра не пробивает броню танка при стрельбе с земли. Но стоит эту пушку установить на самолете, как ее снаряд начинает «прошивать» ту же самую броню (выстрел производится по направлению перемещения самолета). Секрет такого увеличения пробивной способности снаряда в так называемом суммировании скоростей. Допустим, при выходе из канала ствола пушки скорость снаряда равняется 900 м в секунду, а скорость самолета — 300 м в секунду. Если выстрел производится с летящего самолета, то скорость снаряда относительно земли значительно возрастет и достигнет уже 1200 м/сек. В результате тот же самый снаряд, но летящий с большей скоростью относительно земли, обладает бóльшим запасом кинетической энергии и поэтому пробивает броню танка.

Нечто похожее имеет место и при сравнении теннисных ударов с места и с ходу. Удар в движении на мяч, казалось бы, совершенно незаметно для игрока дает «прирост» кинетической энергии за счет сложения скорости поступательного перемещения игрока и скорости заключительного движения головки ракеты.

Однако это только один из вариантов сложения скоростей. Важно уметь так выполнять удар, чтобы происходило суммирование скоростей различных звеньев тела, чтобы движения происходили именно в той последовательности, которая позволяет одной части тела «разогнать» другую.

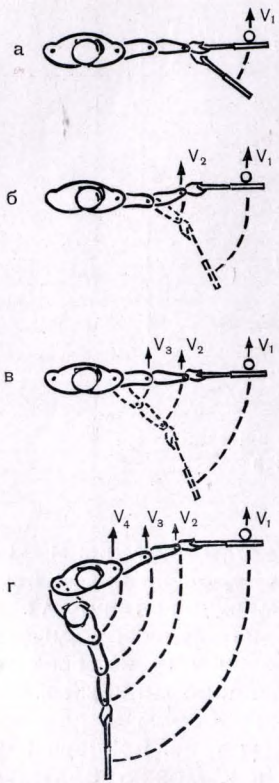
Здесь опять-таки уместно привести пример из области техники. В чем один из секретов действия многоступенчатой ракеты? Многоступенчатость позволяет добиться максимальной конечной скорости за счет последовательного наращивания скоростей последней ступени ракеты.

В теннисе удар, при котором ноги «подают» вперед туловище и оно своим движением помогает разогнать руку с ракетой, причем и каждое звено руки — плечо, предплечье и кисть — тоже, в свою очередь, увеличивает суммарную скорость головки ракеты, можно в известной мере сравнить с действием многоступенчатой ракеты. Правда, нельзя не подчеркнуть и одного существенного различия: каждая ступень ракеты, отделившись от других, на этом заканчивает свою полезную работу, тогда как звенья тела теннисиста до конца активно участвуют в движении.

Рисунок на стр. 219 поможет нам разобраться в особенностях движений звеньев тела при выполнении ударного движения. Допустим, удар выполнен за счет движения только кисти при неподвижном туловище, плече и предплечье (на рисунке вариант «а»). В этом случае никаких сложений скоростей не произойдет.

Вариант «б» демонстрирует удар при активном участии и кисти, и предплечья. На этот раз предплечье разгонит кисть до скорости v_2, а кисть, в свою очередь, разгонит головку ракеты до скорости v_1, и в итоге произойдет сложение этих скоростей

$$(v_{\text{суммарная}} = v_1 + v_2).$$

Ударные движения теннисиста при различных вариантах участия в них звеньев тела

При активном участии плеча (на рисунке вариант «в») произойдет сложение уже трех скоростей

$$(v_{\text{суммарная}} = v_1 + v_2 + v_3).$$

При движении же вперед туловища и всех звеньев руки (на рисунке вариант «г») происходит сложение четырех скоростей $(v_{\text{суммарная}} = v_1 + v_2 + v_3 + v_4)$. Этот вариант и позволяет добиться наибольшей суммарной скорости головки ракеты, а значит, и наибольшей силы удара.

Вновь возвратимся к формуле кинетической энергии при вращательном движении $\left(E_{\text{кин. вр.}} = \frac{(mr^2)\,\omega^2}{2}\right)$.

Как видно, она показывает доминирующее значение не только скорости, но и радиуса вращательного движения, так как последний возведен в квадрат.

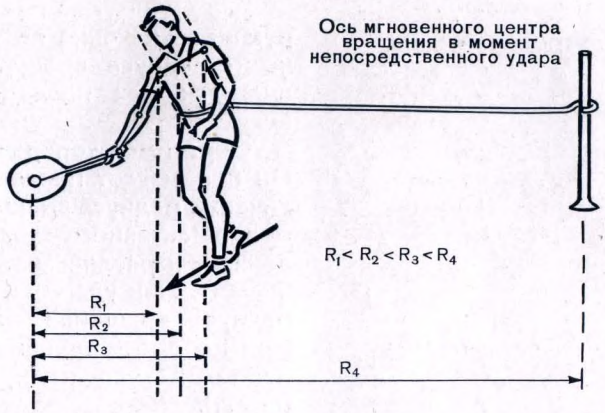
Обратимся теперь к рис. на стр. 220. Он показывает последовательное увеличение радиуса вращения по мере все более активного участия в ударном движении различных звеньев тела теннисиста. При ударе за счет одной руки радиус вращения r_1 — наименьший. При повороте туловища вокруг средней оси тела радиус увеличивается $(r_2 > r_1)$.

При повороте же туловища вокруг боковой оси, проходящей через область левого плечевого сустава, произойдет дальнейшее увеличение радиуса $(r_3 > r_2 > r_1)$. Но и эти три варианта не являются «максимальными». Есть еще и другая дополнительная возможность несколько увеличить силу удара за счет дальнейшего увеличения радиуса вращения.

Вообразим, что теннисист привязан за талию веревкой к столбу (см. рис. на стр. 220). Попросим теннисиста выполнить удар справа, двигаясь на мяч и одновременно сохраняя натянутое положение веревки, иными словами, дадим ему задание произвести удар с ходу. Тогда при непосредственном ударе по мячу радиус вращения значительно увеличится и будет измеряться расстоянием от места контакта ракеты с мячом до столба.

А что же происходит в естественных условиях выполнения удара с ходу, когда нет ни столба, ни веревки?

Теннисист перемещается по дуге переменной кривизны и в момент непосредственного удара поворачивается около мгновенного центра вращения, находящегося за пределами теннисиста. Это дает в итоге увеличение момента инерции прежде всего за счет «прироста» радиуса. Таким образом,

Различные варианты вращательных движений теннисиста при выполнении удара справа

удар с ходу «усиливается» не только за счет уже разобранного нами суммирования скоростей, но и за счет увеличения момента инерции звеньев тела и ракеты.

Хорошим примером использования разобранных нами закономерностей может служить удар справа А. Метревели.

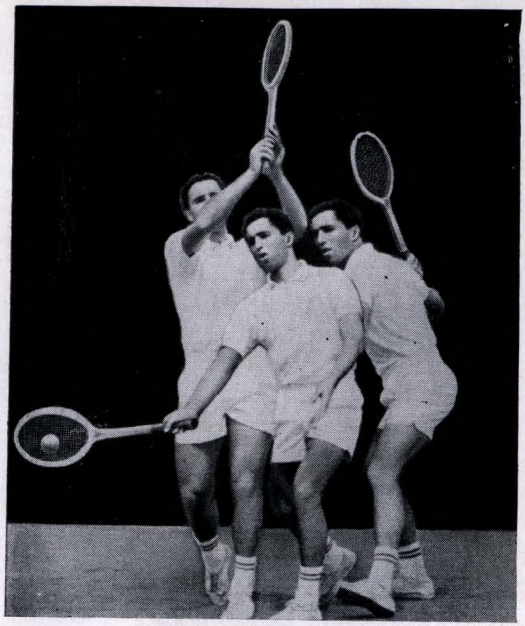
Многое здесь зависит и от расположения точки удара по отношению к теннисисту. Наиболее выгодное ее положение — на оптимально большом расстоянии от туловища и сбоку-впереди от него.

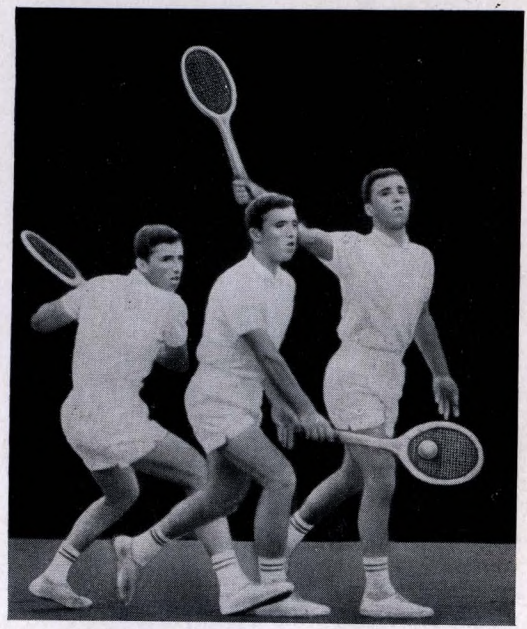
Использование суммирования скоростей различных звеньев тела ракеты и увеличение их момента инерции прежде всего за счет «прироста» радиуса вращения характерно и для подачи и удара над головой. При их выполнении очень важно добиться большой суммарной скорости завершающей части ударного движения головки ракеты и оптимально большого радиуса вращения всего тела вокруг горизонтальной оси, максимально удаленной от точки непосредственного удара. Не случайно у теннисиста с хорошей подачей четко выражены «падение» вперед с опорой на носок левой ноги при максимально вытянутом вверх теле и очень быстрые, свободные вращательные движения во всех суставах руки, создающие мощный хлест.

Теперь разберем использование в ударе массы тела. Вовлечь в ударное движение как можно большую часть массы тела, нацелив ее перемещение в направлении удара,— вот главный путь ее использования. Отсюда вытекает очень важный практический совет: при первой возможности выполнять удар в движении на мяч при «работе ног» и туловища как бы по ходу удара. Его осуществление создает также и самые благоприятные условия для наилучшего использования и других ранее рассмотренных особенностей движений.

Если подытожить все сказанное выше и сделать еще некоторые дополнения, то читателю можно дать следующие общие рекомендации:

1. Добивайтесь общей мышечной раскрепощенности — важного условия свободы и быстроты движений, необходимых для сильного удара.

Фотомонтажи, помещенные на этой странице, должны помочь читателям лучше понять движения теннисиста при выносе ракеты вперед и сравнить его главные положения. Прежде всего обратите внимание на «работу» ног. Ударное движение производится с шагом в направлении сетки, и теннисист (А. Метревели) движением ног по ходу удара «подает» себя к мячу. Одноименная с выполняемым ударом нога поставлена мягко, как бы с перекатом с пятки на всю стопу. Активное участие в ударном движении принимает туловище. Оно не только движением ног подается вперед, но и активно поворачивается в направлении удара. Спортсмен выбрал и выгодную точку непосредственного удара, расположенную от себя довольно далеко и несколько впереди. Это, в частности, позволило ему провести свободное, мощное ударное движение. Все три положения свидетельствуют о нацеленности главных движений вперед и об активном участии в ударе всех частей тела

2. Стройте удар на основе активного, строго согласованного участия в нем всех частей тела, выгодного использования поступательных и вращательных движений, волнообразного наслаивания усилий от наиболее крупных мышц к мышцам малого «калибра» (мышцы ног и туловища — мышцы плечевого пояса — мышцы плеча — мышцы предплечья — мышцы кисти).

3. Стремитесь выполнять удары в движении вперед и по поднимающемуся мячу, когда ваши движения по отношению к мячу встречны, и так их рассчитывайте, чтобы можно было отразить мяч в точке впереди-сбоку от туловища на достаточно большом расстоянии от себя.

4. Ударное движение проводите свободно и быстро с нарастающей скоростью и активным участием в нем туловища и ног, а также при оптимально большом «ударном рычаге».

Следующая тема нашего разговора — физическая подготовка для мощных ударов. Для выполнения их необходима специальная сила.

Теннисисту нужна так называемая быстрая сила, проявляющаяся в свободных и стремительных движениях,

сила, сочетающаяся со способностью хорошо расслабляться и развитая к тому же применительно к особенностям конкретных ударов.

Мы провели специальный эксперимент для определения у теннисисток силы групп мышц, играющих решающую роль в каждом из трех ударных движений — сверху, справа и слева (использовалось приспособление с динамометром, так называемый «стол Абалакова»). Выявились две очень примечательные особенности. Во-первых, спортсменки с более сильными ударами имели, как правило, и явно лучшие силовые характеристики соответствующих групп мышц; во-вторых, у теннисисток, не владеющих определенным сильным ударом, эти характеристики были самыми низкими.

Данный эксперимент еще и еще раз подкрепляет очень важную установку: специальную физическую подготовку надо осуществлять применительно к особенностям техники, к конкретным ударным движениям, специально следует развивать силу мышц, от которых в первую очередь зависит возможность выполнять мощные ударные движения.

Эта установка особенно важна для спортсменов юношеского возраста в период освоения техники. Ведь нередко именно из-за отсутствия необходимой силы ребятам не удается тот или иной удар, например над головой или подача. Присмотритесь к неудачным попыткам многих девочек в условиях игрового цейтнота выполнять удары с лёта. Вы сразу отметите, что им явно не хватает силы кисти и предплечья для быстрого управления теннисной ракетой.

Интересны странички спортивной биографии первого игрока мира австралийца Р. Лейвера. Мало кто знает, что в возрасте около четырнадцати лет он сгоряча забросил в речку все свои ракеты и решил: больше никогда не выйду на теннисную площадку! Ох, как трудно было перенести страшную обиду, нанесенную ему не кем иным, как ведущим специалистом Австралии по теннису, капитаном австралийской команды в розыгрыше Кубка Дэвиса Г. Хопманом. Последний наотрез отказался взять Лейвера в юношескую национальную команду. «Хилый, физически слабый» — таким было жестокое заключение Хопмана.

После экскурса в теннисную историю перенесемся в пресс-центр Уимблдонского стадиона, где в 1969 году перед журналистами выступал некогда «забракованный» для большого тенниса Род Лейвер.

— Какой день в вашей спортивной жизни вы считаете самым примечательным? — Таким был первый вопрос трехкратному победителю Уимблдона.

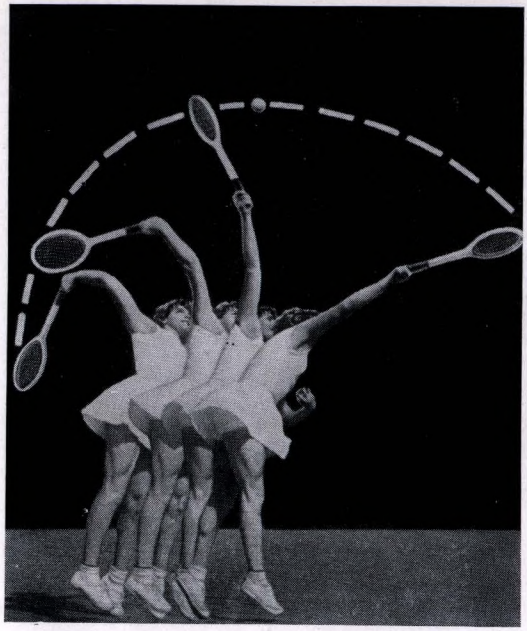
— Тот самый день, когда меня не взяли в сборную юношескую команду. Сначала я был обижен и разочарован, а потом воспылал фанатическим желанием доказать, что я могу стать атлетом и в состоянии добиться многого.

Второй вопрос касался причин успехов спортсмена.

— Я тренируюсь очень много и всегда интенсивно. Мое преимущество в том, что я могу из любой точки площадки отвечать мощными ударами с ходу,— таков последовал ответ.

Каким же образом совершилось чудесное превращение хилого мальчугана в подлинного атлета, первую ракетку мира? Об этом рассказывает спортсмен в своей автобиографической книге.

Несколько лет Лейвер почти каждый день полтора-два часа проводил в зале для атлетической гимнастики. Там он занимался со штангой, гирями, гантелями, эспандерами, метал различного веса ядра. Его неизменным спутником стал самый обыкновенный теннис-

На фотомонтаже показана подача в исполнении М. Смит-Корт. Проследите за положением «звеньев» руки теннисистки по мере выполнения ударного движения. Они перемещаются в такой последовательности: плечо, предплечье, кисть с ракетой. Каждое «звено» помогает «разогнать» последующее. Происходит так называемое сложение скоростей, и в итоге к моменту непосредственного удара ракете сообщается очень большая суммарная скорость. Заострите свое внимание и на отрезке движения, ограниченном стрелкой. Он почти прямолинеен и нацелен вперед. В этом заключается один из секретов сильной и точной подачи

ный мяч, который он всегда носил в кармане и сжимал пальцами при первом удобном случае, причем не менее тысячи раз в день.

Главную установку игровой тренировки спортсмена можно выразить очень коротко: темп и мощь ударов.

Если вы посмотрите на Лейвера, то не скажете, что он эдакий исполин с массивными рельефными мышцами. Лейвер строен, в его физическом развитии проглядывает гармония. Он силен, но во всех его движениях чувствуется свобода, полнейшая раскрепощенность. Поражает предплечье его «рабочей руки». Оно настолько массивно, что кажется, будто ракету взял в руки молотобоец. Не зря одна из английских газет писала: «Силе руки Лейвера мог бы позавидовать средневековый рыцарь-гигант, орудующий огромным мечом».

Иногда можно столкнуться с утверждением, что силовые упражнения, особенно с отягощениями, вредны теннисисту. Они якобы приводят к скованности движений и в итоге лишают теннисиста необходимой легкости. Отечественная и зарубежная практика опровергают такие утверждения. Так, солидная силовая подготовка, и в частности упражнения со штангой, принесли большую пользу нашим ведущим теннисистам А. Дмитриевой, О. Морозовой, Т. Лейусу, А. Метревели, Р. Сивохину, В. Короткову, А. Иванову, А. Волкову.

Все зависит от подбора упражнений и методики их использования. На вооружение берутся упражнения динамического характера, выполняются они преимущественно быстро, при максимальной амплитуде движений, и почти после каждого силового упражнения следует упражнение на растягивание тех же мышц, которые только что закончили силовую работу. При этом в любом упражнении специально ставится задача возможно полнее расслаблять мышцы, не участвующие непосредственно в данном движении.

Положение теннисиста в момент непосредственного удара в средней по высоте точке

Разнообразие и стабильность ударов, маскировка их главных особенностей

Техника теннисиста должна быть разнообразна, вариативна! Это требование в современном теннисе вроде бы звучит аксиомой. Но именно оно нередко нарушается, да к тому же еще и расшифровывается очень узко и примитивно, что наносит явный вред спортивно-педагогической практике. Стоит, например, теннисисту начать играть не только у задней линии, но и у сетки, как сразу делается скоропалительный вывод: разнообразие, мол, в технике уже достигнуто!

Как-то большой группе тренеров и сильных теннисистов был задан вопрос: какую технику можно назвать разнообразной? Все без исключения ответы оказались в принципе правильными, но далеко не исчерпывающими. Каждый называл только часть особенностей такой техники, упуская при этом другие, не менее важные, особенности. Только три ответа из тридцати двух носили действительно широкий характер. Это были ответы тренеров сборной команды страны.

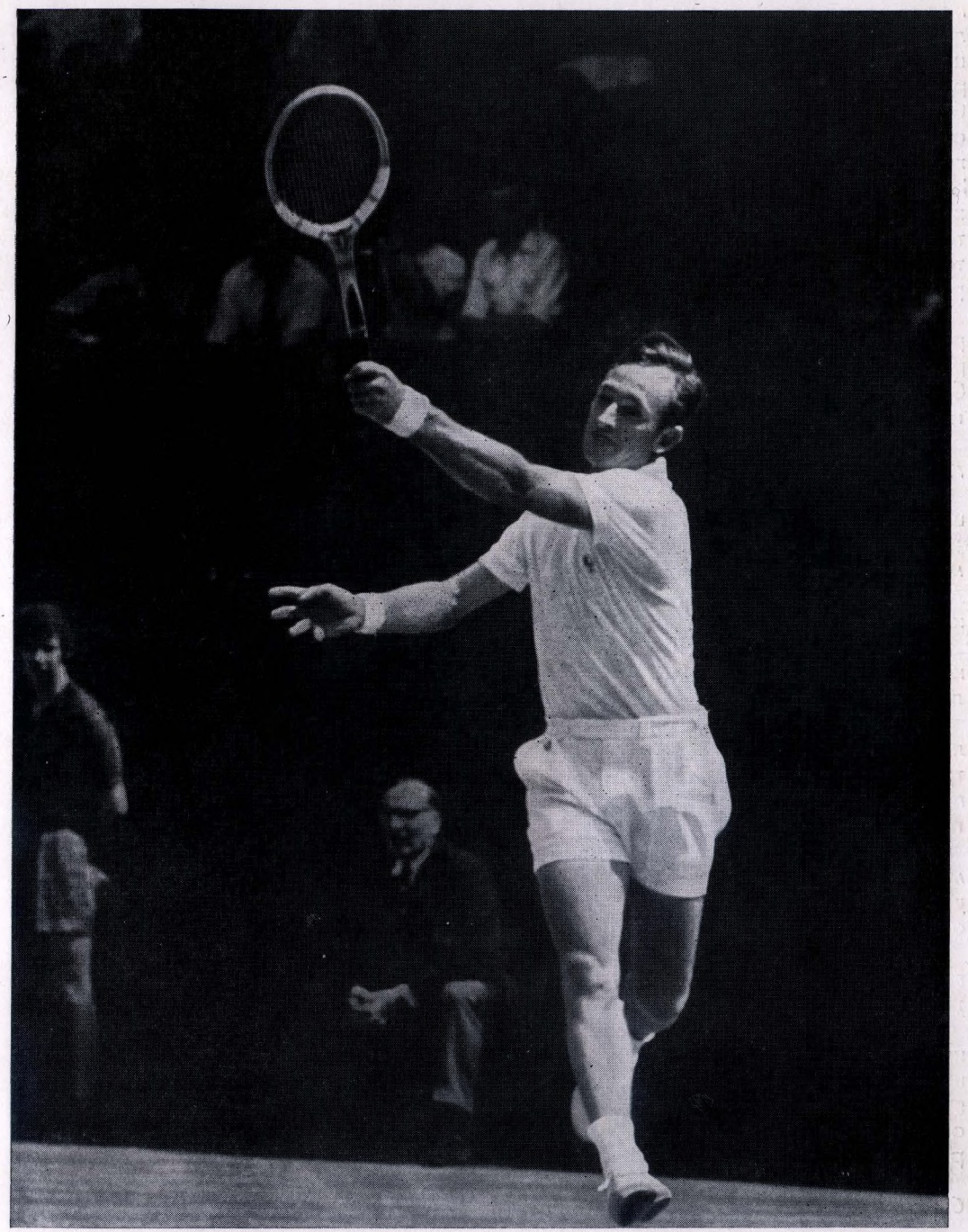
Вдумайтесь в одну примечательную особенность ответов спортсменов и тренеров. Те, кто был вооружен более разнообразной техникой, давали, как правило, и более исчерпывающие ответы. А не кроется ли именно здесь один из корней существенных недостатков технической подготовленности наших теннисистов? Ведь не следует забывать одно из золотых правил педагогики: чтобы уметь, надо знать.

Каковы же главные особенности разнообразной, вариативной техники, которые необходимо хорошо знать как тренеру, так и спортсмену?

Прежде всего — вооруженность комплексом всех семи групп ударов — подачей, ударами с отскока, с лёта, полулёта, ударами над головой, свечой и укороченными. Однако это только са-

---

Мощный удар справа с ходу — острейшее оружие первого игрока мира последних лет австралийца Р. Лейвера. Стремительно двигаясь на мяч, он словно бросает в удар все свое тело. В ударе сливаются и нацеливаются на мяч движения ног, туловища и руки с ракетой. На фотоснимке показан один из таких ударов Лейвера. Видимо, теннисист настолько быстро устремился к мячу и так энергичны были его движения ногами, что он даже потерял контакт с площадкой при завершении удара

мая первая ступень разнообразия. Ведь любой из ударов существует не вообще, а в одном из своих конкретных вариантов. Так, например, подача может быть плоской, крученой или резаной, очень сильной и средней по силе, с выходом и без выхода к сетке и т. п. И может оказаться, что теннисист будет хорошо владеть лишь одним вариантом из каждой семи групп ударов. Но тогда его технику никак не назовешь разнообразной.

Вторая ступень разнообразия выражается в вооруженности всеми вариантами ударов, в способности свободно варьировать удары по их главным особенностям.

Конкретно это значит, что необходимо освоить:

удары плоские и с различным вращением мяча;

удары различной силы — от совсем мягких до очень мощных;

удары во всех трех по высоте точках — высокой, средней и низкой;

удары с разнообразной плассировкой мяча и формой траектории его полета;

удары в разнообразных игровых условиях от простых до самых сложных, требующих умения отражать мяч в предельно быстром рывке, броске или прыжке;

удары с вариативными по длине замахами от оптимально длинных до совсем коротких, применяемых главным образом в условиях игрового цейтнота.

Неужто каждый теннисист должен владеть всеми этими ударами? Да, должен.

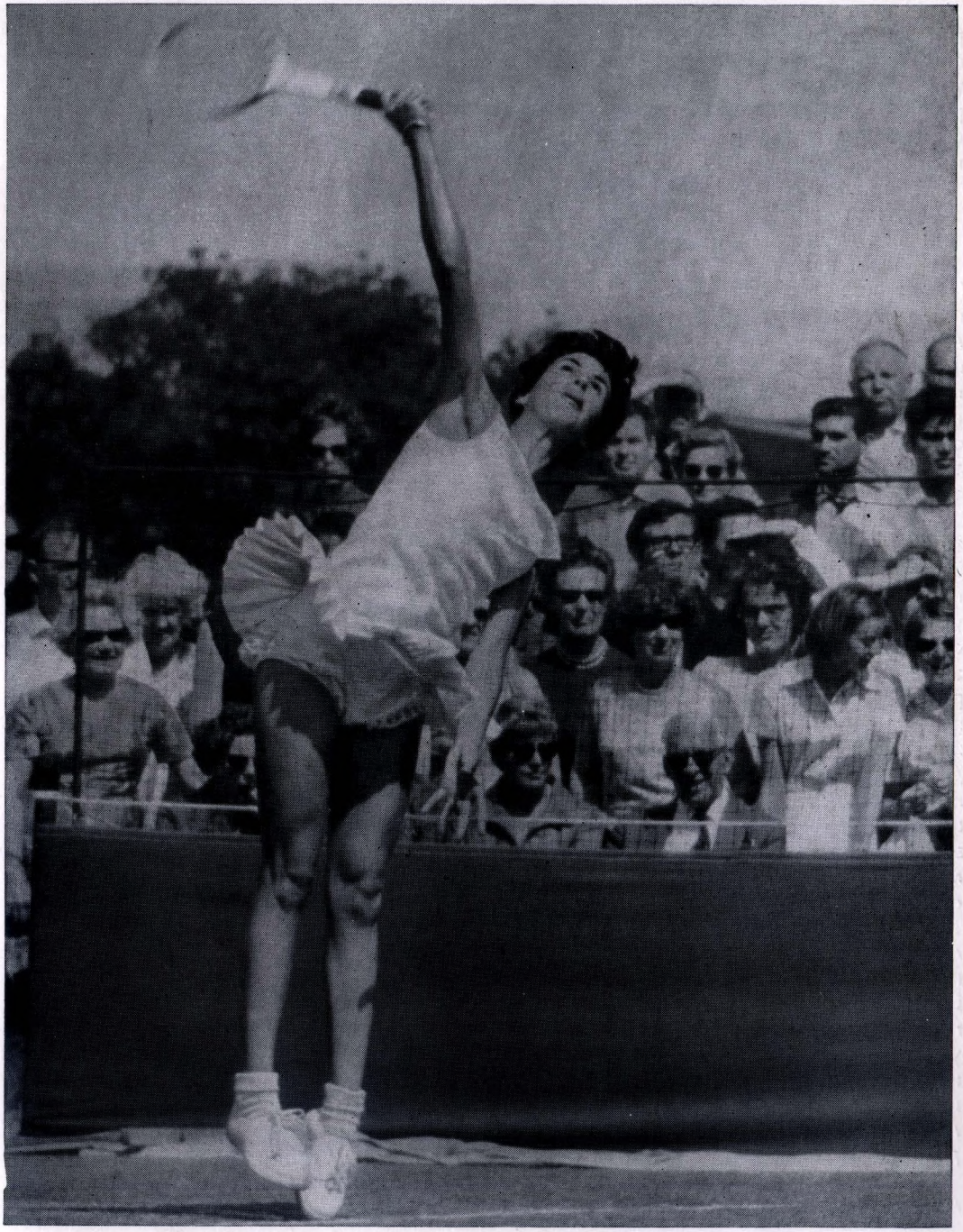
Без этого невозможен современный большой теннис. Хочешь достигнуть в нем высот мастерства, не бойся втянуть себя в «гонку вооружений», овладевай всем комплексом разнообразных ударов.

Запомните, именно всем, без каких бы то ни было исключений! Каждый из вариантов ударов словно буква в алфавите. Если в запасе все буквы, можно складывать любые слова, фразы, целые литературные произведения. А если часть букв отсутствует, тогда возможности словосочетаний сужаются. Попробуйте-ка обойтись без буквы «А», которую можно сравнить в теннисе с мощной подачей.

Отнимите у теннисиста хотя бы одну из перечисленных особенностей техники, как сразу снизятся его тактические возможности и у него появятся явно уязвимые места. Вот несколько примеров подобного явления.

Не будет у теннисиста сильного удара, и он окажется беспомощным во встрече с соперником, защищенным крепкой броней. Стоит игроку плохо владеть ударами слева в высокой точке, как опытный соперник будет набирать очко за очком, вынуждая игрока как можно чаще отбивать мяч именно этими ударами. Встретится теннисист с соперником, обладающим пушечной подачей, и он может оказаться беспомощным, если в его распоряжении не окажутся блокированные удары с коротким замахом.

«Бразильской жемчужиной» называют М. Буэно — пятикратную победительницу Уимблдонского турнира в женском парном и трехкратную чемпионку в одиночном разряде. Эта маленького роста изящная теннисистка, похожая на балерину, по активному характеру своей игры у сетки под стать таким великорослым теннисисткам-атлетам, как А. Гибсон и М. Смит-Корт. Подача и удары с лёта — коронное оружие Буэно. Через считанные доли секунды бразильянка, как это видно на фотоснимке, произведет сильную подачу. Да, именно сильную! Об этом можно судить прежде всего по положению правой руки и ракеты. Их движение немного отстало от уже активно включившихся в удар ног и туловища. Еще мгновение, и теннисистка включит в подачу заключительный «ускоритель удара» — хлесткое, очень быстрое движение предплечьем и кистью, нацеленное в направлении намеченного полета мяча

И наконец, о третьей ступени вариативности техники. Она связана со способностью теннисиста варьировать технику применительно к площадкам с различными покрытиями, быстро приспосабливаться к специфическому для каждой площадки отскоку мяча.

Для некоторых теннисистов переход на другие площадки, например, с «медленных», грунтовых, на «быстрые», деревянные, как говорят, нож острый. Проходит немало времени, прежде чем они приспособятся к новым условиям. А ведь время не ждет. Многие соревнования, особенно самые крупные международные, следуют друг за другом без длительных перерывов для специальной подготовки. Так что, если техника не будет вариативной, рассчитывать на успех не придется.

И все же не всякая разнообразная техника становится грозным оружием. Ее преимущества могут сходить на нет, не давать тактического эффекта, если удары не отличаются замаскированностью своих главных особенностей, позволяющей скрывать от соперника игровые замыслы. Даже самая разнообразная техника может быть «хитрой» или «бесхитростной». Именно в тонких деталях техники, как мы уже отмечали, заложена возможность использовать в игре фактор неожиданности. Поэтому техническое разнообразие и замаскированность главных особенностей ударов должны слиться воедино. Тогда и откроются самые широкие возможности для использования всех преимуществ разнообразной техники. Взять, к примеру, подачу. Важно не просто научиться разнообразить этот удар — применять то плоскую, то резаную, то крученую подачу, но и каждый из этих вариантов подготавливать замаскированно и использовать неожиданно.

Из особенностей ударов подлежат маскировке, засекречиванию прежде всего — направление ударов, сила, характер вращения мяча, тактическая направленность.

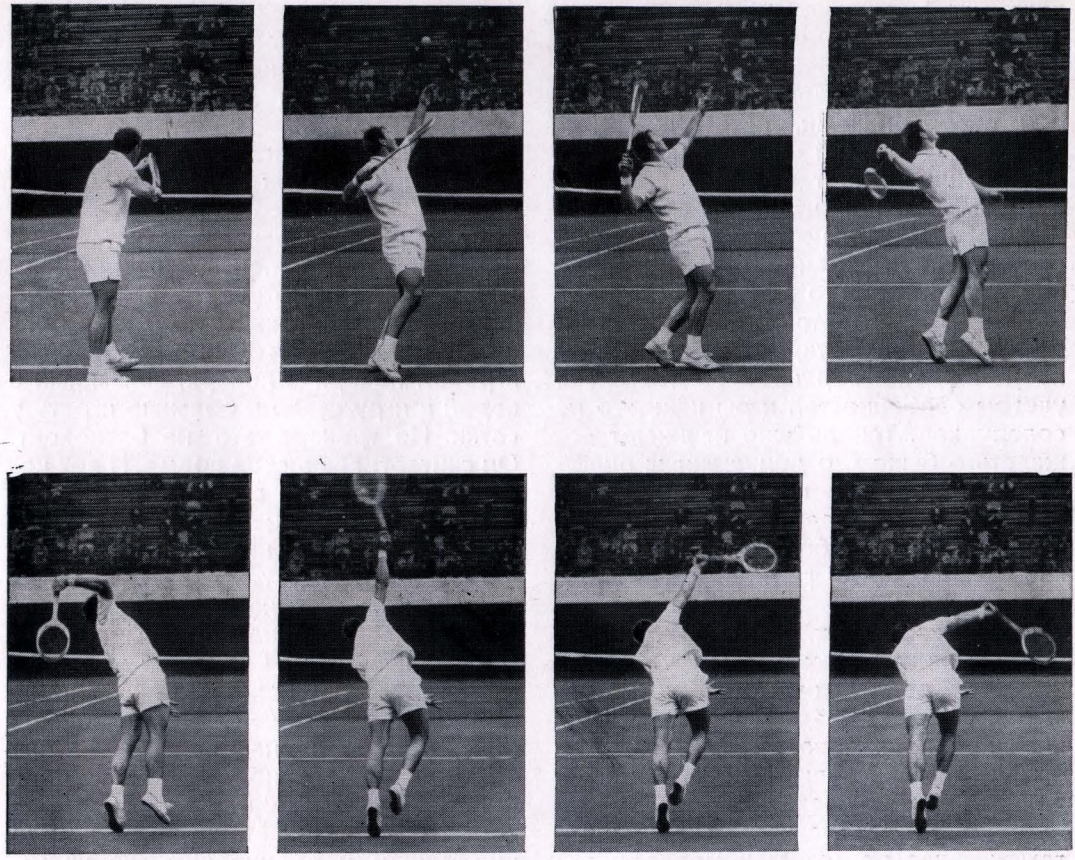
Одна из главных задач технической подготовки заключается в том, чтобы научиться тонко варьировать эти особенности ударов, не обнаруживая преждевременно своих замыслов.

Вам, вероятно, приходилось слышать такую поговорку: «Лучше меньше, да надежнее». Признаться, среди теннисистов есть такие, кто неотступно ей следует. Они рассуждают примерно так: пусть я овладею не таким уж большим количеством разнообразных ударов, но зато они будут у меня надежными, безотказными. К счастью, сторонников данной точки зрения осталось совсем мало, и их спортивные позиции стали совсем шаткими.

А нельзя ли сделать надежным весь разнообразный комплекс современных ударов? Практика показывает, что в принципе можно, но здесь все зависит от того, каким путем следовать.

Кому не хочется побыстрее начать играть со счетом! Чуть научится эдакий влюбленный в теннис гражданин перебивать мяч через сетку ударами сзади и подавать, как, глядишь, он уже опутан игровыми чарами. Сегодня поиграл с увлечением только со счетом, завтра, послезавтра... То, что неважно удается или еще совсем не опробовано,— в сторону. Да здравствует лишь более надежное на сегодняшний день! А завтра? Ведь неплохо получающееся сегодня завтра станет удаваться еще лучше. Так в итоге теннисист совсем незаметно становится рабом азартной игры. Разве легко теперь заставить себя играть «гаммы», когда уже выработана привычка сводить тренировку только к игре со счетом, полностью подменяя ею систематическую работу над каждым приемом техники.

Таков первый путь следования. Куда он в итоге ведет, вы, наверное, уже до-

По помещенным ранее кинограммам читатель мог проследить за движениями подающего, глядя на него спереди и сбоку. Данная кинограмма, показывающая теннисиста (С. Лихачева) сзади, поможет еще лучше вчитаться в ударное движение при подаче. Сравните положение руки с ракетой на кадрах 5—7 и внимательно проследите за окончанием удара. Вы сразу заметите очень активное выпрямление руки в локтевом суставе, поворот ее внутрь и строгую нацеленность всех движений в направлении удара. Создается впечатление, что теннисист, максимально вытянувшись вверх и словно перекатываясь через левый опорный носок, бросает в удар вес своего тела. При этом перед ударом отсутствуют «заворачивание» туловища влево и «отмашка» левой рукой назад, которые имеют место у ряда теннисистов с весьма посредственной техникой

гадываетесь. Не иначе, как в царство обреченных, которые могут рассчитывать только на посредственные результаты.

Главные же установки игроков, избравших второй путь, таковы: систематически, с величайшим трудолюбием работать над каждым приемом техники, регулярно упражняться в «гаммах» — порой очень скучных, но необходимых; от отдельных упражнений переходить к играм со счетом, а от них вновь возвращаться к «гаммам» — и так в постоянном взаимодействии «общего» и «частного». Такой путь перспективен, но труден, временами му-

чителен, скучен своей монотонностью и отсутствием эмоций жаркой борьбы. Избравших этот путь нередко сначала постигает разочарование. Встретятся они с соперниками, натасканными с первых лет занятий на игру со счетом, и, глядишь, терпят поражения. Тут-то и берут сомнения: что толку от оружия разнообразного, но дающего частые осечки? Но проходит время, и сомнения уступают место первым радостям. Оружие оттачивается, крепнет, становится надежнее, открываются возможности широко варьировать тактику с учетом особенностей игры каждого из соперников. Теперь уже начинают сожалеть о былом, о допущенных ошибках «скороспелые» игроки. В их распоряжении оказывается уж слишком мало оружия для борьбы с соперниками, обладающими разнообразной техникой.

Но бывает и так, что не овладевают такой техникой даже и те, кто уверенно избирает второй путь совершенствования. И причина здесь в той принципиальной последовательности, в которой делаются попытки освоить весь арсенал приемов техники.

Как целесообразнее осуществлять техническую подготовку: методом освоения приемов техники широким фронтом или так называемым ступенчатым методом, при котором к каждой следующей группе ударов, каждому следующему варианту удара переходят после прочного закрепления предшествующих ударов? Казалось бы, что может быть более логичным: освоил одно, переходи к другому, и так постепенно от простого к все более сложному. Например, овладел ударами с отскока, переходи к ударам с лёта, прочно закрепил одну из подач, переходи к другой, научился хорошо выполнять удары по отскочившемуя мячу в средней точке, переходи к ударам в высокой и низкой точках. Не удивляйтесь: именно в этой кажущейся логичности причина многих изъянов в технической подготовке теннисистов.

За примерами далеко ходить не надо.

«Сначала научите девочку играть у задней линии, а уж потом переходите к ударам с лёта у сетки» — вот одна из немало распространенных установок. Следуя ей, юную спортсменку несколько лет учат только ударам с отскока и подаче. В игре со счетом у спортсменки формируется свой индивидуальный игровой почерк — почерк, связанный с верой в игру сзади и боязнью играть у сетки. Но тренера это не беспокоит. Он считает: все в свое время. И вот когда наконец такое время, по его мнению, приходит, начинается то, что можно назвать не иначе как «запоздалый аврал». Вводятся новые упражнения. Даются строгие указания, вроде таких: «Невзирая на проигрыш, часто выходи к сетке!». Сыплются упреки в медлительности, неповоротливости. Но чем дальше, тем все больше и больше обнаруживается на первый взгляд странная неспособность к игре у сетки. А когда дело доходит до игры со счетом, то удары с лёта кажутся чем-то инородным и робкие попытки их использовать кончаются в большинстве случаев плачевно.

«Ах, эти мне девчонки! Никак не научишь их играть у сетки!» — с сожалением и одновременно с оправданием восклицает тренер. В конце концов с большими трудностями девочки начинают немного играть и у сетки, но удары с лёта так и не поднимаются у них до уровня надежного оружия, которое уверенно можно использовать в соревнованиях, особенно в трудную минуту.

В чем же главная причина всего этого, мы расскажем несколько позже, после двух других примеров.

«Я обязательно научусь подавать с выходом к сетке и варьировать враще-

ние мяча при подаче!» — мне хорошо запомнились эти слова В. Филипповой, в прошлом одной из наших сильнейших теннисисток. Такое обещание дала спортсменка после просмотра финала Уимблдонского турнира в женском парном разряде, где участницы применяли мужскую нападающую тактику быстрого нападения.

За этим обещанием последовали месяцы напряженного труда, попытки ломки собственных движений. И пусть вас не удивляет слово «ломка». Дело в том, что только с ее помощью спортсменка могла перестроить свои технические навыки, не отличающиеся разнообразием, вариативностью. На вооружении у Филипповой был очень ограниченный круг ударов. Справа она всегда только сильно подкручивала мяч, а слева всегда только сильно его подрезала. Ее своеобразная статичная подача не допускала никаких вариаций. Словом, спортсменка представляла собой живое воплощение знакомой уж нам поговорки: «Лучше меньше, да надежнее!». Но сама спортсменка не была ее убежденной сторонницей. Просто она оказалась жертвой старой методики обучения, которая и «вывела ее в люди».

Ломка — это всегда разрушение. Но разрушение может иметь и созидательный характер, если оно осуществляется во имя нового, передового и имеет дело не просто со старым, а с безнадежно устаревшим, мешающим продвижению вперед. Техника Филипповой как раз напоминала именно такое устаревшее явление.

Спортсменка предпринимала энергичные и длительные попытки перестроить свою закостенелую технику, обогатить ее новыми ударами. Но чем дальше, тем все больше и больше она приходила к печальному выводу: «Я, видимо, неподдающаяся! Мне не удается ни разрушить старое, ни освоить новое!».

В результате неудачница смирилась с недостатками и доверилась своему прежнему, однообразному, но привычному оружию. И ее даже упрекать было трудно. Попробуйте-ка, когда минет тридцатилетний рубеж, существенно перестроить свои удары, если они стали второй натурой еще в детском возрасте и если отсутствует привычка систематически подправлять и разнообразить свои движения.

Третий пример касается последовательности освоения ударов в различных по высоте точках.

Представители Всесоюзного совета тренеров по теннису проводили проверку техники в одной из московских теннисных секций. Когда юных спортсменов попросили продемонстрировать в имитационных упражнениях движения при ударах в высокой точке, на их лицах застыло недоумение: мы этого еще не проходили (им было по 13—14 лет, и они уже около 4 лет занимались теннисом). Наблюдая же за действиями этих спортсменов во время игры со счетом, никакого труда не составляло заметить, что их подготовка к ударам с отскока неизменно сводится к тому, чтобы отразить мяч в средней по высоте точке. Даже когда мяч отскакивал вблизи сетки довольно высоко, игроки не использовали благоприятной возможности произвести нападающий стремительный удар в высокой точке сверху вниз.

Тренер же этих игроков настойчиво утверждал: у меня свой метод, как только ребята закрепят безукоризненную технику ударов в средней точке, я незамедлительно перейду к другим ударам. «Но чем дальше, тем все труднее и труднее станет разнообразить технику»,— возражали члены комиссии. Однако тренер был неумолим.

Прошло около двух лет. А ребята играли все по-прежнему, хотя теперь уж тренер, поняв свою ошибку, пытался разнообразить их удары.

Вывод ясен. Ориентация с первых шагов обучения теннису на очень ограниченный круг ударов, приверженность к однообразному двигательному навыку — главная причина скудной техники и неудачных попыток ее разнообразить. И нет ничего страшнее для теннисиста, чем такой навык!

Поэтому и в начальном периоде закладки школы техники и в период ее дальнейшего совершенствования необходимо работать над техникой широким фронтом, овладевать комплексом разнообразных ударов, формировать вариативные пластичные двигательные навыки.

А как же быть с известными педагогическими правилами: от простого к сложному, от легкого к трудному? Беда в том, что этими азбучными правилами нередко делаются попытки обосновать весь ход технической подготовки. И сторонники ступенчатого метода, как только заходит речь о последовательности, в которой целесообразно изучать различные удары, безапелляционно заявляют, что девочкам, например, удары с лёта надо изучать лишь после того, как они надежно освоят удары с отскока. А жизнь утверждает другое: наибольший успех достигается при параллельном совершенствовании этих приемов техники начиная с первых шагов занятий теннисом.

Но как же относиться тогда к общепризнанным педагогическим правилам? Их нельзя распространять на весь ход технической подготовки. Сфера их использования связана, главным образом, с подбором отдельных упражнений, методических приемов при изучении того или иного конкретного технического приема. И дело здесь не в том, используются ли в принципе эти правила или нет. Основное — в продолжительности «простого этапа», соотношении «простого» и «сложного», «легкого» и «трудного» в длительном процессе технической подготовки. Слишком затянувшаяся работа над «простым», «легким», прочное закрепление однообразных навыков в облегченных условиях, как правило, делает недосягаемым на уровне высокого качества «трудное» и «сложное», но необходимое для достижения подлинного мастерства.

За последние годы в технической подготовке наметилось немало новых тенденций прямо-таки революционного характера. Суть их не только в изучении и совершенствовании техники широким фронтом, но и в первостепенном внимании к «трудному» и «сложному» на всем пути технического совершенствования, начиная с периода становления школы техники. При таком подходе создаются самые благоприятные условия и для решения очень важной общей задачи всей системы тренировки — органической связи технической подготовки и специальной физической (то, что сложно, требует обычно более высокого развития физических качеств и поэтому само по себе становится одним из важных средств их развития).

Представляете себе положение тренера, осмелившегося лет десять назад начинать обучение девочек с ударов с лёта. «Что же это творится? Высшей математике учат без знаний арифметики»,— раздался бы тревожный осуждающий голос тех, кто привык к застывше-традиционному. А ведь теперь подобное начинает восприниматься как нечто естественное.

В методике не надо бояться новшеств! Уж очень много в ней было консервативного, тормозящего освоение активной, разнообразной атлети-

ческой игры. Особенно это касалось начального этапа технической подготовки (первые 3—4 года занятий). Этот этап фактически был оторван от задач большого тенниса, не воплощал передовых тенденций развития техники и тактики. Ориентация на совсем ограниченный круг изучаемых технических приемов, удары с места вместо ударов в движении, удары по снижающемуся мячу вместо ударов по мячу восходящему, статическая подача вместо динамичной, удары главным образом в облегченных условиях, а не в разнообразных — вот отдельные примеры опасных упрощений. Когда же в дальнейшем, при переходе к этапу совершенствования, ставилась задача играть активно и разнообразно, то возникала закономерная реакция несовместимости. Лишенная передовых тенденций, бедная техника никак не увязывалась с передовыми тактическими установками.

А ведь уже к 13—14 годам можно научиться хорошо «летать» — овладеть в принципе всем разнообразным арсеналом приемов техники и активно, творчески играть. Это подтверждает отечественный опыт тех специалистов, кто решительно стал обучать малышей технике широким фронтом, начальную школу техники подчинил идеям «высшего пилотажа», первостепенное внимание стал обращать на «трудное» и «сложное».

Как увязать все эти советы с требованиями высокой стабильности техники, ведь чем разнообразнее, вариативнее техника, тем труднее сделать ее стабильной? Ответим вопросом на вопрос: с каких это пор в трудном нужно всегда видеть обязательно и нецелесообразное?

Путь к высокому мастерству в теннисе длителен и тяжел. Одно из хороших напутствий на этом пути можно выразить словами известной поговорки: «Поспешишь — людей насмешишь». А спешка как раз нередко и сводится к стабилизации очень ограниченного круга ударов, на которых спортсмен «едет» всю свою спортивную жизнь.

А может быть, идти по пути золотой середины и все же заранее отказаться от некоторых вариантов ударов? Есть же довольно сильные советские и зарубежные теннисисты, имеющие в своем арсенале неполный комплект всех современных ударов.

Можно найти немало доводов в пользу либерализации требований к технической подготовке. Но все они не что иное, как устарелые взгляды любителей обходить острые углы или пасующих перед трудностями. Стабильность техники нельзя рассматривать изолированно от предъявляемых к технике тактических требований. Всегда нужно ориентироваться на такую стабильность, которая дает высокую тактическую эффективность. И опыт того же Лейвера подтверждает, что задача эта вполне реальная, хотя и очень трудная.

Возьмите за правило к каждому варианту удара подходить не изолированно, а как к одной из частей единого целого. Например, ваша задача овладеть плоской, крученой и резаной подачами. Но каждую из этих подач можно выполнять уже с первых движений по-разному. Допустим, вы заметите, что для крученой подачи гораздо удобнее подбрасывать мяч значительно левее, чем для плоской (и это, действительно, так). Тогда вы можете решить: буду подавать таким образом. Но к чему в итоге приведет путь использования разных вариантов подбрасывания мяча при каждой из подач? Соперник по особенностям движений уже заранее будет знать, какая из подач последует, и эффективность подачи в целом заметно снизится. Поэтому не случайно в мировом теннисе

наметилась явная тенденция всегда применять один и тот же как бы оптимально средний подброс мяча. В этом случае навык подачи можно назвать строенным, но имеющим одно начало и три различных завершающих варианта ударных движений. И совершенствовать все эти варианты целесообразно параллельно, все время помня об их взаимозависимости и подчиненности тактическому требованию неожиданности. Сказанное, конечно, не исключает необходимости в тренировках акцентировать внимание на оттачивании то одного, то другого менее удающегося в данный момент варианта. Но и в этих случаях надо время от времени проверять, как шлифуемый вариант увязывается с другими.

Нередки случаи, когда теннисисты, увлекшись кропотливой и длительной работой только над каким-либо одним вариантом удара, вдруг совершенно неожиданно замечают через некоторое время, что другие варианты у них разлаживаются. Поделюсь с вами своим печальным опытом. В конце 40-х годов к нам впервые приехали сильнейшие теннисисты Югославии, которые в то время довольно высоко котировались на европейской теннисной арене. Мне довелось участвовать в матчах с ними, и своей первой сильной плоской подачей я выиграл немало очков. Гости похвалили меня за первую подачу и отметили существенные недостатки второй. Я решил освоить в качестве второй крученую подачу и настолько увлекся этим новым для меня ударом, что о своем «коньке» — первой плоской подаче — перестал и думать. Мне казалось, что уж «конек»-то меня никогда не подведет.

Плоскую подачу я использовал, только когда играл со счетом, а над крученой работал исключительно упорно: и имитировал удар перед зеркалом, и специально отрабатывал подброс мяча, и ежедневно подавал через сетку не меньше двухсот раз без всякой игры. Но именно в этом моем одностороннем упорстве таились большие неприятности. Через некоторое время я стал замечать, что в моем коронном оружии что-то не ладится, точность удара явно снизилась. И все же я вначале не придал этому большого значения: закреплю, мол, крученую подачу, тогда возвращусь к плоской. Когда же я спохватился, было уже поздно. Попытки объединить две разные подачи, восстановить свое коронное оружие так и не дали результата. Правда, успех в использовании крученой подачи был налицо. Но эффективность подачи в целом явно снизилась. Коронное оружие перестало быть коронным. А пойди я путем параллельного совершенствования двух разновидностей ударов, видимо, результат оказался бы другим.

Путь широкого и параллельного совершенствования приемов техники с периодическим акцентом на часть из них без нарушений их взаимосвязей — одно из главных условий вариативной стабильности. Именно этот путь позволяет избежать в технической подготовке то, что можно выразить словами поговорки: «Хвост вытащишь — нос увязнет».

Говорят, что человек должен уметь наблюдать за собой как бы со стороны. Применительно к оценке собственной техники эта мысль просто находка, ведь со стороны — это значит глазами соперника.

На моей памяти один спор, касающийся этого вопроса.

«В конце концов, не столь важно, как по движениям выполнять удар,— утверждал один из спорщиков.— Если теннисист точно попадает в намеченное место площадки, значит, у него хорошая техника».

Другой специалист тоже отдавал дань точности, как одной из главных особенностей самой техники, но упрекал первого в одностороннем подходе:

«Допустим, я точно попадаю в намеченное место площадки. Но как воспринимает мои движения соперник? Может быть, они совсем демаскированы, и поэтому соперник свободно их расшифровывает и предугадывает мои замыслы. А если это так, то тогда эффект точности удара во много раз уменьшается».

Я думаю вы со мной согласитесь, что прав был второй специалист. Поэтому приучайте себя к систематическому контролю за собственными движениями с точки зрения их способности засекречивать ваши намерения. А для этого надо научиться смотреть на себя как бы глазами соперника.

«Адрес» удара точный, но сопернику заранее неизвестный — вот одно из главных правил игры. Исходя из него специально формируйте умение обманывать соперника. Например, иногда специально старайтесь выполнять удары так, будто вы сначала хотите показать сопернику, что бьете в одну сторону, а в последний момент ударите в другую.

Я как-то присутствовал на занятиях одного из наших лучших детских тренеров ленинградца П. Майданского, и мне запомнился один игровой эпизод и реакция на него тренера. На площадке с азартом сражались два мальчугана. Один из них сыграл у сетки довольно коротко. И тогда второй, стремительно бросившись на мяч, сильно послал его мимо растерявшегося «сеточника». На лице удачливого мальчугана промелькнула улыбка. Он бросил взгляд на тренера, видимо, ожидая похвалы. Но тренер... нахмурился.

— Плохо! В твоем ударе отсутствовала хитрость. Такой прямолинейной игрой ты, когда вырастешь, не победишь сильных соперников. Надо было сначала сделать вид, что ты готовишься сыграть косым ударом влево, а потом неожиданно направить мяч в другую сторону.

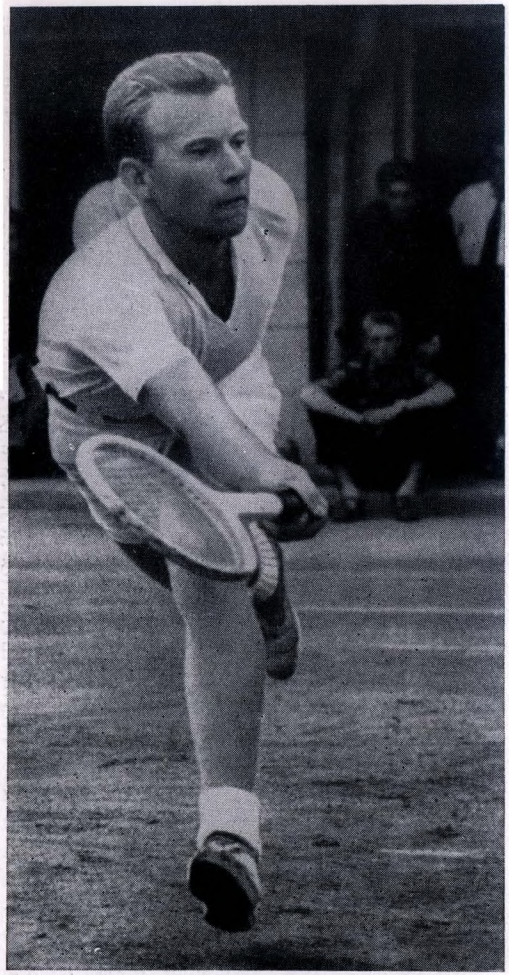
Этот заключительный пример я привел с целью еще и еще раз подчеркнуть, что тонкая вариативность движений, подчиненная тактической хитрости, должна совершенствоваться начиная с детского возраста.

Способность выполнять удары в трудных условиях, строгая экономичность ударов

Из глубины веков дошли до нас слова о том, что трудности — пробный камень человеческого характера. А что может быть эффективнее для оценки подготовленности теннисиста, как ни действия в трудных игровых условиях! В простых условиях успешно сыграет каждый мало-мальски научившийся держать ракету, а вот в сложных — только признанный виртуоз.

Чем сильнее соперник, тем чаще он ставит вас в трудные условия. И в них сразу выясняется, на что вы способны. А способным надо быть на очень и очень многое, относящееся к категории «высшего пилотажа»: свободно выполнять удары и в спринтерских рывках вблизи задней линии, и в молниеносных бросках и прыжках у сетки при ответе на острую низкую обводку; «гасить» коварную свечу в высоких прыжках; отбегая от сетки, отражать мяч предельно короткими, как бы блокированными движениями в условиях острого игрового цейтнота.

Все эти удары доступны только подлинному атлету. В них соединены намертво филигранная техника и отличная физическая подготовка. Попробуйте-ка уверенно применить любой из приемов «высшего пилотажа», если вы

Чемпион СССР 1961 года Р. Сивохин — один из наших лучших «сеточников». Его стихия — удары с лёта в бросках и прыжках. В этих ударах отлично сочетаются совершенная техника и хорошая атлетическая подготовка теннисиста. На фотоснимке вы видите Сивохина в роли «теннисного вратаря», бросившегося наперерез мячу

не развили до самого высокого уровня быстроту, прыгучесть, ловкость, силу, причем развили не вообще, а применительно к каждому конкретному удару. В сложных игровых условиях без этих качеств рассчитывать на успех практически невозможно.

Каждое из перечисленных качеств разнообразно по своим проявлениям в игре. К тому же эти качества, как я уже говорил в начале данного раздела, настолько тесно связаны друг с другом, что в большинстве случаев проявляются не самостоятельно, а комплексно, в самых различных сочетаниях. Поэтому я и попытаюсь разобрать их в тесной взаимосвязи.

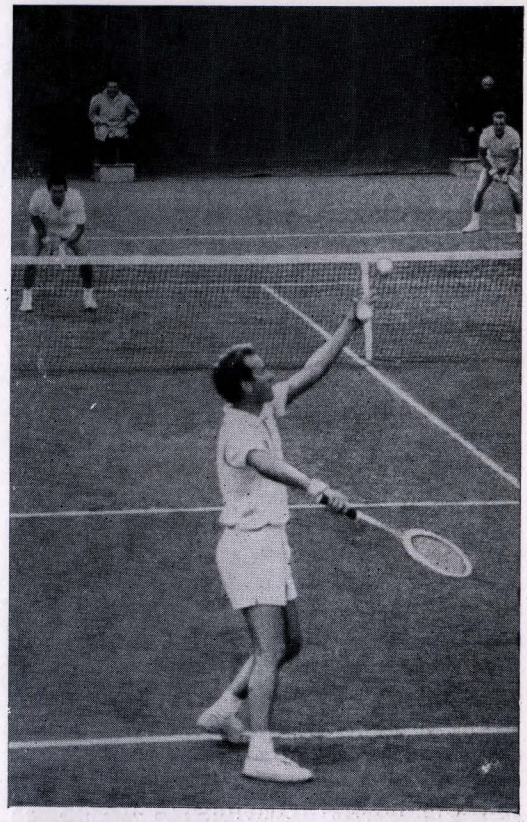
Среди других физических качеств ловкость занимает особое место. Она как бы собирательное качество, дающее другим качествам проявиться в сложной обстановке. Если говорить применительно к теннису, то ловкость проявляется в способности успешно действовать в быстро и неожиданно изменяющейся игровой обстановке, в способности именно в такой обстановке проявлять физические качества, и в первую очередь быстроту и прыгучесть. Некоторые теннисисты достаточно быстры и прыгучи. Но проявить себя такими они могут только в строго определенных стандартных условиях, когда отсутствует фактор неожиданности. Как только обстановка становится изменчивой, превращается в постоянную непостоянность, так и спортсмен оказывается не на высоте.

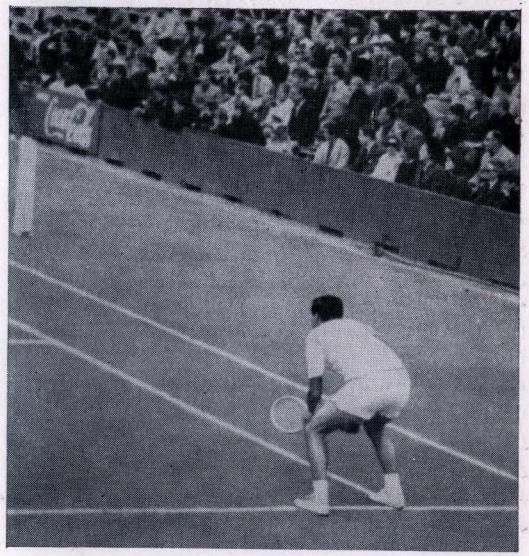
Удивительного здесь, собственно говоря, ничего нет. Просто в динамичной игре и быстрота и прыгучесть проявляются не в своем чистом виде, не изолированно, а, главным образом, через ловкость. Что такое удар над головой в высоком прыжке в момент стремительного бега от сетки при ответе на неожиданную обводящую свечу? Это прежде всего пример проявления ловкости.

В последние годы советские специалисты по теннису немало сделали в области научной разработки вопросов

физической подготовки. Однако ловкости было уделено очень мало внимания. Главная причина этого — сложность изучения данного качества, отсутствие хорошо разработанных методов его точной объективной оценки. Но эта фраза должна звучать скорее не оправданием, а серьезным упреком. Ибо как бы ни была ловкость трудна для изучения и развития, в теннисе она имеет первостепенное значение, особенно во время действий в сложной игровой обстановке. В настоящее же время как никогда остро стоит вопрос о развитии ловкости у наших теннисистов до высшего уровня. В этом одна из главных перспектив роста спортивного мастерства, и в первую очередь улучшения игры у сетки.

Разберем действия теннисиста у сетки с точки зрения особенностей проявления в них физических качеств и требований к главным элементам движений. Представьте себе, что вы внимательно наблюдаете за игрой хорошего «сеточника». Вот он покинул позицию у задней линии и устремился вперед. Еще мгновение — и соперник произведет обводящий удар. Обратите внимание на пружинисто согнутые ноги «сеточника». Они напоминают упругие

Наивысшая готовность! Как часто именно от нее зависит возможность отразить пушечную подачу соперника или ответить на обводящий удар у сетки. Общепризнанным мастером приема сильнейших подач считается австралиец Р. Эмерсон, не один раз возглавлявший мировую десятку. На фото внизу он находится в исходном положении перед приемом подачи и напоминает готовую к мгновенному распрямлению пружину. А вот на фото вверху Эмерсон запечатлен уже в другой роли — роли партнера игрока, принимающего подачу (подает многократный победитель Уимблдонского турнира в парных соревнованиях К. Флетчер, принимает подачу Ф. Столле). И снова в положении Эмерсона, так же как и в положении Столле, заметна наивысшая готовность

пружины, готовые вытолкнуть его в любую сторону. Во всей динамичной позе игрока проглядывает наивысшая готовность к быстрым ответным действиям. Даже одна фотография, запечатлевшая в этот момент лицо «сеточника» крупным планом, скажет о многом. В выражении лица — величайшая сосредоточенность, обостренность внимания. Глаза расширились, будто теннисист захотел посмотреть на соперника через сильные увеличительные стекла.

Однако все это лишь внешнее проявление состояния наивысшей готовности. А что делается «внутри» теннисиста? Там идет, если выражаться строгим научным языком, сложнейший процесс приема и переработки информации. Мозг теннисиста работает как быстродействующая электронно-счетная машина. Проникновенно вчитаться в движения соперника и расшифровать их, как можно раньше определить особенности подготавливаемого удара и тем самым выиграть драгоценнейшие сотые доли секунды — задача, прямо скажем, не легкая.

Сотые доли секунды! Именно за них идет борьба. Исследования с помощью точных электронных приборов показывают, что от этих мельчайших частиц времени зависит нередко возможность парирования удара соперника. Да и разница в быстроте реакции у выдающихся «сеточников» и просто хороших игроков именно и состоит в сотых долях секунд.

Что же должен расшифровывать «сеточник» в первую очередь? На что он прежде всего должен быстро реагировать?

Направление и сила задуманного соперником удара, особенности вращения мяча — вот характеристика удара, имеющая первостепенное в этот момент значение. Безусловно, все эти характеристики воспринимаются комплексно. И все же главное для быстрого реагирования — направление удара соперника (имеется в виду, что обводящий удар достаточно сильный, а если соперник выполнит его мягко, то тогда вопрос очень быстрого реагирования не будет стоять так остро). Таким образом, быстрое реагирование связано в первую очередь с ответом на вопрос, куда направлен мяч.

Теперь очень важно определить возможные варианты ответов соперника по направлению удара, которые требуют такого реагирования. Их не так уж много. Всего — три: это низкие удары вправо или влево и свеча. Удар по центру в данной игровой ситуации можно не учитывать, так как он не требует очень быстрых перемещений к мячу и сравнительно нетруден по особенности подготовки. Поэтому «сеточник» перед каждым своим ударом должен, образно выражаясь, решать уравнение с тремя неизвестными. Здесь мы и подошли вплотную к одной из главных особенностей двигательной реакции теннисиста. Предварительно напомню читателю, что реакции принято разделять на простые и сложные. Первые всегда связаны с одним и тем же ответом на один, заранее известный, сигнал — раздражитель. Ее примером может служить реакция легкоатлета-спринтера. Он всегда стартует только вперед и по стандартному сигналу — выстрелу из пистолета.

У теннисиста же задача куда более трудная. Ему не известно заранее, какой из сигналов последует и какой будет его двигательный ответ. Такая реакция называется сложной. Если же степень сложности реакции условно определять по числу возможных сигналов-раздражителей, то реакция «сеточника» преимущественно трехсложная.

И вот что интересно: такая реакция характерна и для большинства других

игровых ситуаций, а не только когда «сеточник» противостоит игроку у задней линии. Поставьте себя в положение принимающего подачу или одного из игроков, когда он и его соперник заняли позицию у сетки. И здесь ваша двигательная реакция связана с ответами прежде всего на три возможных удара соперника: вправо, влево или прямо на вас. А если вы в роли обороняющегося у задней линии, когда соперник захватил позицию у сетки? И здесь нужно готовить себя к отражению трех «ходов»: ударов вправо, влево и совсем вблизи сетки.

На вывод о преимущественно трехсложной реакции теннисиста обратите особое внимание. Его подтверждает и эксперимент, специально поставленный для изучения реакций теннисиста. «Подопытные» теннисисты были разбиты на три группы: члены сборной команды СССР, теннисисты среднего уровня подготовленности и начинающие. Полученные характеристики реакций теннисистов были затем сопоставлены с соответствующими характеристиками реакций у представителей так называемых циклических видов спорта, в частности у бегунов.

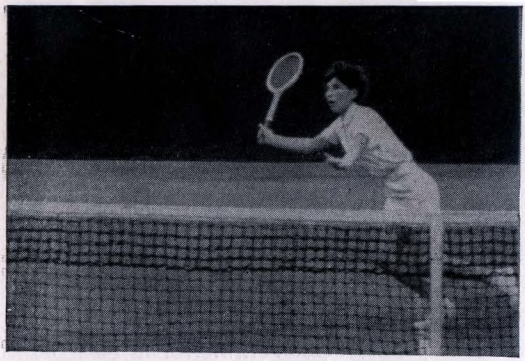
Эксперимент проходил в лабораторных условиях. Перед испытуемым находилось пять разноцветных лампочек, каждая из которых могла загораться по команде экспериментатора. Как только лампочка загоралась, испытуемый должен был нажать пальцем на одну из пяти кнопок того же цвета, что и лампочка. Прибор фиксировал с точностью до тысячных долей секунды время от момента вспыхивания лампочки до нажатия кнопки, и по нему оценивалась быстрота реакции (лампочки были расположены в том же порядке, что и кнопки). Каждый из пяти пальцев руки заранее касался одной из кнопок, чтобы свести к минимуму время для выполнения «нажательного» движения и таким образом получить более точное время реакции.

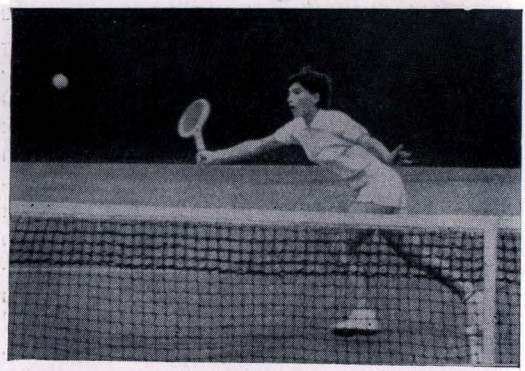
Задание постепенно усложнялось. Сначала было известно, что загорится только одна определенная лампочка, затем одна из известных трех и т. д. В результате определялась быстрота реакции — от простой до пятисложной. У начинающих теннисистов и у легкоатлетов наблюдалось очень четко выраженное замедление реакции по мере увеличения степени ее сложности. А вот у ведущих теннисистов все было иначе. Уже двухсложная реакция у них явно выделялась по своей быстроте. Когда же дело дошло до реакции трехсложной, то она по сравнению с быстротой реагирования легкоатлетов и начинающих теннисистов отличалась наибольшей разницей, приближаясь к самой быстрой из всех — простой реакции. При переходе к четырехсложным и пятисложным реакциям у ведущих теннисистов каких-либо изменений в движениях не наблюдалось.

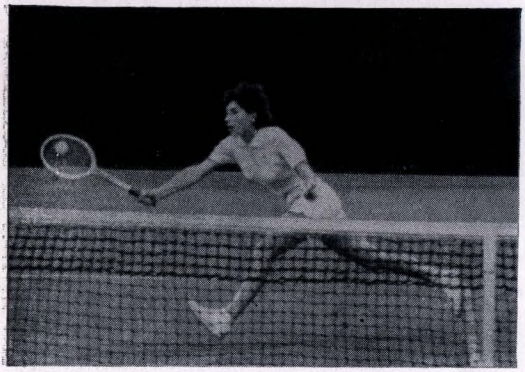
Интересно и другое. Хорошие «сеточники» имели явно лучшие показатели быстроты сложных реакций. Однако быстротой простой реакции они не выделялись по сравнению со своими соперниками.

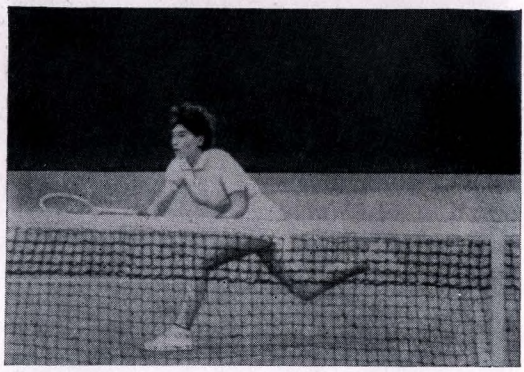
Хотя этот эксперимент и лабораторный, он вскрывает очень важные особенности реакции теннисиста, которые необходимо учитывать в системе тренировки.

Известно, что для наибольшей быстроты реагирования необходима определенная психологическая настройка, или, как принято говорить у психологов, установка. У теннисиста в ситуациях, требующих очень быстрой реакции, она должна выражаться прежде всего в психологической настроенности на отражение трех возможных по направлению ударов соперника и концентрации внимания на тех деталях его движений, которые позволяют как

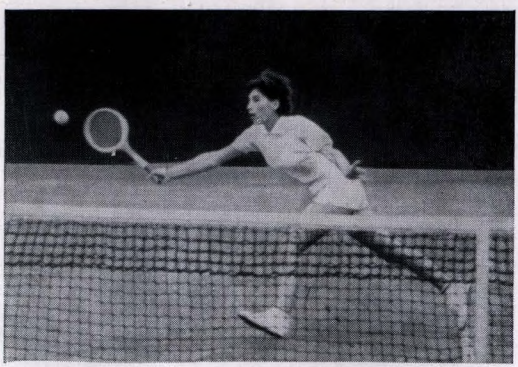
можно раньше определить направление мяча.

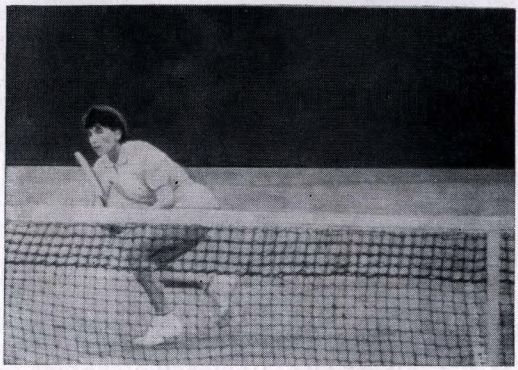
Приведу для подтверждения этого вывода данные еще одного интересного психологического эксперимента, проведенного на А. Метревели. Была поставлена задача выявить зависимость быстроты реакции от различных психологических установок при приеме «пушечной» подачи с острой и разнообразной плассировкой мяча (каждый раз мяч направлялся неожиданно в одном из трех направлений: вдоль средней линии, совсем косо, прямо в игрока). Для повышения роли быстрого реагирования эксперимент специально проводился на пластиковых площадках, от которых мяч отскакивает особенно быстро.

Точный электронный прибор фиксировал момент удара по мячу во время подачи и момент начала ответных движений у принимающего подачу. Оказалось, что реагирование было самым быстрым в тех случаях, когда установка связывалась с возможным направлением подачи (теннисист, вчитываясь в движения подающего, задавал себе вопрос: куда?).

Мы разобрали готовность к быстрым ответным действиям и особенности двигательной реакции теннисиста. Их высокие показатели — одни из первых предпосылок успешной игры в сложных условиях. Теперь перейдем к перемещениям «сеточника» и непосредственно ударным движениям.

Вообразите себя на месте «сеточника», который только что определил направление удара соперника. Ваша

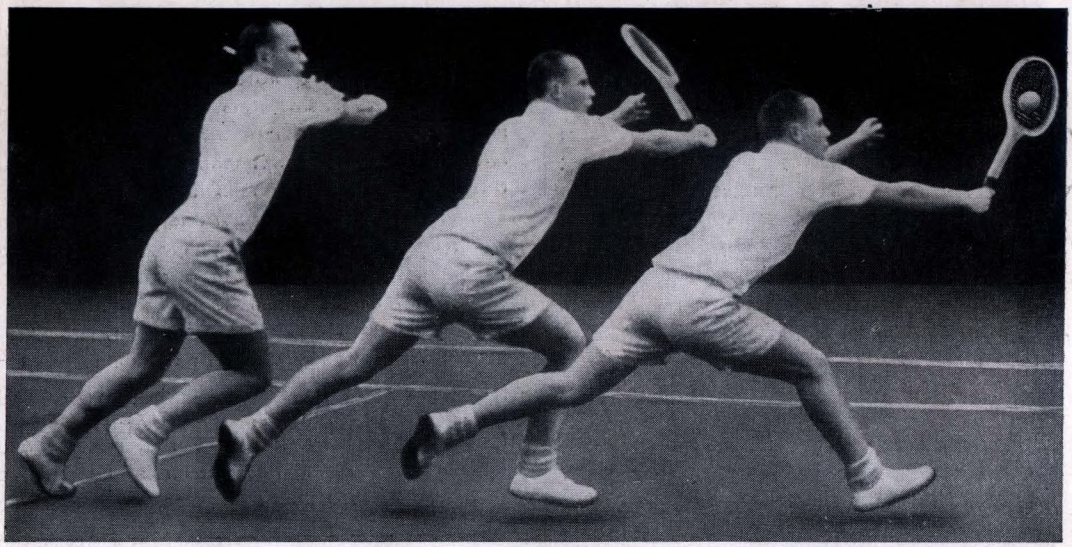
О возможностях теннисиста в игре у сетки во многом судят по так называемой досягаемости трудных мячей, которая зависит в основном от умения выполнять удары в бросках и прыжках. Такое умение характерно для чемпионки СССР О. Морозовой. Удар с лёта в броске стрелой — так можно образно назвать технический прием, продемонстрированный на кинограмме. При таком ударе очень важно пружинистое выталкивание в сторону подлетающего мяча и способность выполнять удары в сильно вытянутом в сторону положении. Обратите внимание на положение руки с ракетой на первых двух кадрах. По ним можно судить о том, что подготовительные движения были очень экономными и ракета уже при замахе была поставлена в положение готовности для удара

задача — быстро переместиться к месту предполагаемого отражения мяча и одновременно с помощью очень четких, максимально экономичных движений подготовить удар и выполнить его. Ничего лишнего! Малейшая неоправданная растянутость движений, задержка, и вы потеряете драгоценнейшие доли секунды, которых как раз и может не хватить вам для отражения мяча. Особенно важна быстрота начальных стартовых движений. Нужно быстро оттолкнуться ногами от площадки, словно от пружинного трамплина, всем телом податься в сторону передвижения и незамедлительно начать движение к мячу.

Стартовые движения могут быть нацелены или к одной из боковых линий, если обводящий удар соперника низкий, или назад (в случае применения свечи).

Сначала остановимся на первом случае. Здесь очень важно успеть не только парировать удар соперника, но и отразить мяч как можно раньше в выгодной для точного и активного удара достаточно высокой точке — впереди и в стороне от себя. А для этого надо двигаться к мячу как бы наискось — вперед и в сторону, «перерезая» линию его полета. Как видите, и в данной ситуации не следует забывать уже знакомый нам принцип так называемого встречного удара.

И все же вы не всегда успеете выйти на линию полета мяча, даже если и сделаете несколько самых энергичных бросковых шагов. Тогда единственным спасением будет далекий энергичный прыжок. Тут-то и понадобится специальная прыгучесть, которую можно назвать вратарской, так как для нее характерен не только мощный взрывной толчок, но и умение вытянуться стрелой в направлении приближающегося мяча. То есть теннисисту надо время от времени упо-

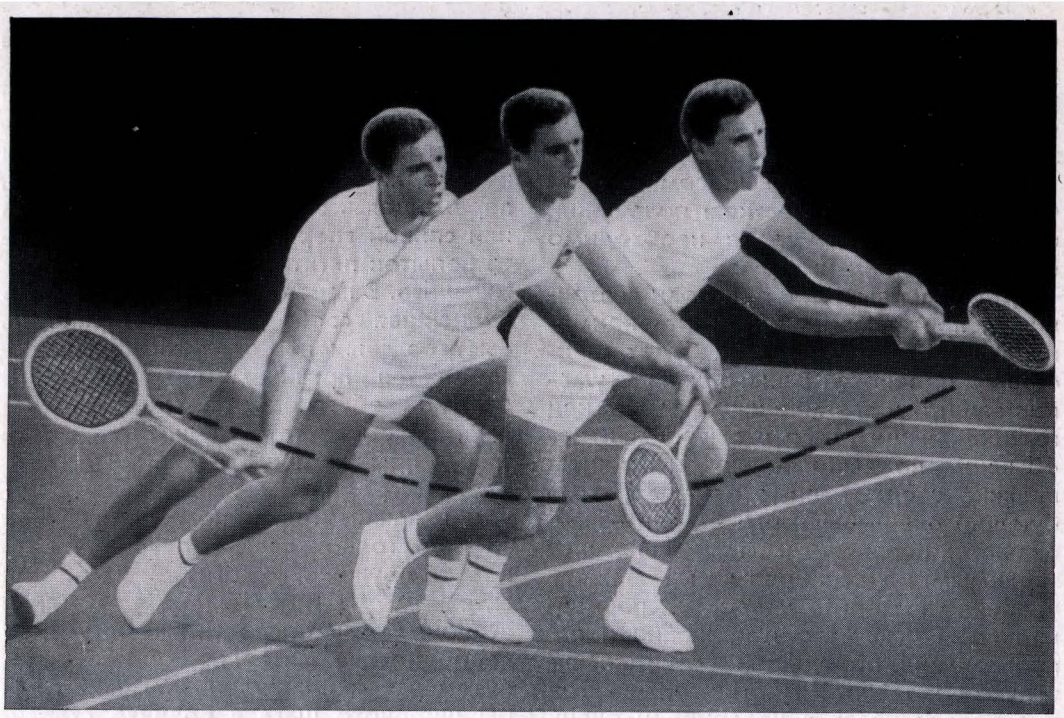
Теннисист должен выходить к сетке с самыми решительными намерениями при первой же возможности «убить» мяч. Многое здесь зависит от привычных особенностей подготовки и выполнения ударов с лёта, от передвижения теннисиста по площадке. Отразить мяч как можно раньше, в более высокой точке перед собой и в движении вперед,— такова задача «сеточника». Проанализируйте внимательно движения теннисиста Я. Юшки на фотомонтаже, демонстрирующем удар с лёта в стремительном далеком броске, и вы увидите, что теннисист выполнил эту задачу. Характерно и очень четкое ударное движение. Перед началом выноса вперед ракета поставлена в положение готовности, а в дальнейшем ее перемещение вперед нацелено строго на мяч и в движении соединены перемещение вперед туловища и «всей руки» с ракетой, выпрямление руки в локтевом суставе

добляться футбольному вратарю, «вытаскивающему» в невероятном прыжке мяч из нижнего угла ворот или «девятки».

Правда, в футболе вратарь может позволить себе упасть с мячом, ибо повторный удар не грозит ему. А вот теннисисту необходимо быстро приземляться на пружинистые ноги и незамедлительно занимать положение готовности для следующего удара. Ведь не исключено, что «убить» мяч сразу не удастся и тогда соперник попытает счастья повторной обводкой. И в этом случае может понадобиться повторный прыжок, но уже в другую сторону.

Иногда теннисисты не прибегают к прыжкам, а ограничиваются далеким выпадом. Но это не общепринятый гимнастический выпад с пружинистым движением ногами вниз. Теннисисты выполняют «выпады стрелой», напоминающие «прыжки стрелой» в сторону. Не случайно именно такие выпады включены в комплекс упражнений, рекомендуемых теннисисту.

Подготовительные движения руки с ракетой и туловища должны быть четкими и максимально экономными. Замах короткий с движением рукой в сторону и даже немного вперед (а не далеко назад, как при большинстве ударов с задней линии). В условиях крайнего игрового цейтнота движение «всей руки» может идти прямо на-

«Запретной зоной» для ударов с лёта считается пространство у линии подачи. И все же ряд ударов теннисист вынужден производить именно здесь, например, при выходах к сетке с подачи или после приема подачи с продвижением вперед. Некоторые удары можно назвать «связующими», они находятся как бы на стыке ударов у задней линии и у сетки. Немедленно выиграть очко такими ударами — очень трудно. Во многих случаях их приходится выполнять в сложных условиях с расчетом на дальнейшее развертывание игровых событий вблизи сетки. Для благоприятного развертывания этих событий «сеточнику» необходимо отражать мяч очень точно, как правило, «длинно» и так, чтобы мяч не имел высокого отскока. Лишь тогда теннисист не предоставит сопернику возможность легкой обводки. Но поскольку удар выполняется на полпути к сетке, опытный соперник часто вынуждает «сеточника» играть в низкой точке. Фотомонтаж как раз и демонстрирует удар в такой точке. Прежде всего зафиксируйте внимание на «работе» ног теннисиста (А. Метревели). Мягким далеким выпадом в направлении удара теннисист «подает» себя вперед и отражает мяч далеко перед туловищем. Движение ног по ходу удара помогает ему в дальнейшем свободно продолжить выход к сетке. Мяч отражается с небольшой подрезкой, которая позволяет направить его низко над сеткой

встречу мячу, но предплечье и кисть все же в это время делают короткое движение в одну из сторон или на себя.

Особое внимание обращайте на положение ракеты в начале замаха. Она должна стремиться в положение готовности для удара, словно «сеточник» хочет сразу преградить путь мячу. Избегайте размашистых вычурных движений, замедляющих и осложняющих выполнение удара.

Очень большое значение при ударах с лёта, и прежде всего в сложных игровых условиях, имеет умение быстро и очень точно управлять ракетой

с помощью движений предплечья и кисти. Особенно оно необходимо в игровых ситуациях, когда у сетки сходятся оба соперника. Здесь главное оружие — так называемые блокированные удары с быстрым выносом ракеты сразу на мяч при жестком положении кисти. Для таких ударов необходимо иметь очень сильные руки.

Когда вы выступаете в роли «сеточника», против вас может быть применена и свеча. Тогда успех будет зависеть от прочности вашего тыла — умения защитить его мощным ударом над головой, чаще всего в высоком и необычном по выполнению энергичном прыжке вверх. Если этот удар, требующий очень быстрого отхода назад, окажется ненадежным, то и тыл станет уязвимым, и тогда вряд ли вы сможете уверенно выходить к сетке. В последние годы искусство исполнения и использования обводящей свечи значительно возросло. У многих теннисистов она превратилась в коварное и очень грозное оружие обводки. Особенно это касается крученой свечи с ее быстрым дугообразным полетом мяча, замаскированной по особенностям подготовительных движений под сильный низкий подкрученный удар. Свеча же, все достоинство которой заключается лишь в высоком полете мяча, теперь не пугает «сеточников»-атлетов, обладающих мощным ударом над головой.

Противостоять же точной обводящей свече, примененной неожиданно как по выбору игрового момента, так и по исполнению, дело, прямо скажем, не легкое. И здесь необходимы в принципе все те же качества, что и при ответе на низкий острый обводящий удар у сетки: быстрая реакция, молниеносное передвижение, особенно на стартовом отрезке, четкие экономичные подготовительные движения рукой с ракетой, умение произвести «прыжок стрелой» в вытянутом положении вверх-назад.

Как только вы определите, что мяч направлен соперником вверх, делайте энергичный шаг правой ногой назад и незамедлительно отбегайте от сетки, перемещаясь скрестным шагом боком или спиной вперед. При этом избегайте попыток пятиться назад сильно прогнувшись. В передвижении должна быть полнейшая свобода и естественность. Быстрое движение от сетки обычно завершается прыжком вверх-назад. В сложной обстановке — это единственный способ достать трудный мяч. Для такого прыжка необходима прыгучесть особого рода, так как движение от сетки начинается боком или спиной вперед. Толчок всегда осуществляйте правой пружинисто согнутой ногой при активном разгибательном движении стопой. Сразу после толчка эту ногу свободно выносите вперед и в вытянутом вверх положении в момент как бы широкого шага в воздухе старайтесь достать мяч.

Движения туловища и руки с ракетой должны способствовать быстрому передвижению и свободному выполнению прыжка. По мере отхода от сетки туловище подавайте назад и немного поворачивайте его направо, руку с ракетой сразу отводите вверх-назад и при окончании замаха ставьте ракету в положение готовности для мощного удара. Выносить ракету на мяч старайтесь как бы издалека из довольно высокого положения, и все ударное движение проводите быстро, мощно, при раскрепощенном и активно участвующем в ударе туловище. Не делайте одной существенной и довольно широко распространенной ошибки: при замахе не опускайте сильно правое плечо и не прижимайте его к туловищу.

Итак, для успешных действий в сложной игровой обстановке в первую

очередь необходимы: готовность к таким действиям (готовность позы и соответствующая психологическая установка); быстрая преимущественно трехсложная реакция; быстрота, прыгучесть и ловкость во время разнообразных перемещений, в том числе и во время разнообразных прыжков; строгая экономичность подготовительных движений при ударах; умение быстро управлять ракетой с помощью движений предплечья и кисти.

Как видите, одно только это перечисление уже свидетельствует о необходимости самого широкого и глубокого методического подхода к вопросам совершенствования техники игры в сложных условиях и специальной физической подготовки к ней. Быстрота, ловкость и прыгучесть, если так можно выразиться, наиболее трудно и рано воспитуемые физические качества. Нельзя рассчитывать на их высокое развитие, если упущены для этого детские и юношеские годы.

Поэтому тренировке, непосредственно связанной с действиями в сложных игровых условиях, всегда уделяйте первостепенное внимание. Если вы замечаете, что эти действия удаются вам плохо, постарайтесь выявить истинные причины «болезни». Проанализируйте свои действия по элементам и выявите слабейшие из них. Может быть, к примеру, ваша исходная поза не способствует быстрому старту, или вам недостает специальной прыгучести, или ваши предплечье и кисть недостаточно сильны для быстрых блокированных ударов.

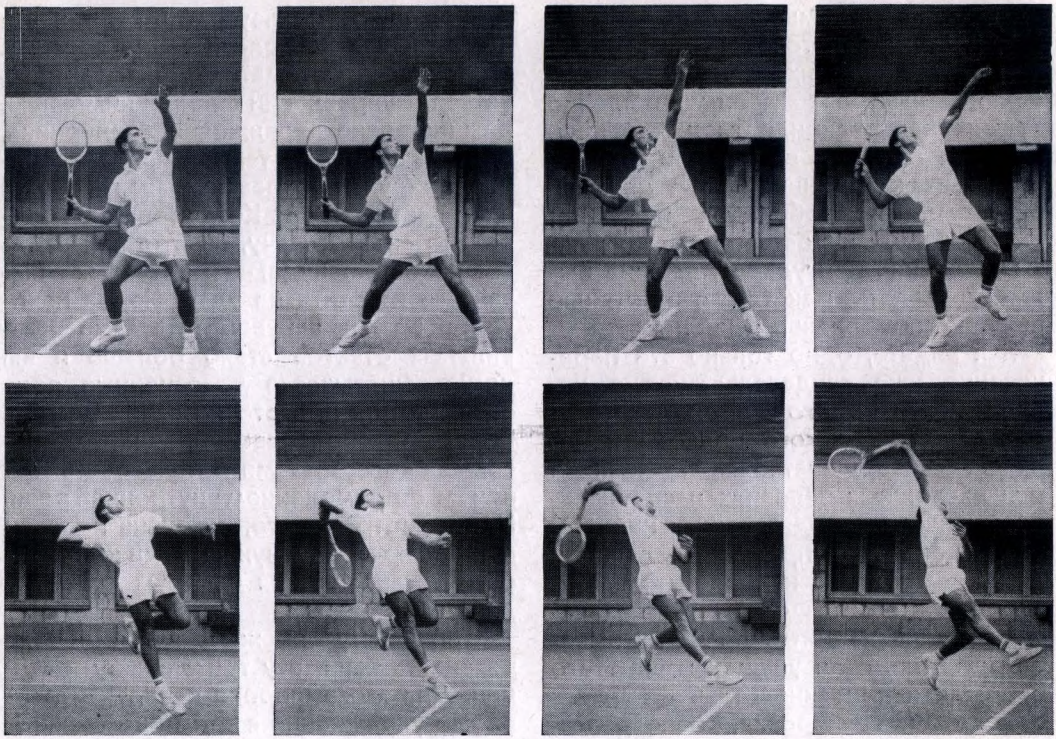
Самопроверку начинайте со стартовой позы. Установите, отвечает ли она всем требованиям готовности к быстрому старту и целесообразному началу движений при ударах. Настойчиво вырабатывайте привычку входить в эту динамическую позу в момент удара соперника.

Большую пользу могут принести специальные психологические задания. Их цель — систематически практиковаться в управлении своим вниманием, расшифровке движений соперника, определении его тактических намерений при ударах, развитии тактической наблюдательности. Когда соперник подводит ракету к мячу, быстро задавайте себе вопрос: куда? — и тотчас же пытайтесь ответить на удар. Через некоторое время вы заметите, что правильных ответов стало больше и вы легче выигрываете драгоценные доли секунды для подготовки своих ударов. Во время соревнований, конечно, невозможно все время использовать этот прием с применением внутренней речи. Но, несмотря на это, он очень полезен в формировании нужной психологической установки для быстрых ответных действий.

Теннисисту прежде всего нужно развивать быстроту трехсложной реакции. Для этого широко используйте игровые упражнения с тремя возможными неожиданными ответами соперника. Например, при совершенствовании игры у сетки очень важно, чтобы соперник использовал не только разнообразные низкие обводящие удары вправо и влево, но и обводящую свечу. Если же соперник действует у сетки, а вы у задней линии, то ему следует периодически применять как удары по углам, так и удары короткие, в том числе и укороченные.

Для многих теннисисток искусный укороченный удар соперницы напоминает нечто похожее на неотвратимое стихийное бедствие. На моей памяти целые матчи, обидно проигранные в страшнейших муках из-за неумения противостоять тактике массированного использования этого удара.

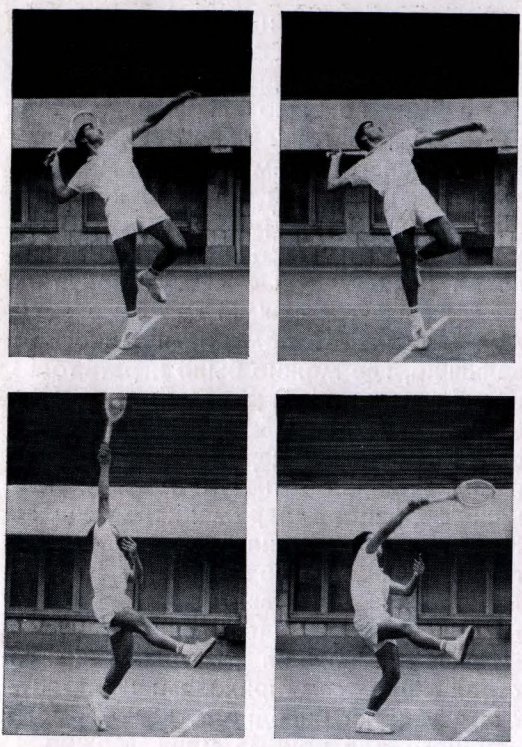
Вот почему периодическое и неожиданное использование укороченного удара как третьего варианта отве-

тов соперника во время тренировки крайне необходимо. Иначе вы не сможете выработать психологическую готовность к неожиданному применению против вас этого коварного технического приема.

В последнее время резче встал вопрос об особенностях развития нужной теннисисту реакции. Наши ведущие теннисисты заметили, что систематические игровые упражнения с проявлением только простой или двухсложной реакций отрицательно влияют на проявление трехсложной реакции. Например, игрок с явным запаздыванием начинает реагировать на неожиданную свечу, если он привыкает в тренировке у сетки почти всегда отвечать только на низкие обводящие удары. Эти наблюдения пока еще экспериментально полностью не обоснованы. Однако уже первые попытки использования различных вариантов тренировки для развития реакции дали первые предварительные подтверждения такого вывода. Во всяком случае, о первостепенном внимании к развитию трехсложной реакции можно уже сейчас говорить вполне уверенно.

Одним из главных вариантов вашей тренировки должна стать игра в условиях крайнего цейтнота, когда вы и ваш соперник располагаетесь у сетки и быстро «перестреливаетесь» разнообразными по направлению и силе ударами с лёта и полулёта. Такие условия можно создать и с помощью тренировочной стенки. Располагаться от нее надо совсем близко и направлять мяч в разные стороны, в том числе и совсем

Успех игры «сеточника» зависит от прочности его «тыла» — возможности противостоять свече соперника. Нередко только удар над головой в стремительном прыжке вверх позволяет не проиграть очко. Вглядитесь в подготовительные движения А. Метревели к такому удару. Теннисист широким свободным шагом отходит от сетки и вместе с подачей туловища назад ведет руку с ракетой высоко вверх и назад (не прижимая ее к себе, как это ошибочно делают некоторые теннисисты). Положение Метревели на третьем кадре можно назвать «предтолчковым». Оно в значительной мере напоминает толкателя ядра перед толчковым движением. Теннисист готов к мощному толчку и к мощному удару. В толчке активно участвуют стопа, голень и бедро правой ноги. Примечательно, что Метревели при завершении толчка особенно активно действует стопой. Это дает ему возможность вытолкнуть себя далеко назад-вверх. Присмотритесь также к ударному движению и участию в нем туловища. Ракета выносится на мяч как бы издалека по широкой дуге, а туловище, находясь в сложном безопорном положении, разворачивается в направлении удара и тем самым помогает его усилить

косо, чтобы вынуждать себя делать для приема трудного мяча бросок или прыжок. Постепенно нужно сокращать расстояние до стенки и доводить его до 1,5—2,0 м. В этом случае вы сможете в полной мере оценить значение экономичности движений, умения быстро управлять ракетой с помощью предплечья и кисти.

Отличным партнером по тренировке может стать не только обычная гладкая тренировочная стенка, но и «стенка-обманщик», поверхность которой имеет многочисленные выпуклости и отскок мяча от которой угадать очень трудно.

Когда речь заходит о ловкости и прыгучести, мне всегда вспоминаются три теннисиста — наши соотечественники А. Вельц и З. Зикмунд и австриец А. Хубер.

С Вельцем мне довелось скрестить оружие в юности, когда я впервые выступал в личном первенстве СССР. Спортсмен просто ошеломил меня своей неуязвимостью у сетки. Вот кажется, ты уже выиграл очко: мяч достать практически невозможно. Ан нет! В каком-то невероятном прыжке, вытянувшись как струна, Вельц отбивает мяч. Я ушел с площадки побежденным, но зачарованным его оригинальной игрой. Каково же было мое удивление, когда я в раздевалке узнал секрет «летучести» Вельца.

«Так он же отличный футбольный вратарь!» — оборвал мой восторженный рассказ о только что закончившемся матче З. Зикмунд. Кто-кто а Зикмунд, исключительно разносторонний спортсмен, мог по достоинству оценить мастерство моего победителя

(в последующие годы Зикмунд не только стал многократным чемпионом СССР в паре с Озеровым, но и выступал за сборную команду страны по хоккею с шайбой).

Знакомство же с австрийцем Хубером произошло у меня при совсем других обстоятельствах. Старожилы Уимблдона в наш первый приезд в Англию предупреждали нас: «Смотрите, не пропустите игры «короля воздуха» Хубера». На этот раз я уже заранее знал, что второе увлечение Хубера — хоккей с шайбой и что он защищает ворота сборной команды своей страны. И все же то, что я увидел на площадке, превзошло все мои ожидания. Теннисист брал мячи у сетки буквально во вратарских прыжках. Он нередко падал, тут же мгновенно вскакивал и успевал броситься в противоположную сторону. В дальнейшем с игрой этого оригинального теннисиста познакомился широкий круг наших любителей тенниса. Австриец выступал в Московском международном турнире и стал его победителем.

А что если хотя бы «частицей» вратарских качеств вооружать теннисистов еще в детском возрасте? Эффект получился бы поразительным. Только представьте себе девочку, с акробатической ловкостью, свободно делающую далекие прыжки у сетки. Вот из кого можно было бы подготовить отъявленную «сеточницу».

Вратарские и прыжковые акробатические упражнения, я уверен, могут принести теннисисту большую пользу. Сейчас предпринимаются попытки широко внедрить эти упражнения в занятия с юными спортсменами. Даже эпизодическое использование в свое время вратарских и акробатических упражнений, в том числе на батуте, принесло немалую пользу А. Дмитриевой и В. Короткову.

Примечателен и опыт Р. Сивохина — чемпиона СССР 1961 года. Ему не повезло. В его родном городе Ростове-на-Дону не было закрытых кортов. Но нет, говорят, худа без добра. Сивохин с фанатическим упорством занимался физической подготовкой, использовал разнообразные прыжковые упражнения и с успехом совершенствовал даже удары с лёта и полулёта в сложных условиях. И где бы вы думали? В маленьком гимнастическом зальчике, где можно было играть только вблизи сетки. В результате он стал одним из сильнейших «сеточников» страны, а его удар над головой в прыжке можно отнести к числу лучших образцов современной техники. Но не поймите меня односторонне: я вовсе не призываю развивать группу «вратарских качеств» только средствами физической подготовки. Не менее важны упражнения на площадке со строжайшим самоприказом: не пропускать у сетки ни одного, даже самого трудного для приема мяча. Можно, в конце концов, не суметь отразить мяч, но не сделать попытки к его отражению — это ни больше, ни меньше как величайший грех. Один раз попытка не удается, другой, третий... Но пройдет время, и, глядишь, то, что было раньше недоступным, как-то совершенно неожиданно начнет удаваться.

И наконец, заключительный совет: чаще тренируйтесь в трудных игровых условиях, вынуждающих вас действовать быстро, ловко, находчиво. Не считайте лучшей тренировкой игру с партнером-«автоматом», единственное достоинство которого в том, что он однообразно как машина может вам посылать мячи под нужный удар. Неожиданность за неожиданностью, быстрые, точные и разнообразные ответы — вот ценнейшие качества спарринг-партнера по тренировке.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ О ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ

Вот и пришло время прощаться. Еще несколько страниц, и читатели закроют книгу. В заключение принято заглядывать в будущее, говорить о том главном, что необходимо для успешного продвижения вперед. Не изменю этой хорошей традиции и я.

Каким станет теннис будущего, по какому пути пойдет совершенствование игры?

Атлетизм, дальнейшая активизация игры, увеличение запаса «психологической прочности», придание действиям ярко выраженного творческого характера, развитие универсализма в технике и тактике, повышение точности и силы ударов, более широкое использование фактора неожиданности — вот, пожалуй, основные направления развития тенниса.

Когда речь заходит о теннисе будущего, нельзя обойтись и без такого исключительно важного понятия, как стабильность. Стабильность техники психологическая стабильность, стабильность спортивной формы... Все это требует от спортсмена тонкого искусства самоуправления, сознательной регулировки своего психического состояния. И здесь снова мы не можем не выдвинуть на передний план психологическую подготовку. Я уверен, что не за горами время, когда удастся проникнуть во все ее тайны, и тогда у спортсменов откроются реальные возможности достигать «всесторонней стабильности».

Над последними страницами книги я работал вскоре после окончания первенства мира 1970 года по... футболу. Читатели, видимо, уже догадались, что я хочу провести параллели между футболом и теннисом. Да, это так!

Убедительную победу бразильцев все объясняли в первую очередь бескомпромиссной наступательной тактикой, неповторимой технической виртуозностью и способностью каждого спортсмена к оригинальной и неожиданной тактической импровизации. Много критических замечаний печати было высказано в адрес нашей команды, выступившей в Мексике довольно бледно. Специалисты в один голос утверждали: именно этих чемпионских качеств недоставало нашим футболистам, и в первую очередь виртуозного технического мастерства. Чем больше я читал об итогах футбольных баталий, тем больше общего я находил в «болезнях» футбола и тенниса.

Техническая виртуозность на уровне артистизма! Да, именно она — секрет дальнейших успехов. С каждым годом это качество будет приобретать все большее и большее значение, и без фанатической, я не боюсь использовать именно это слово, работы над техникой спортсмены не смогут рассчитывать на большие успехи.

А что же ждет наш теннис? Каковы перспективы роста мастерства советских теннисистов?

Многое здесь зависит от критериев оценки результатов, от соответствия достигнутого намеченному, трезвого анализа своих возможностей.

Один из самых распространенных и популярных в мире видов спорта и вдруг вне программы олимпийских игр. Только многолетними упорными «противостояниями» Международного олимпийского комитета и Международной федерации тенниса можно объяснить этот парадокс. «Подчинитесь нашим законам, и теннис будет включен в программу олимпийских игр»,— говорит первая организация. «У нас свои законы, и менять их мы не собираемся. Хотите нас принять в олимпийскую семью, пожалуйста, но только такими, какие мы есть»,— отвечает вторая. Конфликт между МОК и ИЛТФ начался в 1924 году, и олимпийские игры того года последние, в которых был представлен теннис. В 1968 году «лед тронулся». В программу XIX Олимпийских игр в Мексике теннис был включен на правах так называемого внезачетного вида спорта. На фотоснимке наша молодежная олимпийская команда во время парада (справа налево): А. Волков, В. Коротков, Т. Какулия, З. Янсоне, С. Белиц-Гейман (руководитель делегации). После финала соревнований Янсоне и Короткова начали величать не иначе как олимпийскими чемпионами: они стали победителями в смешанном парном разряде

Через несколько дней после Уимблдонского турнира 1970 года я встретился с Н. Н. Озеровым, чтобы посоветоваться с ним о готовящейся телевизионной передаче, посвященной теннису. Наша встреча как-то сама собой вылилась в большой разговор, который можно назвать «Прошлое, настоящее и будущее нашего тенниса». Не скрою, мы жарко спорили и наши мнения не во всем совпадали. Но в главных вопросах мы были едины.

И отдельные мысли я хочу подкрепить авторитетом Озерова. Ведь он не только выдающийся в прошлом теннисист, но и видный радиокомментатор, спортивный журналист, который может, как живой свидетель бесчисленных спортивных баталий, смотреть на наш теннис через призму богатейшего опыта мирового спорта.

Беседуя, мы все время ловили себя на том, что при оценке результатов наших теннисистов мыслили уже совершенно другими категориями, чем в годы выхода наших теннисистов на широкую мировую арену. Да, за эти годы не только изменился советский теннис, но и сильно возросли требования к результатам наших спортсменов. То, что раньше виделось большим успехом, теперь воспринимается как совершенно рядовое событие. И все чаще и чаще стала появляться неудовлетворенность, так как результаты далеко не всегда соответствуют нашим большим возможностям.

Когда А. Метревели и О. Морозова в 1970 году во второй раз вышли в финал Уимблдонского турнира в смешанном парном разряде, радовались все. Но стоило нашим теннисистам в финале проиграть в жесточайшей борьбе в решающей партии со счетом 7 : 9, как радость «смешалась» с критическими нотками, особенно когда все узнали, что на финише матча советские теннисисты трагически упустили «скрытый матчбол» в свою пользу.

В 1969 году О. Морозова вместе с американкой К. Пиджен поделила 1—2-е места в молодежной «десятке» лучших теннисисток мира и впервые вошла в число 16 сильнейших женщин Уимблдонского турнира. И все же и в этом случае справедливо сказать: это хорошо, но уже пора достигать и гораздо большего!

Лучшим матчем открытого первенства Франции 1970 года был единодушно признан поединок первой ракетки мира и победительницы этого турнира М. Смит-Корт с О. Морозовой. И не только потому, что он был крайне напряженным и в нем могла родиться сенсация, так как москвичку отделяло от победы всего-навсего два очка. Главное было в том, что обе соперницы, как писал журнал «Теннис Франции», «продемонстрировали игру модерн с мощными подачами и смешами, частыми выходами к сетке и мужскими ударами с лёта». Однако многие ли наши женщины могут играть в атлетическом, наступательном стиле? Может быть, юная надежда нашего тенниса алма-атинская школьница М. Крошина — финалистка Уимблдонского турнира девушек 1970 года, заставившая сложить оружие сильнейших теннисисток «великих теннисных держав» Австралии и Англии? Спору нет, в ее игре много достоинств, но пока еще не совсем четко вырисовываются ярко выраженные черты «сеточницы».

В сезоне 1970 года оправился, наконец, после травмы А. Метревели. Любителям тенниса, я уверен, надолго запомнится его блестящая игра в Москве против спортсменов Чехословакии в полуфинальном матче розыгрыша Кубка Дэвиса в европейской зоне. А чего стоит его убедительная победа в открытом первенстве Италии над двукратным победителем Уимблдона Л. Хоадом, тем самым австралийцем, который каких-нибудь несколько лет назад считался верхом совершенства? Однако в Уимблдоне после повторного выигрыша у одного из сильнейших игроков мира Я. Кодеша последовало обиднейшее поражение от первой ракетки Бразилии Мандарино. И разве не в праве мы ожидать от чемпиона СССР стабильных результатов?

Словом, все чаще и чаще при подведении итогов выступлений наших лучших теннисистов мы рядом со словами «могут побеждать сильнейших» обязаны ставить слово «должны».

Выше требования к результатам и качеству подготовки! Необходимость этой установки диктуется и как никогда обострившейся конкуренцией на международной арене. Превращение крупных международных турниров в так называемые турниры «опен», где встре-

чаются как любители так и профессионалы, не только до предела накалило спортивную борьбу, но и значительно снизило шансы тех, кто не подчиняется законам профессионального тенниса и не в силах фактически круглый год выступать в международных соревнованиях.

Можем ли мы в этой сложной обстановке достигать больших стабильных успехов?

Можем и должны!

А что для этого необходимо и реально возможно сделать в первую очередь?

В спортивных достижениях есть одна примечательная закономерность. Победа в открытом спортивном бою — это своего рода концовка, заключительный аккорд титанического труда на научно-методическом фронте, причем как на его теоретическом, так и практическом участках, на фронте своеобразной заочной борьбы с будущими соперниками. Не случайно говорят, какова система тренировки, таковы и результаты. Отсюда вывод: вначале необходимо победить в заочном соревновании, противопоставить спортивным конкурентам более совершенную систему подготовки, более качественную работу тренеров и спортсменов.

Мы располагаем источником, из которого можем уверенно черпать живительную влагу для дальнейшего прогресса. В качестве такого источника выступает передовая советская школа спорта, базирующаяся на подлинно научной основе. Дальнейшее развитие общих положений этой школы применительно к теннису, бесспорно, окажет значительную помощь в совершенствовании подготовки теннисистов.

Народная мудрость утверждает, что передовой подчас не тот, кто шагает впереди, а тот, кто знает дорогу. Поэтому нужно первостепенное внимание уделить совершенствованию системы подготовки спортсменов, ее научной разработке и обоснованию. В научной среде нередко говорят, что в каждой науке столько истины, сколько в ней математики. Этой меткой фразой я хочу подчеркнуть необходимость точного обоснования нашей «дороги» вперед. Мы можем и должны поднять на высокий уровень современной научной организации и управления подготовку теннисистов. В этом — залог продвижения вперед.

Система тренировки для спортсмена — это все равно что родная мать. Ведущие советские теннисисты 50—60-х годов были рождены определенной системой тренировки. Эта система передала им свои достоинства и недостатки. Чтобы следующие поколения теннисистов вырастали подготовленными лучше, способными уверенно побеждать сильнейших мира сего, нужно в первую очередь обратить внимание на мать-прародительницу и воспитательницу — систему тренировки. Только в этом случае перед советским теннисом откроются реальные возможности выиграть соревнования у сильнейших зарубежных соперников как в «заочной», так и в «очной» борьбе.

Что главное в успехе наших спортсменов на крупнейших международных соревнованиях по самым различным видам спорта?

Советский патриотизм, величайшая крепость духа! И не думайте, что эти качества должны проявляться только непосредственно в спортивной борьбе. Не меньшее значение имеют они и в будничных условиях, в процессе повседневной работы над собой. Если спортсмен не проявляет должного трудолюбия, не берет на вооружение передовые методы тренировки, безответственно относится к строгому соблюдению режима — это не рядовые недостатки, а пример отсутствия присущей

Далекая Мексика. Только что на огромном закрытом стадионе в присутствии примерно двадцати тысяч зрителей закончились товарищеские встречи с участием советских теннисистов. Но долго еще Т. Какулия и А. Волков будут раздавать автографы. Велико желание мексиканских любителей тенниса поближе посмотреть на первых посланцев Советского Союза у себя на кортах и получить от них памятный «сувенир»

советским людям целеустремленности, составляющей «частицу» патриотизма. Советский патриотизм — патриотизм действенный и как бы всеобъемлющий. Он проявляется в делах на всех участках жизни и деятельности. Нельзя быть патриотом в чем-то одном и предавать патриотизм забвению в другом. Величайшая целеустремленность спортсмена, сильная воля, стремление прославить Родину высокими спортивными достижениями — это одно из совершенно конкретных и действенных проявлений советского патриотизма.

Необходимо сказать и о другом, исключительно важном компоненте успеха. Приведу сначала такое сравнение. Современная армия отличается от старой не только более сложной и совершенной боевой техникой, вооружением. Значительно вырос и уровень общеобразовательной и специальной подготовленности солдат и офицеров. Нечто подобное происходит и в современном спорте. Современная тренировка становится, если можно так выразиться, более умной. С одной стороны, одна из ее главных задач — развить интеллект спортсмена, с другой — ее в полном объеме может взять на вооружение только спортсмен с высокоразвитым интеллектом.

Итак, советский патриотизм, воля, величайшая целеустремленность, интеллект — это то, что необходимо формировать у спортсмена в первую очередь. Будущее, я уверен, за теннисистами с золотой пробой этих ценнейших качеств.

Одна из наших главных перспектив роста — это усиление линии на атлетизм и активизацию игры. От ее осуществления зависят как спортивные результаты, так и авторитет советского тенниса на внутренней и международной аренах. Направленность тактики — это во многом лицо тенниса, мерка, по которой оценивают его настоящее и будущее.

Мне довелось побывать во многих странах, где выступали наши теннисисты. Всюду к посланцам советского спорта было приковано большое внимание, хотя они и не всегда были главными фаворитами соревнований.

Как играют представители великой страны? Насколько их игра соответствует уровню лучших мировых стандартов? Судя по многочисленным разговорам с организаторами соревнований, специалистами, представителями прессы и просто рядовыми любителями тенниса, эти вопросы были для них первостепенными. Ответы на эти вопросы во многом формировали представление о наших спортсменах, о нашем теннисе в целом.

В последнее время, к сожалению, у нас наметилось некоторое ослабление линии на атлетизм и активизацию игры. Причины здесь, как мне кажется, в увлеченности первыми успехами, в наивном расчете на то, что теперь активная атлетическая игра станет развиваться как бы по инерции, в силу наметившейся традиции. Однако практика говорит о другом: старое живуче, рецидивы, казалось бы, побежденных болезней возможны. И очень важно установке на активную атлетическую игру придать силу своеобразного неотступного закона. Спортсменов следует сурово предупредить: хочешь поступить в университет «большого» тенниса, войти в сборные команды страны, участвовать во всесоюзных и международных соревнованиях, предъяви аттестат спортивной зрелости — аттестат атлета с разнообразной активной игрой.

Будущее нашего тенниса — в успехах молодежи. Подготовке юных и нужно уделить первостепенное внимание. Прежде всего ее необходимо как бы пропитать идеями «большого» тенниса, нацелить на вооружение юных теннисистов самым современным игровым оружием. Не тратить колоссальные усилия на мучительную «подгонку» зрелых спортсменов под передовые «модели», как это имеет место довольно часто сейчас, а с самого начала учить молодых всему передовому. Не секрет, что не всякому юнцу посильно овладеть всеми чемпионскими премудростями. Здесь нужны и определенные способности, больше того — талант. И не надо бояться слова «талант»! Для высоких достижений необходимы настойчивость и систематичность в поиске юных талантов, чьи психологические и физические особенности составляют необходимые потенциальные предпосылки для больших достижений.

Мы подошли к одной из важнейших проблем высшего спортивного мастерства — проблеме отбора. Как отобрать наиболее способных к теннису ребят, в каких объективных показателях совершенствуются специфические теннисные способности — эти вопросы ждут глубокой научной разработки. Пока же мы опираемся на сложившийся опыт и нередко процессу отбора не уделяем должного внимания.

Яркий талант — это удачная находка. Но его яркий блеск быстро потуск-

неет без неиссякаемого трудолюбия. Поэтому одна из важнейших педагогических задач тренеров — научиться сплавлять талант с трудолюбием, вместе с укреплением индивидуально сильных сторон спортсмена одновременно укреплять у него волю к борьбе с недостатками.

Говоря о будущем нашего тенниса, я имел в виду лишь его научно-методический участок развития. Однако не он один определяет продвижение вперед. Огромную роль играет и улучшение материальной базы, и подготовка новых, более квалифицированных, тренеров, и повышение квалификации уже работающих специалистов, и совершенствование системы соревнований, и привлечение к работе широкого актива общественников, и многое, многое другое.

Задумайтесь хотя бы над таким примером. В 1970 году в Уимблдонских соревнованиях девушек и юношей советский теннис был представлен представителями далекой Алма-Аты М. Крошиной и В. Рудем. Их выходу на международную арену предшествовала большая работа по подъему тенниса в Казахстане: были построены новые площадки, больше стало проводиться соревнований, улучшилась работа с юными теннисистами, расширился круг тренеров. Так что выход на международную арену двух алма-атинских спортсменов — это не только результат их личной работы над собой и огромного труда их тренера-энтузиаста А. Вельца, но и результат многосторонней деятельности большого коллектива энтузиастов, вложивших свой вклад в развитие тенниса в республике.

Справедливо говорят: всякое большое дело слагается из множества маленьких. В него вносят свою лепту различные организации и коллективы, большое число людей. А разве поднять массовость советского тенниса, добиться, чтобы его представители стали сильнейшими в мире — дело не большое как по значению, так и по масштабам? Безусловно и большое, и очень важное, и очень трудное. В нем ценны усилия каждого, кто любит теннис, предан ему и готов отдать частицу своего труда для его развития.

Читателям, конечно, приходилось видеть плакаты, которым можно дать обобщенное название «вопросно-призывные». Представьте себе, что автор только что прочитанной вами книги подвел вас к одному из таких плакатов. С него смотрят на вас три теннисиста: убеленный сединой, но стройный, с жизнерадостным лицом мужчина, средних лет женщина и юноша, в облике которого явно проглядывают черты будущего атлета. «Теннису все возрасты покорны» — говорит этот плакат. Все трое как бы спрашивают: «Что ты сделал для развития советского тенниса?». Я убежден, среди читателей книги не найдется таких, кто сочтет данный вопрос для себя посторонним. И бесспорно, каждый сделает все, что в его силах.

СОДЕРЖАНИЕ

От Федерации тенниса СССР 3
Вместо предисловия 4
Искусство тенниса 7
Соперников необходимо хорошо знать 11
Впервые в Мекке зарубежного тенниса . . . . . —
Десять лет спустя 17
Окно в Европу прорублено! 30
Решение принято . . . . . —
«Белые медведи в Африке» 31
В Уимблдонском финале «красная теннисистка» 42
Поражения учат 56
Горький опыт . . . . . —
Где тонко — там и рвется 57
Всегда жди сюрпризов от соперника 60
Компромиссы с недостатками к добру не ведут 63
Нельзя уступать сопернику в главном 64
И психологическое оружие ведет к победе 67
Самое страшное — слабость характера 76
Они были первыми! 81
Из чего слагается учебник теннисных лоцманов . . . . —
Отцы и дети 82
Лед и пламень 96
«Воин из племени мучати» 122
Слабый пол становится сильнее 127
Секреты активной игры 156
Отечественная школа тактики . . . . . —
В определении — суть подхода 158
Путеводные звезды 162
Принципы ранга неотступных законов 166
Три «кита» активной игры 177
В заключение о завтрашнем дне 249

Семен Павлович Белиц-Гейман

ИСКУССТВО ТЕННИСА

Редактор **А. Комаров**
Художник **И. Жихарев**
Художественный редактор **О. Айзман**
Технические редакторы **Н. Суровцева, М. Полуян**
Корректоры **С. Замула, А. Полосова**

А10378. Сдано в производство 31/VII 1970 г. Подписано к печати 5/XI 1970 г. Бумага мелованная импортная. Формат 70 × 90¹/₁₆. Печ. л. 16.0. Усл. п. л. 18,72. Уч.-изд. л. 20,69. Бум. л. 8,0. Тираж 14 000 экз. Издат. № 4072. Цена 1 р. 63 к. Зак 1277

Издательство «Физкультура и спорт»
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, К-6, Каляевская ул., 27

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28